

Василь Яковенко

**КРУШЕННЯ
НА РОСТАНІ**

Море. 70

Васіль Якавенка

Крушэнне на ростані

Эсэ, артыкулы, гутаркі

Мінск
«Беларускі кнігазбор»
2002

УДК 821.161.3-4
ББК 84 (4 Бей) 6-4
Я 44

Якавенка В.

Я 44 Крушэнне на ростані: Эсэ, артыкулы, гутаркі / В. Якавенка. — Мн., «Беларускі кнігазбор», 2002. — 404 с.
ISBN 985-6638-70-4.

У кнігу сацыяльна актыўнага пісьменніка Васіля Якавенкі ўключаны выбраныя публіцыстычныя творы, напісаныя ім у гады пасля чарнобыльскай катастрофы. Яны прысвечаны як гэтай найвялікшай у свеце трагедыі, так і шматлікім пытанням экалогіі, маралі, этыкі, нацыянальнай культуры і духу беларускай супольнасці падчас крушэння ранейшых сваіх спадзяванняў і пераходу ў новыя варункі жыцця.

УДК 821.161.3-4
ББК 84 (4 Бей) 6-4

Кніга выдадзена па заказе грамадскай арганізацыі
Беларускі сацыяльна-экалагічны саюз «Чарнобыль»

ISBN 985-6638-70-4

© Якавенка В., 2002

АД АЎТАРА

Шаноўныя чытачы, суайчыннікі, грамадзяне! На маіх вачах у апошнія 15 год адбываліся такія грандыёзныя і дзіўныя і трагічныя падзеі, што, каб усвядоміць і асэнсаваць усё як мае быць, трэба жыць не ў адным вымярэнні. Але, паколькі я не стаяў у баку і быў захоплены ў іх кругаверць, то меў самыя непасрэдныя ўражанні — ці то ад боскага, ці д'ябальскага, ці ад чалавечага вольнага чыну.

Вядома, меркаваць чытачу, наколькі поўна, выразна, удала я адлюстравай тое, што бачыў, — факты, праявы жыцця, канфлікты ў грамадстве. Адно бясспрэчна: тут закрануты вельмі хвалюючыя і балючыя для многіх тэмы, пытанні, праблемы.

У кнігу ўключаны нарысы, артыкулы, гутаркі, эсэ, напісаныя ў розныя гады постчарнобыльскай, так бы мовіць, эпохі. Усе яны, бадай, не страцілі сваёй актуальнасці і ў літаратурна-публіцыстычным плане ўтвараюць нешта сабраанае, мазаічнае і адначасова цэласнае, аб'яднанае няўрымслівым, чуеце, духам ды аўтарскай прагай выведаць, спазнаць, адлюстраваць што-колечы. Прынамсі, так мне ўяўляецца, а хіба не?

У зборнік, апроч маіх, аўтарскіх, уключаны таксама і неаўтарскія матэрыялы — як, напрыклад, стэнаграма аднаго проста гістарычнага пасяджэння, бурапеннага, хвалючага, і, магчыма, той-сёй з вас такім фактам будзе здзіўлены. Але ж і гэткае ўключэнне, мне думаець-

ца, апраўдана, як што былі ў пісьменнікаў акцыі, грамадскія дзеянні, учынкi, у якіх аўтар браў непасрэдны ўдзел або нават іх ініцыіраваў. Нярэдка мы былі закладчыцамі агульным клопам, і як тут выдзеліць, што належыць асабіста аўтару, а што ягоным папачнікам. У такім выпадку ў кнізе атрымлівае асвятленне супольная акцыя, супольная праца.

Трохі здзіўляюся сам сабе, чаму я раней не выдаў зборнік сваёй публіцыстыкі, і цяпер мушу ладаваць пад адной вокладкай шмат матэрыялаў, аздачваючы чытача грувасткасю кнігі. Добра, калі мы з вамі знойдзем агульны інтарэс да той ці іншай тэмы, прадмета гаворкі, калі паразумеемся, калі кніга стане ў радасць вам і будзе выклікаць успамін аб нашай сустрэчы.

Яна выдаецца, як і пісалася, на дзвюх, то на рускай, то на беларускай мовах — у залежнасці ад таго, на якое выданне перш-наперш аўтар разлічваў. У канцы кнігі падаюцца кароткія звесткі пра перыядычныя або іншыя выданні, у якіх раней друкаваліся сачыненні.

Жадаю чытачам удачы і поспеху ў няпростым, значна, падарожжы па старонках гэтага зборніка.

ЧАРНОБЫЛЬСКИ СШЫТАК

У РОКОВОЙ ЧЕРТЫ

*Из выступления на пленуме правления
Союза писателей СССР 17 января 1989 года*

Послушайте, чем она дышит... Земля!..

Земля — то единственное, что стоит превыше всего, превыше наших споров, ссор, лобызаний, превыше родственных скреп с отцом, матерью; Земля — мать всех поколений, колыбель всего человечества. Как же мы должны любить ее, любить и беречь!

Земная тревога звучит в этом зале, и меня беспокоит все больше мысль о безумии гомо сапиенса, который так наследил на планете и выворачивает ее наизнанку.

Сказанное относится и к моей Батьковщине, когда-то названной Белою Русью, не богатой ни золотом, ни драгоценными камнями. Дивом дивным казалось открытие здесь тридцать лет назад крупнейшего в мире месторождения калийной соли, ведь до этого земля славилась лишь непроходимыми болотами, лесами, голубыми озерами, спокойными реками и спокойным нравом людей. Зверья всякого было — тьма-тьмущая, и птиц... В равновесии все было. И та красота живой природы наполняла своим колоритом мову, вместе с мовой воспитывала белоруса таким, каким он был и каким вы его еще знаете.

За солью калийной и каменной, к нашей радости, были открыты нефть, целебные воды, месторождения строительного сырья... Но молох быстро развивающейся промышленности тут же стал пожирать

наши леса, пашни, луга, торф, реки, озера. Способствовала тому и мелиорация. За последние годы, например, осушено три миллиона гектаров болот, заболоченных угодий, а нив практически не приросло. Мы еще недавно гордились гигантами химии, машиностроения. По сравнению с 1940 годом объем промышленности в Белоруссии возрос в 42 раза, в то время как на Украине — в 18, в России — в 24, в СССР — в 28 раз. Концентрация промышленности в Белоруссии чрезвычайно высокая. Выше, чем в развитых странах Запада. Соперничать с нами могут разве что Эстония, Латвия... Стало быть, ударники мы — много соли выдаем на-гора! И в сельском хозяйстве с единицы угодий берем продукции в два-три раза больше, чем в целом по стране.

Но, увлекшись валом, мы завалили и захлामीли живородящую землю. Терриконы породы под Солигорском в результате примитивной и варварской эксплуатации месторождения занимают огромные площади, засолоняют сотни тысяч гектаров пашни. Терриконы промышленных отходов отягощают пейзажи Гомеля и других городов, наступают на реки.

Наши бедные реки, еще уцелевшие от лихого наскока мелиораторов, почти повсеместно пьют из ручьев, формирующихся у животноводческих ферм и комплексов. Опасно купаться. Опасно дышать. На голову каждого жителя республики ежегодно выпадает из заводских труб столько ядовитых веществ, сколько по весу затащит хорошо откормленный бык. Резко меняются условия жизни. Агрессивность, сельскохозяйственного производства, порвавшего начисто с народными традициями и технологиями, возросла с начала семидесятых годов в двенадцать раз. И это резкий удар по биологически равновесному состоянию рода. При расчетах окупаемости крупных животноводческих комплексов не учитывались экологические условия и энергетические потери.

Если же все это учесть — возведение гигантов утрачивает смысл, тем более что они «стягивают» и деформируют ландшафты, нормальный уклад жизни и труда на сопредельных территориях.

Господи праведный! Если ты есть порождение ума человеческого и совесть его, то как же ты допускаешь на Земле такое ренегатство?! Я приезжаю в родные места и не узнаю их, содрогаюсь от вида оскальпированной земли. Мы жили не созиданием, мы жили растраниванием богатств, распродажей углов собственного дома. В результате потребительского отношения к природе мое родное Полесье все больше подвигается к степному засушливому краю, в котором к тому же учащаются наводнения из-за меняющегося гидрологического режима. Моя прежде лесная и болотная деревенька пока еще не канула в Лету, благо рядом с ней, на лядах, обосновался нефтепромысел. И все же я не замечаю, чтобы жизнь там делалась колоритнее, гуще, чтобы были подвижки к прогрессу и счастью народа, — для этого нужно еще приложить немало усилий, а пока человек отчужден от земли, отчужден от общественной жизни, от власти. И психология селянина подвергается сегодня новым роковым испытаниям. Как ему принять тот факт, что колодец или родник, из которого его дед и сам он пили воду, перестает быть колодцем, родником. Возле них впору ставить череп с костями. Содержание нитратов в грунтовых водах Беларуси катастрофически растет, загрязнению подвергаются подземные горизонты, что является государственно-бюрократической тайной и пока не разглашается.

Я все чаще ловлю себя на кощунственной мысли, что у меня нету родины, очаровавшей когда-то душу богатством и красотой природы, что родину у меня отняли авантюристы, живущие одним днем. Земля моя захватана, истоптана, истерзана, отравлена...

Горький урок! Были бы мы хозяевами в своем доме — этого бы не случилось. Жаль... Перестройка могла бы изменить положение, а пока мы у роковой черты. Вот если бы сельскохозяйственная химия, скажем, имела синий цвет, мы ходили бы сегодня в ярких отблесках синевы и сами были бы похожи на привидения. Если бы радионуклиды засверкали вдруг яркими огнями электросварки — по всей Беларуси в мгновение ока разлилось бы море огня, оно затопило бы нас не только в Хойникском, Брагинском или Краснопольском районах, не только в тех семнадцати, что официально признаны потерпевшими. К сожалению, осязать зрением эту беду не дано, тем не менее химические и радиационные стрелы поражают людей, все чаще вызывая астматические, аллергические, раковые и другие заболевания, подавляя, как правило, иммунную систему, меняя и извращая коды генов, о чем уже прямо заявляют ученые.

Для нас, белорусов, чернобыльская беда сродни стихийному бедствию. По своим последствиям она, вероятно, масштабнее, глубже землетрясения в Армении. В Беларуси попытались, однако, эту беду скрыть, утопив ее в море дезинформации и усыпляющих бдительность народа словес: дескать, одна выкуренная сигарета приносит человеку вреда больше, чем облучение, на порядок или два превышающее предельно допустимые нормы (А. И. Кондрусев). Агропром республики признавал за лучшее вывезти скот из наиболее зараженных районов. Но Минздрав практически подрезал эту инициативу, оставляя на месте людей. И тут же в эфир полетели бодрые, пренебрегающие радиацией рапорты о трудовом героизме полешуков, в сложных условиях перевыполняющих планы по производству хлеба, молока, мяса (с которым потом, кстати, не знали, что делать). Это был триумф местных бездарных

властей и руководства республики: глядите, мол, на что способны белорусы! Да их хоть в пекло посади — они и там план дадут! Пресса по сути не освещала реальных событий в Беларуси. Стороной обошла белорусов и помощь из централизованных фондов. Зато наших патронов приметили, и все, на ком лежала главная ответственность за изучение ситуации и принятие соответствующих мер в связи с радиационным загрязнением, как Слюньков, Петров, Кондрусев, — пошли на повышение. Народ же остался со своей бедой. До сих пор не налажено снабжение населения чистыми продуктами, а животных — кормами. Не произведена, как намечалось вначале, перепланировка посевных площадей, и люди, в том числе студенты и школьники, роются в зараженной почве, убирая картофель и свеклу. Из многих населенных пунктов, где требовалось отселение, люди не выселены. Некоторые деревни без надлежащей строгой проверки заселяются повторно. Радионуклиды вместе с кормами и продуктами питания разползаются по всей республике. А коллективное или суммарное облучение больших популяций, как утверждают ученые, — это бомба замедленного действия, взрывающая генную систему. Речь идет о возможной деградации народа. Речь идет об аутогеноциде белорусов, особенно если учесть весь арсенал агрессивных средств, даже без комбината белково-витаминных кормовых добавок, который по произволу начали строить в Дрогичине.

Что я должен сказать? Общественность республики остро заинтересована в предании гласности всех материалов, раскрывающих радиационную обстановку в Беларуси. Общественность заинтересована в расследовании и привлечении к строгой ответственности лиц, повинных в утаивании правды, в сокрытии истинного положения дел с радиационным загрязнением, а это Ильин, это Слюньков, это Кондру-

сев и другие. Все это не должно оставаться делом правящего двора, попирающего мораль, нравственность, право. С тревогой думаю, до каких же пор руководство республики будет отчитываться за перестройку валом произведенной продукции, к тому же — продукции весьма сомнительного качества, как БВК (белково-витаминные корма), да еще «высокой» рентабельностью колхозов и совхозов? В 1987 урожайном году, например, прибыль составила 33 процента, а в 1988, при значительном снижении производства, вдруг подскочила до сорока. Все это блеф! Игра с переложением средств из одного кармана в другой. В прошлом году, при недороде, республиканская администрация, между прочим, заставила ряд хозяйств сдать в счет госпоставок семенной картофель. Как же, рапорт превыше всего! А условия жизни людей ухудшаются. Картофель, которым прежде славилась Беларусь и который был у нас как бы основным продуктом питания, по своим вкусовым качествам превращается в мыло, и половина его, даже больше, идет в отходы на складах, на кухне... То же происходит и с другими изобилующими нитратами овощами.

Писатели как никогда активны на публицистической ниве. Наблюдается явная политизация художественного мышления. Глубине, остроте, компетентности наших выступлений в печати способствовали общественные диспуты, а также большие и малые совещания, проведенные совместно с учеными, в том числе межреспубликанский форум белорусских и украинских писателей и ученых, посвященный судьбе Припяти. Нам удалось также привлечь внимание общественности к событиям на озере Нарочь и на Западной Двине. Вместе с латышами мы совершили культурно-экологическую экспедицию по Даугаве. Готовимся к экспедиции по Днепру, в кото-

рой примут участие белорусские, украинские и русские писатели и ученые.

Беспокоит игнорирование выступлений публицистов и ученых в республиканской прессе. Перед нами образуется глухая стена, с которой время от времени ответственные лица бросаются в атаку на нас, желая опрокинуть, опровергнуть. Чаще, однако, хранят молчание, делая свое привычное, «партийное», нередко гнусное дело. Диалога не получается.

Надо ли доказывать, что состояние живой и неживой природы находится в прямой зависимости от состояния национальной культуры, от суверенных прав народа? Но культура у нас хромает на обе ноги. Причины известные и в общем тривиальные. Правда, есть одна, на которой не могу не остановиться. Это низкий интеллектуальный уровень лиц, определяющих хозяйственную и культурную политику. Многие из них заняли руководящие посты по протекциям, личным связям, благодаря угодничеству, холуйству, кумовству, расцветшим красным маком в восьмидесятые годы, когда уже действительно кухарка делалась министром, когда пироги взялись выпекать сапожники. Потому-то не случайна та невежественная и совершенно бесподобная, просто гангстерская кампания, которую развернули в последние годы против писателей и в целом национальной интеллигенции, открыто митингующей и выступающей за гласность, свободу слова, демократизацию. Инсинуации, шельмование, ложь, «вбивание клиньев» между писателями и трудовым народом стали первейшим делом «духовных» пастырей. В публичной брани особенно поднаторели БелТА, газета «Вечерний Минск» и журнал «Политический собеседник». Проиллюстрирую, как это делалось, например, с поношением публициста А. Козловича, затронувшего в своей книге «На моей ладони линия реки» местных боссов мелиорации. Газета «Совет-

ская Белоруссия» напечатала неаргументированную, но зато ядовитую и циничную статью на три подвала «Дилетанты» против «профессоров», в которой автора книги не то что незаслуженно оскорбили — смешали с грязью.

Писатели возмутились. Секция очерка и публицистики на своем заседании обсудила содержание книги Козловича и статью злопыхателя. Правление СП БССР обратилось в редакцию газеты с просьбой опубликовать ответный материал во имя торжества справедливости. Не опубликовали. Не отреагировали. Проигнорировали мнение Союза писателей. А все потому, что та грязная стряпня была «спущена» сверху. И не где-нибудь, а в епархии С. Павлова, ревнителя ветхожелезного социализма, подменили редакцию и за редактора решили: материал, реабилитирующий писателя Козловича не публиковать. Произвол — это сила, возведенная в степень беззастенчивой брехни и наглости.

Еще такой факт. В Минске состоялось выездное заседание Совета по очерку и публицистике Союза писателей СССР. Возглавлял делегацию ведущих публицистов страны секретарь правления Ю. Черниченко. Республиканская пресса не дала ни строчки об этом замечательном форуме, в котором вместе с писателями приняли участие и журналисты и где разговор шел об острейших проблемах литературного творчества и общественно-политической жизни. Не иначе как опять в идеологическом отделе ЦК КПБ было принято решение бойкотировать публицистов, фактически уже не одно десятилетие призывающих к перестройке.

Да, от великой лжи до смешной и маленькой правды — не шаг и не два — бесконечность. Моей республикой правит вчерашний день. Перестройка могла бы поднять потолок правовых и культурных возможностей общества. Увы! Этот потолок стал куда

ниже, и похоже, что мы живем в глухой и душевной землянке с одним окном на Москву. Оттуда ждем лучей или хотя бы проблесков света, радуемся им. Но оттуда же приходит и поддержка нашим боссам, предающим интересы народа. На кого и на что уповать нам?

Этот случай показывает, насколько живучи традиции тоталитарной советской системы, тем более если они находят подпитку в социальной среде, среди населения, обработанного химерной пропагандой, замороченного, привыкшего к беспрекословному повиновению, к терпению и терпению «во имя светлого будущего».

БОМБА ДЛЯ ПОТОМКОВ

Рубли, юри и «грязное» мясо

27 июня 1986 года 3-е Главное управление Минздрава СССР вменило в обязанность своим службам «засекретить сведения об аварии», «засекретить сведения о результатах лечения», равно как и «сведения о степени радиоактивного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС».

Наступило не просто молчание: пресекались попытки специалистов некоторых районов установить истинные уровни радиационного загрязнения земли и продуктов питания. Чтобы успокоить местное население, а заодно и зарубежную прессу, были проведены первомайские демонстрации.

Прошло определенное время, но все остается с людьми: тревога и отчаяние, суета и душевный подъем, неразбериха и героизм. Из госбюджета средства черпали шапкой. На дезактивацию (почти безрезультатную), на переселение из тридцатикилометровой зоны, на всякого рода благоустройство. За три года израсходовано средств без малого на один миллиард рублей, выделенных союзными органами и ведомствами.

Правда, Чернобыль отторг собственно в Беларуси средств в два раза больше.

Стремясь удержать трудовые ресурсы на месте, новые поселки для беженцев нередко строили опять же на загрязненной территории. В 1986 году на строительстве в Гомельской области были заняты и могилевские строители, а Могилевская область, поди,

потерпела от той же аварии не меньше Гомельской. Правда, для очистки совести и там проводили дезактивацию.

Под тончайшей, невидимой на глаз радиационной пылью, почти несмываемой с крыш и стен домов и невымываемой из почвы, оказались не 107 деревень. Таких селений сотни и сотни. Мать честная, да ведь по концентрации загрязнений многие населенные пункты подчас нисколько не уступают деревням, поселкам, расположенным в тридцатикилометровой зоне, откуда людей вывезли. Чудяны, Малиновка, Самотевичи, Новоелья на Могилевщине, Ломачи, Бартоломеевка на Гомельщине и по сегодняшний день испытывают свою судьбу. Под Новоельской, в саду, интенсивность излучения достигает 399 кюри на километр квадратный, в самой деревне — за 90. По санитарным нормам специалистам-ядерщикам не рекомендуется проживание в таких условиях, а здесь живут старики, матери, дети... По чьей ласке они там оставлены?

Пролью немного света на эти обстоятельства. В марте 1987 года специалистами Госагропрома СССР, Минздрава СССР и Госагропрома БССР были внесены предложения в Совет Министров СССР о прекращении сельскохозяйственного производства на землях с загрязнением свыше 40 кюри на километр квадратный по цезию и отселению людей из этой зоны. Но председатель Государственной комиссии по ликвидации последствий чернобыльской аварии Б. Щербина отклонил эти предложения, и производство загрязненных продуктов питания в потерпевших районах и областях не только не прекращалось, но и наращивалось: план госпоставок им с каждым годом увеличивали.

За пределами тридцатикилометровой зоны все эти годы люди занимались «ликвидацией последствий

аварии», можно сказать, самотужно, без надлежащей помощи государства — «хозспособом».

Свидетельствую. Могилевской области в 1987 году на «ликвидацию последствий» было выделено 79 миллионов рублей — «дополнительным» счетом и без соответствующих материальных ресурсов! Примерно то же в 1988 году: 68 миллионов рублей без материального обеспечения. Нисколько не изменилась ситуация и в 1989 году. Плачевным было обеспечение области и необходимым медицинским оборудованием, аппаратурой и иными материалами, предметами первой необходимости, включая мыло.

По данным АН БССР, на сегодняшний день в Белоруссии полмиллиона человек нуждаются в постоянном медицинском контроле, профилактических и оздоровительных мерах, которые требуются нормами и правилами радиационной защиты. А по моим прикидкам, эту цифру следует удвоить, ибо не учитывается все население, подвергающееся облучению через загрязненные продукты питания. Но только мало что делается для повышения уровня медицинского обслуживания: потерпевшие районы нередко обслуживаются медициной вахтовым методом (многие врачи уехали), школьники нерегулярно проходят обследование, профилактическое лечение поставлено из рук вон плохо. Не снято напряжение в снабжении загрязненных районов чистыми продуктами, молоком и мясом, овощами и фруктами, соками. Славгороду в 1988 году, например, должны были поставить 1370 тонн различного рода овощей и фруктов, а поставлено 187,6 тонны. Первый заместитель Председателя Совета Министров БССР В. Евтух, занимающийся «ликвидацией», недавно вынужден был публично признать, что до «последнего времени в Гомельской и Могилевской областях не обеспечивалось должное преимущество населения пострадав-

ших районов при распределении ряда продовольственных и непродовольственных товаров».

Беда, вырвавшись из атомного реактора скопом невидимых альфа- и бета-частиц, разносилась во все стороны автомашинами, растаскивалась по чистым или сравнительно чистым углам вместе с кормами. Беду волокли, кому не лень, вместе с оставленной техникой, что предписывалась к уничтожению по причине чрезмерного загрязнения изотопами цезия, стронция, плутония. Вывозили ее также из деревень, оставленных жителями, вместе с кровлею крыш, оконными рамами да полами, да различной домашней утварью, разверстывали по всей республике вместе с лесом и торфом, что заготавливали в зараженных районах, мясом и молоком, которые производили там же. По секретному распоряжению Минздрава СССР санитарная служба рекомендовала использовать «грязное» мясо в качестве добавок — десять процентов к чистому при производстве колбас. Однако, по свидетельству очевидцев, на некоторых мясокомбинатах в дело пускалась одна «грязная» туша к двум чистым.

Но радионуклидные аэрозоли — отнюдь не косметическая пудра, которую, скажем, можно было бы нанести на наше лицо и скрыть ею серые пятна. Если бы эта «продукция» — грех Чернобыля — вдруг приобрела тот или иной цвет, представляете, вся Белоруссия сразу преобразилась бы в радиационном сиянии. И — гляди — возликовал бы наш измученный неопределенностью, томимый роковыми предчувствиями народ.

Но лихая энергия в «терпимых» дозах тоже активно воздействует на организм. Об этом написано в толстых научных фолиантах. Малые дозы при продолжительном прямом воздействии, оказывается, производят разрушительную работу не меньшую, чем

кратковременное сильное облучение. Проникнув непосредственно в клетку, радиоактивные диверсанты испускают прерывистые, и интенсивные электромагнитные волны и разрушают оболочку, вызывают различные хромосомные поломки.

Именно поэтому необходимо сказать, не случайно в третью годовщину чернобыльской аварии отдаленным эхом в газетах проскользнула заметка, в которой со ссылкой на обзор МАГАТЭ указывалось, что в целом в Западной Европе радиоактивность снизилась и теперь не вызывает тревоги. Бог миловал?! Но все же «наличие такого элемента, как цезий-137, в частности в Швеции, Финляндии и северной части Великобритании, продолжает вызывать определенное беспокойство». По представлениям английских ученых, «многие заболевания, которые никогда ранее не связывались с уровнем радиации, например инфекционные заболевания (грипп и пневмония), а также хронические заболевания (эмфизема, болезни сердца, диабет, заболевания почек и паралич), в действительности существенно зависят даже от малых доз облучения: возрастает также смертность вследствие раковых заболеваний, связанных с уменьшением сопротивляемости организма распространению и росту клеток опухоли».

Там, в отдалении, где чернобыльского «дара» на квадратный километр пришлось по несколько граммов от силы, люди обеспокоены. У нас же, в Белоруссии, на лона которой по воле розы ветров выпало две трети всего, что было поднято вверх мощным радиационным вулканом, встревоженное сознание народа продолжают убаюкивать медики, чиновники от медицины, приближенные к политической кухне. Не ешьте «грязных» продуктов, не ходите по полю без масок, не собирайте ягод, грибов, и мы гарантируем вам безопасное проживание...

«Концепция безопасного проживания»

В сентябре 1988 года в Институте биофизики Академии медицинских наук СССР была разработана «концепция безопасного проживания» в условиях радиационного загрязнения, согласно которой допускается накапливание нуклидов в организме до 35 бэр за жизнь (70 лет), иначе говоря — по 0,5 бэра в год, а в первые три года — до 16 бэр. Эта «концепция», изложенная на бумаге, рассылалась вначале как секретный документ. Для непосвященного человека бэры — туман. Но именно на непосвященных «концепция» и рассчитана. Ее «разработка», кстати, сводилась к заимствованию цифрового значения из «Норм радиационной безопасности», разработанных прежде, еще до аварии на ЧАЭС. Причем норма в 35 бэр за жизнь допускалась лишь для *отдельных лиц из населения*, то есть для ограниченного контингента, чья жизнь и деятельность протекала непосредственно в «контролируемой зоне АЭС» и была как бы частным случаем, исключением из правил. Теперь — наоборот.

Предел облучения в 35 бэр, как я понял, *«позволяет избежать введения необоснованных ограничений на этих территориях»*, а если ближе к сути: упразднить введенные после аварии ограничения на проживание, на ведение сельского хозяйства, на использование загрязненных продуктов питания населением, иными словами, концепция предоставляет ему удовольствие жить в обнимку с радиацией по меркам доаварийных времен, без всяких компенсаций и вознаграждений к тому же. Исключение при этом составят лишь несколько десятков деревень с максимальной плотностью радиационного жара, откуда жители будут выселены.

Весь парадокс предлагаемой «концепции» заключается в том, что народ ставится в условия прожи-

вания и жизнедеятельности, которые в десять-двадцать раз хуже, чем это предусматривалось для труда специалистов на атомных реакторах. Не странно ли? Авторы 35-бэрной «концепции» как будто забывали, что там, где разговор идет об экологии человека, имеет значение масса — единицы будут облучены или вся популяция, один кто-либо из супружеской пары или оба: эффект воздействия на органы (прежде всего генную систему) тут приобретает кратное значение — характерный момент!.. Но именно этот момент и проигнорирован светилами из Института биофизики: они распространяют норму в 35 бэр на всю популяцию, заведомо подвергая население огромному риску. Международные специалисты показывают, что *«доза 6—10 бэр на душу населения является генетически значимой»*.

Подчеркиваю: 6—10 бэр! Не 35... А ведь по причине халатности и сокрытия беды после аварии дозу облучения до 100 бэр и выше (преимущественно от йода-131) получили десятки тысяч детей, не говоря уже о взрослых. Заболевания щитовидной железы обнаружены у 37 процентов детей.

Дети — начало, намолоток, сама кромка будущего. Поэтому именно медицинские и социальные исследования привходящего поколения способны пролить свет на перспективы развития народа, нации. В кино- и телепередачах уже неоднократно показывали уродливых животных, появившихся на свет. За последние несколько недель я побывал во многих «грязных» районах и убедился, насколько все серьезно. Вот статистика выявленных уродств по Славгородскому району на Могилевщине: 1985 год — 5 голов; 1986 — 21; 1987 — 39; 1988 — 84; 1989 — 50 за семь месяцев. Примерно та же картина в Хойникском и Ветковском районах на Гомельщине. Телята рождаются беззубые, с отсутствием конечностей, шерстяного покрова, с недоразвитыми система-

ми органов пищеварения и дыхания. При гематологических исследованиях крови крупного рогатого скота выявлено его большое предрасположение к заболеванию лейкозом.

Перейдем к людям.

В Хойникском районе при родах в 1988 году зарегистрировано 3 случая уродств, а в 1989-м — только за первое полугодие — 13. Среди них — рак почек новорожденного. В сравнении с 1985 годом врожденная патология на 1000 младенцев возросла в 3—4 раза, а вместе с тем увеличивается и детская смертность.

По свидетельству врачей практически всех потерпевших районов, у населения, и особенно у детей, резко увеличились хронические заболевания носоглотки, желудочно-кишечного тракта, печени, селезенки и других органов, а также крови. По официальным данным, которые, по мнению местных специалистов, занижены, у половины детей, проживающих в Гомельской и Могилевской областях, состояние здоровья вообще неудовлетворительное — кровь бедна на содержание жизненно важных элементов, или, попросту говоря, жидковата кровь, в силу чего защитные функции организма ослаблены, иммунитет снижен подобно тому, как он снижается при СПИДе. Да, возможно, это и есть радиационный СПИД? Однако медики, играющие в «политику», пока что не склонны связывать состояние детей с чернобыльской аварией и, вероятно, следуя распоряжению 3-го Главного медуправления, даже мысли такой не допускают. А зря. Связь очевидная и если не прямая, то косвенная: стесненные в движениях и действиях на открытом воздухе, порой просто сидя взаперти (дома ли, в школе), дети к тому же еще плохо питаются, потому как свои продукты «грязные», а чистые, особенно овощи, ягоды, завозятся недостаточно. Отсюда и состояние, близкое к

анемии, если не сама анемия. Исследования в научных лабораториях, однако, показывают на возникновение у населения предпосылок к «формированию аутоиммунной патологии».

Взрослые в этих районах чаще всего жалуются на головные боли и пошатывания. По данным медицинских экспертов, исследовавших влияние радиационного облучения на трудоспособность населения в Наровлянском районе, в 20 случаях из 100 обнаружена «недостаточность физической активности», которая до чернобыльской аварии здесь вообще не фиксировалась. Ученые также установили значительный рост сердечно-сосудистых заболеваний у механизаторов. Замечено предрасположение местных жителей в целом к мозговым инсультам, острым патологиям лорорганов, к артериальной гипертонии.

А вот статистика по онкологическим заболеваниям в Славгородском районе. В цифровом ряду указывается год и количество случаев: 1981 — 14; 1982 — 12; 1985— 11; 1986— 25; 1987— 48; 1988— 70; 1989, за полгода — 34.

Такая цифра складывается, между прочим, при том отягчающем ее обстоятельстве, что население района за последние два-три года убыло примерно на 20 процентов. Эта же тенденция с онкозаболеванием прослеживается по Чериковскому, Краснопольскому, Ветковскому и другим районам.

Чем восторгались иностранцы?

Ученые, конечно, блюдут свои интересы, проводят исследования, изучают почву, растительный и животный мир, человека. В первые два года после аварии особенно активно поработали в Белоруссии сотрудники названного выше Института биофизики АМН СССР. Какие же результаты они получили? Одному богу известно. По крайней мере плодами

своих изысканий они не поделились со своими коллегам в Белоруссии, и нашим ученым пришлось начинать все с нуля, порой дублировать то, что сделано, а подчас и вовсе изобретать велосипед...

Но нет худа без добра. За последний год произошел, можно сказать, качественный сдвиг в белорусской науке по части исследований радиационной опасности и радиационной защиты. Разобравшись в ситуации, ученые различных отраслевых институтов и институтов АН БССР и Белгосуниверситета, а также Западного отделения ВАСХНИЛ восстали против «концепции безопасного проживания».

«Риск — польза, польза — риск!» — повторяют неустанно, возражая нашим «строптивцам», москвичи, мэтры из Института биофизики. Дескать, вот формула, которая может разрешить научный спор: взвесим на весах экономики несколько процентов населения, которое умрет от рака, и ту несомненную пользу, которую общество извлечет от производства продукции на зараженной территории. Что перетянет?

В этой ситуации белорусские ученые предложили правительству принять более радикальные меры и прежде всего заняться срочной эвакуацией жителей сильно загрязненных деревень, поселков. Потом перейти к отселению с территорий, где нельзя вести хозяйство и пользоваться продуктами со своего подворья: словом, отселять с земель, загрязненных от самого максимума до 15 кюри на километр квадратный, а там, где до 15, — продолжать работу, исследуя население на предмет дальнейшего решения судьбы.

Так отселять! И пусть это будет 550—600 населенных пунктов, или даже больше, пусть будут сотни тысяч человек новых переселенцев. На сегодняшний день само понятие *«ликвидация последствий чернобыльской аварии»* износилось, утратило свой

смысл. Дело, вероятно, должно сводиться не к «ликвидации» (пустому звуку), а к осмысленной и результативной защите здоровья граждан, к сохранению в конце концов генофонда нации, если еще не поздно.

Сторонники же предельно допустимой безопасной дозы в 35 бэр на живот не пожелали уступить смутьянам из Белоруссии, и для защиты своей «концепции» академик Л. А. Ильин (он же вице-президент АМН СССР и директор Института биофизики) привез в Минск троицу — ученых, представляющих в некоем роде ВОЗ (Всемирную организацию здравоохранения), — докторов Д. Бенинсона (Аргентина), П. Уайта (Канада), профессора П. Пеллерена (Франция). Гости перед этим сделали однодневное турне по некоторым из потерпевших районов и высказали свой восторг, буквально обескураживший всех, кто имел удовольствие их лицезреть: «Опыт, полученный советскими учеными при ликвидации этой катастрофы, ставит их на первое место в управлении послеаварийными ситуациями...»

В актовом зале АН БССР состоялась многочасовая встреча гостей с белорусским цветом науки. Не берусь анализировать причины — они редко лежат на поверхности и уходят своими корнями в недра делового противоречивого мира, но зарубежные гости приехали в уникальный по радиационным загрязнениям регион (впервые) с готовыми ответами на все непростые вопросы, мало спрашивали, мало слушали «аборигенов» и во всем, что касалось «концепции», дружно поддерживали академика Л. Ильина. Странно.

Во Франции, апеллировали они к «мировому опыту», есть район, в Индии — штат, в Бразилии — тоже место, где природный радиационный фон гораздо выше, чем в потерпевших районах Беларуси,

но люди там адаптировались и не жалуются на радиацию.

Никто из них не утруждал себя анализом при сопоставлении фактов. А у нас ведь не только «фон» или же внешнее облучение, у нас, на землях Беларуси, Украины и Брянщины, непосредственное соприкосновение с «грязью», выброшенной из вулкана, и употребление этой «грязи».

Разговор вообще был не о том. Этой мыслью потом поделились со мной наши ученые-ядерщики. Ведь в соответствии с технологией атомного реактора в нем нарабатывается материал не одного радиоактивного цезия, а множество и множество элементов: по активности в кюри цезий среди них далеко не главный (доля его около 0,2 процента). Основное же место в котле занимали радионуклиды трансурановых элементов, в том числе плутоний, активность и, следовательно, опасность которого для всего живого в 33 тысячи раз выше цезия.

Еще особенность. При всей своей могучей разрушительной силе плутоний на земле почти не дает радиоактивного фона. Этот изотоп чрезвычайно опасен в продуктах, в пыли, вдыхаемой человеком, но он до настоящего времени по-настоящему не изучен, не картируется на местности и не учитывается политизированной медициной, как, впрочем, и стронций.

Знали ли об этом зарубежные гости?

Престранная ситуация!..

И что это за научный подход к «ликвидации последствий чернобыльской аварии», если берется в расчет лишь какая-то доля опасности?

Еще немного о ситуации в актовом зале при встрече с гостями, о впечатлении, которое, вероятно, вынесли оттуда многие. Наблюдалось стремление заместителя министра здравоохранения, главного санитарного врача СССР А. Кондрусева (а он взял на

себя роль сопредседательствующего) приглушить дискуссию, стереть остроту волнующих публику вопросов. Честно говоря, вел он себя напряженно, некорректно и грубо, аккурат в стиле вершителя судеб, которому ни к чему терзаться сомнениями, пытался одергивать не только сотрудников различных институтов, выступавших с сообщениями, но и самого президента АН БССР. Правда, его волнение мне нетрудно понять. Ведь не кто иной, а он прежде был главным санитарным врачом Белоруссии и в течение года после аварии немало изворотливости проявил для сужения и сокрытия информации. *«Одна выкуренная сигарета приносит вреда человеку больше, чем радиационное облучение на порядок выше нормы»*, — любил повторять Кондрусев. Свой совершенно филантропический оптимизм, обильно употребляемый на заговаривание беды и щедрые посулы, после которых практически ничего не менялось, Александр Иванович передал в полной мере В. Бурьяку вместе с должностью, и тот стал преуспевать в этой двойной игре. В деловой переписке с газетой «Известия» (3 апреля 1989 г.) Бурьяк довольно лаконично изложил свои представления на гласность в связи с радиационным дискомфортом в республике и проблемой медицинского обслуживания: *«Информация по всем этим вопросам доводилась до населения, проживающего в зоне загрязнения, в объеме, необходимом для обеспечения его здоровья...»* Как видно из этих строк, медицинское ведомство взяло на себя бремя распределять не только медикаменты, оно же взялось определять дозу правды, необходимую для здоровья народа!

А вот еще перл. В ответ на тревогу работников Минобразования БССР в связи с ежегодной работой студентов и школьников на уборке картофеля в зараженных районах Бурьяк пишет:

«Министерство здравоохранения БССР сообщает, что, по имеющимся сведениям, а также данным мировой научной литературы и опыта, регистрируемые уровни радиации в ряде районов Гомельской и Могилевской областей не могут сказаться на состоянии здоровья человека». Датировано апрелем 1989 года...

Депутаты сомневаются...

В июле этого же года состоялась сессия Верховного Совета БССР, на которой был сделан доклад первым заместителем Председателя Совета Министров БССР В. Евтухом «О государственной программе по ликвидации в Белорусской ССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

Депутату Евтуху в докладе не удалось четко определить позицию правительства в чернобыльских делах — по существу он принимал и разделял «концепцию безопасного проживания при предельно допустимой дозе в 35 бэр» и не возражал тоже, как ни странно, против другой, альтернативной концепции, выдвинутой белорусскими учеными. Поддерживал, стало быть, обе!

Естественно, депутаты камня на камне не оставили от доклада с непоследовательной и худосочной программой послеаварийных работ. Но эта «программа» условно была принята за основу, а по существу — не принята, и теперь над ней работают.

Уже просчитано, что для осуществления новой программы в ближайшие шесть лет потребуются средства как минимум в 16 миллиардов рублей, из которых 12 пойдет на капитальное строительство, а остальные на выплату льгот и возмещение убытков при переселении людей.

Любопытные, кстати, расчеты, показали мне в Могилевском облисполкоме. Оказывается, если ос-

тавить людей на зараженной нуклидами земле и обеспечивать их всем необходимым, выплачивать льготы в течение 28 лет (период полураспада цезия-137), то это обойдется государству в 2,5—3 раза дороже, нежели переселить людей в безопасные пределы. Подобный расчет лишний раз свидетельствует об экономической необоснованности «концепции», которую, вероятно уже из собственных амбиций, продолжают навязывать белорусам московские радиобиологи и ответственные работники Минздрава СССР.

Нынче белорусские строители стягиваются в республику, а то ведь при такой беде дома многие из них выполняли различные работы на развострых просторах страны. Полагаю, самый раз внести коррективы в судьбу кита мелиоративного — специализированного строительного объединения «Полесьеводстрой», базирующегося в Пинске. Дело в том, что объем мелиоративных работ сокращается, немало земли перерыто, не всегда с пользой для дела, и вот этой мощной строительно-мелиоративной организации теперь сам бог велел взяться за обработку угонд и строительство новых поселков для переселенцев.

Беда пока несоизмерима с тем «особым» вниманием к зоне поражения и людям, о которых постоянно гласят газетные рубрики. Обещанные в Москве льготы, доплаты, которые бы утверждали понятие о справедливости у отчаявшихся за три с половиной года «чернобыльцев», и те задерживаются. Обстановка с чувствами людей взрывоопасная, что отчетливо видно по митингам, входящим в обиход на местах. Нужна помощь и не только в поддержанных необходимыми средствами рублях. Остро нужна валюта для приобретения специального оборудования и аппаратуры для лечебных учреждений и научно-исследовательских институтов.

Кто же все это нам даст сегодня? Госплан? Минфин? Минатомэнерго? Конечно, уместно было бы предъявить последнему иск. Но при наших несовершенных законах за оплошность ведомств расплачивается лишь казна, в которой по нынешнему кризисному времени сквозняки гуляют, — тоже реальность!

Наблюдая не первый год за внутренней рискованной ситуацией, не могу отделаться от впечатления, что моя родная земля и народ, родной мне, как мать и отец, попали в тенета блуждающего по свету злого рока, что информационная воронка, образовавшаяся было вследствие шока после чернобыльской аварии, превратилась для населения загрязненных районов Белоруссии, Украины и Брянщины в глухую, как саркофаг, и бессрочную радиационную ловушку, угрожающую общей анемией, деградацией... Кто в этом разуверит меня?

1989 г.

*Генеральному Прокурору Союза
ССР тов. Сухареву А. Я.
то же: Прокурору Белорусской
ССР тов. Тарнавскому Г. С.*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

**О «зоне особого внимания», в которой народ
изнемогает от неопределенности, лжи, произвола,
постоянного облучения радиоактивными
изотопами, учащающихся болезней, ощущения
своей беспомощности и предчувствия
трагического исхода.**

Авария на Чернобыльской АЭС обернулась небывалой (после Великой Отечественной войны) бедой для белорусского народа, равно как и жителей ряда областей России, Украины.

«Чернобыльская авария свела вплотную сотни миллионов людей с опасностями атомной энергетики. Но уже довольно быстро, еще тогда, когда радиационное облако надвигалось на Западную Европу, началась активная пропаганда по успокоению населения: администрация занижала последствия аварии, устанавливались слишком высокие пределы допустимых норм». Об этом пишет доктор Хельмут Хирш в «Черной книге», подготовленной в 1987 году организацией Гринпис.

Факт сокрытия небывалой, вселенской беды от своего народа и пренебрежение к его здоровью просматриваются совершенно четко в первомайских

демонстрациях, проведенных в Киеве, Гомеле, Хойниках, Брагине и других районных центрах под плотным радиоактивным облучением. Мало того, 16—18 мая были налажены футбольные игры и вечерние массовые гулянья под музыку духовых оркестров в парках Брагина и Хойников. Они проходили с тем же металлическим привкусом во рту, шумом в ушах и демонстрацией увеселительного зрелища по Центральному телевидению, в чем специалистам и вообще людям дотошным нельзя было не усмотреть преднамеренное и злостное нарушение элементарных правил радиационной защиты с нанесением ущерба публике.

О безусловно преднамеренном сокрытии информации и лицемерном поведении тогдашней высшей администрации республики говорит эпизод с посещением Н. Н. Слюньковым зоны радиоактивного поражения. Выступая и убеждая народ в том, что жить в потерпевшем городе можно и что после дезактивации никому не угрожает опасность лучевой болезни, он тем не менее возил с собой повара и прихваченные из Минска чистые продукты, посуду. Со своим провиантом приезжали туда в командировки многие радетели — успокаивали, называли себя учеными, но в местных гостиницах не ночевали. Затевавшаяся игра с народом в прятки. Худосочная информация об аварии в некоторых районных газетах потерпевшей зоны появилась лишь спустя полторы-две недели после взрыва реактора.

Боясь бескомпромиссной, взрывной правдой испортить настроение народу в момент аварии на ЧАЭС, Минздрав БССР и Мингорисполком в лице их руководителей и санитарных врачей ничего не сделали, чтобы оградить население столицы от воздействия радиоактивного облака, хотя этого требовали от них нормы радиационной безопасности и, в частности, этих мер требовал член-корреспондент АН БССР,

директор Института ядерной энергетики В. Б. Нестеренко. Без внимания оставил распоряжение руководства Госагропрома БССР о принятии мер радиационной защиты для жителей деревень Пузыничи, Хоростово, Груздово Солигорского района А. М. Жук, председатель агропрома Минской области. Но подобные факты гласности не предавались.

Соккрытие беды увеличивает беду многократно.

В марте 1987 года группа специалистов Госагропрома СССР, Госагропрома БССР и Минздрава БССР внесла в Совет Министров СССР предложение о прекращении сельскохозяйственного производства и отселении людей из зоны заражения свыше 40 кюри на квадратный километр. Однако эти предложения были отклонены председателем Госкомиссии по ликвидации последствий чернобыльской аварии Б. Е. Щербиной. Он же засекречивал сведения об уровнях радиационной загрязненности по отдельным населенным пунктам.

«Тайна двора» была недоступна всем чиновникам. «Ничего не знать» — удобная форма существования. Но существование в неведении, равно как и бездействие отдельных, облеченных доверием народа лиц, становится уже преступлением.

В 1989 году, например, Г. С. Таразевич, будучи председателем Президиума Верховного Совета БССР, побывал в Краснопольском, Чериковском и некоторых других районах Могилевской области. По свидетельству населения и руководителей районного звена, с которыми я потом встречался, он показал свою неосведомленность в ситуации, сложившейся на местах в результате радиационного загрязнения, удивительную некомпетентность.

Набив карманы записками, просьбами, заявлениями, Таразевич обещал в течение двух недель разобраться в ситуации и помочь — поклялся в этом.

Однако не сделал ничего. Никому не ответил на многочисленные заявления.

О политике антигуманного и злостного засекречивания ключевой информации медиками свидетельствует особое распоряжение 3-го Главного управления Минздрава СССР от 26.06.1986 г., обнародованное еженедельником «Неделя» (1989, № 30). И, видимо, благодаря подобным распоряжениям, приказам, установкам, отражающим «политику руководящего центра, позволяли себе отрицать очевидное работники аппарата Минздрава СССР и Минздрава БССР. Такие, к примеру, знатные особы как вице-президент Академии медицинских наук СССР, директор Института биофизики Л. А. Ильин, его заместитель, доктор технических наук К. И. Гордеев, начальник отдела радиационной медицины Минздрава СССР В. Редькин, главные санитарные врачи БССР А. И. Кондрусев, а затем В. Н. Бурьяк, скрывая правду, неоднократно, устно и письменно, публично утверждали, что работа по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, как и проживание и работа в загрязненной радионуклидами зоне, человеку ничем не угрожает. *«Анализ данных, полученных в результате медицинского обследования и диспансерного наблюдения людей, проживающих в этих районах, выполненный Минздравом СССР, — сообщил на депутатский запрос первый зам. председателя Бюро Совмина СССР, член Правительственной комиссии В. Марьин, — свидетельствует о том, что никаких заболеваний, связанных с радиационным воздействием, у населения контролируемых районов Белоруссии не зарегистрировано».*

Цитирую из другого документа: *«Министерство здравоохранения БССР сообщает, что по имеющимся сведениям, а также данным мировой научной литературы и опыта, регистрируемые уровни радиации в ряде районов Гомельской и Могилевской*

областей не могут сказаться на состоянии здоровья человека». (Письмо В. Н. Бурьяка в Министерство народного образования БССР от 4 апреля 1989 г.) Изложенное мнение человека, занимающего ответственный пост и благославляющего детей, школьников и студентов на полевые работы в загрязненной зоне, не согласуется ни с мировым опытом, ни с данными советских специалистов. Факты говорят об ином.

Как сообщает директор Всесоюзного гематологического научного центра академик АМН СССР А. И. Воробьев в Гомельский облисполком, *«из четырех больных с острым лейкозом, попавших в клинику центра из Гомельской и Могилевской областей (1 — взрослая, 3 — детей), у двух доза облучения по данным хромосомного анализа была равна примерно 50 и 30 рад. Кроме того, у погибшей от острого лейкоза женщины лейкозные клетки содержали характерный для радиационного повреждения хромосомный маркер».* А вот справка Управления внутренних дел Киевского облисполкома, обнародованная газетой «Московские новости» (№ 31 от 30 июля 1989 г.): *«57 сотрудников заболели лучевой болезнью, 4750 — вегетососудистой дистонией, у 1500 возникли обострения хронических заболеваний органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта».*

Об ущербе, который наносится населению Белоруссии, не менее красноречиво свидетельствует справка, составленная и поданная в ЦК КПБ учеными — руководителями десяти научно-исследовательских институтов республики (датируется 24 апреля 1989 г.). Привожу несколько выдержек:

«При изучении общей заболеваемости установлено, что типичным для большинства районов наблюдения был общий рост соматической заболеваемости взрослых и детского населения в период с

1986 года... В среднем заболеваемость взрослого населения в 1988 году по сравнению с доаварийным периодом в районах наблюдения Гомельской области возросла в 2,4—2,8 раза, Могилевской — в 1,8—2 раза; детского — в районах наблюдения Гомельской области — в 4,1—5,9 раза, Могилевской — в 3,5—4 раза».

«При изучении иммунной системы у значительной части обследованных имеет место изменение показателей иммунитета, свидетельствующее о его снижении, и возникновение предпосылок формирования аутоиммунной патологии. Существенные изменения обнаружены в генетическом аппарате лимфоцитов и костного мозга взрослого населения и детей».

«Установлено, что показатели первичной инвалидности у рабочих и служащих по 11 районам Гомельской области с контролируемым уровнем загрязнения возросли с 40,3 на 10000 рабочих и служащих в 1985 году до 47,7 в 1988 году».

Практика показывает на катастрофические изменения в физическом состоянии и самочувствии населения, проживающего на загрязненных территориях, на динамику роста патологических отклонений от нормы, прежде всего у детей, в чем все более убеждаются врачи низовых лечебных учреждений. По сообщениям из Народнического района Житомирской области, *«резко возросло число глазных заболеваний у взрослых и детей. Если в 1984 г. катарактой были поражены 24 человека, то только в первом квартале 1989 года — 195. Наблюдается неуклонный рост анемии у детей».* («Неделя», № 30, 1989 г.).

И только при попустительстве и поощрении санитарной службы могло случиться такое, что были заморожены строительство и ввод в действие станций дезактивации дорог Гомельщины, в которые вложены миллионы рублей;

— что техника (тракторы, автомашины, комбайны и проч.), списанная по причине сильного загрязнения и подлежащая уничтожению, порастаскана из Брагинского, Хойникского и других пораженных районов в прилегающие к ним сравнительно чистые или чистые районы;

— что вместительные камеры холодильников на мясокомбинатах забиты «грязными» тушами образца 1986 года и десятки тысяч тонн этого опасного мяса в качестве добавок пущены в пищу;

— что из зоны отселения порастасканы по окрестным селам и районам Гомельской области загрязненные корма, в том числе комбикорм, сено;

— что, вопреки установкам Госагропрома БССР, по приказу Гомельского областного агропромышленного комитета (№ 138 от 23 апреля 1987 г.) в хозяйственный оборот пущены списанные и переданные в Госземзапас земли в зоне отселения Брагинского, Хойникского и Наровлянского районов, засевавшиеся в эти годы вахтовым методом силами практически всех районов области, — за урожай с этих земель специалисты хозяйств получали баснословные премии — до шести — восьми месячных окладов;

— что районными заготовительными конторами вывозилось из-за колючей проволоки зоны и пускалось в дело тряпье, в результате чего планы заготовителей перевыполнялись вдвое, и на этом грела руки администрация;

— что по чистым районам развозится «грязный» скот на откорм, в итоге через навоз загрязняются все новые и новые земли;

— что обрат от переработки «грязного» молока возвращается на фермы для выпойки телят;

— что продолжается массовое производство, переработка и реализация в республике и за ее пределами загрязненной радионуклидами продукции, а также торфобрикета, дров, леса и лесоматериалов;

— что не выполнено утвержденное Госагропромом СССР «Руководство по ведению сельского хозяйства в условиях радиационного загрязнения» (1988 г.) по части запрещения сельскохозяйственного производства на территориях, имеющих плотность радиоизлучения свыше 80 кюри на квадратный километр (эти земли засеивались в 1989 году в Краснопольском, например, и других районах), — как и по части вывода из севооборота пахотных угодий с уровнем радиации свыше 40 кюри на квадратный километр; в Ветковский район, например, по утверждению местных радиологов, «Руководство» дошло лишь год спустя после его принятия.

Кстати, Госагропромом БССР еще 29 августа 1987 года был издан приказ № 28, строго запрещавший «на пашне с загрязнением цезием-137 свыше 40 кюри на квадратный километр планировать производство продукции растениеводства на продовольственные цели». Приказ проигнорирован специалистами областей и районов.

В некоторых районах местное руководство получает немалые премии «за дезактивацию», удивляя тем самым народ, ибо дезактивация проводится в основном силами военных. Кстати, широко распространены приписки при проведении дезактивации, а она почти ничего не дает, но дорого стоит. Только месячные выплаты на каждого военнослужащего обходятся в 500 рублей на штык. Суммарные расходы на пустопорожнее в общем-то дело составят сотни миллионов, если не миллиарды рублей.

Неоднократно после аварии принимались правительственные «решения» об отселении жителей деревни Ломачи Хойникского района, расположенной на территории с загрязнением по цезию до 63 и стронцию — до 2,63 кюри на квадратный километр. Но люди там и поныне живут. По четвертому году не отселены жители из деревень, где плотность загряз-

нения поднимается до уровней 30-километровой зоны или даже превосходит те уровни по содержанию нуклидов цезия, стронция, плутония в почве, тем самым грубо нарушаются правила радиационной защиты населения.

Республиканская правительственная комиссия по сути лишь ограничилась констатацией (протокол № 17/7 от 15 июня 1987 г.), что-де *«выявлены четыре сельских населенных пункта: Чудяны и Малиновка Чериковского района, Гацковичи, Новоельня Краснопольского района, где содержание цезия-137 в почве по средней пробе превышает 100 кюри на квадратный километр, а в девяти сельских населенных пунктах — Городок, Готовец, Заводок, Дубровка Краснопольского, Осовец, Новомалиновка, Каменка Чериковского, Александровка Климовичского и поселок Ленинский Костюковичского районов — отдельные пробы превысили этот уровень»*. Более того, в заведомо неперспективных для проживания населенных пунктах продолжалось начатое и открывалось новое строительство, к примеру, крупного животноводческого комплекса КРС и жилого поселка у д. Высокий Борок Краснопольского района, жилого поселка Майский Чериковского, мелиоративной системы у д. Бартоломеевка Ветковского районов, объектов соцкультбыта в деревне Стреличево Хойникского района...

Некоторые крупные объекты продолжают строиться после запоздалого запрета Совмина БССР на это строительство. Налицо безответственность и дефицит внимания к людям, отсутствие заботы о радиационной защите населения. По одной лишь Могилевской области вложено более 200 миллионов рублей в строительство в зоне загрязнения свыше 40 кюри на квадратный километр. Среди прочих строились школы, как свидетельство большой заботы о детях, а детям там вообще нельзя на-

ходиться. По Гомельской области цифры затрат на бросовое строительство будут, вероятно, еще более внушительными. То же — по загрязненным областям Украины и России. В одном лишь Народническом районе 105 миллионов рублей вложено в новое строительство, в основном в зоне жесткого контроля. Многие новые жилые поселки для переселенцев в Гомельской, как, впрочем, и Брянской и Черниговской областях, построены опять же на зараженной местности, в чем повинны прежде всего санитарная служба и Главный Государственный санитарный врач СССР А. И. Кондрусев.

В письме министра здравоохранения БССР В. С. Улашика в Совет Министров БССР на имя В. Г. Евтуха (№ 1095/04-4 от 13 июня 1989 года) содержатся любопытные рекомендации. Дословно:

«1. Отселение жителей на новые места проживания должно обеспечить выполнение одного из основных принципов радиационной защиты (НРБ-76/87) — снижение ожидаемой дозы облучения до возможно низкого уровня.

2. На новых местах проживания должны быть созданы условия, позволяющие отменить все ограничения привычного уклада жизни сельского жителя, введенные в связи с радиационным фактором: режима питания, труда, отдыха и т. д.

3. Производимые в личных подсобных хозяйствах продукты питания, особенно молоко и мясо, должны соответствовать установленным санитарным нормативам.

Уровень загрязнения территории, при котором могут быть выполнены изложенные требования, должен быть менее 1 Ки/км²».

Вопрос: где были прежние и нынешние министры и их заместители — Савченко, Улашик, Кондрусев, Бурьяк и другие — до июня 1989 года? Ведь нормы радиационной безопасности существовали и раньше,

благо до 1987 года радиационные нормативы были еще более жесткие. Почему же ими не пользовались?

Здесь встают и другие вопросы. Чем руководствовался Минздрав СССР, приняв в 1987 году положение, согласно которому население нашей страны оказалось по нормам облучения практически приравненным к специалистам атомной профессии?

Именно этот трюк и позволил Минздраву СССР перевести население загрязненных районов Гомельской, Могилевской, Брестской и Минской областей БССР, Брянской, Орловской и др. областей РСФСР, Киевской, Житомирской областей УССР в положение так называемой ограниченной части населения (категория Б). Изменения в НРБ сделаны походя, как нечто незначительное или вовсе ничего не значащее. Но коварство этих изменений состоит в том, что в норму вводится облучение всей популяции. И, согласно разработанной под руководством академика Ильина 35-бэрной «концепции проживания без ограничений на зараженных землях», ставится под удар судьба поколений.

Академиком Ильиным и его сотрудниками разработан, а Главным Государственным санитарным врачом СССР А. И. Кондрусевым 22 ноября 1988 года утвержден «Предел индивидуальной дозы за жизнь», в то время как по представлениям мировой науки не может быть вообще безвредных пределов радиационного облучения, тем более длительного. По логике вещей и моему убеждению, изобретенный лукавыми людьми от науки «предел» является антигуманным и неприемлемым, противоречащим радиационной защите. Он допускает неоправданное и безнаказанное облучение сотен тысяч, если не миллионов людей в пределах БССР, РСФСР и УССР. Достаточно сказать, что предлагаемый политизированной проильинской наукой и поддерживаемый А. И. Кондрусевым «предел» позволил последнему

(письмом от 18.VIII.1989 г. на имя председателя СМ БССР М. В. Ковалева) дать разрешение на повторное заселение деревни Соболи Брагинского района с плотным радиоактивным загрязнением: 25 кюри на квадратный километр по цезию, 2,4 — по стронцию, не менее 0,01 кюри — по плутонию!

Беда народа, в которую свергла его чернобыльская катастрофа, отягощается отсутствием продуманных действий и уловками тех, кто должен был бы прямо и бескомпромиссно встать на защиту его интересов. Как заметил академик Воробьев в том же письме в Гомельский облисполком, отселение людей с загрязненной территории через три-четыре года после аварии *«отражает только одно: первоначальные расчеты возможных дозовых нагрузок были ошибочными, какие бы при этом слова ни произносились, какие бы объяснения ни давались»*.

И еще момент. Несмотря на соответствующее распоряжение Минздрава СССР (1986 г.), в стране не создан единый регистр для лиц, получивших дозы радиоактивного внешнего и внутреннего облучения в результате аварии на ЧАЭС. Только по этой причине информация о медико-биологических последствиях чернобыльской катастрофы всячески размывается, микшируется, уходит в песок.

Всем известно, как терпелив белорусский народ, но за эти три с половиной года его вотум доверия к высокопоставленным лицам, отвечавшим за «ликвидацию последствий» от взрыва радиоактивного вулкана, иссяк. Обюрократившаяся администрация помышляла и помышляет не столько о радиационной защите людей, сколько о сохранении и даже наращивании на загрязненной земле производства. Это было ее кровным делом, если хотите — козырем. Три года кряду на этом росли, преуспевали по службе те же Слюньков, Петров, Кондрусов, Камай, Крутовцова, Кичкайло, Демичев, Паньков.

По утверждениям местных жителей, тружеников села, в потерпевших районах Могилевщины до весны 1989 года возбранялось даже говорить о радиации. А по свидетельству А. Готовчица и Ю. Иванова, корреспондентов «Советской Белоруссии» (см. номер от 28 декабря 1988 г.), на областной партийной конференции в г. Гомеле в докладе эта тема звучала вскользь, да и упоминалась она лишь в связи с тем, что удалось в аграрном секторе компенсировать потери...

Правительственная комиссия, возглавляемая прежде А. А. Петровым, а потом В. Г. Евтухом и Н. И. Дементеем, к третьей годовщине чернобыльской аварии работу по радиационной защите населения завела в тупик — к этому времени за пределами 30-километровой зоны не был решен ни один из узловых вопросов дальнейшей жизни народа. Тем не менее в июле на одиннадцатой сессии Верховного Совета БССР В. Г. Евтух заявил в своем докладе, что главный итог трехлетней работы по ликвидации последствий — это то, что удалось сохранить здоровье людей, уберечь их от заболеваний. Слова прозвучали как чистой воды фарисейство.

Новый этап «ликвидации последствий» в Белоруссии начался с весны 1989 года — с тревожных выступлений общественности, журналистов, писателей и ученых, по своему почину принявшихся разоблачать ложь, фарисейство в чернобыльской трагедии и требующих более радикального подхода к радиационной защите населения.

Из-за халатного отношения к своим обязанностям со стороны титулованных медиков в момент, когда над Чернобыльской АЭС формировались и уносились ветром радиоактивные облака, для населения близлежащих районов даже не была проведена йодная профилактика. И вот итог: 1,5 миллиона человек, в том числе 160 тысяч детей-малолеток,

получили внутреннее облучение щитовидной железы, причем для 50 тысяч детей доза составила 30 — 100 бэр, для 27 тысяч — 100 бэр и выше. Вследствие этого у 37 процентов детей зафиксированы заболевания щитовидки. Такова цена оплошности руководителей и опекунов санитарной медицины — Кондрусева, Ильина и других.

Следует спросить с лиц, причастных к «ликвидации последствий чернобыльской аварии», за продолжительное и преднамеренное сокрытие истинной обстановки в районах радиационного поражения, за равнодушие и халатность в защите самого ценного — здоровья граждан и нанесения тем самым ущерба народу, за лженаучные, компилятивные, с элементами подтасовки «концепции свободного проживания» на загрязненной территории, за злоупотребление служебным положением и растраниживание попусту сотен миллионов государственных средств на строительство, где оно с самого начала было абсурдным.

Кесарю — кесарево, Богу — Богово. Народ и нация не могут процветать без действия институтов справедливости.

Изложенный в этом открытом письме материал и естественное желание защитить ни в чем не повинных людей от дальнейшего произвола чиновников госаппарата и науки побуждают меня обратиться в Прокуратуру Союза ССР и Прокуратуру Белорусской ССР с убедительным ходатайством:

1. О проведении специального расследования и привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, ученых, идеологов, причастных к «ликвидации последствий чернобыльской катастрофы», а также лиц, отвечающих за организацию радиационной защиты населения в Белоруссии, России и на Украине, — Л. А. Ильина, К. И. Гордеева, Б. Е. Щербину, А. И. Кондрусева, Н. Н. Слюнькова, Г.

С. Таразевича и других, — по причине своей халатности и пренебрежения к интересам народа допустивших просчеты, чреватые тяжелыми последствиями не для одного поколения.

2. О тщательном расследовании обстоятельств, усугубивших трагедию белорусского народа после аварии на ЧАЭС, в соответствии со ст. 108 УПК БССР о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц, являющихся гражданами Белорусской ССР и повинных в совершении преступных действий, обратив при этом особое внимание на действия ответственных работников Минздрава БССР: бывшего министра Н. Е. Савченко, бывшего его заместителя, Главного санитарного врача республики А. И. Кондрусева, его преемника — теперь зам. управделами Совмина БССР В. Н. Бурьяка, а также действия заместителя председателя Совмина БССР В. Г. Евтуха, бывшего заместителя председателя Гомельского облисполкома Т. Ф. Крутовцовой, председателя Гомельского областного агропромышленного комитета Н. М. Бусько.

Чернобыльская трагедия требует со всей строгостью и взыскательностью отнестись к должностным лицам, поставившим свои меркантильные интересы или же интересы ведомств, различных управленческих групп и органов управления выше интересов народа.

21 сентября 1989 г.

Р. С. Открытое письмо автора этого сборника, литератора В. Яковенко поддержала большая группа народных депутатов СССР, в том числе писатели А. Адамович, Ч. Айтматов, В. Белов, В. Быков, И. Друцэ, Я. Петерс, В. Распутин, Ю. Черниченко, Ю. Щербак, В. Яворивский, а также академик А. Сахаров, журналистка А. Ярошинская, депутаты-бело-

руссы Н. Игнатович, А. Добровольский, Ю. Воронежцев и ряд деятелей науки и культуры.

Под заголовком «Земля атомного всполоха: Белоруссия « оно было напечатано в «Литературной России» от 27 октября 1989 г.

Результат: письмо приняла к рассмотрению Прокуратура СССР, но только с распадом Союза дело было прекращено.

Обращение рассматривалось также Прокуратурой БССР, о чем дважды уведомяли автора, как-то: «По отдельным вопросам, вытекающим из содержания письма, прокурорами городов и районов, подвергшихся радиационному загрязнению, проводятся проверки, по результатам которых будут приняты соответствующие меры прокурорского реагирования, о чем вам будет сообщено дополнительно».

И вот вердикт за подписью начальника управления С. В. Гусева:

«Сообщаю, что в связи с катастрофой 26.04.86 на Чернобыльской АЭС прокуратурой было возбуждено уголовное дело и проведено расследование. В результате установлено, что должностные лица Беларуси приняли возможные меры по сбору достоверной информации о радиоактивном загрязнении территории республики, воспользовались ею и сделали все возможное для уменьшения последствий радиационного поражения населения. Они выполнили обязанности по охране здоровья населения. Следствие пришло к выводу, что в их действиях отсутствуют признаки преступления. Поэтому производство по делу прекращено».

Ответ С. В. Гусева подписан 27 мая 1998 года.

Браво! Ну и поработал же наш чиновничий генералитет! Все предусмотрели, все выполнили... Так и хочется представить этих кудесников еще и еще раз к высшим правительственным наградам.

Гастуров С.А. ИТ 093 Москва
Бобурини Н.Т. ТО 573 Бобурини
Таланов И.М. ТО 466 Киев

Бенедикт В.И. Ленинград КИСС
Харитонов А.И. ИТ С 22 П.С.С.Р. - Ленинград

Мороз (А.В. Франк) ДР-554
Борисов В.И. Ленинград ТО 455

Сурядан / Ю.Н. Сурядан ТО 469 /
Юсупов / А.С. Юсупов ТО 566 / Демидов А.А.
Сурог. Ленинград

Иванов А.А. Ленинград ТО 394
Колесников А.И. Ленинград

Иванов - Ленинград - СССР
Иванов - К. Чокун ИТ 238

Александров С.С. ИТ 1088 Ленинград

Александров Д.И. сд. Чокун

Колесников А.И. Ленинград

Борисов В.И. ТО 246 Ленинград

Иванов А.А. ИТ. 237 Ленинград

Иванов А.А. ИТ. 238 Ленинград

КОМАНДА ВОРХОВИЦ

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР | СССР-Н ХААК ДЕПУТАТЫ | ДЕПУТАТИ ХААКНИ СССР
 НАРОДНЫ ДЭПУТАТ СССР | ТЭБС ЛИАУДИЭС ДЕПУТАТЫ | УБСУ ЖАЛБАРСУУСЫЛ ЗӨВӨӨДЭС
 СССР ХААК ДЕПУТАТИ | ДЕПУТАТ АА ПОПУЛЯТИ АНИ УЛУУСЫ РСС | СССР-Н ХААК ДЕПУТАТМ
 СССР ХААМК ДЕПУТАТЫ | ЭБЭС ТАУТАС ДЕПУТАТ | СССР-Н ХААК ДЕПУТАТМ
 VIA JZJZTRAOI LJZJZCIN QZJZBJAR | СССР-Н ХААК ДЕПУТАТЫ | NSV LIIDU VANVASAADIK

1989—1994 гг.

„11 «октябрь» 1989 г.

Письмо В. Яковлева по поводу
 не имея Генерального прокурора СССР
 т. Сухарева А. Я. и прокурора БССР
 т. Терновского Г. С. полностью под-
 держивая; вместе с другими
 депутатами требую возбуждения
 уголовного дела против лиц, виновных
 в преступных действиях, о которых
 идет речь в письме.

Бочков НТ-096

Сотрудник милиции СССР

№ 615

Трусов Григорий
 С. П. (Минский обл.)

Добровольский

В. Яковлев

В. Головин

Человек

В. Яковлев

В. Яковлев

Г. Терновский (Минск)

Письмо рассматривать А. Ветерова
 12/12-89 (АН СССР)

В. Бочков 23.11.89

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР

НАРОДНИЙ ДЕПУТАТ СССР | СССР-НИ ХААК ДЕПУТАТ | ДЕПУТАТН ХААКНИ СССР
 НАРОДНЫ ДЭПУТАТ СССР | ТӨБС ИЛДИЙС ДЭПУТАТ | ӨРДВ АРДЫВЕРСЭЛЭЛ ХААКНИС
 СССР ХААК ДЕПУТАТ | ДИПУТАТ АС ПОПОРУВ ДНН УИГУМЕ РС | СССР-НИ ХААК ДЕПУТАТ
 СССР ХААМК ДЕПУТАТ | РҮСЭС ТАУТАС ДЕРУТАТ | СССР-НИ ХААК ДЕПУТАТ
 МА ДЭПУТАТ | МА ДЭПУТАТ | СССР-НИ ХААК ДЕПУТАТ | КСВ ИИДУ ХААКНИСААДИК

1989—1994 гг.

19__г.

В Президиум ЦК КПСС

Исх. № В Я известно, направляемое
 на имя Ген. прокурора СССР тов.
 Сударова А.А. и прокурора Белорусской
 ССР тов. Тартавского Р.С. по месту
 проживания и вместе с другими
 документами прошу безвозмездно упол-
 ном. лица принять акт, выданный в
 отношении заявителя, а копии изъ-
 дать в исх. №

Валентина Раисовна,
 11 октября 1984.

Присоединяется;

Р.А. (Айбулган)

Р.Ю. Чернышова

РОСКОШЬ БЕЗРАССУДСТВА

Эта беда не могла предстать воображению белоруса — ни во сне, ни наяву. На своем веку он, правда, всякого повидал, и самое страшное всегда приходило с войной. Только эта беда явилась невидимкой.

Тревога, ясное дело, была сродни той, которую люди пережили в войну. Она усилилась, когда началась эвакуация жителей из тридцатикилометровой зоны Чернобыльской АЭС, где произошел взрыв. Она усилилась еще и еще раз, когда эвакуация «завершилась», ибо зона поражения радиоактивными веществами (земли и всего живущего на ней) не пожелала вписаться в круг с радиусом в 30 км, а расплзлась, расплескалась вместе с воздушными волнами на сотни и сотни километров — самое малое. Беда стала осознаваться у нас как национальная трагедия, то есть такое несчастье, при котором затрагиваются коренные интересы всего народа и страдает народ и терпит многократно.

По официальным и весьма далеким от совершенства данным, на загрязненной радионуклидами территории в Белоруссии проживает два миллиона 200 тысяч человек. По тем же данным, накопление злополучных частиц энергии (цезия-137, стронция-90 и др.) в организме человека, исподволь нарастая, выравнивается по всей республике, независимо от степени загрязнения земли (возьмем себе на заметку). А это означает, согласно распространенным во всем мире представлениям ученых о линейном или беспороговом влиянии любых доз радиации на живой организм, что практически каждому, кто живет

на этой многострадальной земле, угрожает опасность бомбардировки плоти на молекулярно-клеточном уровне. Причем, поломки врачи пока не научились своевременно определять. Вот где корень проблемы, и вот в чем национальная трагедия!

Передо мной на письменном столе карта Белоруссии. Немного воображения. Представим себе то, что есть там, в натуре: громады городов, химкомбинаты, заводы и шахты, крупные животноводческие комплексы, склады с костями крест накрест на дворях — всей этой промышленности в пятьдесят раз больше, чем было в 1940 году! И все это чадит, выплескивает, выхаркивает, извергает в воздух и в реки, озера такую массу агрессивных по отношению к человеческой плоти веществ, что, если бы они не размывались и не уносились ветром, на земле (лишь за несколько лет) образовался бы плотный осадок некоего вещества серого или коричневого цвета, который напрочь перекрывал бы на лугах траву-мураву и прочую растительность.

Вся земля в язвах, почвенный слой деградирует, водоносный горизонт все глубже загрязняется нитратами и прочей техногенной отравой. Неуютно становится человеку в родной — увы! — агрессивной среде, и живой организм отзывается на эту агрессивность прежде всего стрессовыми и аллергическими состояниями. Уж нам-то, уверяю вас, хватило бы острейших экологических проблем и без Чернобыля! Так поди ж ты: большая часть — две трети выбросов мощного радиационного вулкана — лежит под ногами у белорусов.

Теперь это общее отрицательное воздействие химических веществ и радионуклидов сочетается; помогая друг дружке, они наносят удар по внутренним органам в два, в три, четыре раза больший, чем каждый компонент в отдельности. Об этом свидетельствуют исследования белорусских ученых. Вот

почему, отселив часть людей с загрязненной территории (подчас на загрязненную землю опять!), правительственные служащие явно поспешили с рапортом об успехе в проведении «ликвидации последствий чернобыльской аварии».

Эфемерный «успех» позволил им успокоиться и самоустраниться от дальнейшего решения острейших вопросов радиационной защиты и материального обеспечения жителей многих потерпевших городов и поселков, множества деревень, сделать передышку (на три—четыре года!) в переселении народа на чистые земли. Сложная радиационная ситуация в республике еще и еще раз усложнилась и сделалась на сегодняшний день тупиковой.

Я смотрю на карту родной земли, такой чарующе красивой, воспетой песнярами, озвученной, одухотворенной народом. На этой земле мои дети и внуки, к сожалению, уже не смогут увидеть и половины того богатства красок, ощутить того великолепия звуков и тихой, едва осязаемой нетленности природы, что пришлось на мое детство.

Сегодня я думаю о Чернобыле и, странно, никак не могу отрешиться от образа «игрока» с прокуренными усами и трубкой в руке, открывшегося мне вдруг в полной мере при чтении в «ЛіМ»е (1988, №№ 43—45) занятой публицистической статьи — «Как она начиналась» — Ивана Ласкова, белорусского литератора, живущего в Якутии. Он пишет о начале Великой Отечественной войны и даже не о самой войне, а лишь о том, как она начиналась, почему стала для нашей страны «неожиданной», несмотря на многочисленные донесения разведки и проч. и проч.

Глубоко исследовав архивные материалы, высказывания, речи «отца всех народов», логику вещей, И. Ласков подводит читателя к единственно верной, на мой взгляд, мысли: «отец» всецело был захвачен

политической игрой, в которой преследовал прежде всего вождистские цели, он был уверен в силе Советского государства, силе Красной Армии, своей силе, но недооценивал мощи Германии и жаждал боев с гитлеровской армией. Потому-то все-все до последнего момента и делалось не для предотвращения войны или хотя бы отражения первого удара, а как раз наоборот — чтобы своим бездействием спровоцировать этот коварный удар.

Понятно, не для полемики с читателем восстанавливаю в памяти этот эпизод, да и волнует меня не столько прошлое, сколько судьба народа в столь роковых послеаварийных обстоятельствах. Чернобыльская трагедия тоже предопределила своих «игроков» и, вероятно, это уже непреложный факт: там, где есть трагедия — есть «игроки», где есть «игроки» — есть или же скоро будет трагедия народа, нации.

«Мы не пошли по миру с протянутой рукой. И — выдюжили». Точно как в оперетке: «Все хорошо, прекрасная маркиза, за исключением пустяка...» Дом-то сгорел... или нет?.. *«Главный итог — это то, что удалось сохранить здоровье людей, уберечь их от заболеваний, обусловленных радиацией».* Ба! Ария другого лица. «Игра» продолжается. Прошлой осенью в Доме литератора у одного из матерых «игроков», пришедших на сход писателей, писатели спросили, как правительство распорядилось загрязненным мясом, которым, начиная с 1986 года, были забиты холодильные камеры мясокомбинатов. «А его больше нет!» — ответил «игрок». — «Куда же поде-ли?» — «Зарыли в могильник». — «А где тот мо-гильник?» — «В Хойникском районе». И вся сказ-ка. А могильник тот еще никто не отрыл.

Ровно через месяц после этого схода рабочие Го-мельского мясокомбината передадут мне коллектив-ное письмо с жалобой: их заставляют возиться с гряз-

ным мясом, хранящимся здесь с момента аварии на ЧАЭС; остаточный запас этого «добра» — 110 тонн — не много, но он постоянно пополняется поступлением на мясокомбинат загрязненного скота; все это мясо перерабатывается на мясокостную муку, которая добавляется в комбикорм. Рабочие законно требуют от администрации доплат за работу со «святым» мясом, но их никто и слушать не хочет...

По другим холодильникам этого мяса около двух тысяч тонн. А было — 27 тысяч, разница пущена в дело, частично пошла в колбасу.

Матерый «игрок», отвечая на вопросы писателей, сообщил также, что все полученное в послеаварийные годы и содержащее радионуклиды сверх дозволенного уровня зерно пущено в переработку на спирт. (Куда брага идет, умолчал.) Но представитель Госагропрома СССР А. П. Павлов, насколько мне известно из центральной печати, дал иного содержания справку: *«Все зерно, полученное в 1988 году на загрязненной территории БССР, полностью использовано на продовольственные и фуражные цели».*

В своих прежних публикациях, посвященных чернобыльской трагедии, я подробно останавливался на путях и средствах распространения радиации по всей республике, что делалось и делается полусознательно, слепо, безответственно и преступно, простите за последнее слово, если оно будет резать слух некоторых читателей и почитаемых благодетелей наших, а мы, как-никак, на них уповаем.

Недавно я побывал в Остроглядах — выселенной огромной деревне Брагинского района. Так вот там, как ни в чем не бывало, действует ферма по откорму крупного рогатого скота, и все земли в зоне отселения возделываются (сеют хлеб, кукурузу) вплоть до самой колючей проволоки. Рассказывали селяне, обслуживающие ферму, что эту доброхотскую практику выхватывания каштанов из огня завел

бывший первый секретарь райкома Г. Н. Паньков, затем в обкоме она была поддержана, развита многими хозяйствами области. Животные здесь, понятное дело, содержатся на кормах собственного производства — с фермы в откормленном виде «светящиеся» быки поступают прямо на мясокомбинат. Заслуги Г. Н. Панькова в «ликвидации последствий чернобыльской аварии» были высоко оценены, и он руководит теперь соответствующим чернобыльским отделом Совета Министров БССР. Такова карьера.

Для всех «игроков», как известно, характерна «неистовая» работа на благо народа, общества, и тут, как правило, на первый план выдвигается задача накормить прожорливую массу, аппетит которой не сбивала даже радиация, успокоить орду, служащую трудовым ресурсом, живой энергетикой. Один накормил и ушел героем. Другой накормил и, уходя, убегая, остушился, подвернул ногу. Прихрамывает. Третий... Попотчевали нас, слава богу, колбасой с луковой начинкой и прочим вдоволь. Что день, то радость, а слез не убывает.

«Гомельщина больше не производит загрязненных продуктов!» — веско прозвучало на всю республику в телепередаче из Гомеля 20 января этого года. Опять мы взяли Бастилию! О боже! И было бы смешно, если бы не было так грустно. Вертится, вертится, и никак не остановить раскрученный за десятилетия маховик самообмана, лицемерия, лжи. Лицемерие стало политикой, оно преломляется в перестройке, и от этого никуда не денешься. В этом неверном свете, вырабатываемом, можно сказать, порочной динамо-машиной ветхозаветного социализма, придется начинать свою работу и новому составу Верховного Совета БССР.

Разгадаем ли мы вместе с народными депутатами и изменим ли, изживем ли бюрократические игры и шаманство там, где нужна подлинная забота о своем

кровном землячестве, о широкой громаде, о народе и нации? Не упустим ли шанс? Ведь сегодня, на исходе четвертого послеаварийного года, в чернойбыльской эпопее, по сути, не поставлен кардинально и не решен ни один из важнейших вопросов бытия, в том числе вопрос о прекращении распространения пылевидного ионизирующего излучения по всей республике и на всю популяцию, — напротив, это дело сверху как будто даже поощряется.

Не заметил я и подлинного намерения сегодня честно, участливо в народных традициях организовать переселение жителей потерпевших районов. Потому отнюдь не случайны забастовки в Наровле: мне знаком их дух, и я не могу не принять сторону бастующих. Философ Гумбольдт тысячу раз прав: «Народ, который с полным сознанием прав человека и гражданина разбивает свои оковы, являет собой прекрасное, возвышающее душу зрелище».

Оковы на нас незримые. Рабское мы носим в душе.

Но что же заставляет наровлян бастовать? Переселение, ведущееся через пень-колоду. Под Новый год я слышал от рабочих Наровлянского завода гидроаппаратуры: «С тоски вольного свету не видим. Все якобы делается для переселения, а по сути, если разобраться, делается так, чтобы люди не переселились». Потом эту же мысль, возникшую из его собственных наблюдений, выскажет мне секретарь Брагинского райкома партии В. Я. Шейн, да и в Хойниках с ним согласятся.

Что же происходит?

Согласно принятой Верховным Советом БССР Программе действий по спасению народа, запланировано поэтапное отселение, и вот первое, что правительством в предвыборных хлопотах и деятельной горячке объявило: аврал! Надо в срочном порядке переселить 7454 семьи, для чего изыскать свободное жилье по крупным городам и чистым безоблачным весям.

Туговато, надо сказать, изыскиваются резервы, везде на квартиры очереди, и переселенцы подчас, приезжая на место своего выбора, находят отнюдь не дома, а лишь колышки, забитые в землю, где жилье для них только планируется построить. Но и это не все.

Многие, желающие переселиться из той же Наровли, привыкли к соседям, родне и не решаются пойти на этот шаг отдельно, семьей. Иные, переселившись, вернулись обратно. Определенной части населения отказывают в открепительных талонах, дескать, у вас нет противопоказаний к проживанию на загрязненной территории, нет болезней, нет малых детей... Ждите. Кошунство проявляется уже в самом списке противопоказанных состояний и недугов для организации отселения, составленном чиновниками от медицины, которых втянули в игру. Разве не ясно, что для всех людей, без исключения, опасно продолжительное ионизирующее облучение?

Теперь о главном. Существующий общественный уклад жизни и бюрократическая шкала ценностей в районах делают невозможной истинную заботу руководства района о людях, особенно о тех, кто хочет переселиться. Панькова, Потапова или Лаптева ценят не за доброе отношение к людям, нет. У них иные задачи. Паньков заинтересован не выпускать людей из района. Не потому ли ни один из секретарей райкома или председателей райисполкома не возглавил организованное переселение жителей из того или иного пораженного предела на чистые земли?! А если рассматривать поведение некоторых из них по гамбургскому счету — это подобно на предательство интересов народа, как бы горько это ни звучало.

Люди, чуя неладное, болея и изнемогая от неопределенности, отселяются, секретари же до поры до времени остаются на месте и зазывают в эти за-

грязненные районы новые трудовые ресурсы, как правило, из-за пределов республики, из Караганды, из Воркуты... Зачем?.. Чтобы там, на проклятой богом земле, не упало производство.

И едут подвижники за длинным рублем, за двойными окладами и «гробовыми» для себя, для детей...

Безнравственность работодателя-временщика, его бездуховность готовы обернуться тут насаждением, широким посевом и культивацией массовой, тотальной бездуховности. Налицо уже первые плоды. В Стреличево Хойникского района приехала семья из пяти человек, трое детей... Никто не работает, живут на доплаты. То же в Брагине. Там у приезжих пятеро детей, и родители, спекулируя на их здоровье, пьянствуют.

Первым, кто в Хойниках с тревогой заговорил со мной о перерождении общества за счет приезжей швали, бичей и т. д., был начальник районного отделения милиции Ю. А. Афонин, вероятно, один из самых рассудительных и интеллигентных граждан этого города: *«Преступность в районе нарастает просто катастрофически, и никто не думает о будущем подобных городков, которым грозит двойное загрязнение».*

Однако поднимемся выше, на областной уровень управления. Во время своих путешествий по загрязненным районам летом прошлого года я успел убедиться, что как гомельское, так и могилевское областное руководство придерживаются той же политики сдерживания своих трудовых ресурсов и стараются переселять потерпевших от чернобыльской аварии, коль уж на то пошло, в пределах своей области. И здесь истинная забота о человеке на втором плане. Заместитель председателя Гомельского облисполкома В. Н. Сыч, повитийствовав о широких возможностях для спасения загнанной в угол народной души, выразил свое отношение к организованному

переселению колхоза имени XXI съезда КПСС Хойникского района на земли колхозов Скворцова и Майорова Стародорожского района, к примеру, о чем я ходатайствовал, в лаконичной реплике: *«Мы не собираемся распускать Гомельскую область!»* Что это? Территориальный эгоизм? Местничество? Впрочем, не про нас будь сказано, «игроки» достигают своих целей и через удушение собственного народа.

Сыч — не «игрок». Он часто называет себя маленьким человеком. Скромник. Сыч, ясно, пляшет от печки... Не будем чрезмерно придирчивы к человеку. Полно.

Несколько часов кряду продолжалась наша беседа с А. А. Граховским, первым секретарем Гомельского обкома партии. Спорили о различных подходах к народному горю, о возможных путях разрешения переселенческих проблем. Александр Адамович, против моих ожиданий, оказался уступчивее, конструктивнее в своих обставленных многими и многими околичностями суждениях, в извилах мысли, несвободной порой от вчерашних стереотипов, но уже ломающей их. Он поддержал тезис об организованном коллективном переселении доведенных до отчаяния сотен тысяч людей и сказал даже, что ставил этот вопрос на одном из высоких совещаний в Минске. Да, он предложил там вполне отвечающий моменту и духу народной трагедии вариант: менее пострадавшие от чернобыльской бомбардирующей ионизации области берут шефство над несколькими районами Гомельщины целиком, как в их переселении, так и обустройстве на новом месте, организации медицинского обеспечения населения... При этом как можно больше должна учитываться воля переселенцев, что позволит сохранить хоть некоторые коллективы, и люди не будут расплываться по ветру... А на Гомельщине хлопот хватит, заметил он, и

без этих пяти—шести районов, которые, на здоровый лад, только и остается засадить лесом.

В сказанном, может быть, впервые пробивалась, проклевывалась готовая народиться концепция, или, если хотите, стратегическая мысль переселения, которой, увы, пока еще нет в республике, несмотря на принятую Программу ликвидации последствий и даже некоторый опыт в переселении. Но Граховского там никто не услышал, никто не отреагировал на его предложение. Более того, на январском заседании Комиссии ЦК КПБ и Совета Министров по Чернобылю заместитель председателя СМ БССР А. Т. Кичкайло буквально вознегодовал, когда представители Гомельской и Могилевской области — Сыч, Иванов, — докладывая о настрое людей, попытались защитить идею коллективного переселения. Кичкайло грубо оборвал на слове того и другого.

Наконец, в сцеплении непростых проблем, в сращении судьбоносных для народа вопросов стоит старый, как мир, вопрос об ответственности должностных и высокопоставленных лиц, чьи поступки и действия после чернобыльской беды разошлись в представлении народа с добродетелью.

Для упрощения разговора умолчим уже о трехлетнем утаивании информации и последствиях, к которым эта «невинная» ложь привела. Московские чиновники и сегодня тормозят выпуск в Белоруссии эффективного гамма-бэта-дозиметра «Сосна». Правительственной комиссией В. Дагуджиева запрещено поставлять республике детали, комплектующие схему «Сосны»... Возьмем другую сторону дела, где «ликвидация последствий аварии» положительно была доведена до абсурда. Это — строительство поселков для переселенцев на той же зараженной земле — явление, согласитесь, не редкое, а тем более строительство школ, больниц, дорог, мемориальных объектов, животноводческих комплек-

сов в районах с уровнем радиации по цезию выше 40 кюри на квадратный километр, то есть строительство в зоне жесткого режима. Разве не ясно было, что людям там больше не жить?

Простите, для кого же это было не ясно?.. Я часто бывал на загрязненных землях, и видел, как народ мается, специалисты, в том числе медики, представляли селения даже с невысокой в общем-то радиацией. Теперь, однако, в Хойниках, в Брагине слышу панегирики в адрес А. А. Петрова, бывшего зам. председателя Совмина БССР, предшественника Евтуха и Кичкайло в тушении чернобыльского пожара. Мол, цепок был и проворен, дела кипели при нем... Понимаю. И надо же с таким слепым упорством строить и строить, выбрасывая к чертям собачьим средства, ресурсы на сотни и сотни миллионов рублей. Нет, не могу я принять в качестве оправдания государственного деятеля подобные слова: не знал, не видел, не учел... Нельзя так примитивно представлять ситуацию. Дело в том, что при утаивании информации ставка делалась совершенно на иное: на задабривание людей деньгами, на формальное улучшение инфраструктуры. Пребывая в тумане, люди должны были пожертвовать здоровьем своим, здоровьем детей... Это надо было, чтобы сохранить «престиж Родины», на деле — правящей бюрократии, и сохранить для нее трудовые ресурсы.

Мысль верна, ибо на воротиле Петрове дело не кончилось и строительство в зоне предстоящего отселения продолжается по сегодняшний день. Наровлянцы бастуют, требуя отселения. Отселять их как будто и некуда. В то же время в Наровле строятся 9-этажные жилые дома!

В Хойниках строится новый роскошный роддом, прокладываются водопроводы, газ, асфальт к деревням, жители которых ждут не дождутся переселения. Так для кого же все это сооружается?

Подобная же практика в Брагине. Уже после того, как ситуация с отселением брагинцев, по их настоянию, стала совершенно ясной, в «светящемся» микрорайоне закладываются 5-этажные жилые дома, И строятся. Наровля и Брагин — не исключение. Майский и Стреличево — тоже. В Наровле ждут, появится ли наконец между этими высокими домами перекладина с неким чучелом, подвешенным кверху ногами...

То, что все понастроено в послеаварийные годы — это роскошь безрассудства и бесстыдство политиков. На те выброшенные сотни и сотни миллионов рублей сколько людей уже можно было бы переселить?!

Но мысли администрации заняты подготовкой селений, созданием квартирных условий для новых жильцов, которых заманивают сюда льготами. Приезжают «радиостойчивые» граждане, у которых чаще всего есть дети, но квартир нет. Поживут они, помаются по несколько лет и тоже потребуют переселения. И кажется, что эта карусель будет крутиться вечно. Деформации произойдут в демографии. Не решив одних насущных проблем, бюрократия создаст для себя, а главное — для общества — новые. Ответственности республики еще предстоит дать этой затее «доброхотов» свою политическую и нравственную оценку.

Думаю, не надо доказывать: Чернобыль сегодня — это прежде всего политика и политическое решение вопросов. Народ уже не проведешь. Читатель газеты «Советская Белоруссия» П. Бич в заметке от 21 января 1990 г., затронув вопросы национального языка, верно, очень верно выходит на главную проблему в жизни белорусов — проблему культуры и национального самосознания. Об этом, пишет он, задумался после чернобыльской аварии. Нам не хватало чувства национального достоинства. Админис-

трация же слепо выполняла указания сверху. Дословно: *«Если бы наши руководители имели высокое национальное самосознание, такого бы не случилось»*. Да...

Но неужели же мы так и будем спокойно созерцать, как транжируются огромные государственные средства, а дело с элементарной радиационной защитой населения республики откладывается в долгий ящик, временные допустимые уровни (ВДУ) не отменяются, того и гляди, станут нормой, переселение тоже под угрозой срыва... «Игроки» сплелись круговой порукой. Глухо и глупо, господа!

Учителя Новоселковской средней школы Хойникского района передали мне кипу бумаг. То же предложили в другой школе — Стреличевской... Приведу всего несколько строк из одной челобитной: *«Как и сколько можно ждать спасения? Все говорят о гласности, о перестройке, о молодежи, связывая с ней будущее. А разве будет полноценным молодое поколение, если никаких условий для жизни нет. Земля заражена, продукты — тоже. Возле нашей деревни Новоселки три года назад сделали свалку, куда свозят мусор и всякую радиоактивную дрянь со всего района. Свалку никто не закрывает, хоть мы обращались к местным властям. Мусор раздувается и разносится ветром, а наши дети гуляют по улице. Врача в деревне нет, зато через одного болеют. Из Минздрава — отписки. Слишком скоро забыли об этой трагедии»*.

Утешать на месте людей не приходится, народ нечем уже утешить, кроме веры, если она у него еще осталась, веры в собственные силы, свою предприимчивость и вообще хорошее творческое начало. Ох, как не привыкли — отучены — наши уважаемые «массы» к самодеятельности и все выглядывают за околицу, судят-рядят: вот-вот он, спаситель, придет, — он где-то там, за высоким бугром, задер-

живается. Десятилетиями людей к этой «дядиной» спасительной миссии приучали.

Три года ездят, маются, ищут благословенный уголок, куда бы навек переселиться, стреличевцы. Обследовали пространства до самого Кавказа, и нигде для них никто хоромов не построил — беда! А пора бы и якорь кинуть в том или другом районе, взяться самим за топоры (силы-то в хозяйстве недюжинные!) да и от государства потребовать самой настоящей, подлинной и оперативной помощи ресурсами, фондами. Ведь только на существование совхоза «Стреличево» в этой зоне в течение трех лет государством истрачено десять миллионов рублей. Кому это выгодно?.. И есть ли в этом хоть капля рассудка? Пора бы уже и от «игроков» потребовать перейти в свою артель, в плотники.

В Хойниках, при встрече с коллективом завода «Салют», у меня спросили, как я в идеале представляю решение чернобыльских проблем в Белоруссии. Я не уклонился тогда от прямого ответа, но ответил кратко. Здесь, однако, в газетной статье, мне, кажется, удалось более пространно изложить свои взгляды на вещи.

ЧЕРНОБЫЛЬ: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ

Атомный реактор взорвался в обществе, омороченном в недалеком прошлом высокими идеями, идеалами, верой в особую, якобы, миссию людей с партийными книжками в кармане — всем тем, что уже изрядно поизносилось, потеряло свои связи с реальностью. Увы! На изломах открылись зияющие пустоты.

Декларированная перестройка в стране началась при сохранении позиций административно-бюрократического персонала, коррумпированного чиновничества, за все берущегося и ни за что не отвечающего, состоящего в альянсе с некоторыми «светилами науки». Весь этот верхний этаж управления, отслоившись от самого народа, жил своей жизнью, оберегал свои партийные и государственные тайны, к числу коих относилось и извержение вулканов.

Но только чернобыльский радиоактивный вулкан не удалось упрятать в сейфы с секретными материалами — забило тревогу международное сообщество. «Секрет» был раскрыт, и факт взрыва, пожара на АЭС признали, куда денешься, но до той новой гласности, что проявилась при раскрытии, например, трагедии Куропат и восхищала нас, в этом случае было далеко.

Первыми консультантами в ликвидации последствий аварии для местных властей стали не ученые типа В. Б. Нестеренко, а работники определенных учреждений, и прежде всего КГБ. Они же опекали и ученых, да и в целом медицину, печатавали радиометры в государственных учреждениях, препят-

ствовали проведению объективных, подчас независимых исследований.

Помнится, летом и осенью 1986 года, делая вылазки в потерпевшие от аварии районы, я привозил в Минск продукты, свежее мясо, молоко для контрольной проверки. От содержащейся в них радиации приборы зашкаливало и лаборанты от ужаса хватались за головы, а там, на месте, в Василевичах, Калинковичах, Хойниках, Краснополлье все это признавалось в пределах «нормы». В контрольных лабораториях отказывались проверять продукты питания, приобретенные в государственной торговой сети, и это не случайно: по совершенно секретному благословию Минздрава СССР в колбасу шло мясо, нашпигованное радионуклидами.

Факт: из 27 тысяч тонн «светящегося» мяса, заготовленного в нашей республике в 1986 году, пошло в дело почти все; остаток же — 3 тысячи тонн — перерабатывается в мясо-костную муку, т. е. по-прежнему включается в пищевой конвейер, как и обрат от загрязненного молока. Известны и другие пути распространения радионуклидов.

Потому министр здравоохранения БССР В. С. Улащик, вступая на совещании государственных служащих и специалистов в городе Могилеве, сделал красноречивое признание: содержание радиоактивных элементов в организме человека выравнивается по всей республике, независимо от загрязненности окружающей среды, почвы. Да и в почвах, вероятно, происходит то же самое.

Государственная машина работала и работает не столько на радиационную защиту населения, сколько на сохранение тайны, на сокрытие опасности, угрожающей народу и нации. Отсюда и успокоительная ложь ученых мужей, выступающих от политики и медицины.

Примерно через месяц после аварии тогдашний министр здравоохранения БССР Н. С. Савченко в своем интервью газете «Советская Белоруссия» докладывал: *«Делая сейчас расчеты для всего населения республики, от самых неблагоприятных деревень до Минска, мы не видим ни в одном случае превышения допустимого уровня (1)».*

В настоящее время обстановка в республике вполне нормальная, во всех районах Гомельской области ведутся сельхозработы». Так не сукин ли он сын? И чем похвальнолся?..

3-е Главное управление Минздрава СССР, олицетворяющее интересы атомного ведомства, тем временем засекречивает «сведения об аварии, сведения о результатах лечения, сведения о степени радиационного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС».

Результат: болезни, вызванные радиационным поражением ликвидаторов и местного населения с облучением не связываются.

А в целом, замечу, такое продажное поведение медиков, и, главным образом, управленческого звена радиационной медицины, привело к тому, что парламент Белорусской ССР, белорусское правительство оценили катастрофическое положение своего народа и подали сигнал SOS лишь четыре года спустя (без малого) после случившейся катастрофы, размеры которой, по радиационным выбросам, компетентные люди сравнивают с условным взрывом 90 атомных бомб, сброшенных на Хиросиму. Две трети этого зловещего потенциала пришлось на территорию Белоруссии. Причем, в расчет пока не берутся свинец и другие отравляющие химические вещества. Да и к плутонию отношение «индифферентное»...

Вопрос: есть ли алиби у функционеров Минздрава СССР и БССР? Да, заявляют они, на них давили «сверху». На них давили, и они отрекались от свое-

го профессионального долга, от нравственных принципов, своего духовного Я, они ввергали народ в пучину длительного ионизирующего облучения, скрытых болезней, ведя дело, по существу, к геноциду. Не напоминает ли эта позиция «исполнительности» некоторые эпизоды нашего недавнего и страшного прошлого? Я имею в виду 1937 год, и не только...

Я не хотел бы отвечать на этот вопрос утвердительно. Что-то, однако же, есть... Определенно! И как быть? Примем ли мы их бесхребетность, малодушие, гражданскую слепоту и нравственное вырождение в качестве оправдания? Вряд ли... Так же как и злополучную, грубую властную силу тех, кто командовал и «давил» в Москве, Киеве, Минске и Гомеле, кто замещал правду ложью и на национальной трагедии в условиях информационного вакуума делал карьеру. Впрочем, это особая тема. Эти вопросы сподручнее было бы рассмотреть органам правосудия... в правовом государстве.

Население республики (особенно в загрязненных районах) томилось в неопределенности, в предчувствии нехорошего, а то и реальном ощущении беды. По условиям медико-санитарного и правового существования оно оказывалось как бы в ловушке, в капкане с глухими бюрократическими стенами. Три года что-то строилось в зоне жесткого режима, подновлялись заборы, укладывался асфальт. И три-четыре года не переселялись люди из деревень, рекомендованных учеными к срочному выселению. Ломачи... Чудяны... Бартоломеевка... Новоельня... В знак особых заслуг в деле умиротворения и усыпления рассудка своего народа, продолжавшего трудиться на радиационном пожарище, были отмечены значительным повышением по службе и поощрены товарищи Слюньков, Кондрусев, Петров, Камай, Крутовцова, Паньков...

Благодаря гражданскому недомоганию, славолюбию и пенсионному стечению обстоятельств бывший министр Савченко возглавил... общество милосердия.

Большей насмешки над православным народом со стороны властей в Белоруссии, пожалуй, еще никогда не было.

На память невольно приходят строчки из «Песни о зубре» Миколы Гусовского:

Гонар, сумленне зямных уладароў, здаецца,
Спяць беспробудна. Усе іх учынкi і справы
Людзям на гора, дзяржаве ж — шкоду і страты.

Тут, как видим, XVI и XX столетия сходятся и накладываются друг на друга.

В этих условиях сложная и трудная задача стояла перед теми писателями, кто привык оголять истину, исследовать суть вещей, воссоздавать в своих произведениях образ времени. Здесь необходимо было разрушить невидимую на глаз ловушку, саркофаг из лжи и лицемерия, возвышающийся над головами сограждан.

Первую попытку в этом направлении предпринял Алесь Адамович. Его статья «Честное слово, больше на взорвется» («Новый мир» № 9, 1988) озадачила идеологов так называемой ликвидации последствий Чернобыльской аварии, авторов нового, невидимого околонучного саркофага — Л. А. Ильина, К. И. Гордеева и других. И они кинулись опровергать Адамовича, зашпаклевывать в глухих стенах своего венценосного сооружения трещины.

Вторая попытка нанесения удара по этой крепости принадлежала тоже литератору, выступившему в январе 1989 года на пленуме правления Союза писателей СССР. Его выступление, опубликованное «Литературной газетой», возымело определенное действие. От этого публицистического ядра в массив-

ной бюрократической стене образовалась брешь, и, две-три недели спустя, в «верхах» началась эдакая «взвешенная» и «благородная» работа по рассекретиванию чернобыльской информации, чему способствовала, кстати, и встреча представителей общественности с первым заместителем председателя Совета Министров БССР В. Г. Евтухом, руководившим тогда ликвидацией последствий аварии.

Устроенная по инициативе Союза писателей, эта встреча в зале Дворца профсоюзов разворошила и, по правде сказать, оставила без ответа многие животрепещущие вопросы. Она транслировалась по республиканскому телевидению, что способствовало пропаганде знания, изучению ситуации телезрителями, прозрению и пробуждению народа, начинавшего и без того роптать. На органы управления надвигалась гроза. В конце марта 1989 года трудовыми коллективами Славгородского района Могилевской области, например, была вполне компетентно, толково, обоснованно составлена, подписана и скрепленна тринадцатью печатями петиция в Верховный Совет БССР. В ней содержались требования к правительству и местным властям, звучала забота о своей родной и несчастной земле. Вот как ставилась этим документом одна из насущных задач:

«Устранить перекосяк и перераспределение радиоактивных элементов на территории района.

Для чего:

а) посадить ремизы (кустарниковые насаждения) с учетом «розы ветров», чем предотвратить разнос радиоактивной пыли с полей;

б) принять самые жесткие меры и привлекать к уголовной и административной ответственности лиц, виновных в сжигании соломы, несхошенных лугов и пастбищ, порубочных остатков, сжигании мусора при уборке огородов, улиц, дворов. Весь мусор и зола из топок печей должны свозиться в специально построенный могильник для захоронения».

Май месяц ознаменовался консолидацией ученых Белоруссии, можно сказать, на платформе АН БССР, подавших «наверх» коллективно составленную, пространныю и впечатляющую результатами радиологических исследований справку, пока — «секретную».

Руководству республики было над чем задуматься, и оно задумалось, кажется, впервые за три года. С этого момента наши ученые и правительство наперобой взялись утверждать и отстаивать ту самую концепцию, согласно которой человека нельзя заставлять жить там, где он не может производить на земле чистую продукцию. Гениально и просто. Но ведь чтобы придти к этой мысли, потребовалось поставить под сомнение и разрушить академический ильинский околонучный саркофаг. Да и то сказать, в этом виртуальном железобетонном сооружении лишь одна стена выломана. Остальные охраняются штыками последователей Ильина, и вскоре 92 ученых мужа, не надеясь на силу и доблесть своих постулатов, обратились к Михаилу Сергеевичу за помощью: административно себя как-то проще утверждать! Ну а дорога туда, надо полагать, была проторена ими с первых дней аварии.

Но только оценив ситуацию, встал на сторону белорусских ученых национальный парламент, писатели, интеллигенция, Белорусский экологический союз, а также Белорусский народный фронт, превративший однажды столичный Ленинский проспект в «Чернобыльский шлях».

Судя по выступлениям в печати, наше родное белорусское правительство непоследовательно и мечется, не зная подчас, к какому берегу науки примкнуть и что принять за основу. Вопрос, кто в этой борьбе возьмет верх? Нервы у наших политических мужей в ряде случаев не выдерживают — они, да, они хотели бы определенности; они, полагаю, согла-

сились бы на любую концепцию. В минуты слабости наши высокие мужи начинают поругивать этих доморощенных простофиль ученых за то, что они, якобы, мало делают и, ввязавшись в борьбу, никак не договорятся со своими московскими коллегами. Упрек этот надо читать так: пора бы уступить жрецу радиологической науки Ильину и его команде. Поспорили, показали себя и — хватит! Там центр, как-никак...

Возвратимся к аварии.

В момент эвакуации населения из 30-километровой зоны всеми, за редким исключением, участниками и организаторами этого дела было проявлено, немало энергии, мужества, беспокойства и самообладания. В полной мере к неистовым людям следует отнести и А. А. Граховского, тогда — председателя Гомельского облисполкома. Но ведь вся эта катавасия осуществлялась в атмосфере острой информационной недостаточности (потому и катавасия), в условиях засекречивания данных о радиационном поражении территорий, населения и животных, нелепых слухов и правды, выглядевшей на фоне лжи также нелепо.

Прошли, как видите, годы, и многие из чернобыльских «тайн» обнажились, люди стали трезветь, изменилась в республике общественно-политическая ситуация. А Граховского, ставшего первым секретарем Гомельского обкома партии, по-прежнему волнует чернобыльский хаос, представьте себе, волнует морально-нравственный надрыв и пустая трата энергии, отсутствие логики в хозяйственной деятельности, твердых научных критериев и, если продолжить в этом же духе, — отсутствие у ряда ученых гражданской позиции, усердия, быть может, подвижничества (одного из таких немногих подвижников хочу назвать — это А. Е. Волков, инженер-исследователь из Пинска).

А изменившуюся на сегодняшний день ситуацию, по-моему, следует определить так. Политики, вожди и администраторы-функционеры, натешившись плодами своей авторитарной деятельности, устали от бремени взятой на себя ноши. Народ не тот пошел, сочувствия мало. Теперь они склонны в выборе решений уступить место ученым, и люди с надеждой оглядываются на бескомпромиссных белорусских, украинских ученых. А те не спешат овладеть ситуацией, ибо чопорная проильнинская наука, действуя на практике административными методами, вносит разлад в научный потенциал республики. В упряжке этой, с позволения сказать, «науки» плетется в никуда и Минздрав. Там уже не первый год манипулируют дозами ионизирующего облучения и, как истинные алхимики, перераспределяют на глаз «допустимые» уровни, нормы. Как показала горькая практика, функционарами от медицины признается за «норму» все, что ни случится, все, что бог ни пошлет. Уж не опошление ли этой самой медицины?!

Вопрос сегодня стоит не так: хороша или нехороша для нас 35-бэрная концепция? Вопрос, если изложить его более популярно, ставится иначе: принимать ли на себя население, всей популяции нагрузку облучения, допустимую для работников атомных станций, жить ли в условиях атомного двора?

Минздравом вообще снято упоминание о предельно допустимых уровнях облучения населения. И, если это произвол, то где же наши защитники — институты права, профсоюзы, призванные принимать участие в судьбах трудящихся, горожан, селян, где голос, позиция, гонор ВЦСПС?

Чернобыльская эпопея сегодня требует активного переосмысления, дальнейшей экологизации действий, принятия щадящих здоровье, чувства, настрой, душу народа неотложных мер.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Меня долго испытывали, и испытывали не только меня, закрывая на все запоры объективную информацию. С первых дней аварии я предугадывал, чуял нюхом, сердцем чувствовал: началась возня, игра напропалую, разыгрывание карты Чернобыля, дескать, оградили 30-километровую зону — и никаких гвоздей! Радио и другие средства массовой информации усердно трубили об успехах пахарей в пораженных районах, засевающих, как ни в чем не бывало, радиоактивную землю, а из зоны, из оставленных людьми селений, где содержались крупные фермы, из Бабчина, Соболей, например, спешно вывозят комбикорм, сено, растаскивают загрязненную сельскохозяйственную технику. Но об этом — молчок. Пишут и рассказывают по центральному телевидению о первомайских демонстрациях, о спортивных состязаниях на стадионах зоны, о народных гуляньях в парках Наровли, Хойников, Брагина, видите, мол, люди веселятся, все в ажуре: высокому фону радиации мы противопоставили свою железную выдержку и организованность! Умалчивают о другом — о совершенном бездействии, о продаже населению загрязненного мяса и молока, от которых приборы зашкаливает. Проверяю и лично убеждаюсь в этом... Трубят о строительстве жилых поселков и больниц для переселенцев на загрязненных, опять же загрязненных территориях, к примеру, в Корме Добрушского района, в Великом Бору, под Хойниками, что нередко противоречит рекомендациям Минздрава республики. Увы! Кто-то же брал

и берет на себя ответственность за все эти сугубо оперативные «спасательные» работы. Кто-то же получил за такую доблесть ордена и медали!

Соблазнительно оставить население жить на загрязненных территориях. Потому усиленно муллируется концепция безопасного проживания в любой радиационно загрязненной среде при условии закупа чистых продуктов и культурно-бытового обеспечения. И что вы думаете? Наши «солдафоны» у власти клюнули на возможность залить асфальтом многочисленные проселки и улицы деревень, да проложить водопровод, да построить новые школы, больницы и даже фермы для скота, далее — получить занаряженные Москвой чистые продукты в обмен на загрязненные, выращиваемые на месте в зоне, до 40 и даже до 80 кюри на квадратный километр. И все это мог дать им Чернобыль. Об этом толковал жителям Брагина Николай Слюньков.

Смущало полешуков, однако, не счастье жить в благодатном радиоактивном «саду», а то обстоятельство, что Николай Никитович приехал в гости со своим провиантом, с собственными поварами и даже кастрюлями, что, уезжая, он вышвырнул из машины туфли.

Волей-неволей (приезжая к родным и близким, попавшим в объятия Чернобыля) я должен был заниматься проблемами их безопасности, а это значит всеми аспектами катастрофы, названной вскоре глобальной.

Теперь досада и горечь, горечь и досада — мои постоянные спутники. Объезжая вместе с бригадой ученых из Института биофизики загрязненные районы Гомельщины, я ужаснулся от признания доктора медицинских наук, пожилой и оплывшей женщины-гематолога: секретным распоряжением Минздрава СССР врачам запрещено связывать диагнозы болезней с радиацией! Но этим распоряжением не

отменяется радиация и ее пагубное воздействие на население.

Напрашивается сопоставление нескольких рядов цифр.

Первый ряд: загрязнено земель выше 1 кюри на квадратный километр (в процентах к общей площади республики) Беларусь — 20,3, Украина — 4,8, Россия — 0,5.

Второй ряд: численность населения, оказавшегося на загрязненных территориях (в процентах к общей численности) Беларусь — 20, Украина — то ли 3, то ли больше 3-х, Россия 0,5.

Третий ряд: увеличение заболеваний раком за пять лет после Чернобыля (в процентах) — Беларусь — 23, Украина 10, Россия — 7.

Шестой год Чернобыля покажет еще больший контраст. И на седьмом году — не лучше.

Чуть позже, когда уже стала проклевываться и вылезать на свет божий из скорлупы медицинских отчетов кое-какая информация, касающаяся заболеваний детской и взрослого населения зоны, я попытался привлечь к ней внимание некоторых московских представителей зарубежной прессы. Не получилось. Как же так, спрашивали, везде в мире утверждают, что с Чернобылем больше нет проблем, а вы бьете тревогу? Кто в это поверит?

Мне сподобилось выступить с большой писательской трибуны и посвятить своих коллег в такие вещи, от которых у них, видел, дыхание замерло. Но, когда я взбежал на трибуну, у меня, в силу известных причин, все сжалось внутри, заледенело. Я говорил о долготерпении и страданиях своего народа. Имунная недостаточность — следствие угнетения радиацией защитных сил, слабость, болезни всех марок, генетические поломки и пороки. Особенно ощущающиеся у новорожденных, отсутствие декларированного полноценного питания, обман во всем —

это зона, лицемерно названная «зоной особого внимания»...

Правда о зоне прорвалась, и теперь, поди, ее не удержишь. Вот и началось рассекречивание того, что и так уже вылезало наружу, высвечивалось. Опубликовали карты загрязненных районов и, отдельно по грибам, где можно или опасно их собирать. Без риска для себя их нельзя собирать на большей части территории Беларуси!

...На этом «пиру» вырванной из партийных застенков правды и справедливости я чувствовал себя нищим, а свой народ обворованным. И все же на что-то надеялся. Надеялся, что помогут с финансированием социально-экологической черновыльской газеты «Набат».

Из лета в лето нас грели не столько солнце, сколько письма читателей, получаемые из различных районов Беларуси, Украины, из Челябинска, Комсомольска-на-Амуре, Ростова-на-Дону. «Набат» нравился. Многие из писем опубликованы. Но мы вскоре испытали финансовый кризис. Взносы учредителей быстро улетучились.

Выжить! Не оставить читателей без нужной информации. Выжить всем миром!

На выручку пришли не финансовый спрут — «Черновыль-Помощь» в Москве, а детский санаторий «Костер», расположенный под Ленинградом. И в этом «младенческом» акте помощи я готов усматривать знак провидения.

Три года назад Беларусь и Украину посетил американский ученый и писатель Райфл. На встрече с нашенькой публикой в Минске он заявил, что в Соединенных Штатах раньше о черновыльской катастрофе толком ничего не знали, а теперь забыли. И в его словах была горькая правда, в чем я убедился еще в июле-августе девяносто первого, когда поехал за океан. Тогда же для меня открылось и другое обстоятельство: те, кто еще помнит о Чернобыле, свя-

зывают эту драму и трагедию народа лишь с Украиной. Беларусь напрочь забыта.

— Вы сами виноваты, — сказала мне Надейка Маткивская, тамошняя украинка, возглавляющая вместе с мужем хирургом Зеноном Маткивским Американский комитет «Дети Чернобыля». «Вы сами виноваты», — повторяла мне Надейка, знакомя меня со своей семьей. У них с мужем двое сыновей и целое имение, но самую большую радость теперь им приносит чернобыльское подвижничество, широкая известность и признание на Украине. У нас же и тут опоздание — и с подвижничеством в среде белорусской эмиграции, и с осведомленностью тоже.

К семилетию чернобыльской катастрофы стали оправдываться самые мрачные прогнозы на предмет заболеваемости населения, и прежних оракулов-оптимистов 35-берной концепции за жизнь как ветром сдуло. Теперь вопрос вопросов: кто, и, главное, что нам поможет в дальнейшем выживании? Гуманитарная помощь идет преимущественно из Германии.

Нет, нас не выручит, не спасет нынешняя гуманитарная помощь. Не тот случай. И наших детей не спасет оздоровление за рубежом, как бы их там ни ласкали. На этот счет нам не надо строить иллюзий! Нам, стало быть, срочно и всерьез следует подумать об экологии человеческой личности, об экологии общества — чернобыльских поколений людей. Благо, выручить нас еще, кажется, способна родная земля, да, если мы основательно взвесим и оценим собственные свои и ее возможности, если займемся изучением и оздоровлением водоемов и почв, да поищем пути ускорения полураспада ядер, подавления радиации, если такое возможно, изобретения новых источников энергии, к чему предпосылками могут послужить работы ученых Филимоненко, Болотова и некоторых других...

ЧЕРНОБЫЛЬ: ДЕСЯТЬ И БОЛЕЕ ЛЕТ СПУСТЯ

Если допустить, что Земля является живым и осознающим себя существом, она помнит, конечно, крупнейшие события, происходившие на протяжении миллионов лет в ее недрах и на самой поверхности: оледенения, извержения вулканов, падения метеоритов, наводнения, потопаы и так далее. Некоторые из этих событий деформировали и изменяли устоявшийся уклад жизни человека, а также мира животных, приводили к катастрофам и трагедиям на больших территориях.

К подобному ряду печальных событий, если они остались в памяти Земли-матушки, сегодня прибавился и мощный ядерный взрыв на четвертом блоке Чернобыльской атомной станции 26 апреля 1986 года. Несмотря на то, что эта дата и место аварии за несколько дней до того были предсказаны в некоем географическом ребусе, напечатанном одной из сибирских газет, Чернобыль явился к нам совершенно неожиданно. Он вырос столбом пламени и пыли над бетонными стенами и перекрытиями АЭС, достигая едва ли не двух километров в высоту, при этом столб отбрасывал зловещее адское зарево на все стороны Полесской низменности, в то время расцветавшей садами.

Выражаясь словами Роберта Гейла, произошло что-то из ряда вон выходящее и, возможно даже, непоправимо страшное. Взрывом пробило крышу над зданием четвертого блока. Через отверстие, образовавшееся в корпусе, подняло в небо глыбы бетона,

графита и бесчисленные осколки других материалов. И, словно по сценарию, поданному в Откровении Святого Иоанна Богослова, в момент гнева Господня, когда вострубил пятый Ангел, упала с неба звезда, она открыла кладезь бездны, то бишь активную зону реактора, и «вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачились солнце и воздух от дыма».

В первые сутки ветер поднял, развеял и потянул за собой радиоактивные газы, пыль и дым на запад — в сторону Ровно, Волыни. Однако в высших слоях атмосферы поток тут же взял курс на Прибалтику и сделал своего рода петлю над Европой. А нижние потоки воздуха, начиненные радиацией, 27 апреля двинулись, можно сказать, по азимуту Гомельской области и, словно в поисках виновников аварии, устремились дальше на восток, на Москву.

Разрушенная активная зона имела контакт с атмосферой; там все клокотало, шумело, гудело, подобно геенне огненной. Правительство, выслушав советы специалистов (если специалистами по такому случаю можно было назвать кого-либо), приняло решение закрыть, засыпать воронку теплопоглощающими материалами, способными к фильтрации огня и пепла. Потому с 27 апреля по 10 мая летчики Военно-Воздушных сил СССР, рискуя жизнью своей, совершили сотни полетов над активной зоной. Они сбросили с вертолетов тысячи и тысячи мешков песка, глины, доломита, бора, а также крупные упаковки свинца, который по весу занимал первое место — 2400 тонн. Как выяснилось позже, свинец мгновенно испарялся в адском пламени взорвавшегося реактора и, поднимаясь в воздух, усугублял тем самым опасность радиационного и химического — комплексного — загрязнения пространства.

Мощность радиационных выбросов из разрушенного реактора уменьшилась только через пять дней,

составив примерно 15 процентов от первоначальной. Затем она стала нарастать вновь, достигая (по истечении четырех новых дней) 70 процентов от уровня первого дня. Специалисты ожидали еще более жестокого радиационного удара, который мог случиться при обвале в шахтный бассейн крышки от разрушенного реактора весом в две тысячи тонн. А бассейн был наполнен водой охладительной системы. Военные вычислили нависающую опасность и предупредили о ней правительство. В срочном порядке готовились средства для эвакуации миллионов людей. На запасные пути были поставлены сотни железнодорожных эшелонов. Готовились автомобильные колонны. Эвакуацию предполагалось провести в радиусе 300 километров от АЭС, куда входили города Киев, Гомель, Бобруйск...

На десятый день, однако, мощность выбросов упала — до одного процента. Наступила нервная разрядка.

Но только в первые дни, когда извержение было в самом разгаре, воздушные потоки двигались на Беларусь и, как виделось Св. И. Богослову, «из дыма вышла саранча на землю, и дана ей была власть, какую имеют земные скорпионы».

В те дни, 27-28 апреля, пишет в своей книге «Реалии и мифы Чернобыля» академик Л. А. Ильин, контроль за выбросом *«в какой-то мере был потерян, так как все сосредоточилось на ситуации, которая развернулась в 30-километровой зоне»*. Иными словами, все занимались ситуацией вблизи станции и как будто даже не заметили, когда облака и свободные потоки воздуха, несшие аэрозоли йода-131 и других радиоактивных элементов, расплзлись по большей части территории Беларуси. Не считая изотопа йода, радионуклиды цезия, стронция, плутония и ряда других элементов плотностью от 1 до 160 кюри и выше покрыли площадь в 46,5 тысячи

квадратных километров, что составляло 23 процента территории нашей республики. Вот в этом и состоит особенность удара Чернобыля по Беларуси. Хотя — не только в этом. Иодные радиоактивные облака прошли почти над всей территорией Беларуси.

Авария обернулась последствиями, конечно же, не для одного народа. Долгоживущими радионуклидами, словно легкокрылой и грозной саранчой, было покрыто в трех республиках СССР 160 тысяч квадратных километров с населением в 9 миллионов человек, не считая территорий, пораженных радиоактивным йодом. Апокалипсис, воистину!

Никто не оспаривает данных, показывающих, что на землю Беларуси легло 72 процента всех чернобыльских выбросов. Уместно, однако, задаться вопросом, сколько же их было вообще.

По первым ориентировочным оценкам, из реактора выброшено радиоактивной энергии до 50 миллионов кюри. По уточненным расчетам, произведенным учеными Института радиоэкологии Академии наук Беларуси, выбросы составили до 1 миллиарда кюри. В разрушенном реакторе в качестве топливной массы осталось около 130 тонн урана. А до аварии было 190 тонн.

Некоторые исследователи определяют мощность выбросов в 60, а некоторые — в сотни атомных бомб, сброшенных более полувека назад на японские города Хиросима и Нагасаки.

Но оторвемся от цифр и глянем на карту. Попытаемся проследить здесь развитие событий, представить динамику чернобыльской катастрофы. Академик Ильин, в свое время служивший опорой высшего партийного руководства и прославивший идеологом по части чернобыльской дезинформации (не зря же в Киеве он признан персоной нон-грата), умалчивает и теперь, что творилось в воздушном про-

странстве в те дни, когда разверзлась библейская бездна. Он пишет лишь, что *«на Украине не было тех событий, которые произошли на территории Беларуси 27—28 апреля 1986 года»*.

Только за этими событиями, несомненно, стояла небывалая по своим масштабам химическая обработка с бортов самолетов загрязненных воздушных потоков с целью формирования из них облачной массы и получения радиоактивных осадков в виде дождя. Химики давно разработали такую возможность.

Эта акция военных летчиков первоначально имела место в 30-километровой чернобыльской зоне и предусматривала недопущение осадков вдоль Припяти, что, пожалуй, было оправданным. Потом силы авиаторов были передислоцированы на 150—200 километров восточнее, к границе Гомельской и Могилевской областей с Брянщиной. Облака, закрученные квазициклоном, шли на восток. Изотопная угроза двигалась на Москву. Потому восточнее Гомеля и Могилева было выстроено плотное воздушно-химическое заграждение. Операция, по некоторым сведениям, выполнялась пилотами гомельского авиатряда и держалась в секрете.

Присмотримся повнимательнее к бурому пятну, к рисунку радиологов на карте: там, на белорусско-российской границе, как будто взорвалась еще одна атомная станция — так густо и плотно, а главное — фронтально усеяна эта земля радионуклидами.

Возможно, кто-то придет и скажет: «Ты не прав, Егор, то бишь Василь, облака сами выбрали это место для грандиознейшей свалки радионуклидов». Увы! Давайте проведем независимую экспертизу, предложим проанализировать эти факты ученым различных стран.

Сомнений нет, второй Чернобыль нашему народу подарили политики и стратеги Генштаба Вооруженных сил Советского Союза.

Кстати, по наблюдениям местных жителей, в природе в те дни происходили странные явления. Грозовые, а точнее ливневые облака появлялись в чистом небе неожиданно. Гонимые ветром, они занимали пространство между небом и землей, шли стремительно и проливались скоротечным дождем. На лужах, высыхающих после дождя, оставался концентрированный желтый налет, и я сам его видел.

* * *

Какова причина аварии?..

Распространена версия о несовершенстве реакторов типа РБМК. Их конструкторское несовершенство стало теперь притчей во языцех. Нам остается лишь согласиться с теми, кто лучше нас разбирается в атомном энергетическом хозяйстве.

А знатоки отмечают еще и якобы грубые ошибки операторов, инженеров, которые, проводя планово-предупредительный ремонт на блоке, экспериментировали с «советским атомом». Суть эксперимента состояла в остановке всех механизмов реактора.

Но как-то неожиданно появилась еще одна версия. Она, правда, не отвергает первую, но показывает дело несколько в ином свете. Причиной взрыва, по этой версии, является разлом земной коры, на котором построена Чернобыльская АЭС, и связанное с разломом землетрясение, по времени совпавшее с экспериментом.

Это тихое землетрясение зарегистрировано будто бы тремя засекреченными сейсмостанциями. Они располагались по треугольнику примерно в 100 километрах от Чернобыля — в поселках Глушковичи, Норинск, Подлубы. Сейсмостанции работали по специальной программе слежения за американскими атомными взрывами. Зарегистрировали они, кстати, и местные взрывы. Но чернобыльская сейсмическая информация не была востребована.

И вот в конце 1994 года сотрудниками российского Института физики Земли в одном из архивов Алма-Аты обнаружены столь красноречивые сейсмограммы...

Странно, однако, почему эта новая по сути информация доходит до нас не официальными, а окольными путями. Уж не потому ли, что и другие станции, как, например, Калининская, Костромская, Игналинская, Курская, Ровенская, по мнению специалистов, расположены в зонах активных тектонических разломов?

Взрыв на Чернобыльской АЭС произошел ночью 26 апреля в 1 час 24 минуты. Но только за минуту до взрыва в реакторном зале оператор почувствовал вибрацию, услышал гул, который шел якобы со стороны водозаборной станции на пруде-охладителе. И тут же стали подпрыгивать чугунные плиты, составляющие биологическую защиту самого реактора; самописцы отметили главный сейсмический удар, и в следующую секунду произошел взрыв реактора.

«До сих пор, — пишет Л. А. Ильин, — мало кто знает, сколько было взрывов. Официально зарегистрировано два, с интервалом в 40 секунд. Профессор Абагян, правда, зафиксировал ночью еще один — третий».

Непонятно опять же, почему человек, столь осведомленный во всех коллизиях чернобыльской драмы, — Ильин — в своей книге обходит версию о землетрясении в зоне расположения станции? А ведь, по утверждению некоторых лиц, над четвертым блоком засветился воздух и заиграли голубые, синие, фиолетовые блики по меньшей мере за полчаса до взрыва реактора, при этом слышались откуда-то снизу глухие удары, переходящие в гул. Самописцы в Глушковичах и Подлубах не дремали — на сейсмограмме ими зафиксирована подземная активность.

К сожалению, в столь сложной ситуации, в гнетущей атмосфере не только и не столько чернобыльского, но и политического и морально-нравственного разлома на просторах бывшего Союза невозможно во что-либо верить, пока не убедишься в том собственными глазами.

Единственное, что не вызывает сомнений, так это тогдашнее желание политической верхушки в Москве скрыть аварию на ЧАЭС и оставить мир и собственный народ в неведении, как это уже делалось не раз. Отсюда и игнорирование опасности, раскачка, нежелание принять решительные меры к спасению людей. Кстати, в медсанчасти АЭС лежал совершенно секретный препарат Б для защиты персонала станции от радиации на случай аварии. Но пожарники шли в огонь и ад радиационный совершенно беззащитные. Препарат для них тоже оставался секретом. Потому уже днем 26 апреля в медсанчасть попало 115 человек с лучевой болезнью тяжелой и средней степени, а пострадавших было не счесть.

Население практически никто не обеспечил обязательной в таких случаях йодной профилактикой, тут даже Ильин подкачал. Отселение жителей из Припяти, города энергетиков, началось с опозданием на сутки, в момент, когда радиофон составлял 1,5 рентгена, а из белорусских сел и деревень, прилегающих к станции, отселять стали лишь спустя неделю и больше. Радиацию в Могилевской области вообще «потеряли» и не хотели о ней говорить. Чтобы не показать вида, будто что-то случилось, в Припяти не отменили занятий в школах в день аварии, и с детьми проводились уроки физкультуры на воздухе. Никто не отменил первомайских демонстраций на улицах и площадях Киева, Гомеля, Наровли, Хойников. По Центральному телевидению демонстрировались идиллические праздничные гуля-

ня молодежи в чернобыльской зоне; на стадионах как ни в чем не бывало состязались команды футболистов. Все они были преданы властями из страха обнародовать правду.

Об истинно преступной направленности государственной машины против народа в то время красноречиво свидетельствуют распоряжения и приказы высших государственных чиновников.

Министерство здравоохранения. Это, казалось бы, самое гуманное ведомство распоряжением от 27 июля 1986 года усиливает режим секретности, словно это требовалось для спасения людей. Для наглядности — несколько пунктов из этого опуса министерских чиновников:

4. Засекретить сведения об аварии.

8. Засекретить сведения о результатах лечения.

9. Засекретить сведения о результатах радиоактивного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Начальник 3-го главного управления Министерства здравоохранения СССР Е. Шульженко.

От каких таких врагов засекречивались сведения о дозах облучения и лечения пострадавших? Ну, конечно же, не от иностранных разведок, а от самих пострадавших, которые фигурировали тут в роли подопытной массы.

И логично — в последовательности ему не откажешь — это же ведомство разослало по республиканским дочерним структурам распоряжение об использовании мяса животных, получивших высокие дозы облучения в 30-километровой зоне, — более 30 процентов коров страдали лучевой болезнью.

Загрязненное радионуклидами мясо предлагалось добавлять к чистому в объеме 10 процентов. На Жлобинском и других мясокомбинатах Беларуси к одной туше чернобыльской пускали две обычной кондиции. Все это обкатывалось, мешалось, пере-

кручивалось и шло на колбасы, на стол тому народу, который безропотно принял и понес на себе два Чернобыля. В пищевую цепочку включались также кости скота, нашпигованные до отказа изотопами стронция. Не случайно поэтому вскоре содержание цезия и стронция в организме человека стало выравниваться по всей республике. Этот факт на пятом году катастрофы вынужден был констатировать белорусский министр здравоохранения Владимир Улащик.

Для сравнения действий, поступков чиновников... На Западе, в Скандинавии, например, где в некоей мере оказались загрязненными чернобыльскими выбросами пастбища, полторы тысячи северных благородных оленей были убиты и захоронены. На месте могильника установлена плита с надписью: *«Под землей опасный радиоактивный материал»*.

А у нас под лозунгом заботы о человеке могло твориться что угодно. И это — в момент горбачевской «перестройки» и «гласности».

Правительственная комиссия тоже внесла свою лепту в структуру дезинформации. Засекречивались: *1. Сведения об уровнях радиационной загрязненности по отдельным населенным пунктам, превышающие предельно допустимый уровень (ПДУ). 2. Сведения о показателях ухудшения физической работоспособности, потери профессиональных навыков эксплуатационного персонала, работающего в особых условиях на ЧАЭС, либо лиц, привлеченных на ликвидацию последствий аварии.*

Сатана там правил бал — всюю! Не день и не два, а долгих три года и даже больше, пока под напором общественных сил, в том числе и моих — простите за такое признание — обличительных выступлений, не рухнула глухая бюрократическая стена, возведенная вокруг Чернобыля. Потом мир благоговейно заговорил о разрушении другой великой стены — Бер-

линской, которую в условиях перестройки международных отношений разобрали и разнесли — как сувениры — по своим углам немцы. Но чернобыльская стена все-таки первой осела и рухнула в созданную бюрократией информационную воронку.

* * *

В мае 1989 года мне удалось познакомиться с секретной справкой о радиационной ситуации и состоянии здоровья детей и взрослых по истечении трех лет после аварии на ЧАЭС. Эту справку, адресованную ЦК КПБ, подписали несколько директоров научно-исследовательских институтов, специалисты Минздрава. Динамика изменения здоровья наших юных граждан в Гомельской и Могилевской областях ошеломляла: в 3,5... в 4,0—4,9 раза увеличивались все известные ранее заболевания. Разве это не было свидетельством прямого воздействия радиации и снижения защитных сил организма у детей? Особенно нарастали заболевания дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, щитовидной железы; у детей проявлялись сонливость и вялость, участились случаи обморочного состояния. Немалого лучше были показатели здоровья и по другим областям республики.

К сожалению, таких разительных перемен не заметила, а вернее сказать, не захотела признать комиссия МАГАТЭ, работавшая в загрязненных районах в 1991—92 годах по приглашению того же бездушно облудного, как выразился однажды Станислав Шушкевич, Советского правительства. Гости делали то, чего пожелало это правительство. Женева и Москва здесь друг дружку поняли, и вскоре в так называемом Международном чернобыльском проекте был сделан вывод: особых последствий чернобыльской катастрофы нет, а защитные меры пра-

вительств СССР, Беларуси и Украины были самодостаточными.

Это заключение адепты МАГАТЭ как будто списали из затасканных речей директора Института биофизики академика Л. А. Ильина и его, с позволения сказать, двойника П. В. Рамзаева, профессора из Санкт-Петербурга. Последний стал заявлять о якобы полной безопасности проживания в зонах отселения. Дескать, больше вреда приносят людям стрессы, связанные с переселением, — они, мол, укорачивают жизнь человека на 5—8 лет, а проживание в радиационной зоне отнимает у аборигена всего-навсего 5—10 дней жизни. Как бы не так! Но это ерничанье с цифрами пришлось по душе небезызвестному профессору Е. П. Иванову, и он, Иванов, не преминул повторить их значение в своем письме президенту А. Г. Лукашенко от 17 октября 1995 года, обосновывая тезис о «неправильно избранной концепции постчернобыльского развития общества» и вреде переселения людей из загрязненной чернобыльской зоны.

Заключение по чернобыльскому проекту, естественно, отвечало интересам Москвы, а также Международного агентства по атомной энергетике, по сути — планетарного атомного лобби. Насущные интересы, болезни и проблемы жертв чернобыльской катастрофы оказались ни при чем. Но после таких заявлений споткнулась, пошла на убыль и вскоре совсем зачихала международная помощь (прежде всего от ООН) пострадавшим народам Беларуси, Украины, России.

Мировое сообщество не имеет по сегодняшний день объективной информации о масштабах чернобыльской катастрофы, не знает практически ничего о ее последствиях, о ее негативном влиянии на население и природу республик, потерпевших от нашествия радионуклидов. Особенно трагически, бесталанно и

гибельно складываются теперь экологическая и демографическая ситуации в Беларуси. Обратимся к статистике. Начиная с 1986 года, почти в два раза уменьшилась рождаемость, значительно снизилась продолжительность жизни взрослого населения, возросла смертность, в том числе и младенческая, неуклонно сокращается количество инвалидов по причине ускоренного распада их здоровья...

Теперь в Беларуси (в отличие от пораженных районов Украины и России) заболевания щитовидной железы — в различных формах и степенях — массовые. Активнее прежних лет проявляются заболевания крови, в том числе у детей. Тут прогноз нехороший. И не дай Бог сбыться предсказаниям онкологов, что через 15 лет раковые заболевания у нас будет иметь каждый второй житель страны.

Иллюстрация. К моменту 10-летия аварии на ЧАЭС в Беларуси прооперированы 1500 детей по поводу канцерогенных заболеваний различных органов, из них у одной трети — рак щитовидной железы. Теперь их число увеличилось вдвое. Большинство прооперированных стали инвалидами на всю жизнь. Часть умерла. Их диагноз напрямую связывается с Чернобылем. Только несмотря на это чиновники от медицины до последнего времени сугубо казуистически определяли социальный статус каждого: «инвалид детства». Странно! Неужели у нас еще продолжает действовать распоряжение 3-го управления Минздрава СССР об усилении секретности и сокрытии действительной информации о заболеваниях?!

Но главная беда даже не в том. Драма юных чернобыльских инвалидов в лишении их полной или хотя бы частичной государственной опеки, ощутимой материальной помощи, в невозможности купить чистые продукты и пожизненно необходимые для них лекарства. А далее представить нетрудно — дра-

ма обостряется многократно, перерастая в заботы и душевные муки родителей и близких людей.

Вот строчки из писем, переданных мне депутатом Анатолием Волковым. Авторы этих писем — родители, дети которых перенесли операцию на щитовидной железе.

Мама десятилетней Кати Бокун из Пуховичского района Минской области:

«Здоровье у Катюши неважное, очень часто судорога сводит ручки и ножки, а таблетки альфараз у нас кончились и достать их невозможно. Врачи говорят, что в крови не хватает кальция, а фосфора — наоборот, очень много, поэтому у дочки судороги.

С питанием сплошные проблемы, назначили диету, а продукты купить тяжело, да и очень дорого, на одну зарплату много не купишь ни меда, ни фруктов. Вот так и живем».

Мать Игоря Ващенко, 1984 года рождения, прооперированного в 1992 году:

«Пишу письмо со слезами на глазах. Нас никто не замечает и не видит.

Мы жили в Брагине Гомельской области. В марте 1990 года в связи с облучением погиб мой муж — осталось трое детей. В августе этого же года я попала в больницу, где меня прооперировали по поводу ракового заболевания. Стала инвалидом II группы. Из Брагина переехали в Солигорский район. В 1992 году Игорю сделали операцию. Органическое заболевание щитовидной железы. После операции ему выдали удостоверение инвалида детства. Состояние его неважное, частые головные боли, усталость. И хоть формально он имеет права на льготы, никакой помощи добиться невозможно».

Родители Юлии Башмаковой, 1980 года рождения, прооперированной в 1993 году, г. Мозырь:

«Вы представляете, какое состояние девочки с таким диагнозом?! Устает она очень быстро, даже

может за письменным столом уснуть. Под глазами синяки. Цвет лица с желтизной. Лекарственными препаратами обеспечены так, как и все другое. Что имеется в аптеках, то и можем купить. Однако в аптеках витаминов почти нет. А продуктов в магазинах — тоже. Вы спрашиваете, сколько мы получаем на больного ребенка? Да нисколько. Никакого пособия нам тоже нет. Хотела бы знать, какими льготами можем пользоваться? Куда ни обратишься — никто вразумительно не может ответить».

Родители Ольги Головкиной из г. Минска:

«Самый больной вопрос — это лекарства. Несколько месяцев в больницу не поступает радиойод, необходимый нашим детям. Все старания врачей свелись на ноль, так как наши чиновники не хотят и пальцем пошевелить. Месяц назад мы со своей дочерью и еще одна мать со своим сыном (Никитин Женя) ездили в Москву, чтобы принять там в стационарном порядке радиойод. Это очень дорого нам обошлось. Не каждая семья в состоянии дать ребенку такое лечение, тем более, что через каждые три месяца радиойод надо повторять».

Мне не хочется перечислять, чем еще и как болеют дети и взрослые, в судьбу которых вломился Чернобыль. Не хочется этого делать потому, что негативная информация давит на психику, подавляет волю. В ней, к тому же, для меня нет ничего нового — еще в сентябре 1989 года в научно-публицистическом очерке «Бомба для потомков» («Советская культура», № 117) я говорил по сути о том, о чем и теперь говорю с горечью и тревогой на сердце.

Непонятно, из каких таких «научных» соображений с детей-инвалидов Чернобыля стали снимать инвалидность по достижении ими 16-летнего возраста. Надо бить в набат: государство жульничает!

В 1991 году мне каким-то чудом удалось основать социально-экологическую газету «Набат», и на про-

тяжении пяти лет на страницах «Набата» мы говорили в различных вариантах об одном и том же — об опасности всему людскому племени, о серьезных недугах да заболеваниях, которые нарастают после Чернобыля, словно снежная лавина, тронувшаяся с горы.

Так устроен мир, что солнечный свет соседствует с тьмою, и не все, кому даже по должности положено, хотят освещения, чтобы трезво посмотреть на Чернобыль. Смазать, затуманить картину заболеваний по причине отсутствия средств в бюджете заинтересовано прежде всего наше правительство, а ему то готовы услужить некоторые ученые, я бы сказал даже — квазиученые из тех, кого так любезно припечатывает ВОЗ и кому рукоплещут в МАГАТЭ.

Я писал уже об одном профессоре-популисте, он на собственные открытия едва ли способный, но гордящийся именно этим рукоплесканием ему за рубежом. Так он не признает никакого негативного влияния радиации на население (кроме ее воздействия на щитовидную железу). И постоянно набрасывается с бранью на каждого специалиста, будь то в области гематологии, иммунитета, сердечно-сосудистой системы, кто, ссылаясь на собственные исследования, заговорит о связи тех или иных заболеваний с радиацией.

Или взять иных деятелей, выезжающих на международные форумы в качестве представителей белорусской медицинской науки. Зарубежные коллеги подчас поражаются их инертности и молчаливости там, где речь идет о последствиях радиационного облучения. Зная ситуацию у нас, эти зарубежные ученые расценивают поведение своих коллег из Беларуси как умысел, граничащий с предательством. Кстати, не исключено, что они в данном случае — лишь тень своего национального правительства.

Десятилетие, истекшее после чернобыльской катастрофы, не сняло научной противоречивости и не

прибавило понятливости, ясности, искренности в ее оценках.

Учитывая эти обстоятельства, считаю своим долгом привести ниже тезисы из докладов на научной конференции «Десять лет после чернобыльской катастрофы», проведенной в конце февраля 1996 года в Академии наук Беларуси. Понимаю, что докопаться до тонкостей изложенного в тезисах материала могут не все, а лишь специалисты. И, тем не менее, любопытно.

Отношение к экологическим проблемам жителей, пострадавших от аварии на ЧАЭС

подавляющее большинство опрошенных в районах радиоактивного заражения считают, что состояние их здоровья за последние 7—8 лет ухудшилось (80,3% опрошенных в районах слабого загрязнения, 82,3% — в районах среднего и 77,7% — в районах сильного загрязнения).

Среди факторов, повлиявших на ухудшение их здоровья, респонденты из сильно загрязненных районов чаще всего называли радиационное загрязнение (68,2%). Сходные данные получены и в районах с более низким уровнем загрязнения.

Респонденты продолжают возлагать большие надежды на помощь государства в создании своеобразной искусственной экологической среды, прежде всего за счет обеспечения населения экологически чистым и качественным питанием.

Негативные тенденции в образе жизни населения, пострадавшего от чернобыльской катастрофы

Исследования показывают, что среди подавляющего большинства населения (86%, а в чернобыльской зоне — 91—94%) в массовом сознании доминирует напряженное социо-экологическое состояние

тревоги, безразличия и безысходности. Одним из следствий кризисных социо-экологических процессов в регионах, пострадавших от чернобыльской катастрофы, является высокий уровень пьянства, преступности и другого девиантного поведения.

Роль психологических факторов в формировании болезненных состояний

Так как здоровье — это «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или инвалидности» (ВОЗ), очевидно, что подавляющую часть населения на загрязненных территориях можно отнести к группе больных.

Состояние тревоги наносит вред здоровью даже в том случае, если ожидаемые отрицательные последствия не состоялись.

Психологические особенности детей школьного возраста, проживающих в загрязненных районах

Было обследовано 388 детей школы-гимназии г. Добруша (основная группа) и 202 — СШ № 204 г. Минска (контрольная группа), обучающихся в 1, 3, 5, 7, 9 и 11 классах.

Результаты анализа данных, полученных в ходе исследования, позволили сделать заключение о преобладании у детей школьного возраста чувства незащищенности, враждебности, тревожности и конфликтности.

Особенности состояния адаптационных механизмов

У населения, проживающего на территориях, загрязненных радионуклидами, выявлены нарушения параметров психофизиологической адаптации орга-

низма, глюкокортикоидного и тиреоидного ее обеспечения, атерогенный сдвиг в липидном обмене и дисбаланс иммунной системы. Пребывание на территориях с более высокой плотностью загрязнения ассоциируется с повышением фактора стрессогенности.

Следовательно, у населения, проживающего на территориях, загрязненных радионуклидами, выявлено нарушение адаптационных возможностей организма, связанное с уровнем радиационного облучения.

Иммуотропные эффекты чернобыльской катастрофы

Обнаружен ряд изменений параметров иммунной системы, что свидетельствует об иммуноактивности малых доз ионизирующего излучения. Хроническое воздействие активирующих факторов приводит к перенапряжению эффекторных и регуляторных механизмов иммунной системы, снижению ее адаптационных потенций и утрате способности адекватно реагировать на антигены, в том числе и патогены, специфическим и неспецифическим иммунным ответам.

Эколого-гигиенические факторы формирования здоровья дошкольников

Состояние здоровья детей дошкольного возраста, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях, характеризуется высоким числом функциональных нарушений и отклонений (до 76,3%). Наиболее распространенными у дошкольников являются функциональные нарушения органов дыхания (69,5%), гиперплазия щитовидной железы 1, 2, 3 степеней (65,0%), аллергические (30,0%) и нервно-психические реакции (29,8%). Высокий процент

часто болеющих (22,4%); от 12,8% до 43,3% детей в различных возрастных группах имеют не одно, а несколько (2, 3 и более) функциональных нарушений.

Состояние соматической заболеваемости взрослого населения районов Гомельской области

В целом по области за последние 5 лет наблюдается тенденция к повышению заболеваемости гастритами. С 1990 года характерен статистически достоверный рост заболеваемости населения хроническим гастритом в Ветковском районе, где показатель составил 10,2 случая на 1 тыс. населения в 1994 году по сравнению с 0,85 случая в 1990 году.

Особенности познавательной сферы детей, пострадавших от последствий аварии на ЧАЭС

Обследование дошкольников по методике Валей-на показало, что у детей 4 лет в наибольшей степени пострадали такие мыслительные операции, как сравнение абстрактных геометрических фигур (при их непосредственном восприятии), доказательство на основе сравнения (при восприятии изображений лиц), объяснение и доказательство на основе общих знаний.

У детей 5 лет в наибольшей степени пострадали такие мыслительные операции, как дефиниция через использование, анализ и синтез при изображении (рисовании) человека.

У детей 6 лет выявлены трудности в запоминании словесного материала после однократного предъявления (объем и точность), в развитии связной речи (при описании воспринимаемой картинки), запоминании абстрактного материала (чисел) после однократного предъявления на слух.

У детей 7 лет выявлены трудности в логических рассуждениях. Выявлена зависимость умственного развития от близости года рождения ребенка к моменту аварии. Группа риска — это дети, родившиеся в 1986, 1987, 1988 годах.

Особенности состояния некоторых физиологических функций у молодых людей, длительно проживающих в загрязненных районах

В результате проведенных исследований в опытной группе выявлен ряд особенностей в состоянии изученных физиологических функций, в частности снижение возможностей механической памяти, увеличение числа лиц с «вялым» типом вегетативного реагирования (15% против 3% в контрольной группе), более низкий уровень большинства показателей, характеризующих степень кислородного насыщения крови.

О содержании свинца в крови детей

Источником попадания свинца в окружающую среду традиционно считается промышленное производство, автомобильный транспорт, полиграфия, производство аккумуляторов, боеприпасов и т. д. Можно предположить, что значительное загрязнение окружающей среды свинцом произошло и в результате ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году, когда был использован металлизированный свинец при тушении пожара.

Изучено содержание свинца в организме детей, проживающих в Лунинецком и Столинском районах Брестской области. Установлено, что у детей, кроме содержания цезия на уровне 0,01—2,3 мкКи/организм, выявлено высокое содержание свинца. В крови 213 обследованных детей концентрация свинца составляет $0,109 \pm 0,0071$ мг/л. Из них около 50%

имеют содержание свинца в крови $0,188 \pm 0,003$ мг/л. По данным ВОЗ, содержание свинца в крови детей не должно превышать $0,100$ мг/л.

Радиационный мониторинг за дикими копытными

Установлено, что на протяжении 1990—1995 годов не наблюдалось существенного снижения уровня радиоцезия в мышечной ткани диких копытных (лось, косуля, кабан), обитающих на загрязненной территории. Животные, добытые в зоне отселения, имели концентрацию цезия-137 в мышечной ткани на один порядок, а в контрольном районе — на два порядка ниже, чем в 30-километровой зоне.

Анализ клинико-физиологического состояния диких копытных показал, что в более ранний период (1989—1993 гг.) у лосей 30-километровой зоны отмечались размягчение паренхимы печени и селезенки и изменения в щитовидной железе. Лабораторные исследования в этот период выявили отклонения гематологических и биохимических показателей крови.

Чернобыльская катастрофа и динамика нарушений эмбрионального развития у населения Беларуси

1. Эвакуированные беременные женщины, их внутриутробные плоды, а также лица, проживающие в течение длительного времени на загрязненных территориях, получили биологически ощутимые дозы облучения, проявившиеся значительным увеличением числа дицентрических и кольцевых хромосом, — наиболее важным показателем генетических эффектов ионизирующей радиации на хромосомном уровне. Суммарный мутагенный эффект, а следовательно и кумулятивная доза, у эвакуированных женщин оказались меньшими, чем у жен-

щин Гомельской области, проживавших в зонах с плотностью загрязнения цезием-137 в 15 и более Ки/км² в течение первых двух лет после аварии.

2. С помощью мониторинга нарушений морфогенеза у эмбрионов и ранних плодов, мониторинга пороков развития у новорожденных и данных официальной статистики в послечернобыльский период в Беларуси выявлено значительное учащение нарушений внутриутробного развития, проявившихся увеличением частоты пороков развития (ПР) у легальных медицинских абортусов и у новорожденных.

3. Меры профилактики, благодаря которым в год не рождается от 500 до 600 детей с ПР, стабилизировали частоту рождения детей с этой патологией, но не приостановили увеличивающееся нарушение эмбрионального развития.

Попытка прогноза генетических последствий

Принимая во внимание генетические эффекты в половых клетках и продемонстрированную нами повышенную радиочувствительность последующих поколений млекопитающих к мутагенному действию радионуклидов, следует полагать, что увеличенная частота наследственных дефектов будет наблюдаться у детей нынешнего облучаемого поколения и после 1996 года, а также будет возрастать в последующих поколениях, пока не достигнет равновесного состояния.

Социально-экономические проблемы адаптации переселенцев из загрязненных районов

Исследование, проведенное Институтом социологии АН Беларуси, показало, что к новому месту проживания и условиям жизни адаптировалось только около половины семей. И главными факторами неудовлетворенности переселенцев жизнью на новом

месте называются следующие: худшие природно-климатические условия (на новом месте воздух оказался лучше для 50,6% респондентов, лес — для 29,1%, вода — для 24,9%, земля — для 13,1%). Ухудшение жилищных условий отмечает 20,7% опрошенных. Состоянием медицинского обслуживания довольны только около половины переселенцев. Неудовлетворительную работу местных органов власти отмечает около 40% населения. Снижение уровня социальной защиты людей, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, подчеркивается у 30% респондентов.

Совокупность вышеназванных факторов наряду с общими тенденциями существующего социально-экономического кризиса вызывает стрессовые состояния у значительного количества переселенцев.

Социально-экономические последствия чернобыльской катастрофы

Суммарный ущерб, нанесенный республике чернобыльской катастрофой за период с 1986 по 2015 год, оценивается в 235 млрд. долларов США.

В структуре общего ущерба наибольшую долю (81,6%) занимают затраты, связанные с ликвидацией и минимизацией последствий аварии. Они составляют 191,7 млрд. долларов США.

Общая кризисная ситуация в республике, характер и величина ущерба, нанесенного катастрофой на ЧАЭС, дают основание утверждать, что масштабы бедствия превышают возможности страны и требуют международной поддержки.

* * *

Изложенного, пожалуй, достаточно, чтобы хоть немного заглубиться в чернобыльскую явь и что-то понять из величайшей человеческой драмы и трагедии.

дии. Назову имена авторов, научных сотрудников различных академических и неакадемических институтов, чьи тезисы приведены выше. По алфавиту: Н. А. Барановский, Л. Г. Борткевич, Р. И. Гончарова, А. М. Давыдок, В. А. Клименко, Е. Ф. Конопля, А. А. Крюкова, Г. И. Лазюк, Я. В. Леверовская, Г. М. Лыч, С. А. Маленченко, Е. Е. Миронова, В. П. Подпалов, Л. Н. Русяева, Н. А. Цыркун.

* * *

Скажу словами А. Е. Волкова, неоднократно избиравшаяся депутатом белорусского парламента и на протяжении ряда лет занимающегося Чернобылем: идет эксперимент природы над человеком. Выстоит ли, не свихнется ли он под перекрестным радиационным обстрелом? Материалы исследований, по крайней мере, показывают, что ни генетика, ни психика его не выдерживают. Радиацию к тому же усугубляет и химическое загрязнение. А те, кто наслал на нашу землю полчища нуклидов и распылил по ней сотни, и тысячи тонн свинца, умыли руки.

Что же делать в такой ситуации мне, белорусу, аборигену этих равнинных и несколько волнистых просторов, по истечении первого 10-летия чернобыльской катастрофы? Что делать народу, которого обошла и обходит международная помощь?.. Теперь семья нянь нянчатся в основном с Украиной... Потому что там злополучные реакторы, их следует заглушить.

Так что же делать мне?.. То ли, в силу своего спокойного характера, терпеть и ждать исхода судьбы под знаком Пса или Водолея? То ли сойти безропотно в могилу, прощая грехи, прегрешения, читай — злодеяния, тем, кто превратил нашу цветущую землю, где ключом была жизнь, в чернобыльскую Палестину? Или, глядя на размалеванную карту, присесть пока на буром чернобыльском валу у западного порога России и просить списания долгов

— это мы ей должны? Более того — просить, чтобы эта барыня, ставшая преемницей умершего чудовища, приняла меня к себе в услужение в качестве недотепы или юродивого?

Я, белорус, виновен перед Россией. Скажу больше, я виновен перед всем миром тем, что живу трудом праведным, не цепляясь ни к одному, ни к другому соседу. Усердие — мой порок. Мне давно уже пора было бы освободить эту землю для немца или для поляка, чего они добивались, но я предпочитаю сдать ее русскому. Почему? Восток как-то ближе мне и понятнее, возможно, потому, что к моей крови примешалась не только варяжская. Есть в ней что-то и от российского холопа, и от татарина, и даже — от цыгана. Всех кровей понемногу. Я не столько о себе говорю. Удивительно, однако, что при таком коктейле мой характер несколько не изменился, и врожденная моя покладистость, уступчивость, в некоем роде даже застенчивость помешали мне крикнуть на весь мир: «Караул!», когда лиходеи, обступившие со всех сторон мой дом, мою отчизну, насыпали мне за шею, напустили в глаза, набили в уши чернобыльской пыли. Когда всю мою землю обожгли и испоганили этим «добром», добытым ими из преисподней.

Ослабевшая от радиации память моя и притупленная сообразительность не позволили мне осознать, что со мной поступили несправедливо, несправедливо, лукаво — дважды, трижды... И я теперь иного не жду. Я уже толком не знаю, что сделал, подписав в состоянии аффекта в Москве декларацию о том, что не имею никаких претензий к России по Чернобылю.

Я — белорус и сам не знаю почему, но подзабыл уже свою родную мову, свою речь. Может, в силу этого я и не понимаю, что делаю — потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Так написано в Библии. Как кролика в пасть удава, меня

тянет в Россию. Мне говорят: есть Международный суд в Гааге, подавай туда иск и требуй, что положено, за ущерб, нанесенный тебе, твоему дому, хозяйству, народу. Сделай это, чтобы дети твои не прокляли тебя, чтобы они не сошли вместе с тобой в могилу.

Но только народ мой невежда в законе, проклят он вместе со мной, отчаянно и судорожно пишущим эти строки.

Обижать подобным иском любое лицо или страну у меня душа не лежит, уж лучше я вытяну ноги у порога России, за бурым бугром, где томится от радиации каждая клетка, живая и мертвая.

Жаль только, что люди, которые останутся жить в других землях и странах, не поймут моей жертвы, моего истинного благородства, не последуют, наконец, моему примеру. Народы, населяющие Землю, хотят счастья, об этом я знаю. Мой народ — не исключение. Он хотел счастья, а получил два Чернобыля. Теперь важно понять, что же произошло. И нельзя не усматривать в том промысел Божий. А произошло событие по своей христианской сути просто замечательное. Приняв буквально себе на голову радиацию (хотя бы две трети от выброса), мы отчасти спасли от радиации Россию, Москву... Мы избавили от этого зловредного, махрового груза в значительной мере весь мир.

Вот это теперь и должно воодушевлять меня и мой народ.

Христианская мораль оправдывает нас в нашей вине перед миром, а Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, надеюсь, помолится за упокой души моей и всех моих соотечественников, детей и взрослых, ставших жертвами чернобыльской катастрофы. Но вот представит ли Святейший Синод православия перед престолом Всевышнего толпу великомучеников-белорусов, изнывающих в великой скорби? Как знать?

В этом я сомневаюсь и поэтому испытываю на душе не радость или, скажем, блаженство, отнюдь, что-то иное — как горб ношу с собой заструпенелую горечь, непомерную, неизбывную. Душа протестует. Унять ее надо! Душа взывает к Всевышнему, и вот-вот я услышу из уст его: «Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя Апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы, как тот профессор, который подавал на тебя в суд. Возрадуйся и черпай силы из колодца, у которого дна нет. Тебя не победит никакое зло, а им не миновать суда, на котором нечестивый будет уловлен делами рук своих и побит многократно».

Спасибо! — готов ответить я. И — жду. И — жду. На Бога надеюсь...

Только же, если подумать, так ведь во мне она, вся загадка; ведь и сам я — от корней своих предков — не лыком шит. Потому растерянность моя от удара двух Чернобылей исподволь проходит; собираюсь с духом. Нечестивые и впрямь получают должное за дела рук своих. Их настигнет справедливая кара. Я понимаю это и, дорожа временем, ибо дни лукавы, изучаю пути, упорно ищу средства для выхода из демографической воронки. В конце концов, это главное сегодня в столь непростой ситуации, социальной и экологической.

Поэтому, набравшись решимости, я ползу, карабкаюсь на тот сопредельный бугор все выше и выше, отряхиваюсь от разящей пыли, плюю на нее и, переведа дух, встаю на ноги.

О'кей, братове! Мы еще за себя постоим!

Испив чашу до дна, оставим за Беларусь ее место на карте.

КАЛІ АДЫСЦІ АД ЧАРОНОБЫЛЬСКОЙ ТРАНШЭІ, або ЗГАДКІ ПРА ПАНТЭОН

Блізідца 15-я гадавіна чарнобыльскай катастрофы, якая, як мы ўсё больш пераконваемся, далася і яшчэ больш дасца народу ў знакі. Ніхто не аспрэчвае, што гэта сапраўды нацыянальнае бедства як па маштабу разбурэнняў, страт, якія складаюць 270—280 млрд. долараў ЗША, так і па ўплыву на фізічнае і маральнае здароўе людзей.

Таму важна было б зафіксаваць у духоўнай і матэрыяльнай культуры народа тое з'явішча, якому і Тунгускі метэарыт не раўня. Бедства супастаўляецца (не без падстаў) з разбуральнай вайной, пра што наш народ ужо мае пэўныя ўяўленні. То чаму б не стварыць нам арыгінальны музей, экспанаты якога адлюстроўвалі б Чарнобыль ва ўсіх магчымых яго вымярэннях?

Колькі год таму я ставіў гэта пытанне перад тагачасным міністрам па надзвычайных сітуацыях І. А. Кенікам. І той, не думаючы доўга (і наогул, здаецца, не думаючы), адказаў:

- А ў нас ёсць чарнобыльскі музей!
- Дзе?! — я не паверыў вушам сваім.
- На тэрыторыі Акадэміі навук, у Шматава...

Эвой! Я ведаў, што мастак і доктар мастацтвазнаўства Віктар Шматаў разам са сваімі папличнікамі сабраў з вёсак чарнобыльскай зоны унікальную калекцыю прадметаў хатняга ўжытку, побыту ў цэлым. Вядома, калекцыя Шматава магла б заняць годнае месца ў чарнобыльскім музеі. Толькі сама па сабе яна ні ў якім разе не цягне на такі

музей. Даводзіць высокаму начальству пра гэта, праўда, не выпадала.

І я пайшоў іншым шляхам і паспрабаваў давесці Кіраўніцтву справамi Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, што клопат грамадскіх арганізацый аб стварэнні чарнобыльскага музея павінен стаць і ягоным найважным дзяржаўным клопатам і што названае кіраўніцтва зрабіла б добры, калі не высакародны, учынак, выдзеліўшы ў Мінску памяшканне пад гэтакую, скажам, гістарычную ўстанову. Грамадскія ж арганізацыі, пісаў я, дапамогуць дзяржаўным структурам у зборы экспанатаў, а калі спатрэбіцца, і ў самім ладкаванні работы, разгортванні экспазіцый музея.

Кіраўніцтва справамi не стала спрачацца па часці пастаноўкі пытання, а ў практычным вырашэнні яго (пошуку плошчаў) параіла звярнуцца ў Міністэрства культуры.

Далейшае вывучэнне пытання адно выявіла, што пан паказаў нам дарогу да жабрака. Зразумела, чаму на працягу наступных пяці гадоў мы такое пытанне не вырашылі.

І ў новым часе нічога не змянілася. Недзе пачынаючы з верасня 2000 года я пачаў абіваць парогі Камітэта архітэктуры, горадабудаўніцтва і землеўпарадкавання Мінгарвыканкама з такой жа нагоды. У сацыяльна-экалагічнага саюза «Чарнобыль» з'явіліся шанцы паразумецца з партнёрамі і атрымаць за мяжою падтрымку для праекта музея. Каб скласці заяўку, нам у тэрміновым парадку неабходна было дамовіцца з уладамі і разам вызначыць пляцоўку пад гіпатэтычны аб'ект.

Чым чорт не жартуе! Першая сустрэча са старшынёй камітэта Аляксандрам Чадовічам прайшла на пачуццёвым уздыме. Ён назваў плошчу Бангалор, дзе акурат і мог бы ўпісацца прыгожы, велічны

будынак пантэона з музейнымі экспанатамі і бібліятэкай, а наўкола ўтварылася б мемарыяльная зона.

Чадовіч — чалавек, не пазбаўлены энтузіязму, прынамсі, ён казаў мне, што калі б распачалося будаўніцтва, пра якое мы размову вялі, ён і сам з ахвотай узяў бы ў рукі рыдлёўку ды папрацаваў.

Але варта было, мусіць, галоўнаму архітэктару горада абмеркаваць маю прапанову з пэўным колам асоб (якіх я не ведаю), як яго энтузіязм безнадзейна згас. І ўжо праз колькі дзён ён пачаў мне даводзіць, што на Бангалоры будаваць музей нельга, бо ён будзе замінаць мясцовым жыхарам адпачываць (кажуць, яны там цяпер сабак выгульваюць), і што Мінск наогул перанасычаны музеямі, таму ці варта шукаць пляцоўку ў самой сталіцы?..

На ўсялякі выпадак ён параіў мне звярнуцца са сваім клопатам да М. Я. Паўлава, старшыні Мінгарвыканкама, вядома, пісьмова, што я неўзабаве і зрабіў.

Адказ прыйшоў прыкладна праз два месяцы са дня падачы звароту, але не ад Паўлава, у якога я прасіў аўдыенцыі, а ад таго ж Чадовіча, дакладней — ягонага намесніка А. І. Мартынава. Цытаваць ліст няма сэнсу. Калі шчыра, я ім пра Фомку, а яны мне пра Яромку! Пра музей у адпісцы і размовы няма, нібы я і не ставіў перад гарвыканкамам падобнага пытання. Яны мне даводзяць, што з 1996 года вядуцца работы па стварэнні мемарыяльнай зоны памяці ахвяр і герояў чарнобыльскай катастрофы ў раёне плошчы Бангалор... Быццам я або той жа Чадовіч гэтага не ведалі пры першай сустрэчы, калі пра музей вялі гутарку.

Цяпер пытанне: а што ж на Бангалоры плануецца?

Адкажам: ды невялікае што. Побач з чарнобыльскай капліцай, якая ператворана ў царкоўку, плануецца закласці бетонную траншею, якая падковай

будзе агінаць будынак і весці ў сярэдзіну храма. Вышыня адкрытай траншэі тры метры, з якіх 1,5 — у зямлі і 1,5 — над паверхняй. На сценах знутры размесцяцца прозвішчы ахвяр і герояў Чарнобыля.

Нічога дрэннага ў задуме тых сцен з прозвішчамі няма, хоць ніхто, бадай, не парадзіць, як жа адабраць патрэбныя прозвішчы.

Нядрэнна таксама і тое, што сцены будуць весці ў царкву.

На рэспубліканскім конкурсе гэты праект архітэктурна-ландшафтнай кампазіцыі (аўтар А. А. Андрэюк і інш.) прызнаны за лепшы. Але ж гэта не значыць, што ідэю конча трэба ўвасобіць у бетоне ды пакінуць гэтакую адмысловую скабку ў зямлі пад царквой. Я ўжо выступаў і даводзіў у друку, што праект непрактычны — зусім. Паколькі траншэю за некалькі тыдняў і месяцаў мясцовая публіка ператворыць ў адхожае або, скажам, пажыўнае месца, і людзі будуць баяцца туды зайсці. Або не? Зімою наогул траншэя будзе засыпана снегам. Таму будаваць — раўназначна выкінуць сродкі на вецер і захламіць зямлю.

Дык от што там будзе... А мая прапанова ні ў якім разе не ішла як альтэрнатыва траншэі, далібог, я ўвагі на яе не звяртаў, як што музей і ўвесь мемарыяльны комплекс (з памятнымі знакамі пахаваных вёсак) меркавалася будаваць не пад самай царквой, а воддаль, калі не ў іншым месцы наогул.

Усё ж надзея ў маёй душы тлее, бо абнавілася кіраўніцтва Камчарнобыля і Міністэрства па надзвычайных сітуацыях, туды прыйшлі людзі больш шырокага кругагляду, часам патрыятычных памкненняў, свежай энергіі. Ёсць разуменне праблемы і ў Палаце прадстаўнікоў, а таксама ў Гомельскім аблвыканкаме. Таму, мне думаецца, неўзабаве выпее належнае стаўленне да гэтай праблемы і ў асататніх людзей, да якіх я звяртаўся, і разам мы прый-

дзем да ўсведамлення неабходнасці ці то ў Мінску, ці ў Гомелі, ці нават за Гомелем мець адменны, выразны і яркі музей. Не горшы, чым у Кіеве. І тады сумленне тых, хто возьмецца за ўвасабленне неардынарнай, вячыстай задумы, падкажа ім, дзе сродкі шукаць.

2001 г.

ГУТАРКА: «ХВАРОБА ШУМІЛАВА» — ЦІ НЕ ВЫКЛІК БАГАМ?

Валерыя Шумілава ў Мінску багата хто ведае, і наогул гэта імя выбуховае, паколькі тоіць у сабе шмат энергіі, іншым разам небяспечнай для чынавенства самых розных узроўняў... Урач, навуковец, грамадскі дзеяч. Сабраў багатыя звесткі аб уздзеянні радыенуклідаў на здароўе, прааналізаваў дэмаграфічную сітуацыю на Беларусі і прыйшоў да цвёрдай высновы: дыягназ хранічнай прамянёвай хваробы, альбо сіндром хранічнай стомленасці і імуннай дысфункцыі — больш чым правамоцны. Хвароба адсуінічае ў класіфікатары Міністэрства аховы здароўя, але, на думку Шумілава, існуе і ім ва ўласнай урачэбнай практыцы ўстанаўліваецца, іншым разам пад назовам «хвароба Шумілава». Менавіта гэтае «свавольства» — адна з прычын звальнення Шумілава з мінскай паліклінікі № 12. Урач падае іск аб узнаўленні на працы. Судовае разбіральніцтва выходзіць за межы звычайнага адміністрацыйнага канфлікту. «Справа ўрача» доўжыцца чацвёрты месяц. За ёй сочаць пісьменнік, прэзідэнт Беларускага сацыяльна-экалагічнага саюза «Чарнобыль» Васіль Якавенка і журналіст Уладзімір Траццякоў... Яны ўчынілі гутарку для пісьменніцкай газеты «Літаратура і мастацтва».

— *Васіль Цімафеевіч, напрыканцы чэрвеня мы абодва аказаліся на пасяджэнні калегіі Мінскага гарсуда. Што прывяло вас туды?*

— Цікаўнасць і неабьякавасць да гэтага неўтаймаванага чалавека, дзівака і пракуды. Я ведаю доктара Шумілава па працы ў газеце «Набат», у тыя гады, калі газета выходзіла (а ён быў навуковым аглядальнікам), і ведаю ўвогуле — па грамадскай рабоце. Так што па абавязку службы і сумлення я аказаўся ў зале суда.

— *А я знаёмы з Шумілавым па Міжнароднай акадэміі геранталогіі, у якую мы абодва ўваходзім. Думаю, невыпадкава прэзідэнт Беларускага аддзялення гэтай акадэміі прафесар Мікалай Арынчын, паміраючы, завяшчай яму завяршыць справу свайго жыцця. А ён жа дамагаўся станаўлення дзяржаўнай сістэмы тварэння здароўя ў Беларусі. Ці ведалі вы аб гэтым?*

— Ведаў, нават праз газету «Набат» прапагандаваў яго ідэі. Але я ведаў і тое, што ў мінскай паліклініцы № 12 Валерый Шумілаў прыкладна тым і займаўся — тварэннем здароўя. Усім, хто прыходзіў да яго на пасяджэнні клуба «Самааздараўленне», іменна гэта і далягала. Мне асабіста цяпер надзвычай цікава, як, чаму, з-за чаго такія добрыя адносіны, што былі да восені мінулага года ва ўчастковага ўрача Шумілава з галоўным урачом Аляксандрам Сакалянскім, аказаліся скасаванымі. Прычыны ж перамен у пачуццях галоўнага ўрача на пасяджэннях суда не раскрыты, хоць да іх, мне здаецца, і блізка падыходзілі, асабліва ў працэсе разгляду справы ў судзе Кастрычніцкага раёна.

— *Дык вы і на тых пасяджэннях таксама прысутнічалі? Там, відаць, для Шумілава сітуацыя складвалася зусім кепска?*

— Наадварот... Ягоную справу разглядала жанчына, надзеленая аналітычным розумам, спрактыкаваная, сумленняя, прынамсі, так удавала, — Маргарыта Рыштоўская. Я шчыра зайздросціў, бо не меў такога судзі, калі судзіўся з прафесарам Я. Івано-

вым, гематолагам, які доўгі час адмаўляў шкодны ўплыў радыяцыі на арганізм чалавека. Суддзя-касталам у Маскоўскім раёне рашуча адмятаў усе нашы спробы даказаць, з якім сацыяльна небяспечным кліентам (па матывах фальсіфікацыі) суд мае справу. А ў вышэйшых судах, калі мы туды кінуліся, нас агарошылі: маўляў, беларускія суды навуковымі спрэчкамі не займаюцца.

Іншая справа ў Шумілава. Суддзя Рыштоўская з вялікай увагай слухала і паспяхова вяла навуковыя спрэчкі па прынцыповых пазіцыях, прадастаўляючы слова экспертам. Было 7 пасяджэнняў, і на іх суд адхіліў амаль усе абвінавачванні, выстаўленыя А. Сакалянскім супраць Шумілава. Быў момант, калі шалі вагаў Феміды выразна схіляліся на карысць істца. Якраз тады разгляд справы блізіўся да фіналу. І тады не Шумілаву, а галоўнаму ўрачу раптам стала дрэнна, ён схопіўся за сэрца, паказваючы, што з ім здарыўся прыступ. Суддзя была вымушана перапыніць пасяджэнне да наступнага дня. У адказчыка ад сэрца адразу адлегла, і, на здзіўленне публікі, ён сунуў у зубы цыгарку ды пабег невядома куды. Ён выйграў час і падцягнуў, напэўна, з тылу нейкія ценявыя сілы. Суд не змог абараніць чалавечую і прафесійную годнасць урача.

— *Вам, як пісьменніку, падаплёка судовага працэсу, бадай, бачна лепш, чым нават суддзям. Што вы на гэты конт скажаце?*

— Шумілаў — тэрапеўт, кандыдат медыцынскіх навук; працуючы ў Бабруйску ўрачом «хуткай дапамогі», абараніў дысертацыю па тэме: «Дыягностыка пры вострых формах ішэміі ва ўмовах хуткай медыцынскай дапамогі». Ён адкрыты і шчыры чалавек, мае свае захапленні і гарача прапагандуе здаровы лад жыцця, соевае малако, жывыя сокі. Пры садзеянні сацыяльна-экалагічнага саюза «Чарнобыль» доктар Шумілаў атрымаў патэнт на вывяд-

зенне радыенуклідаў з арганізма чалавека і агульнае здараўленне на аснове лячэбнага галадання. Колькі год запар вядзе клуб «Самааздараўленне», у якім нямала тых, каго ён літаральна вярнуў да жыцця. Некаторыя з іх прыходзілі на суд, выступалі ў абарону свайго доктара і настаўніка. Разам з тым падчас працы ў «Набаце» Валерый Мікалаевіч прыхваціўся да ўдзелу ў розных пасяджэннях і канферэнцыях, палюбіў шырокія форумы, бо яны давалі яму магчымасць задаваць пытанні, выступаць ды яшчэ і трапляць у аб'екты тэлекамеры. З аднаго боку — прага пачуць нешта новае, з другога — сябе паказаць! Гэта стала для яго на нейкі час як бы асноўным заняткам. У публічных выступленнях яму не заўсёды ўдавалася ўтаймоўваць сябе, адсякаць непатрэбныя думкі, эмоцыі. Чаплялася штось дугараднае, ціна, і гэта часам шкодзіла яго рэпутацыі.

Калі ён вырашыў пайсці працаваць участковым урачом, мяне гэта вельмі ўсцешыла, я быў рады за яго. У той жа час непакоіла: ці адмовіцца ён ад штодзённай беганіны па канферэнцыях, ці ўрасце ў новую для сябе працу, ці вытрымае на нялёгкай пасадзе доктара? На ўчастку ж ён раней не працаваў, а там свая спецыфіка, свой папяровы калаўрот, і заўсёды чалавек — тварам у твар. Шумілаў, трэба зазначыць, пераадолеў у сабе тое наноснае, хісткае, «маятнікавае» і арганічна ўрос у працу. Вядома, як кожны ўчастковы ўрач, ён мог дапусціць нейкі пралік. Напрыклад, выпісаць інваліду льготны рэцэпт на но-шпу, хаця асноўнае захворванне ў таго но-шпы не патрабавала. Або не вызначыць аднаму з тысячы пацыентаў канчатковы дыягназ (дарэчы, дагэтуль нікім не вызначаны). Адміністрацыя паліклінікі не рабіла заўваг участковаму ўрачу Шумілаву нават тады, калі, пачынаючы з 1999 года, ён насмеліўся паставіць таму-сяму з пацыентаў (з пэўнымі сімптомамі захворвання) дыягназ, што азна-

чаў радыяцыйнае пашкоджанне арганізма: «прамянёвая рэакцыя» (па падказцы вядомага спецыяліста ў медрадыялогіі І. Р. Жакава) ці нават «сіндром хранічнай стомленасці...» Але ўсё гэта, на думку Валерыя Мікалаевіча, было не тое, бо напрошваўся дыягназ хранічнай прамянёвай хваробы.

На курсах у Інстытуце ўдасканалення ўрачоў доктар Шумілаў праслухаў лекцыю свайго былога аднакурсніка Уладзіміра Адзінца аб вызначэнні сіндрома хранічнай стомленасці і імуннай дысфункцыі. Дацэнт Адзінец, праўда, не тлумачыў прычын, якія вядуць да захворвання, і Шумілаў пачаў іх шукаць.

Навуковыя абгрунтавальнікі хваробы і гэтакага стану арганізма за мяжой, у радыяцыйна небяспечным штаце Невада, меркавалі часопіс «Лечачый врач», 1998, № 3), што да захворвання вядзе нейкі нявысветлены эпідэмічны вірус. Ці так гэта? Доктар Шумілаў, зыходзячы з адэкватнасці экалагічных умоў у штаце Невада і постчарнобыльскай Беларусі, а таксама ўласнага вопыту, удакладняе: не вірус, а альфа-часцінкі, гэта значыць радыяцыя.

Пасля гэтага ўжо ў адпаведных выпадках ён пачынае ставіць дыягназ: сіндром хранічнай стомленасці і імуннай дысфункцыі, або яшчэ лепей — «хвароба Шумілава». І тут, на мой погляд, ён меў рацыю. У нас багата чаго не бачаць і не хочуць бачыць. Напрыклад, у бульбе з чарнобыльскай зоны ці блізкіх да зоны раёнаў, якая па нашых радыялагічных вымярэннях прызнана чыстай, — глыбей, на мікраклеточным узроўні, усё ззяе ад радыяцыі. Гэта засведчылі вучоныя Сібірскага аддзялення Расійскай акадэміі навук. І з гэтага павінны рабіцца высновы і абгрунтаванні захворванняў. Толькі ж у нас гэтым ніхто не хоча, скажу больш — пабойваецца займацца! Таму і выглядае дзіваком Шумілаў.

Аднак жа заўваг па службе і на гэтым этапе яму не рабілі, хоць усе ягоня навацыі ў дыягназах,

пэўна, выходзілі за рамкі ўзаконенага, здаецца, у 1984 годзе, пераліку хвароб у рэспубліцы. Паўтараю, ніхто з яго тады не спаганяў, але ж апекуны былі насцярожаныя і не выпускалі Шумілава на публічныя медычныя трыбуны, каб, барані Бог, не прапагандаваў таго, што робіць.

Як бы там ні было, толькі ўчастковы ўрач Шумілаў амаль два гады не меў заўваг па службе — да леташняга кастрычніка. Больш за тое, галоўны ўрач Аляксандр Сакалянскі неаднойчы карыстаўся ласкай Валерыя Мікалаевіча — напрыклад, браў у яго матэрыялы для свайго даклада на 1-ым з'ездзе ўрачоў рэспублікі. Альбо ўключаў у справаздачу аб рабоце паліклінікі дзейнасць клуба «Самааздараўленне». Пэўна ж, было кім і чым галоўнаму ганарыцца!

Толькі ў кастрычніку, калі прыйшла чарга ператэстацыі ўрачоў паліклінікі і Валерый Мікалаевіч увайшоў у пакой, дзе працавала камісія, Сакалянскі неяк холадна і нервова пажартаваў: «Вось не ператэстуем цябе, Шумілаў, і звольнім з працы!» Жарт галоўнага падаўся Шумілаву грубым і, на жаль, таіў у сабе добрую долю каварства.

Нягоды пачаліся з тэлеграмы-скаргі інваліда Айчыннай вайны М. Чорназіпуннікава на імя прэзідэнта краіны з нагоды непастаўленага яму дакладнага дыягназу. Пасля гэтага галоўны ўрач Сакалянскі проста на вачах ператварыўся з ляяльнага адміністратара і калегі ў злога дэмана. Калі не было да чаго прычэпіцца, ён прыбягаў да інсінуацый, фабрыкаваў «спазненне на працу». Іх потым адмяце суд. За нейкіх два месяцы Шумілаў атрымаў дзве вымовы і загад аб звальненні. Праўда, разам з першай вымовай ён атрымаў яшчэ і прэмію за паспяховае працу.

Валерый Мікалаевіч доўгі час ніяк не мог зразумець паводзін галоўнага ўрача паліклінікі — яго праца сапраўды не давала падстаў для рэзкай змены адносінаў.

Суд адвёў амаль усе цяжкія абвінавачванні ў адрас Шумілава, акрамя аднаго: доктар выходзіў за рамкі ўзаконенага пераліку захворванняў і парушаў такім чынам інструкцыю... А філасофія чыноўнікаў ад медыцыны якраз у тым, што пасля найвялікшай у свеце радыяцыйнай катастрофы ў нашай краіне нічога ў захворваннях не змянілася і не павінна змяніцца, тым больш калі хвароб няма ў недатыкальным рэестры, то і ў жыцці не можа быць, няхай хоць дзесяць чарнобыляў выбухне! Іменна таму «хвароба Шумілава» — як бы выклік багам. А на справе гэта выклік застою і коснасці, амярцвенню прыглухлай медычнай навукі.

— *І ўсё-такі, Васіль Цімафеевіч, ці стала вам зразумелай прычына псіхатэрору супраць Шумілава з боку адміністрацыі паліклінікі, пра што ён даводзіў на судзе?*

— А памятаеце, у гарадской калегіі ён папрасіў суддзю А. Дулуб далучыць да справы дакумент — нейкі там зварот на імя дзяржсакратара Савета бяспекі В. Шэймана. І папрасіў звярнуць на дакумент асаблівую ўвагу. Ён сказаў: «Напэўна, там — ключык да разумення судовага працэсу і яго прычын».

Вечарам, пасля другога няўдалага судовага фіналу, я патэлефанаваў яму і пацікавіўся гэтым «ключыкам». Ён толькі таго і чакаў! «А вы прыгадайце, — кажа, — высокую дзяржаўную камісію, якая працавала пад кіраўніцтвам акадэміка А. Лабанка? Яна павінна была даць ацэнку эфектыўнасці навуковых даследаванняў, якія выконваліся ў рэспубліцы па змяншэнні і пераадоленні наступстваў аварыі на ЧАЭС. Дык і я таксама, у ліку 30 вучоных, уваходзіў у склад той камісіі». І далей з яго слоў для мяне адкрылася новая, проста батальная карціна.

Камісія ў сваім заключэнні зрабіла шэраг прынцыповых заўваг аб неэфектыўнасці даследаванняў і марнатраўстве сродкаў, што дазволіла Дзяржкамі-

тэту па навуцы і тэхналогіях накіраваць у Савет Міністраў ліст, у якім канстатавалася літаральна наступнае: усё, што прадстаўлена камісіі, дае падставы разглядаць вынікі работ па раздзелу навуковага забеспячэння рашэння праблем наступстваў чарнобыльскай катастрофы як недавальняючыя.

В. Шумілаву гэта падалося недастатковым, і падпісваючы рашэнне камісіі, ён выказаў сваю асабістую думку: «За падрыў здароўя насельніцтва Рэспублікі Беларусь павінны быць прыцягнутыя да персанальнай адказнасці вучоныя і некаторыя дзяржаўныя дзеячы: Якаў Кенігсберг, Ігар Ралевіч, Уладзімір Цярноў, з пакрыццём імі страт, што нанеслі дзяржаве».

Але і на гэтым доктар Шумілаў не спыніўся. Адчуваючы прыныповасць і важнасць пытання, ён робіць наступны крок — ён піша ў Савет бяспекі на імя В. Шэймана і ў Адміністрацыю Прэзідэнта пісьмо, у якім даводзіць пра неабходнасць прыцягнення да персанальнай адказнасці тых жа асоб. Там ёсць такія радкі: *«Сітуацыя з Чарнобылем выкарыстоўваецца місіянерствуючымі вучонымі і службовымі асобамі, якія свядома заніжаюць паказчыкі дозавых нагузак на насельніцтва Беларусі. У нас дапускаюцца высокія ўзроўні забруджвання асноўных прадуктаў харчавання, хлеба, малака, мяса, вады, што прыводзіць да падрыву здароўя і скарачэння працягласці жыцця, спрыяе развіццю хранічнай прамянёвай хваробы з наступнай яе трансфармацыяй у ракавыя пухліны розных органаў».*

Не здрадзіў В. Шумілаў сваёй прыныповай пазіцыі і тады, калі абмяркоўвалася кандыдатура доктара біялагічных навук І. Ралевіча ў члены-карэспандэнты Нацыянальнай акадэміі навук: ён выступіў і даў яму рашучы адвод.

Ну, і скажыце цяпер, як гэтыя людзі павінны былі паводзіць сябе ў адносінах да Шумілава?

— *Пытанне яўна з ліку рытарычных...*

— Тут дарэчы будзе прывесці прыклад з нядаўняй гісторыі. Газета «Набат» на пачатку 1996 года змясціла насычаны фактамі артыкул «Аб неадпаведнасці Міністэрства па надзвычайных сітуацыях узроўню нацыянальных задач». Цяпер зусім відавочна, што дзяржкамісія на чале з акадэмікам Лабанком па ўсіх пазіцыях пацвердзіла нашы вывады амаль пяцігадовай даўнасці. Але ж міністр І. Кеніктады кінуўся было ў суд нас абвяргаць. Ды неўзабаве зразумеў хісткасць сваёй пазіцыі і забраў заяву.

Наіўна было б думаць, што гэтая група адказных асоб пакіне доктара Шумілава ў спакоі. Тым больш, што ў некаторых з іх ёсць свае блізкія людзі на версе судовай галіны ўлады. Зусім не выключана, што галоўны ўрач паліклінікі А. Сакалянскі трапіў пад іх непасрэдны, а хутчэй за ўсё апасродкаваны ўплыў. Прынамсі, вышэйазначаныя асобы пры сустрэчы з Валерыем Мікалаевічам заўсёды выяўлялі сваю добрую інфармаванасць пра падзеі ў паліклініцы і ў судзе. Яны былі спакойныя, таму што набатныя лісты Шумілава ў высокія ўладныя структуры не далі вынікаў. Але той, хто давярае сумніўным чыноўнікаў, будзе дзяліць з імі і ўсю адказнасць за справы ці то ў асобна ўзятым міністэрстве, ці то ў дзяржаве.

Я, праўда, не ўзяўся б сцвярджаць, што высокапастаўленыя асобы свядома наносілі і наносяць страты здароўю сваіх грамадзян і ў цэлым краіне. Яны проста па сваёй падрыхтоўцы і здольнасцях, па спадчыннай чыноўніцкай парадыгме мыслення не могуць інакш працаваць. Народжаныя поўзаць лятаць не могуць! У тым і адрозненне падобных людзей ад Шумілава, і ніякімі скаргамі, пададзенымі наверх санавітым вяльможам, а тым больш замяццю гэтых скаргаў, справу не выправіш. Якраз тут адзін з тактычных пралікаў у высакароднай і актыўнай грамадскай дзейнасці Валерыя Мікалаевіча.

— *А ўсё-такі, няўжо гарсуд не падаваў аніякай надзеі? Для мяне яна бліснула, калі ісцец, г. зн. В. Шумілаў, назваў некалькі парушэнняў і прыкладаў фальсіфікацыі дакументаў з боку адказчыка...*

— Так, пракурор С. Мышкавец проста па службовых абавязках павінен быў на гэта адрэагаваць, мог нават крымінальную справу ўзбудзіць супраць галоўнага ўрача А. Сакалянскага. Але замест гэтага мы бачылі на твары ў яго маску абьякавасці. Напрыканцы судовага пасяджэння пракурор у сваёй прамове паўтарыў абвінавачванні Шумілава ў духу Сакалянскага, нібыта суд Кастрычніцкага раёна не адмеў іх амаль начыста! Суддзяў гарадской калегіі не цікавілі ніякія «ключыкі» да разгадкі прычын «псіхатэrorу» супраць участкавага ўрача. Было ўражанне, што сябры Феміды прыйшлі на пасяджэнне з ужо гатовым і, мусіць, паабяцаным камусьці рашэннем. Чаму ж дзівіцца ў наш час, калі людзі з чыстым няўрымслівым сэрцам, свежымі думкамі ўсё больш адціскаюцца на абочыну жыцця. Прыкра! Аднак, скажыце, што, што пасля іх, дзівакоў, запануе ў грамадстве? Уменне мяняць скуру, прыстасоўвацца да любых абставін ды быць цішэй вады, ніжэй травы? Тады, глядзі, каб грамадства не з'елі свінні! Нам сёння моцна і шмат трэба думаць пра ліквідаванне хібаў у правах чалавека. Неабароненасць чалавека, сям'і і грамадства — асноўная загана супольнага жыцця беларусаў — што на пачатку, што ў сярэдзіне, што напрыканцы ХХ стагоддзя! Няўжо таўро праклёну кожны з нас носіць на сваім цемні?

— *Падобна на тое, што гэтая тэма для вас вельмі блізкая як пісьменніку?*

— Так, зараз я працую над тэмай сацыяльнай неабароненасці беларуса падчас рэжыму Пілсудскага ў Заходняй Беларусі, далей падчас фашызму, сталінізму ды і цяпер. Я прыходжу да высновы, што ўсе нашы няўдачы і беды адтуль, што мы амаль

страцілі самі сябе, перасталі быць народам. Вядома, не ўсё яшчэ страчана, але, але... Ці не характэрнай стала для нашага вялага і апатычнага грамадства «хвароба Шумілава» ўвогуле? Тая ж хранічная стомленасць... Тая ж імунная дысфункцыя! Мікроб, які прывёў нас да гэткага стану — нацыянальны нігілізм, я перакананы. А перадусім было вынішчэнне нацыянальнай інтэлігенцыі... Так што хутчэй за ўсё гэты твор будзе ў жанры палітычнага рамана.

2000 г.

ГУТАРКА: «НЕ ШУКАЙЦЕ ЗА ЧАРНОБЫЛЕМ БОГА»

*Яе вядуць пісьменнік Васіль Якавенка і
журналіст-лімавец Яўген Рагін.*

— *Васіль Цімафеевіч, 26 красавіка для вас, напэўна, не проста Дзень Смутку... Эксперымент прыроды і чыноўніка над беларусам працягваецца?*

— Для сябе асабіста я назваў бы гэту дату-падзею днём Горычы і Тугі. Прычым, горыч у мяне выклікала спроба вышэйшых і мясцовых улад зрабіць выгляд — і давесці гэта насельніцтву! — што нічога страшнага там, на ЧАЭС, не здарылася, ніякіх асаблівых наступстваў, хвароб ці пакут ніхто не зазнае... Фальсіфікаваліся як дадзеныя аб утрыманні радыенуклідаў у харчах, так і паказанні аб накапленнях радыяцыі ў арганізме чалавека. Урачам не варта было лішне думаць пра Чарнобыль, паколькі ніякіх хвароб, абумоўленых радыяцыйным абпраменьваннем, не магло быць, як што іх не хацела начальства.

Горыч шчымела ў маім сэрцы ад падману, які я штодня назіраў, а туга — ад расстання з марамілетуценнямі пра перабудову, пра «сацыялізм з чалавечым абліччам» і без аблічча ўвогуле....

Калі марксісцка-ленінскі сацыялізм у глабальным плане ёсць нечуваны, нябачаны і смелы эксперымент над душой народа, дзе ставілася на мэту прышчапіць любому і кожнаму саўковы гонар за сваю савецкую краіну і за жыццё ў адыёзных сацыяльных умовах, то тут было нешта іншае. Чарнобыльская катастрофа — эксперымент на фізічнае і, ска-

жам так, псіхічнае выжыванне народа ва ўмовах малых дый не толькі малых доз радыяцыі. У так званай чарнобыльскай зоне па сённяшні дзень пражывае каля двух мільёнаў жыхароў. Радыяцыя цераз прадукты харчавання, фураж дый іншымі спосабамі, шляхамі распаўсюдзілася па ўсёй тэрыторыі рэспублікі. Найпершая небяспека ва ўплыве радыенуклідаў, у дэстабілізуючым уздзеянні радыяцыі на імунную сістэму, што дало прырост самых розных захворванняў у насельніцтва. Зусім невыпадкова на сённяшні дзень у Гомельскай вобласці мы маем толькі дваццаць адсоткаў здаровага дарослага люду. Па рэспубліцы катастрофічна зніжаецца працягласць жыцця насельніцтва. Сярод школьнікаў са 100 вучняў не меней 85—87 маюць паталагічныя адхіленні або хранічныя захворванні. З 9,3 тысячы інвалідаў Чарнобыля — 1,8 тысячы дзеці. Нягледзячы на метады прафесара Генадзя Лазюка па генетычнай выбракоўцы плодаў у цяжарных жанчын, а прымяняецца ён на ранній стадыі цяжарнасці, нараджэнне дзяцей з генетычнымі парокамі нарастае. Замежныя вучоныя, між іншым, даказваюць, што радыяцыя, а менавіта яе малыя дозы, спарадзілі ў свой час і такую хваробу як СНІД.

Другая небяспека з небяспек, з плоймы ўсіх нягод, — ва ўздзеянні радыяцыі на мозг ды проста на розум чалавека; у выніку — зніжэнне інтэлектуальнага патэнцыялу. Прычым, як лічаць вучоныя, інтэлект западае не толькі ў людзей, якія мелі ці маюць непасрэднае дачыненне да ўздзеяння радыяцыі, але таксама і ў іхніх нашчадкаў. Таму ёсць усе перадумовы чакаць зніжэння агульнага ўзроўню інтэлекту народа — ва ўсіх пакаленнях. Адначасова памнажаюцца псіхічныя захворванні. На сённяшні дзень з імі спазналіся блізка 120 тысяч дзяцей. Што ўжо казаць пра дарослых?.. Ім і ліку няма.

Вучонымі прагназуецца зніжэнне аб'ёму інтэлекту адносна дасягнутага да крытычнай меткі. Тады ўжо немагчымым стане чынны ўдзел народа і яго эліты ў развіцці навукі і тэхнікі. Спыніцца ў краіне прагрэс.

Вызначана дата такога крытычнага моманту — 2050 год. Але ж дадайце да заняпаду інтэлекту яшчэ і дэмаграфічны працэс, абумоўлены як гэтымі, так і іншымі фактарамі. А гэта — паскоранае пастарэнне і скарачэнне колькасці насельніцтва. Улічыце таксама, што на сукупнае цела і мозг папуляцыі разам з радыенуклідамі дзейнічаюць і хімічныя шкодныя рэчывы, якія ў дзесятках і сотнях тысяч тон рассяваюцца па нашай зямлі. Дадайце да гэтых варункаў і прычын дэградацыі яшчэ адзін біч здароўя — алкагалізм... Куды мы скочваемся?!

Заняпаду надзвычай спрыяе ўнутрыпалітычная сітуацыя ў нашым супольным вялікім доме, адсутнасць грамадзянскай згоды.

Звыш 3000 самазабойстваў у год!

Дэградацыя дышае мне і кожнаму з нас у патыліцу. А гэта значыць, што перасцярога вучоных мае грунт пад сабой; тая дата агоніі ў нашым нацыянальным асяродку можа наступіць нават раней.

Што ж перайшло і далосся нам у спадчыну ад блюзнерскай чарнобыльскай палітыкі першых год катастрофы? Перш-наперш, думаецца, запалітызаванасць і аблуднасць навукі. Ёсць, да прыкладу, нядаўняе заключэнне дзяржаўнай камісіі аб развіцці навуковых даследаванняў чарнобыльскай тэматыкі. Яны незадавальняючыя. І не дзіва! Уявіце сабе Інстытут радыяцыйнай медыцыны і эндакрыналогіі. Ведаючы пра настрой і патрабаванні ўрада, ён па сённяшні дзень не займаецца як след радыяцыйнай медыцынай, гэта значыць, тым, дзеля чаго і быў створаны. Нават рэестры ўліку розных катэгорый пацярпелых ад радыяцыі і іхніх нашчадкаў не распрацаваны, не

ўведзены ў дзеянне міністэрствам, па прыкладу хоць бы Расіі. А пра што сведчыць ягоная клініка ў Аксакаўшчыне? Там ніякіх вынайздзеных інстытутам метадаў і методак выяўлення хвароб, або выкліканых радыяцыяй станаў арганізму; вучоны люд не даходзіць да асаблівасцей уздзеяння радыяцыі. Па няволі думаецца: «а ўжо ж, ці ёсць яны?!» Сумленныя ўрачы ставяць звычайныя, дачарнобыльскія дыягназы і лечаць звычайнымі сродкамі.

Зрэшты, можа, я гіпербалізую? Мяркуйце самі. Найбольш кемлівыя супрацоўнікі інстытута лічаць сябе заложнікамі палітычнай медыцыны. А Васіль Несцярэнка, вучоны, кампетэнтна даводзіць у друку, што Міністэрства аховы здароўя заніжае дозы на грузкі радыяцыі на насельніцтва і, наадварот, усяляк уздымае планку гранічна дапушчальных норм радыенуклідаў у прадуктах харчавання. Чым не клопат пра народ?

— *У сваім артыкуле «Чарнобыль: праз дзесяць і больш гадоў» вы пішаце — не дай Бог збыцца прадказанням анколагаў, што праз 15 гадоў ракавыя захворванні ў нас будзе мець кожны другі жыхар краіны...»*

— Смяротнасць ад ракавых захворванняў у Беларусі ўзрасла за дзесяць гадоў амаль на чвэртку. Цяпер, кажучь, кожныя 16 хвілін з'яўляецца новы хворы на рак. Лідыруюць рак лёгкіх і страўніка. На сённяшні дзень хварэе на рак каля 34 тысяч чалавек, з іх 2,5 тысячы ў дзіцячым узросце.

Змянілася карціна ў структуры анкалагічных захворванняў шчытападобнай залозы. Павялічылася колькасць захворванняў сярод дарослых. Паменшала сярод дзяцей; відаць, у сувязі з выхадам той, апрамененай радыяцыяй дзятавы ў сталы ўзрост. У цэлым жа ракавыя захворванні не змянілі сваёй тэндэнцыі да нарастання.

— *З сакавіка 1991 года выходзіла ваша газета «Набат». Яна, бадай што, першая гаварыла праўду пра Чарнобыль. Гэтая праўда і па сёння надта замінае тым, хто хоча лёгка жыць і бяздумна кіраваць...*

— Набатаўцы пераканаліся, што чынавенству патрэбна не праўда, якая, будучы выяўленай, магла б памагчы яму правільна, з улікам інтарэсаў народа, планаваць свае дзеянні. Чыноўнікам патрэбен спакой.

Калі ў 1986—87 гадах я шукаў праўды аб наступствах Чарнобыля, то знайшоў крыніцу яе літаральна пад бокам ва ўрада — ва ўрадавай бібліятэцы. Гэта былі, можна сказаць, фундаментальныя працы англійскіх вучоных аб уплыве радыяцыі на арганізм чалавека. У перакладзе на рускую мову. Яны, тыя працы, і дазволілі мне напісаць на матэрыяле чарнобыльскай зоны навукова абгрунтаваны і кампетэнтны нарыс «Бомба для патомкаў», які выдаваўся і перавыдаваўся ў Маскве і Мінску. Праўда, апроч мяне, тых кніг ніхто не гартаў, да той крыніцы ведаў у бібліятэцы ніхто не звяртаўся. Ніхто з урадавых чыноўнікаў, якія вырашалі праблемы Чарнобыля, не шукаў праўды. Ніхто не прагнуў найглыбшых ведаў, не імкнуўся спасцігнуць як мае быць нацыянальную трагедыю. Праўду для іх замянялі службовыя інструкцыі, і дагэтуль там, бадай, нічога не змянілася.

— *«Набату» няма. Застаўся Беларускі сацыяльна-экалагічны саюз «Чарнобыль», кіраўніком якога вы застаецеся. Што зроблена і робіцца?*

— БелСаЭС «Чарнобыль» першым з грамадскіх аб'яднанняў пачаў працаваць з замежнымі партнёрамі — японцамі па аздараўленні дзяцей на месцы. Мы мелі неблагі санаторый пад Мінскам, але ж змогі апекаваць яго хапіла ўсяго на чатыры гады. Потым нашы спецыялісты аказвалі паслугі дзяржаўным

установам у медычным абследаванні дзяцей чарнобыльскай зоны. Аздараўлівалі дзяцей за мяжой. Апроч таго, Саюз правёў шэраг удалых міжнародных і рэспубліканскіх канферэнцый, напрыклад, яшчэ ў 90-м годзе ў Гомелі па праблемах Чарнобыля, дзе я выступаў з дакладам, пазней — у Мінску па чыстых крыніцах энергіі і энергазберажэнні. І яшчэ па праблемах запаведных тэрыторый. І яшчэ аб станаўленні грамадзянскай супольнасці ў Беларусі ў кантэксце ўстойлівага развіцця... Усяго тут я вам не пералічу. На жаль, былі і няўдачы. Скажам, колькі год біліся, каб укараніць праграму эфектыўнага, плённага, аздараўленчага навучання і выхавання ў школе пад назвай «Экаполіс, культура, здароўе», дзе ўлічваецца багата якія аспекты педагогікі, экалогіі, медыцыны. Пакуль не ўзбіліся на поспех.

Можна лічыць цікавай нашу выдавецкую дзейнасць. Сярод кніг, якія мы выдалі, — зборнік школьных сачыненняў «След чорнага ветру». Кніга перадавалася ў Японіі, Бразіліі і Германіі. Цяпер мы рыхтуем да выдання абноўлены яе варыянт — на трох мовах.

Добрыя словы заўжды чую і пра кнігу «Пісьмы да жывых», што выйшла ў свет як выбранае што-тыднёвіка «Набат».

— *Эпіграфам да гэтай кнігі вы ставіце словы Цяпінскага: «Хіба не кара божая — лад, што ўсталяваўся ў нас у доме?!» Колькі вякоў мінула, а нічога на Беларусі не мяняецца?*

— Сапраўды, нешта навалілася на нас ды так, што продыху няма, няма той прасветлай гадзіны, каб народ ачомаўся, акрыяў, стаў пачуваць сябе годна і вольна. Канешне, «Пісьмы да жывых» — не толькі пра Чарнобыль...

Бадай, пакажацца неверагодным, але зазначу: часы, калі жыў наш славуты гуманіст і асветнік

Васіль Цяпінскі, вельмі падобныя на сённяшнія. Амаль тыя ж нацыянальныя праблемы.

На вачах у Цяпінскага найбольш зможныя яго суайчыннікі пачалі цягнуцца да касцёлаў, апалячвацца і так ці інакш адслайвацца ад асноўнай масы народа; народ бытаваў сам па сабе. Увогуле, тут у нас цікавы момант размовы, праўда, палітызаваны і бадай філасофскі, але — якім бокам ні павярні, лёсавызначальны. Што такое народ без свайго нацыянальнага інтэлекту, без эліты, без носьбітаў і абаронцаў патрыятычнай ідэі?.. Ды нешта падобнае, скажам, на гурт, у якім інтарэсы не перавышаюць сямейнага ўзроўню. Там, у сям'і, няйначай, сваё біяполе, свой камфорт і як бы нябачная абалонка. А вось каб сям'я ў сваіх інтарэсах узнялася вышэй, патрэбна агульнанацыянальная ідэя, патрэбны яе носьбіты, носьбіты нацыянальнага духу, якія б сумелі данесці свае думкі і парыванні да кожнага. І з іх асяродку — лідэры, самаахвярныя, каларытныя, дасціпныя, шчырыя, паважлівыя, мудрыя, як і сам народ. Але... Але і гэта — не ўсё. Патрэбен давер народа да свайго інтэлекту, да сваёй эліты. І ці не дзіва нам такога жадаць?!

Калі шчыра, мяне збянтэжыла вытлумачэнне асаблівасцей характару нашага народа, яго спакою, цярдлівасці, так бы мовіць, абыдленасці, абыякавасці і інертнасці, запаволенасці, замаруджанасці — у адным з публіцыстычных опусаў — «Шестое оледенение» — у майго калегі Анатоля Казловіча. Ён тлумачыць ментальнасць беларуса не чым іншым, як уздзеяннем на яго цела і душу ледавікоў у ледавіковы перыяд, і бачыць у жыхарах, насельніках, сваіх земляках «отморозков». Падобны пасаж можна было б прыняць за дасціпны жарт і толькі. Аднак у мяне склалася ўражанне, што гэта падаецца ўсур'ез. Довяд, тым не менш, рассыпаецца ў ледзяныя пырскі,

калі прыгадаць, што ледавікі ляжалі не толькі на тэрыторыі сучаснай Беларусі, але і Літвы, Латвіі, Эстоніі... То чаму ж там няма няўключных вымазкаў?

Вярнемся да сацыяльна-геапалітычных умоў. У складзе Рэчы Паспалітай беларускасць беларусаў была адсунута на другі план, і ў 1697 годзе скасавана нават афіцыйнае функцыянаванне мовы. Нацыянальная эліта паступова перараджалася. А ў складзе царскай Расіі — тая ж нядоля. Не дапускалася ўжыванне беларускай мовы, як і наогул функцыянаванне нацыянальных інстытутаў, адраджэнне інтэлекту. Пацяпленне палітычнага клімату для беларусаў пачалося на пачатку дваццатага стагоддзя, калі была легалізавана мова і сталі выходзіць газеты «Наша Доля», «Наша Ніва», асобныя кніжкі...

Адкрытае выпраменьванне беларускасці ў друку, пэўныя зрухі ў асвеце, арганізацыя інфармацыйнага поля дазволілі неўзабаве хутка і дружна ўзняцца да грамадскага ўзроўню ды і кансалідавацца нацыянальнай інтэлігенцыі, настаўнікам, урачам, вайскоўцам. Яны пацягнулі за сабой на ўзровень грамады і інтарэсы тутэйшых. Як доказ таму — сліцкі збройны чын.

Усебеларускі з'езд, які адбыўся ў снежні 1917 года, як і Рада БНР, абраная ім, пакінулі выразны след у палітычнай прасторы, і, менавіта дзякуючы нацыянальнаму абуджэнню беларусаў, у студзені 1919 года бальшавікамі была дэкларавана дзяржаўнасць для тутэйшага людю, створана БССР. Інтэлігенцыя на той час штучна не проціпастаўлялася народу і не адслойвалася ад яго, як цяпер.

Але неўзабаве — новая згуба і трагедыя — амаль дачыста высеклі і замардавалі нацыянальную інтэлігенцыю. Народ запалохалі кулямі і голадам, турмамі, ссылкамі... Нарэшце, паступова дайшло да ліквідавання нацыянальных інстытутаў, — да пра-

летарызацыі, інтэрнацыяналізацыі, манкуртызацыі ўсяго складу насельніцтва БССР у складзе СССР. Гэта быў глабальны эксперымент над народамі, яго мараллю, душой, псіхікай, калі галоўнай умовай раз і назаўсёды ставілася ўпакорыцца ўладам і славіць партыю. Дазвалялася жыць вытворчым, а яшчэ сямейным жыццём.

Хутчэй за ўсё адсюль і пайшло «абыдленне» як сацыяльная хвароба ў тагачасным грамадстве. Партыі патрэбна была цяглавая сіла. Адсюль, напэўна, і заўважаныя А. Казловічам «отморозкі». Між тым сёння на сацыяльным фоне «вымажаных» мы маем усе прыкметы грамадзянскай інфармацыйнай вайны, зацятай, шматпакутнай і часам смешнай.

Чарнобыльская катастрофа, ды нястачы, ды роспач, адчай, як і ўжыванне гарэлки і наш сусветны рэкорд пры яе ўжыванні — каля 10 літраў у пераліку на спірт у год на душу (не выключаючы немаўлят), дзівочае курэнне — усё гэта не магло не адбіцца на псіхіцы людзей. Наш народ, на вялікі жаль, апынуўся ў стане хворага супольнасці. А тут адбярэце яшчэ патрыятычную ідэю, адрэжце інтэлект, нацыянальную эліту... Уявіце, які прэсны пост-гітлераўскі булён застанецца! Утворацца тое, што мы сёння і маем, — дэфармаваныя «ззялёным зміем» сямейныя адносіны і інтарэсы, страх высунуцца са сваёй зачэрхлай абалонкі, туга па «спакойным» мінулым... Постчарнобыльская імпатэнцыя і дзве трэці разводаў.

— *Вы часта бываеце ў чарнобыльскай зоне, на Гомельшчыне. Вашы апошнія ўражанні...*

— Цяпер я бываю там не так часта, як раней, калі вывучаў нявывучанае. Няма магчымасці, дый сродкаў тых вобмалёў, каб памагаць тамтэйшаму люду. А без гэтага таксама нельга. Нядаўна ўпершыню за 15 гадоў у зону былі запрошаны міністры

розных галін гаспадаркі. Часцей наварачваюцца туды і дзяржаўныя служачыя іншых рангаў. Гэта на іх сумленні ляжыць тое, што ў зоне з радыяцыйнай ад 15 да 40 кюры на квадратны кіламетр усё яшчэ жывуць людзі разам з дзецьмі — усяго 140 тысяч чалавек. Ці гуманна гэта? І ці адпавядае сумленню і розуму тое, што з сельскагаспадарчага абароту практычна не выведзены землі з радыяцыйнай забруджанасцю? Не толькі ў Гомельскай вобласці...

— *Чарнобыль — гэта беларускае гора, ад якога не пазбавяцца нават праўнукі... А мо ўсё дадзена нам справядліва, па законах нейкай сусветнай раўнавагі? І радыяцыя як кара за бязроднасць ды абыхавасць?*

— Яўген, не шукайце за Чарнобылем Бога! Там ляжыць нешта іншае. Не можа быць пакараны Богам народ з міралюбнай і творчай парадыгмай душы. Наадварот, пакаранымі павінны быць тыя, хто з усходу і захаду на працягу доўгіх стагоддзяў квапіцца на нашы землі, ваюе і імкнецца то паланізаваць, то русіфікаваць самавітую этнічную супольнасць — нас, беларусаў.

Але наш народ, на жаль, пакараў сябе сам. Чым? Дазволіў без ладу, бяздумна, бяздарна кіраваць сабой.

— *Мне вядома, што летась па вашай экалагічнай і постчарнобыльскай дзейнасці было складзена і паслана ў Аб'яднаныя Арабскія Эміраты прадстаўленне на Міжнародную экалагічную прэмію Заеда. Якія вынікі?*

— Дзіўныя! Калі шчыра, ні на што не спадзяваўся. Але першая прэмія ў 500 тысяч долараў прысуджана былому прэзідэнту ЗША Джымі Картэру па намінацыі, якой і не было ва ўмовах конкурсу, — «за глабальныя дасягненні і значны ўклад выбітных міжнародных дзеячаў у міжнародную экалагічную палітыку». Другая — арабу Мухамеду Касасу

за навуковыя дасягненні ў экалогіі засушлівых зямель. А трэцяя пайшла ў Эквадор — Ёландзе Какабадзе і ў Германію — Штэфану Шмідхайні. Яе катэгорыя таксама няпэўная: «роля грамадзянскай супольнасці і няўрадавых арганізацый». Адно я ўдзячыла акадэміку Уладзіміру Логінаву за высокую ацэнку маёй экалагічнай дзейнасці і рэкамендацыю, складзеную ім у Камітэт па прэміях Заеда.

— *Ці варта дбаць пра нейкі агульны помнік ахвярам Чарнобыля? Увесь лад нашага жыцця — зайздны таму напамін...*

— Бачыце, жыццё цячэ. Сонца зазнікае, потым зноў узыходзіць. Некалі яно будзе, можа, больш ласкавым для нас, і народ пазбудзецца міражоў мінулага, страху, легкадумнасці, суму, аправіцца ад душэўнае кволасці ды стане здзіўлена глядзець на тое, што перажыў, перанёс. Тады, бадай, яшчэ для большага ачышчэння душы і ўсведамлення каштоўнасці жыцця на абшарах, якія мы маем і якія павінны ўсяляк ашчаджаць, ахоўваць ды перадаваць дзецям, унукам у спадчыну, яму і спадобіцца зайсці ў храм трагедыі веку.

Ці ж зрабілі мы памылку, стварыўшы мемарыяльны комплекс «Хатынь»? Не!.. Памяць грамадству патрэбна, як і душа. А лад нашага жыцця, кажуць разумныя людзі, у нашых руках.

2001 г.

НЕПАКОЙ: А ШТО, КАЛІ ?..

Дзіва, людцы; па меркаванню ідэолагаў атамнай энергетыкі, радыёнукліды пры ўзрыве рэактара павінны былі б выпасці ў радыусе 30 кіламетраў ад яго, аднак пад час чарнобыльскай катастрофы пакрылі зямлю за 200 і больш кіламетраў, ды гэтак жа густа, як і каля рэактара, дасягаючы на Магілёўшчыне, напрыклад, узроўняў па цэзію ў 67—147 Ки/км², а па стронцыю, яшчэ больш цяжкім кампаненце, — 1,2 Ки/км², у вёсцы — Высокі Барок.

Цяпер іншы факт. Расійская экалагічная газета «Берегиня» змясціла крута замешаны і ўражлівы матэрыял — зварот да сусветнага экалагічнага супольніцтва аб занябанні афіцыйнымі структурамі Беларусі чарнобыльскіх праблем і чынненні перашкод тым вучоным, якія па сапраўднаму гэтымі праблемамі займаюцца. Думаецца, варта прывесці зварот цалкам, і тады, магчыма, выявіцца сувязь між тым і другім.

О преследовании учёных-радиологов в Республике Беларусь

18 июня 2001 г. военной коллегией Верховного суда в Республике Беларусь основатель и ректор Гомельского медицинского института, профессор, член-корреспондент Белорусской академии медицинских наук, лауреат международной премии Гиппократата и медали Швейцера Юрий Иванович Бандажевский осуждён на 8 лет заключения якобы за взятку.

Через два дня после осуждения профессора Бандажевского неизвестными был зверски избит и по-

калечен Александр Девойно, заместитель директора неправительственного Института радиационной безопасности (БЕЛРАД), в котором последнее время работал профессор Бандажевский.

В то же самое время Министерство здравоохранения Беларуси продолжает попытки запретить деятельность БЕЛРАДа, сотрудники которого с использованием современной приборной базы выясняют истинную величину радиационной нагрузки на белорусских детей, проживающих на зараженных после чернобыльской катастрофы территориях.

Причина преследований, обрушившихся на врачей и учёных-радиологов, в том, что их исследования объективно доказывают сознательное (в несколько раз) занижение властями доз радиации, получаемых в настоящее время жителями Беларуси, и особенно — детьми.

В обвинительном заключении признается, что прямых доказательств получения профессором Бандажевским инкриминируемых ему взяток нет. Прокурор, который пришел к выводу о невиновности Бандажевского, был в феврале 2001 года отстранен и заменен другим. В судебном заседании лица, оговорившие Бандажевского, отказались от своих показаний и заявили, что сделали их по принуждению.

Тем не менее профессор Бандажевский, автор пяти книг и многих десятков статей по влиянию инкорпорированных радионуклидов на здоровье людей и другим медицинским последствиям Чернобыля, находится в тюрьме. Многие общественные и научные организации мира направили письма в защиту Бандажевского на адрес высших официальных лиц Беларуси.

Европейский парламент, пытаясь защитить Бандажевского, принял решение вручить ему Паспорт свободы. Однако все эти попытки защитить врача и учёного, чья вина только в том, что он честно говорит о результатах своих работ по опасному влиянию

малых доз радиации на организм человека, демонстративно игнорируются властями.

Международный социально-экологический союз от имени сотен входящих в него организаций решительно осуждает развязанную в Беларуси кампанию по преследованию учёных и активистов, действующих во имя смягчения последствий чернобыльской катастрофы, и требует немедленного освобождения профессора Бандажевского.

Мы обращаемся с просьбой направлять письма в защиту профессора Бандажевского в Посольство Республики Беларусь в вашей стране. Мы обращаемся также с призывом оказать моральную поддержку Юрию Ивановичу Бандажевскому, направив в его адрес письма и телеграммы сочувствия.

«Берегиня», № 7, 2001 г.

Каля падмурку праблем

БелСаЭС «Чарнобыль» — грамадскае аб'яднанне, якое я маю гонар узначальваць, а яно ж, дарэчы, з'яўляецца і адным з заснавальнікаў Міжнароднага сацыяльна-экалагічнага саюза. Таму, прачытаўшы заяву маскоўскіх калег «О судьбе Ю.И.Бандажевского», я адчуў дакор сумлення: бачыце, адтуль, з-за межаў рэспублікі, заяўляюць пратэст з выпадку заключэння ў турму рэктара Гомельскага медінстытута прафесара Бандажэўскага, а мы тут, на месцы, лічы, не разабраліся ў сітуацыі, сплеценай вакол гэтага чалавека. Чаму?

Я знайшоў спецыялістаў, з якімі Юрый Іванавіч разам працаваў, адшукаў ягоня навуковыя працы, прачытаў іх, уражаны зместам, дальбог, пацікавіўся матэрыяламі, што тычыліся судавага працэсу.

Людцы! А што, калі збэсцілі, пасадзілі за краты сапраўды дасціпнага і няўрымслівага вучонага, пра якога ў Беларусі мала што ведаюць? А маглі б гана-рыцца! Падобна, аднак, што гучны і жорсткі пры-

суд вынеслі не столькі яму, колькі навуковым даследванням, якімі ён займаўся.

Аляксей Яблыкаў, член-карэспандэнт РАН, выдатны экалаг, неаднойчы прыязжаў у Беларусь. Гэта чалавек-крэмень, і, думаецца, ён добра ўсведамляў сабе, адкуль ногі растуць, калі падпісваў заяву-пратэст. У любым выпадку інцыдэнт з Бандажэўскім трэба разглядаць у агульным плане нацыянальных праблем.

З кожным годам становіцца ўсё больш зразумелым, што наш палітычны іштэблішмент узяў курс на пахаванне чарнобыльскай трагедыі. Пра гэта гавораць як спробы паўторнага засялення раней адселеных вёсак, так і процівапраўная адмена тых мізэрных выплат для некаторых катэгорый насельніцтва, якія, згодна з законам раней былі прызначаны. Таму-сяму з грамадзян, праўда, удалося абараніць іх праз суд, толькі ж у цэлым адмена застаецца ў сіле. Не могуць разлічваць на прызнанне сувязі свайго захворвання з уздзеяннем чарнобыльскай радыяцыі маладыя людзі, як Вольга Акуніна з Гомеля, абпрамененыя ў дзяцінстве і прыдбаўшыя хваробы (рак шчытавіднай залозы, напрыклад) цяпер, у 20 — 22 гадовым узросце. І тут няма як вініць у зламыснасці вышэйшых чыноўнікаў, паколькі ў нас заўсёды знаходзіліся і знаходзяцца вучоныя, якія сваімі сентэнцыямі, добрымі намерамі высцілаюць дарогу ў пекла для сваіх суайчыннікаў.

Да такога роду чыннасці ўпаўне можна аднесці гістарычнае пісьмо на імя М. Гарбачова напрыканцы 80-х гадоў.

У пісьме 92-х дзеячаў навукі з розных рэспублік, у тым ліку Жакава, Лазюка, Скрабіна, Цыба, Фірсаковай (некаторыя з іх пасля раскаяліся) быў заяўлены пратэст супраць прызнання катастрафічнымі наступстваў аварыі для жыцця і здароўя людзей, асабліва дзіцячага насельніцтва.

Да такіх жа шэдэўраў па духу адносіцца і пасланне прафесара-гематолага Яўгена Іванова прэзідэн-

та нашай краіны, датаванае кастрычнікам 1995 года, у якім папулярна даводзіцца, што людзі чарнобыльскай зоны і перасяленцы страдаюць ад стрэсаў і нэнзы, а не ад радыяцыі і што іх не варта было адсяляць. Літаральна: «Считать возможным и более рациональным проживание людей на большинстве загрязнённых радиацией территорий...» Пры іхнім, маўляў, дабраахвотным жаданні і г. д. і д. п.

Нарэшце, Якаў Кёнінгсберг, доктар біялогіі і свой чалавек у МАГАТЭ, адкрыў чытачам у інтэрв'ю часопісу «Лесное и охотничье хозяйство», N1 за 2001 год, што « для человека риск выше, когда он переходит дорогу, чем постоянно живёт на загрязнённой радионуклидами территории». А няўжо ж?

Цяпер давайце ўявім сабе: калі б не было мядзведжай паслугі, гэта значыць палітычнага якатання, кан'юктурнай беспрынцыпнасці і, лічыце, блюзнерства названых вышэй і неназваных вучоных, ці магчымым было б тое, што ў забруджаных раёнах Магілёўскай вобласці ў 1987-88 гадах мясцовыя ўлады забаранялі жыхарам ужываць у размове слова «радыяцыя». Я сведка таму... Радыяцыю там людзі можна, ну проста па-бальшавіцку адчайна і бескампрамісна адмяталі ад сябе.

І далей, шаноўныя, запытаюся, ці магчымым было б тое, што брыгады механізатараў тых гаспадарак, якія не закранула гэтае ліха, ездзілі ў забруджаныя, часам выселеныя вёскі для нарыхтоўкі кармоў?

Зусім нядаўна я атрымаў ліст з Магілёўшчыны. Піша былы старшыня калгаса імя Энгельса Мсціслаўскага раёна Міхаіл Кандрашоў. Яго механізаваны атрад улетку працаваў у выселенай вёсцы Высокі Барок Краснапольскага раёна з узроўнем радыяцыі па цэзію 67 кюры на квадратны кіламетр, па стронцыю — 1,2. Шэсць гадоў запар!.. І які ж вынік мы маем цяпер?

З дзесяці сталых мужыкоў, прыгожых, здаровых, уключаючы і самага Міхаіла Кандрашова — старшыню, які часта ездзіў туды, а ўзрост іх пэўны — ад 1954 да 1963 года нараджэння — памерлі трое: Уладзімір Франькевіч — у 1998 годзе ад лейкоза, Мікалай Максіменка — у 1998 годзе ад раку нявысветленай лакалізацыі з шырокімі метастазамаі ў пазваночнік, Анатоль Даўгаполаў — у 1999 годзе ад вострай сардэчна-сасудзістай недастатковасці.

Чалавечая доля астатніх таксама незайздросная.

Сяргей Цітоў 1954 года нараджэння стаў інвалідам па прычыне першаснага дэфарміруючага астраартроза з паражэннем каленных і тазаклубных суставаў.

Сяргей Елісееў 1954 года нараджэння — інвалід другой групы з выпадку аблітэруючага атэрасклерозу сасудаў ног.

Леанід Габрусеў, аднагодак Елісеева, набыў захворванне, якое ў пісьме Кандрашова мае дзівосную назву — каксартоз і азначае яно зноў жа паражэнне тазавых суставаў.

Уладзімір Радзькоў 1960 года нараджэння — паражэнне артэрыі ног.

Аляксей Саўкін, 1962 — захворванне суставаў ног.

Міхаіл Іваноў, 1963-га — захворванне суставаў ног і пазваночніка.

Тут дарэчы будзе прыгадаць нашы сустрэчы і скаргі з боку жыхароў шматпакутнай вёскі Сабалі (Брагінскі раён), якую то высялялі, то зноў засялялі. А быў я там у красавіку 2001 года... Усе скардзіліся «на ногі», ногі адымаюцца!..І не дзіва: там стронцый таксама, прычым — нават у двайным памеры.

Доўжым спіс... Міхаіл Кандрашоў, 1954 года нараджэння, былы кіраўнік гаспадаркі. Дапяў чалавек той жа хваробы, што і Сяргей Цітоў, Габрусеў, Саўкін, Іваноў; на пачатку 90-х стаў інвалідам. Дарэчы, ні смяротны зыход у захворваннях людзей гэтага механізаванага атрада, ні інваліднасць, ні

наогул іхнія хваробы ніхто не дапасуе да ліхіх чарнобыльскіх наступстваў, — ніхто ім, небаракам, альбо іхнім сем'ям капейкі грошай не выплаціў за страты нанесеныя здароўю бязглуздай гаспадарчай дзейнасцю Абласнога аграгаспадарчага комплексу, дадамо і пашырым — злачыннай дзейнасцю тагачасных улад на чарнобыльскіх абшарах, а яны ж апекаваліся пэўнага кшталту вучонымі...

У Беларусі статыстыка выдае штодзень па сто і больш новых захворванняў на рак і, кажуць, прафесар Іваноў пачаў, нарэшце, прызнаваць тое, што раней адмаўляў, — выкліканыя радыяцыяй лейкозы. Ці ж не «прагрэс»?!

На добры лад, пацярпеламу люду трэ' было б падаць заявы ў суд, на прадмет прыцягнення да крымінальнай адказнасці мясцовых босаў, якія кідалі людзей у радыяцыйнае пекла. І правасуддзю, калі б яно было ў нас, варта было б адшукаць кожнага «бальшавіка», кожнага тытулаванага гнома і даць ацэнку іхнім паводзінам, якія абярнуліся ўсугубленнем чарнобыльскай трагедыі.

Аднак мы трохі ўхіляліся... Па пратэктцыі Беларускага сацыяльна-экалагічнага саюза «Чарнобыль» і нямецкай Чарнобыльскай Ініцыятывы Пауля і Ірэны Кох, Міхаіла Кандрашова ўзяла пад сваё апекаванне бальніца горада Вольфенб'ютель (Германія). Яму зрабілі аперацыю па замене тазаклубнага сустава на штучны; а пры аналізе касці падазрэнне пала на ўдзееанне стронцыя. Кандрашоў і ягоныя ратаі не маглі не дастаць стронцыю ў Высокім Барку.

Хлеб з чарнобыльскай аблогі

Цяпер, у нашай нягеглій эканамічнай сітуацыі, дзе дзіркай дзірку даводзіцца прыкрываць, высакапастаўленым чыноўнікам вельмі звабліва прадставіць справу так, як падаюць яе кёнінгсбергі, эль барадзі, а іменна, што там, на чарнобыльскіх пераляканых

абшарах, нічога страшнага няма і не было, што чарнобыльская катастрофа — гэта блеф, плод радыёфобіі. Вось як яны канчаткова «дакажуць» гэта, — тады ў чарнобыльскай зоне зноў ажывуць, закрасуюць апаленымі парасткамі палеткі і гаспадарнікі прырэжуць да беларускай эканомікі ладны кавалак аблогі. Ужо прырэзалі. У 1998 годзе, чытаю ў газетах, высокія ўлады парэкамендавалі Хойніцкаму раёну вырошчваць на моцна забруджаных землях 5000 тон насення збожжавых культур. Ці дзіва?.. Мясцовым уладам як і кіраўнікам гаспадарак рэкамендаваць не трэба было. Яны даўно засяваюць забруджаныя землі. Прычым, не ў адным Хойніцкім раёне, — скрозь. А што да хойніцкіх хлебарабаў, то яны, як сведчыць тая прэса, у 2000 годзе атрымалі 1500 тон насеннага ячменю, пшаніцы, аўса, жыта. Толькі насенне аказалася нікому не патрэбным па прычыне высокага ўтрымання стронцыю і цэзію. Не забірае Мінсельгасхарч і 500 тон насення збожжавых культур, вырашчанага летась, так бы мовіць, на тэхнічныя патрэбы.

Знайшоўся, аднак, энтузіяст-шэльма Бандажэўскі, які пры магільным маўчанні высокай навукі даследуе, так бы мовіць, жывое поле гэтай «цаліны» і тое, што навокал робіцца. Яшчэ адзін шэльма — член-карэспандэнт НАН Беларусі Васіль Несцярэнка (дырэктар інстытута БЕЛРАД) узяўся яму дапамагаць...

Бандажэўскі ставіць даследы, аналізуе статыстыку разнастайных захворванняў, іх сувязь з радыяцыйнай пры розных яе накапленнях, як і самі накапленні ў тых ці іншых органах чалавека, прасочвае тэхналогію ўздзеянняў і пашкоджанняў ў фізіялагічнай структуры жывога цела. Ён паказвае, аргументуе, сцвярджае, што неспрыяльны ўплыў маюць нават невялічкія дозы трапіўшага ў арганізм радыёцэзія як на забруджаных абшарах, так і ў «чыстых» раёнах. Радыёцэзіій урываецца ў метабалічныя

працэсы, ён пашкоджае мембранныя структуры клеткі, у выніку парушаюцца структуры і функцыі многіх жыццёва важных сістэм, і найперш сардэчна-сасудзістай, міякарда, да прыкладу.

Што да росту псіхічных захворванняў арганічнай прыроды, дэпрэсіўных расстройтваў, даводзіць Бандажэўскі, то, у адрозненне ад прыхільнікаў постчарнобыльскай радыёфобіі, «мы звязваем гэта перш наперш з непасрэдным уздзеяннем радыёцэзія на структуры нервовай сістэмы, асабліва арганізма, які развіваецца».

І яшчэ: «Сітуацыя, што склалася са станам здароўя пацярпелага насельніцтва, катастрофічная». Праблемы мацярынства і дзяцінства, як, зрэшты, і астатнія, бачацца даследчыку ў «нежаданні грамадства займацца такімі пытаннямі, якія ставіць перад ім жыццё». Нехта скажа, што прафесар неаб'ектыўны, а нехта — наадварот, што ён як у ваду глядзіць!

Што мне імпануе, дарэчы? Вынікі даследчай працы Бандажэўскага ў Гомельскім медычным інстытуце вельмі добра ўвязваюцца з даследваннямі англійскіх вучоных па ўплыву радыяцыі на здароўе чалавека, якія яны правялі яшчэ да аварыі на ЧАЭС. Я пазнаёміўся з гэтымі працамі ў перакладзе на рускую мову ў 1987—88 гадах і, ідучы да Чарнобыля і ад Чарнобыля з пэўнымі ведамі, напісаў аналітычна-публіцыстычны нарыс «Бомба для потомков», які неаднойчы перавыдаваўся ў Маскве і Мінску і не страціў сваёй актуальнасці да гэтага часу.

Цяпер адно горыч у душы выклікае, калі чую ад некаторых паважаных мною спецыялістаў у медыцыне: маўляў, даследванні Бандажэўскага не дужа глыбокія альбо што іх вынікі мала абгрунтаваныя. Чаму?.. А, кажуць, у Гомельскім медычным інстытуце няма належнай матэрыяльна-тэхнічнай базы, каб такія навуковыя даследванні праводзіць. База, маўляў, ёсць у Гомельскім аддзяленні НДІ радыяцый-

най медыцыны і эндакрыналогіі; гэта значыць побач. Эвой!

То чаму ж тады ў бездакорна аснашчаным аддзяленні НДІ, на сучаснай тэхнічнай базе не праводзілі і не праводзяць даследчую працу, за якую па ўласнай ахвоце ўзяўся прафесар Бандажэўскі? А гэта, Кажуць, іншае пытанне; праўда, тут жа пагаджаюцца, што Ю.Бандажэўскі — адменны паталаганатам, і якраз тут у сваіх вышуках трымаў пальму першынства.

Як бы там ні было, а ў Бандажэўскага шмат навуковых прац, шэсць манаграфій, прызнанне ў свеце, якое не кожнаму акадэміку нават снілася, вялікі і яскравы патанцыял... Аднак, мусіць, тым ён і небяспечны — замінае сваімі даследамі і адкрыццямі адсунуць у мінулае праблемы Чарнобыля?

Прыспела і чыста грамадзянскае адкрыццё Бандажэўскага. Уваходзячы ў склад спецыяльнай камісіі, ён прааналізаваў эфектыўнасць вынікаў даследванняў НДІ радыяцыйнай медыцыны і эндакрыналогіі (па тэмах 1998 года) з затратамі ў 17 млрд. рублёў. Прафесар Бандажэўскі, не шукаючы кампрамісу з уласным сумленнем, зрабіў заключэнне аб навуковай і практычнай вартасці ўсяго толькі некалькіх прац інстытута на суму ў 1,1 млрд. рублёў, з чаго вынікала, што астатнія 16 млрд. рублёў, узятых з дзяржаўнага бюджэту, былі патрачаны дарэмна. Вядома ж, у кагосьці тады засмактала пад дыхавіцай. Не ўсім спадабалася і прапанова Бандажэўскага перанесці сумніўны ў сваіх дасягненнях НДІ РМЭ, створаны ў свой час для працы па чарнобыльскай тэматыцы, з Мінску ў Гомель. Бліжэй да чарнобыльскага водару.

Фінал

I, пэўна ж, выклікаў чалавек крытычнаю масу цяжкіх пачуццяў да сябе. У такой сітуацыі скамп-

раметаваць яго — бадай, было адзінай магчымасцю пагасіць той яркі ліхтар, які за кошт уласнай энергіі асвятляў для людзей цемру ў постчарнобыльскай сітуацыі.

Цяпер мяне непакоіць: а што, калі сапраўды цемрашалы сфабрыкавалі гучную «справу Бандажэўскага»?

Працэс вёўся настойліва і мэтанакіравана, як не ў традыцыях 30-х гадоў. Мяняліся пракуроры-абвінавачвальнікі, мяняліся сведкі, якія ў судовых пасяджэннях адмаўляліся ад сваіх паказанняў.

Уладзімір Раўкоў, прарэктар, кандыдат медыцынскіх навук, паплечнік Бандажэўскага па даследчай працы, заявіў у судзе, напрыклад, што мусіў агаварыць свайго настаўніка і кіраўніка ў перадачы яму хабару пасля заўзятых дапросаў па 14-16 гадзін, калі следчыя не давалі яму ні есці, ні спаць. Адначасова невядомыя суб'екты пагражалі ягонаў жонцы і дзецям. І яшчэ (у парушэнне адпаведнай канвенцыі і прынцыпаў ААН па абароне тых, хто пазбаўлены волі) на Раўкова ўздзейнічалі псіхатропнымі рэчывамі, пасля чаго ім авалодала моцнае пачуццё дызарыентацыі.

А пра што сведчыць тое, што выяўленыя следствам хабарніцы як Ніна Шамычак, якая праходзіла па справе і не адмаўлялася ад таго, што брала хабар, засталіся на волі? Кур'ёз?.. А што, калі яны выкупілі сабе волю агаворам прафесара Ю. Бандажэўскага і, магчыма, У. Раўкова. Ці не так гэта? І ці не паказвае логіка «правасуддзя» на тое, што суд цікавілі не хабарнікі самі па сабе, а вучоныя, апантанія даследваннямі чарнобыльскага цаліка?

Пераемнікі асуджаных ад навукі, што прыйшлі на іх месца пасля, ліквідавалі ў інстытуце кафедру паталогіі, якой загадваў Бандажэўскі, і лабараторыю з падвопытнымі жывёлінамі. Наогул, не ведаючы, што робяць, гэтыя людзі мяняюць даследчую кіраванасць інстытута, адступаючы як мага далей ад

Чарнобыля. Чаму? Гм-гм... Грамадства шмат чым рызыкуе.

А што, калі чарнобыльскіх праблем, чуеце, людцы — гамяльчане, брагінцы, чачэрцы, столінцы, краснапольцы, — наогул няма? Ну пэўна! Усё намова, усё фікцыя. Гэтак, няйначай, рашылі людзі чыноўныя. І таму, як толькі вызвалілі навуку ад прафесара Бандажэўскага, ганаровым прафесарам НАН Беларусі зрабілі пана М. Эль Барадэя, юрыста, генеральнага дырэктара МАГАТЭ, які па прыездзе ў Беларусь так і заявіў: «Чарнобыльскіх праблем у вас няма!» Няйначай, у захапленні ад гэтай «навіны» і пляскалі ў далоні, слухаючы Барадэя, нашы акадэмікі. І большай насмешкі над установай, якую яны прадстаўлялі, бадай, сам Мефістофель не прыдумаў бы.

Хітры чыноўны розум потым сягае далей і, пры маўклівай згодзе, калі не воплесках тых жа акадэмікаў, прызначае Якава Кёнігсберга старшынёй Нацыянальнай камісіі радыяцыйнай аховы. Ці ж не знаходка? Ого! Цяпер з радыяцыйнай не будзе ніякіх праблем ні ў Чарнобылі, ні за Чарнобылем. Адным махам мы яе пабівахам. Самападманам. Ілюзіямі.

Толькі ж б'еца неспакойная думка: а што, калі і сапраўды будзе так і ўжо заўтра чарговым крокам у чыноўнага бясстрашнага люду будзе ліквідаванне ўсіх інстытутаў радыяцыйнай медыцыны, радыяцыйнай біялогіі, іх філіялаў? Як і Дзяржкамітэта па праблемах наступстваў... Спадар Я. Кёнігсберг, відавочна, прапануе ім пераарынтавацца на даследаванне дарожных надарэнняў, увогуле, на бяспеку руху, дзе, з першага погляду, гіне ў аўтакатастрофах большая колькасць жывёлы і людзей, чым ад радыяцыі; па-ранейшаму застанецца працаваць толькі інстытут вялікай татальнай ілжы. Драматургію для гэткага «інстытута» заклалі яшчэ паўвека таму Міжнародная Арганізацыя аховы здароўя і МАГАТЭ, стварыўшыя тандэм. У адпаведнасці з заключанай дамовай, функцыянеры ад медыцыны бралі

на сябе абавязак не надта шчыраваць з выяўленнем і раскрыццём шкоднага ўздзеяння радыяцыі на арганізм чалавека, што магло б замянаць развіццю атамнай энергетыкі. Ці не таму да сённяшняга дня ў сусветным класіфікатары хвароб няма ні вострых ні хранічных радыяцыйных захворванняў.

Тэма быццам бы закрываецца. Але ж, на здаровы розум, няма як мірыцца з прафанацыяй небяспекі ад наступстваў аварыі на ЧАЭС і спыненнем даследванняў, за якімі стаіць прэстыж Рэспублікі Беларусь, не гаворачы ўжо пра здароўе насельніцтва.

«Справа Бандажэўскага» само сабой выклікала заклапочаннасць у Міжнароднай арганізацыі па амністыях (Лондан), прааналізаваўшай матэрыялы працэсу. І тут мяне стала непакоіць думка: а што, калі Феміда, багіня правасуддзя, не прыгледзела за сваімі служкамі на Беларусі і яны збанкрутаваліся? У такім выпадку, ці не варта было б глянуць у гэты бок прэзідэнту краіны і зрабіць пэўныя крокі дзеля аб'ектывізацыі праблемы Чарнобыля, «не рэгіянальнай, а агульнанацыянальнай», як зазначыў у сваім выступленні ў друку Ніл Буне, прадстаўнік ААН у Беларусі, дыпламат. Кажуць, вялікае бачыцца на адлегласці.

Беларускі сацыяльна-экалагічны саюз «Чарнобыль», які разам з газетай «Набат» нямала зрабіў для рассакрэчвання і далейшага асвятлення чарнобыльскай сітуацыі, разлічвае, што вышэйшыя ўлады перагледзяць справу з турэмным зняволеннем постчарнобыльскага дзеяча, вучонага Юрыя Бандажэўскага.

У інтарэсах грамадства, апалёнага чарнобыльскай катастрофай, было б аднаўленне Бандажэўскага на ранейшай пасадзе.

І варта аднавіць даследванні па чарнобыльскай тэматыцы ў Гомельскім медычным інстытуце, распачаты прафесарам Бандажэўскім і ягонымі супрацоўнікамі. У імя навукі, у імя далейшай перспектывы і здароўя нацыі.

ХАДЫ НА ВЫБАР

Рэфармаванне школы па сістэме «Экаполіс, культура, здароўе» ў значнай меры паспрыяе выжыванню беларусаў пасля Чарнобыля

Дзіўна ўспрымаецца гэта праграма: нібыта ўсё, што ёсць у ёй, мы ўжо неаднойчы бралі штурмам, «праходзілі». Прайшлі і забылі за дзесяцігоддзі савецкай педагогічнай тэорыі і практыкі. Напэўна, тут збіваюць з панталыку некаторыя элементы мастацкага эстэтычнага навучання, развіцця творчага пачатку ў дзіцяці, што сапраўды ўжо ці яшчэ пракідаецца па некаторых нашых школах і дзіцячых садах.

Аднак жа першае ўражанне ад знаёмства з сістэмай маскоўскіх педагогаў падманлівае, бо «Экаполіс, культура, здароўе» — сапраўды сістэма, а не розненыя элементы і методыкі, што назіраюцца ў нас. Так, напрыклад, у мазырскай школе № 13 багата чаго ёсць таксама, каб занадыць густ у дзяцей і развіць здольнасці ў маляванні, лепцы, інкрустацыі, швейнай справе, кулінарыі і г. д. Ёсць там і добрыя залы для фізічных трэніровак, спартыўных гульняў, сауна, водны басейн... Але ж дырэктар школы Аляксандр Рыгоровіч Бобр, з якім мы разам ездзілі ў Маскву на канферэнцыю па «Экаполісу», адразу ўбачыў розніцу ў вырашэнні педагогічных пытанняў тут і там і стаў вялікім прыхільнікам экаполісных праграм, па якіх не першы год працуюць 14 маскоўскіх «пляцовак».

Апошнія слова, бадай, і раскрывае ўсю навізну падыходу: бачыце, не школ, не дзіцячых садоў, а

«пляцовак», або навучальна-выхаваўчых комплексаў (НВК), куды ўваходзяць сады і школы.

«Пляцоўка» — гэта экалагічнае паселішча, мікра-раён, рабочы пасёлак, вёска, дзе і бацькі, і дзеці разам з педагогамі дбаюць пра ўмовы для працы, жыцця, адпачынку і дзе на аднасці інтарэсаў і мэ-таскіраваных дзеяннях ствараецца сацыяльна-культурнае асяроддзе — соцыум, нешта накшталт свайго асобнага грамадства, калектыву, пчалінай сям’і.

Навучальны працэс на эксперыментальнай пляцоўцы (з далікатнасці называлі эксперыентам новую справу) пачынаецца са школы бацькоў, якую наведваюць найперш тыя, хто чакае нараджэння дзіцяці. А ў далейшым падобная школа разгортваецца ў педагогічны факультэт, інстытут або універсітэт для ўсіх бацькоў, у якіх ёсць непаўналетнія дзеці. Педагогічная і экалагічная адукацыя як бы спалучаюцца ў прадмет экалогіі чалавека, у выхаванне ўнутранай культуры, экалогіі духу, што, уласна, і фармуе ў наваколлі экалагічную зону і становіцца неад’емным ад соцыума.

Школа бацькоў навучае, паводзінам жанчыну ў перыяд цяжарнасці: што есці, піць, слухаць. Сам момант або працэс нараджэння патрабуюць ад акушэраў і маці зусім іншых, чым у нас цяпер, адносін да дзіцяці з улікам асаблівасцяў ягонай фізіялогіі і псіхалогіі. Размова ідзе пра экалагізацыю сустрэчы маленькай істоты з грамадствам, пра выхаванне яе здаровай, актыўнай, надзеленай мацярынскім цяплом.

Далей — дзіцячая школа. Па ўзросту — гэта дзіцячы сад, у якім ладзяць групы не толькі выхавацелька, але і настаўнікі выяўленчага мастацтва, харэаграфіі, экалогіі, тэатральных падмосткаў, замежных моваў, фізкультуры... Зноў жа прадугледжваюцца аранжарэі, басейны, ствараюцца іншыя ўмовы для аздараўлення і працы, праз якую спасцігаецца свет.

Ставіцца задача ва ўзросце да шасці гадоў навучыць дзяцей успрымаць свет не столькі розумам, колькі пачуццямі, спасцігаць ісціну перажываннем, развіць эмоцыі, прымусіць як мага актыўней дзейнічаць правае паўшар'е мозгу...

Адпаведным чынам, вядома, з папраўкамі на ўзрост, працягваецца навучанне па праграме сярэдняй, або юнацкай, школы, якую ў маскоўскіх НВК «Экаполіс, культура, здароўе» стараюцца прайсці з належным вынікам за 8—9 гадоў. І гэта, кажуць, удаецца дзякуючы новаму метадычнаму падыходу і скарачэнню неабавязковага матэрыялу. Тут, дарэчы зазначыць, у юнацкай школе за асноўную мэту ставіцца не засваенне найбольшага аб'ёму матэрыялу, а засваенне асноў ведаў і развіццё здольнасцяў да самастойнай працы, да пошуку таго, што зацікавіць у той ці іншай навуцы, у жыцці наогул. Не помню ўжо каму з выступаючых на той канферэнцыі ў Маскве належаць словы: «Што мы робім у экаполісе?.. Адкрываем хады. Захапляем навукай, мастацтвам. Не, мы не рыхтуем акцёраў, мастакоў, але адкрываем хады. На выбар. Іншымі словамі, даём магчымасць раскрыцца таму затарможанаму патэнцыялу, якім надзелены чалавек».

Яшчэ зазначу: гэта праграма і сістэма навучання зусім адыходзяць ад аўтарытарнасці ў адносінах настаўніка з вучнем і робяць апошняга раўназначнай асобай, партнёрам і творцам. З другога боку, сістэма дазваляе, па агульным прызнанні, творча раскрыцца і рэалізаваць свае магчымасці кожнаму педагогу.

Пры заканчэнні юнацкай школы навучанне працягваецца ў вышэйшай школе, дзе наладжваецца спецыялізацыя па гуманітарным або фізіка-матэматычным і тэхнічным напрамках. У некаторых НВК, праўда, пакуль што пераважае спецыялізацыя па педагогічных ведах; зусім не выключана, што яна і

застанецца, бо педагогіка — такая навука, якая не можа быць лішняй нікому.

Канчатковая ж мэта сістэмы навучання і выхавання «Экаполіс, культура, здароўе», як неаднаразова падкрэслівала і падкрэслівае лідэр гэтай праграмы Марыя Пятроўна Ролік, — выйсці на якасна новы змест, калі не сказаць — від чалавека, які б ствараў сябе і адначасова — свет.

Згадваецца якраз размова з вядомай дзяячкай кінамастацтва, лаўрэатам Дзяржаўнай прэміі СССР Джэмай Фірсавай. Гэта яна летам мінулага года пазнаёміла мяне з Марыяй Ролік і перадусім палымяна, з захваленнем расказвала пра сістэму бесперапыннага навучання і выхавання «Экаполіс, культура, здароўе». Паводле яе слоў, новая сістэма адукацыі здольна перавярнуць чалавечы свет, пачаць новую гісторыю партнёрскіх адносін мужчыны і жанчыны, што было ўжо калісьці — за царом Гарохам. Жанчына-маці прымалася за ўвасабленне багіні. Тады людзі і войнаў не ведалі...

Мусіць я ў тое лета быў песімістам і на джэміна захваленне экаполіснай сістэмай адказаў, што для яе ўкаранення спатрэбіцца шмат часу, для ўплыву ж на грамадства — тым больш. І што, маўляў, значаць тыя 14 школ, якія працуюць па новай сістэме ў Маскве?.. Расія ж вялікая!..

Ды Джэма Сяргееўна перарвала мае словы. «У гісторыі Расіі, — адказала яна, — быў выпадак, калі толькі адзін выпуск ліцэя зрабіў найвялікшы ўплыў на грамадства. Здагадваецца?.. У тым выпуску царскасельскага ліцэя быў Пушкін»..

Правільна. І цяпер я душой там, дзе на пляцоўках экаполісаў творыцца новы чалавек, гарманічна развіты, дзелавы, дасціпны, патрыёт сваёй Айчыны. Такія людзі ва ўсе часы былі на вагу золата.

Зыходзячы з гэтых меркаванняў, упаўне спакойна прымаю разлікі выдаткаў на педагагічныя нава-

цыі. Экаполіс патрабуе сродкаў у тры разы больш, чым звычайная школа. Па гэтай прычыне, відаць, і аб'ядноўваюць свае намаганні ў адно грамадскія, камерцыйныя і дзяржаўныя арганізацыі. У Маскве, напрыклад, педагагічную праграму М. П. Ролік і яе калег падтрымлівае фінансамі Мінатамэнерга (асноўная доля). Арганізацыйныя і фінансавыя клопаты таксама бярэ на сябе Дэпартамент адукацыі Масквы.

З грамадскай арганізацыяй «Экаполіс і культура», якую ўзначальвае М. П. Ролік, поўнае адзінадушша, і мы нядаўна заключылі з масквічамі дагавор аб супрацоўніцтве дзеля ўкаранення ў школах і дзіцячых садах Беларусі праграмы «Экаполіс, культура, здароўе».

За справу перш-наперш узялася мазырская школа № 13. Рыхтуецца праект пераўтварэння яе ў навучальна-выхаваўчы комплекс. Адразу ж пасля вяртання з Масквы А. Р. Бобр зрабіў даклад на радзе дырэктароў школ аб пачутым і пабачаным на той канферэнцыі. Даклад зацікавіў раду. Прыхільна і ўважліва, з разуменнем справы паставілася да даклада А. Р. Бабра і кіраўніцтва горада — цяпер новаму пачынанню ў Мазыры адкрыта зялёная вуліца. Зрэшты, тыя ж добрыя словы я магу сказаць і пра Міністэрства адукацыі, дзе выслухалі і абмеркавалі мой даклад. Пасля кароткіх спрэчак дасягнута ўзаемаразуменне. І зноў жа — слова за энтузіястамі, дырэктарамі школ і педагогамі іншых гарадоў рэспублікі. Хто яшчэ з іх возьмецца за новую справу?

З вялікай прыхільнасцю, нават узрушэннем выказалася за падтрымку гэтай далікатнай і няпростай справы праўленне Сацыяльна-экалагічнага саюза «Чарнобыль». Тут дружна сышліся на думцы, што рэфармаванне школы па сістэме «Экаполіс, культура, здароўе» ў значнай меры паспрыяе выжыванню беларусаў пасля Чарнобыля. «Экаполіс» арганічна

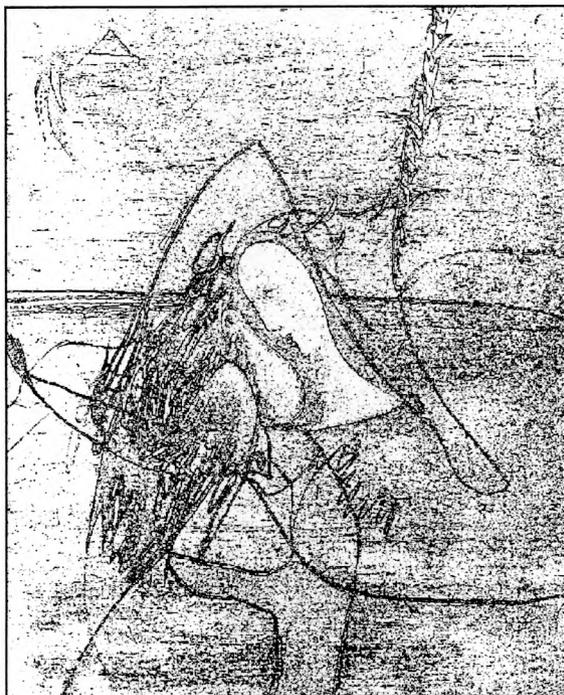
кладзецца ў праграму дзейнасці саюза, і наша праўленне будзе аказваць «пляцоўкам», якія пачнуць стварацца, інфармацыйную і ўсялякую іншую дапамогу.

Наш саюз мае намер правесці разам з міністэрствамі адукацыі і культуры канферэнцыю спецыялістаў, зацікаўленых ва ўкараненні сістэмы «Экаполіс, культура, здароўе» ў школьных і дашкольных установах. У канферэнцыі, зразумела, прымуць удзел і педагогі з Масквы.

Спадзяюся, што гэты мой артыкул выкліча водгук у пэўнай часткі педагогаў і што сярод іх знойдуцца прыхільнікі экаполіснай сістэмы.

1994 г.

ПРЫПАЦКАЕ ВЕЧА

КОЛЬКІ СЛОЎ ПРА АРКЕСТР

Каб зразумець усю веліч і значнасць падзеі, якой прысвечаны гэты раздзел, аўтар кнігі павінен патлумачыць чытачам, што яна, падзея, проста нітуецца з дзейнасцю групы, а дакладней — секцыі публіцыстаў Саюза пісьменнікаў Беларусі ў 80-я гады мінулага, так бы мовіць, стагоддзя. Нашы нарысісты, дакументалісты, публіцысты на той час былі апантаны рознымі патрыятычнымі і экалагічнымі ідэямі, прымалі ў сябе найвыдатных расійскіх, украінскіх, літоўскіх, латышскіх пісьменнікаў-публіцыстаў і да іх ездзілі ў госці.

Як сведчанне нашай рупнасці ў тыя гады прывяду хоць бы такі дакумент, выцягнуты мною з архіва.

План

асноўных мерапрыемстваў секцыі нарыса і публіцыстыкі СП БССР на 1988 г.

1. Сустрэча з вядомымі публіцыстамі А. Стрэляным, Г. Лісічкіным. *«Пазіцыя і роля пісьменніка ў перабудове»*. Адк. Я. Будзінас. 6 студзеня.

2. Сумеснае пасяджэнне бюро секцыі з вучонымі-экалагамі АН БССР і прадстаўнікамі грамадскасці на тэму: *«Экалагічнае выхаванне насельніцтва, моладзі, спецыялістаў, адказных работнікаў розных устаноў рэспублікі»*. Вывучэнне і пастаноўка праблемы. І. Новікаў, В. Якавенка, А. Грачанікаў. 27 студзеня.

3. Пашыранае пасяджэнне секцыі разам з адказнымі работнікамі Дзяржаграпрама, вучонымі, санітарнымі ўрачамі, спецыялістамі сельскай гаспадаркі на тэму: «*Хімія, здароўе, чалавек*». Пры ўдзеле часопіса «Маладосць», публіцыста І. Філаненкі з Масквы і карэспандэнтаў газеты «Сельская жызнь» і «Звязда».

Адк. В. Якавенка, А. Петрашкевіч, А. Грачанікаў. 12 лютага.

4. Рэспубліканскі семінар пісьменнікаў і журналістаў на тэму «*Публіцыстыка і перабудова*», з удзелам савета па нарысу і публіцыстыцы СП СССР, рэдактараў літаратурных і грамадска-палітычных часопісаў, рэспубліканскіх і абласных газет, работнікаў радыё і тэлебачання. Праводзіцца разам з СЖ БССР.

Адк. В. Якавенка, Г. Загародні, А. Шабалін, В. Мыслівец. 25 лютага.

5. Абмеркаванне праблемы Прыпяці разам з вучонымі і меліяратарамі, пры ўдзеле часопіса «Неман». Экспрэс-група ў складзе М. Сердзюкова, У. Глушакова, А. Караічава, А. Казловіча. Сакавік.

6. Канферэнцыя пісьменнікаў і прадстаўнікоў іншых творчых саюзаў рэспублікі, вучоных, філосафаў і мастацтвазнаўцаў, работнікаў культуры на тэму: «*Народ. Культура. Перабудова*». Пры ўдзеле часопіса «Польмя».

Адк. А. Ліс, А. Емяльянаў, В. Шырکو. Пачатак красавіка.

7. Абмеркаванне секцыяй зборніка публіцыстыкі «Сучаснік-87». Абмеркаванне літаратурна-публіцыстычнай творчасці В. Алешкі і іншых аўтараў. Адк. В. Мыслівец. Красавік.

Праграма, прысвечаная 70-годдзю ўтварэння Беларускай ССР

1. Падарожжа па Заходняй Дзвіне ад вытокаў да вусця. Пытанні экалогіі, гісторыі і культуры. Сустрэчы з насельніцтвам. Сустрэча з І. Васільевым. Адк. У. Арлоў, С. Панізнік, С. Навумчык. Пры ўдзеле латышскіх і рускіх пісьменнікаў, вучоных. Май.

2. Падарожжа па Дняпры ад Смаленска да Кіева. Пры ўдзеле часопіса «Чалавек і прырода», рускіх і ўкраінскіх пісьменнікаў. Жыццё народа, экалогія, культура. І. Васілеўскі, В. Якавенка. Ліпень.

І самае дзіўнае, што ўсё гэта было выканана, хоць планавалася яшчэ і болей, праўда, некаторыя з пазначаных тут мерапрыемстваў давялося перанесці на наступны год, у прыватнасці, экспедыцыю на Дняпры... І яна выканана, і ёсць нямала сведкаў, тым больш удзельнікаў яе.

Але толькі з усіх нашых экалагічных праектаў найбольш удалай па вырашэнні аказалася акцыя «Прыпяць».

11 сакавіка 1988 года ў актавай зале Дома літаратара адбылася наша галоўная бітва з меліяратарамі, і тое, што ў гэтых сценах тварылася і як кіпелі там жарсці, вельмі нагадвала Запарожскую Сеч. Канферэнцыя доўжылася з 10 гадзін раніцы да 10 вечара, амаль без перапынку на абед.

Думаю, чытачы не стануць дакараць мяне, калі я прывяду матэрыялы канферэнцыі цалкам. Балазе, па духу і зместу сваім яны не страцілі актуальнасці і сплятаюцца ў своеасаблівую публіцыстычную сімфонію, наколькі яркую, настолькі і драматычную.

Але ж у нас быў дружны «палкавы аркестр».

ЕСТЬ ЛИ У НАС КОНЦЕПЦИЯ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ?

Доклад

Уважаемые товарищи! Само время подсказало нам этот важный, бескомпромиссный и демократичный разговор о судьбе родной земли, ее рек и озер, лесов, пашен... Здесь, как видите, присутствуют не одни литераторы, но и ученые, и ответственные работники Госагропрома республики, представители мелиоративных учреждений и институтов, а также руководящих органов областей и столицы. Сюда приглашены литераторы и ученые из Москвы, Украины, республик Прибалтики...

Откровенно говоря, в период подготовки этого форума несколько раз приходилось слышать как бы вскользь оброненный вопрос: «А не подменяем ли мы кого-нибудь?»

Для нас, литераторов-публицистов, такой вопрос не стоял, хоть ситуация, надо признать, любопытная. Что-то есть в этом... Но только вопрос о подмене должен бы адресоваться не нам — другим лицам и звучать по-иному: скажем, почему писатели в а с подменяют?

Логично?.. А теперь давайте уточним, какова же наша роль здесь, в проведении столь представительного совещания? Как я понимаю, это роль, прежде всего, активного связующего звена. А вы пришли, уважили нас, и за это — спасибо! Вы специалисты из различных отраслей и подразделений науки, земледельческой практики, опыт у вас разный, разные взгляды на вещи, а дело одно — земля! Земля —

основа основ. Охотно послушаем вас. Мы и сами выскажем некоторые свои наблюдения и соображения по ходу дискуссии. Вместе — углубим понимание актуальных и неотложных в своем решении вопросов, проблем, стоящих перед обществом в нашей республике и дальше; возможно, выработаем, сложим и обнародуем общее мнение, и это уже будет успех. Постараемся... В споре рождается истина, а за истину дорого платят, ибо она не ржавеет. Правда, в пору застоя за нее не давали и полтинника.

Смотрю... Зал полон. А все же какая немощь или, по-нашему, якая хвароба собрала сюда столько людей? И то ли это хворость, недуг, наступающее истощение земли, в данном случае на Полесье, на Припяти, то ли недуг общества, в котором износился и пришел в негодность механизм управления и нашей органичной, нашей гармонической связи с природой, давшей нам жизнь. Тут есть над чем поразмыслить, да, собственно, ради этого мы здесь и собрались.

Шмат злажылі казак
І легенд, і песень
Людзі пра балота,
Пра сваё Палессе...

Такими словами начинается поэма народного поэта Беларуси Янки Купалы «Над ракой Арэсай», написанная в 30-е годы и посвященная осушению болот под Любанью.

Магістралі, дрэнажы
Шлях у багне значаць...
Ой, дарэмна варажыў
Паляшук няўдачу!

Мажорные строки и строфы, приподнятое настроение, наступательный дух — все это было характерно тому времени вторжения мелиораторов на Полесье. В то время сам по себе рокот трактора, нару-

шавший извечную тишину полей, лесов и болот, воспринимался как песня. С мелиорацией необозримых болотных массивов связывались как улучшение плодородной силы земель, так и дальнейший расцвет края, счастье полешуков. Не без оснований, конечно.

Много хлеба, овощей и картошки получали крестьяне на осушенных землях. Цифры здесь приводить не буду — просто ни к чему, факт общепризнанный, очевидный. Но очевидны и просчеты. Целых два десятилетия после войны мелиораторы только то и делали, что спускали воду посредством глубоких канав и осушителей, в результате чего на многих осушенных массивах стал образовываться степной и полупустынный пейзаж и, поскольку в грунтах резко, на 1,5—2,0 метра, понизился уровень воды, пересыхать начали болота, а тем более — минеральные почвы, оголились пески и пошли гулять черные пыльные бури. Отдача от такой крупномасштабной и предельно упрощенной мелиорации, а проведена она на площади почти в один миллион гектаров, была очень ничтожной, экологический ущерб до этого времени ощущается. Картина мелиорации тех лет, кстати, замечательно описана нашим старейшим писателем-публицистом Игнатом Дубровским в книге «Гамоніць Палессе», встреченной мелиораторами в штыки — быть может, напрасно? Она правдиво отражает события.

Нет оправдания глубокому осушению, однако проводилось оно не потому, что мелиораторы не знали больше других способов улучшения земель. Причиной другая: гнались за дешевизной, что поощрялось административными органами. А эта «дешевизна», умноженная на сотни тысяч гектаров, оборачивалась крупными потерями материальных средств и человеческих ресурсов. Апологетом одностороннего спуска воды из болот тогда был некто Зубец, ученый без имени.

Мелиорация — благо, как бы там ни было, она открывала для нас радужное «золотое дно», прочила изобилие продуктов.

Однако нам, писателям и ученым, теперь гораздо важнее разобраться в динамике земляных мелиоративных работ, в диалектике происходящих на Полесье процессов, одним словом, не только в привнесенном в нашу большую семью достатке, но и экологических и социальных последствиях, в воздействии глобальной осушительной мелиорации на культуру и нравственность населения.

Техническая мощь всех учреждений мелиорации, действующих в Белоруссии на сегодняшний день, такова, что поставь все те 15 тысяч единиц экскаваторов, бульдозеров и других землеройных машин в один ряд, так они за год до земной оси докопаются. Но вот любопытный вопрос: почему дети, а это самая невинная и самая чистая совесть народа, почему они стесняются своих родителей-мелиораторов? Почему пытаются скрыть от сверстников в школе и на улице, что их отец или мать, скажем, мелиораторы? Это свойство в своих детях подметил профессор В. Ф. Карловский, проживающий в Минске и руководящий Институтом мелиорации и водных проблем, об этом же приходилось слышать от министерских работников. Больше того, мне стало известно, что в пойме Припяти школьники стали втягиваться в своеобразную партизанскую борьбу с мелиораторами — сыплют песок в заправочные баки, выводят из строя механизмы.

Как видите, престиж мелиораторов резко упал, снизился вместе со снижением уровня грунтовых вод на Полесье. Не трудно понять детей, на глазах у которых уродуется земля, обезображиваются пейзажи, исчезает богатый животный, да и растительный мир. Дети жалеют реку, где, по словам взрослых, не так давно еще водились раки, а рыбу и сейчас можно подсесть на удочку.

Однако ни от кого не секрет, что десятки и сотни речек в республике сами попали на крючок мелиораторов.

Кручок, што вудай быў,
Грымотна ўзняўся, устаў на колы,
Рачулачку за шчэлепы схапіў
І кінуў на пясок, на выган голы.
Рачулачка нядоўга трапятала...

Строки из стихотворения поэта Алексея Пысина, которого волновала и гневилась глобальная мелиорация со спрямлением русел рек и осушением верховых болот, уничтожением живописных роц, оголением грунтов подпочвенных.

Не выдержав, Пысин обратился в ЦК КПБ, на имя П. М. Машерова, со страстным письмом-заклинанием и ждал ответа оттуда. Ему позвонил инструктор, по словам поэта, «один клерк» и сказал: «Товарищ Пысин, вы не понимаете политики партии в области мелиорации!»

Алексей Васильевич действительно не понимал технократической политики и не понимал, почему она приписывается партии и почему партией прикрываются во всех неблагоприятных делах?

В своей работе за последние годы мелиораторы несколько отрезвели, взялись за ум, создали несколько показательных хозяйств типа совхоза «Парахонский» или «Малеч»... Они сегодня уже обращаются к нам, литераторам, с просьбой реабилитировать их доброе имя в народе. Задача трудная, вопрос крайне сложный, хоть к этому дело может и придти, если сами они постараются.

В моей памяти встреча с крестьянами в Ольмани — центре колхоза «Советская Белоруссия» Столинского района. Было это около трех лет назад... Вдоль небольшой, но полноводной реки Мышанки мелиораторы возвели дамбу, отделив дамбой возле русла часть пойменных земель и давай кроить их вдоль и

поперек. С одной стороны дамбы вода упала, с другой, напротив, поднялась и затопила лес и луга на площади, во много раз превышающей ту, которую взялись осушать. Мелиораторы сдали колхозу объект захламленным бревнами, пнями, без соответствующих дорог и надежды на лучшие дни.

Возмущению колхозников и руководства хозяйства не было предела. Жалились: нема управы, нет бога на них! Под водой оказались сенокосные угодья и лес, который их кормил. Теперь в тупик стали не только подворья, но и большой двор, колхозный. То, что прежде имели, было ценнее полученного.

Более пространно эта история с мелиорацией на реке Мышанке, описана в моей книге «Деревенские диспуты». И я грешным делом думаю: а не с такой ли мелиорацией двинулись колонны мелиораторов в пойму Припяти?

В том же Столинском районе ими допущен брак в закладке гончарного дренажа на огромной площади...

Да, товарищи, нам известно немало конкретных просчетов на ниве мелиорации, примеров их безобразной работы. Только должны ли мы сегодня, собравшись вместе, все это перечислять, чтобы нанести тем самым укол или, скажем, серию уколов работникам министерства и главка мелиораторов?

Давайте выбирать знаковое. Мне лично кажется принципиальным и довольно занятным вопрос: почему авторы так называемого технико-экономического обоснования работ на Припяти не разработали главу о возможных экологических, хозяйственных и прочих потерях после обвалования и мелиорации поймы реки? И еще: почему в этом проекте не учтены замечания Комитета по охране природы?.. И еще: почему в стороне от технико-экономического обоснования оказались ученые, например, Белорусского института мелиорации и водного хозяйства, а это

ведь опорный научно-исследовательский институт этого профиля не только в нашей республике, но и в стране, там накоплен значительный опыт... Ответ надо искать в самой системе хозяйствования. Дело в том, что решение об обваловании Припяти было принято еще до научных проработок и обоснований, вопрос решали не ученые, а политики.

Благими намерениями дорога в рай выстелена. Михаил Кириллович Ковалев, главный инженер проекта, как раз и шел по этой дороге, надеясь, вероятно, на премии и прочие почести в столь решительной перекройке поймы.

Технократическому началу не требуется никакая наука, ему характерен примат воли и средств над рассудком, желания, побуждающего к действию, над интеллектом и мудростью, удовольствия от сиюминутной выгоды — над совестью, человеческим достоинством. Сказано — сделано. И — неважно, для чего... Потому-то не успели ученые в столице и люди на месте, на Припяти, осмыслить как следует саму идею обвалования, всевозможные ее последствия — как уже выполнено в натуре свыше 40 процентов работ.

Что сулят нам проектировщики? Перво-наперво, это получение дополнительно к имеющимся новым посевных площадей в пойме для интенсивного возделывания сельскохозяйственных культур и — плюс к тому — несколько искусственных водоемов для промышленного разведения рыбы. Совершенно очевидно, что это политика все того же экстенсивного хозяйствования.

В республике до войны было 6,0 млн. гектаров пахотных земель. Сейчас их почти столько же — 6,2 млн. гектаров. Численность населения — та же... Но ведь за все послевоенные годы осушено и передано хозяйствам около 3,0 млн. га новых площадей под распашку. Где эти гектары? Где эта обетованная

земля? Отошла под промышленные площадки, города и дороги? Не вся... Да и не всё же этим нашим «прогрессом» оправдывается.

Вот только за последние 20 лет в нашей республике списано с сельскохозяйственного баланса 780 тысяч гектаров пахотных земель. Они списаны по причине одичания, заброшенности, повторного заболачивания, это значит воинствующей бесхозяйственности, в которой мы пока что утопаем.

Так не здесь ли надо искать клады и нужный прирост, а не на Припяти, в пойме?

Обвалование и мелиорация поймы несет ей переживание и гибель. Возделывание культур с применением минеральных удобрений и ядохимикатов, как это у нас принято, отравит воду реки еще больше. Понимание опасности подобных увлечений пойменным земледелием проникает всё глубже в умы организаторов производства.

— Что мы натворили?! Мы небрежно, безответственно и по-хамски обращаемся со своими водоемами и загадили все реки, озера, пруды. Вот в чем на сегодняшний день для нас самая большая опасность.

Об этом говорил мне недавно, при встрече, зам. Председателя Госагропрома БССР Иван Николаевич Никитченко. Он продолжал:

— Надо убрать интенсивные технологии с водоохранительных зон, по которым дренируются воды к источникам, засеивать эти зоны травами, заниматься животноводством.

На бумаге у проектировщиков как будто неплохо получается с разведением рыбы в будущих искусственных припятских водоемах. Как только те водоемы появятся, рыбаки Полесья просто завалят нас рыбой!

А почему, позвольте спросить, рыбы нет или мало ее в существующих водоемах? Не ловится или перестала водиться?.. Почему рыбы нет в огромнейшем

озере Нарочь? Разве дело только за тем, что там на рыбу нет проекта — Белгипроводхоз не составил?..

Сделаю отступление... Совсем недавно публицисты, объединившись с учеными, коснулись проблем озера Нарочь, и, вы знаете, после наших публикаций проблемы эти обсуждались республиканскими органами, руководящими лицами. Председатель Совета Министров БССР Михаил Васильевич Ковалев ответил на критику в «Правду», что за упущения по уходу и сохранению озера Нарочь многим ответственным лицам объявлены выговора и порицания, а председателю Госагропрома республики Ю. М. Хусаинову поручено «разработать и осуществить первоочередные мероприятия» по этому замечательному озеру.

И какой же оборот приняло дело дальше? Товарищ Хусаинов переложил поручение на плечи товарища Жука А. М., председателя Минского облгосагропрома. И здесь вспомнили про науку. Потребовались научные проработки и рекомендации. Их скорее всего мог выполнить Институт экономических проблем АПК, и он был согласен на это, ждал заказа. Но товарищ Жук почему-то отдал заказ в Институт земледелия и агрохимии, который, увы, не мог выполнить самостоятельно эти работы и спустя некоторое время обратился все в тот же Институт экономических проблем с заказом как субподрядчик. Однако Институт экономических проблем, работая на хозрасчете, к тому времени уже набрал достаточное количество заказов, заключил договора с партнерами и по этой причине отказал посреднику в нарочанских делах. И вот «первоочередные меры», рассчитанные на «кратчайшие сроки», откладываются самое малое на год. Замечу, это при всем при том, что товарищ Жук в числе других уже схлопотал выговор за непринятие мер. Бюрократические игры вокруг озера Нарочь продолжаются.

Возвратимся к Припяти. Еще одним доводом к усечению прав реки разливаться вольно по широкой пойме послужила проявленная местной администрацией забота об улучшении быта крестьян. Согласен, быт в пойменных деревнях, дороги к ним надо улучшать. В таком важном вопросе, однако, надо получше разобраться в грамматике — что к чему, и является ли река Припять существительным в данном случае или она прилагательное к тем деревням? Во все века деревня шла к реке, отодвигалась от реки, поднималась на более высокие места и фундаменты. Видимо, только окончательно порвав с традициями и нравственностью, культурой и опытом народа, можно все менять и ставить с ног на голову.

Товарищи! Я ставлю перед вами на обсуждение вопрос о полной несостоятельности технического обоснования по обвалованию и мелиорации поймы реки Припять и о прекращении работ по проектам, разработанным на этом основании. Все дальнейшие проектные и производственные мелиоративные работы в пойме Припяти и на других объектах надо выполнять, на наш взгляд, только после тщательного изучения вопроса учеными и на основе их рекомендаций, как это было, например, в бассейне реки Ясельда.

Мы снаряжали специальную бригаду писателей и ученых на Полесье, чтобы изучить положение на месте, настроения... От местных людей приходилось слышать всякое. Тот или иной дед, бабка говорили: «Зачем нам эта Припять? Нам бы жить на сухой земле...» По соседству с совхозом «Парахонский» люди просят мелиорировать болото, и, наверно, их просьба заслуживает внимания... Руководство Житковичского района заинтересовано в дальнейшем осушении земель, а в Лельчицком районе, напротив, все, и стар и млад, поминают нехорошим словом мелиораторов за это же осушение.

Думается, сегодня надо поменять существующую практику заказов на осушение. Нельзя больше идти на поводу у местных жителей, преимущественно руководителей хозяйств, в деле осушения новых земель на Полесье. Уроком здесь может служить Беловежская пуца, где проведены мелиоративные работы по инициативе ее администрации. Факт признан преступным, головоотяпским самими мелиораторами, учеными...

Мне кажется, нам следовало бы более критически относиться к рекомендациям, согласно которым достаточно при мелиорации оставить нетронутыми только 25 процентов земель, чтобы экологический баланс не нарушился. Это безответственные рекомендации, если распространять их на наше Полесье, грунты которого сложены повсеместно песками. Пора прислушаться к нашим ученым, предлагающим прекратить осушение новых массивов на Полесье, если мы не хотим превратить этот край в пустыню. Во всяком деле есть мера и есть переход количества в качество.

Сегодня, в пору перестройки хозяйствования на земле, нам видится целесообразным обсуждение вопроса и о слиянии двух мелиоративных организаций в республике в одну. Положение с ними пока говорит об очень серьезных просчетах и издержках в системе государственного управления. Судите сами. Наше Министерство мелиорации и водного хозяйства имеет штат в 40 тысяч человек, в том числе министра и трех заместителей. Пинское министерство, точнее главк, подчиняющийся напрямую Москве, имеет численность рабочих и служащих в 45 тысяч человек, в том числе начальника главка и шесть заместителей.

В подчинении союзного министерства мелиорации более тридцати подобных главков, разбросанных по союзным республикам. Не пора ли их передать в

республиканское подчинение вместе с фондами, сократив при этом управленческий штат ведомства, по самым грубым прикидкам, на тысячу человек? Этот вопрос нам следует поставить в центральной печати, если будет на то ваше одобрение.

К сожалению, при нашем консерватизме, инертности мышления и понятных застойных тенденциях хозяйственная телега нет-нет да и ставится впереди оглоблей. Потому-то *«социально-экономическое развитие сельского хозяйства осуществляется на основе все возрастающих объемов капитальных вложений»* прежде всего, а не достижений и разработок науки, народной практики, мудрости самого народа. Такой порядок заведен и одобрен, кстати, самыми высокими органами. Я имею в виду «Основные направления в мелиоративном строительстве и использовании мелиорированных земель в республике». Я из этой брошюры взял приведенную выше цитату. Неизвестно, правда, кто ее автор, какой коллектив, но она одобрена партийным комитетом и правительством республики в марте 1979 года. В ней немало хороших идей, однако наука стоит на задворках. Есть устаревшие позиции.

Да, но если бы в «Основных положениях...» даже все соответствовало сегодняшнему дню, цена им невелика, ибо они не выполняются ни на местах, ни в центре, в самом агропроме. В документе, например, строго определено: торфяно-болотные почвы использовать только под травы и, выборочно, под зерно-травяные севообороты, это с тем, чтобы торф не окислялся и не перегорал интенсивно, да не выдувался ветром. Понятно всем... А вот официальные данные, взятые мной за 1985 год. Нежелательные, считай, запрещенные на торфяниках пропашные культуры — свекла, картошка, кукуруза и другие — занимали 44,5 тысячи гектаров, или 14 процентов от учтенных почв этого типа. И еще новость: в последую-

щие годы даже снят контроль за посевами на торфяниках, сняты всякие ограничения, и статистическое управление освобождено от обязанностей давать информацию на этот счет. Надо ли тому удивляться, если агропром по старой заведенке живет одним днем, живет стремлением взять, крутнуть, рвануть на вал все, что можно, и показать себя на этом. Наблюдаешь за таким рвением... Подобно, что у нас происходит борцовское состязание рвачей. Почти повсеместно. Особенно в системе управления. Не потому ли уже сам председатель Госагропрома БССР Юрий Минивалич Хусаинов в своей толстой книге «На пути к большому хлебу», изданной в 1985 году (стр. 129), учит хлеборобов, как получать на торфяно-болотных почвах урожаи зерновых в 45—50 центнеров, а картофеля — 350—400 центнеров с гектара! Что это за квазиполитика? Комментарии здесь, пожалуй, излишни.

Нисколько не изменилось и порочное планирование посевных площадей сверху, что лишает руководителей и специалистов хозяйств быть хозяевами на земле и использовать ее плодородную силу бережно, получая наибольшую отдачу при этом. Ситуация, пожалуй, довольно убедительно раскрыта в той же моей книге «Деревенские диспуты» на примере совхоза «Ведричь», где знают, что и как надо делать, но не делают. Не дано!.. Почему у нас нет настоящей ландшафтной специализации и одни и те же культуры навязываются всем районам и всем хозяйствам? Почему на наших низинных и торфяно-болотных почвах практически исчезли луговые хозяйства? Почему предана забвению практика земледелия, выработанная веками, с ее севооборотами и агротехническими приемами обработки почв? Почему столько терпит, угнетается, убивается живая по своей агробиологической сути и структуре земля?

Разумеется, у нас много вопросов к агропрому. Но ответит ли агропром сегодня, каким будет земле-

деле в республике или хотя бы на Полесье через 15—20 лет, когда исчезнут запасы торфа, из которого теперь приготавливаются компосты, когда истощатся торфяно-болотные почвы и запасы воды побавятся? Или мы не допустим дальнейшего истощения этих ресурсов?

Товарищи! Со всеми названными вопросами при желании, я думаю, можно разобраться. Вот только нельзя постичь умом и разобраться в том, зачем нам — не товарищу Хусаинову или Старовойтову, скажем, которые руководят производством, а нам, нам с вами и народу картошка урожаем с гектара по 400 центнеров, если в ней нитраты замещают крахмал и она — как мыло, только в отличие от мыла, не может храниться долго, сгнивает в буртах и прочих хранилищах наполовину. Это — убыток. Это — брак. Это то, чего нельзя свиньям давать. Им нельзя, а нам говорят: ешьте! Мы ропщем, потому нам пытаются рот зажать — без преувеличений! Делается усиленное и грубое давление на органы информации и Министерство здравоохранения, службы контроля с целью сокрытия истинного положения вещей с неполноценными продуктами питания, отравляющими население. Причем тот, кто занимается выкорчевыванием гласности, сам находится на спецобеспечении, получает молоко и прочие продукты из хозяйства «Атолино», где из технологии изъято применение химии. Поймите меня правильно, нас вынуждают ставить вопрос о ликвидации спецхозяйств, обеспечивающих «элиту» общества. Без этого мы не пойдем друг друга.

Порой страстно хочется быть философом и охватить одной мыслью факты, явления, разобраться, что происходит с нами? Есть ли вообще у нас разум и концепция хозяйствования?

Посмотрите на республику. Окиньте ее хотя бы внутренним взором. Из аграрной она превратилась

в промышленную, в технически развитую страну, часть великого Союза Советов. Здесь якобы построен, а точнее, строится по всем партийным предначертаниям социализм, в соответствии с чем отношение к человеку должно бы быть самым бережным и гуманным. На деле же мы видим иное.

Наша республика, к сожалению, пока еще не стала экологически устойчивой и развитой страной с обеспечением нормальной жизненной среды и нормальных условий труда человеку. Причем, с каждым годом решение подобной социальной задачи будет все более затруднительным, ибо обстановка усложняется, идет погоня за наращиванием новых мощностей на предприятиях, один за другим возводятся и растут-разрастаются новые заводы и комбинаты, а очистные сооружения строятся медленно или вообще не строятся, не утилизируются газы, отравляющие атмосферу вокруг. О радиационном загрязнении земель у нас будет разговор особый. Тяжело об этом говорить, но человек всё чаще ощущает себя в ловушке. В ловушках производства оказываются целые города со взрослым населением и детьми, они задыхаются от химических выбросов, выхлопных газов и прочих загрязнителей воздуха. Это можно сказать о Новополоцке, Могилеве, Гомеле, Гродно, Солигорске, Мозыре, Светлогорске, да и Минске, конечно. Некоторым городам уже невозможно помочь, ученые, врачи разводят руками. Вы знаете о росте всевозможных опасных заболеваний, смертности в этих городах. А мощности, а сами производства между тем наращиваются! Считал ли кто-нибудь, сколько уже на нашу грешную землю приходится заводов и сколько токсичных ядовитых веществ постоянно поступает в кровь и плоть нашего народа? По насыщенности территории республики промышленными, преимущественно химическими предприятиями, мы, наверное, в несколько раз уже

превзошли такие развитые страны, как Франция или ФРГ. О-о, на что только мы не способны в своем услужливом рвении! А нам всё подбрасывают и подбрасывают капиталовложения, и наша технократическая администрация на различных этажах управления не может отказаться, чтобы их не освоить. В ловушку попадает Смаргонь, в ловушку попадает Дрогичин, где под самым городом закладывается крупное химическое предприятие, с тяжелыми, опасными и особо опасными условиями труда, с удушающими выбросами. Повторяются ошибки, допущенные при размещении крупнейших химических производств в Могилеве и Новополоцке. Не случайно. На размещение химкомбината в Дрогичине не давали своего разрешения ни Минздрав, ни Комитет по охране природы. Технократы пренебрегли опытом этих республиканских учреждений и, желая сделать для района, края, республики доброе дело, делают зло, ибо в жизни одно перерастает в другое и не все так устойчиво, как система бюрократического администрирования, сложившаяся давным-давно в стране. Сорвать опасный, если не сказать, преступный замысел в Дрогичине будет делом нашей чести.

Вопрос о загрязнении окружающей среды, атмосферы, воды и продуктов питания — не шуточный вопрос, а отношение по сегодняшний день к нему плевое. Так и хочется воскликнуть: «Отцы родные, куда же вы нас ведете?! Уж не попадет ли в газовую или радиационную ловушки весь наш народ?!» Благо сейчас Министерство атомной энергетики СССР навязывает республике строительство новой атомной станции. А у нас и без того сложилась опасная радиационная обстановка на третьей части республики, загрязнены некоторые районы даже в Витебской и Гродненской областях, и это известно не одному мне. У нас, видите ли, обнаруживается дефицит электроэнергии примерно в 2 млн. киловатт/часов в

год. Выход — АЭС... Батюшки! Да при таком насыщении промышленностью и постоянном стремлении наращивать мощности и производственный вал нам не избежать дефицита до самой могилы! А есть ли тому альтернатива? Оказывается, есть. В развитых странах капиталистического Запада с 1979 по 1985 годы валовой национальный продукт вырос на 13 процентов, а потребление электроэнергии при этом снизилось на 6 процентов. Каким образом добились этого на Западе?

Расторопностью, если одним словом сказать.

Удивительно, что при все возрастающем неблагополучии в системе хозяйствования и охране окружающей среды, в обеспечении сносного обитания для человека, наших хозяйственных и административных работников одного за другим берут в Москву, в центральный аппарат для работы. За какие заслуги? В пору ломки старого хозяйственного механизма и внедрения новых политических концепций, а у нас нового — кот наплакал! — для меня лично это непонятно. Я думаю, это даже чревато различными нехорошими последствиями для перестройки. Это будет тормозить перестройку, ибо для успеха дела надо прежде всего здесь, на месте себя показать.

Исходя из информации, которая до нас доходит, правительство республики уже обеспокоено и понимает, насколько мы увязли в химии, в загрязнении почв и всего жизненного пространства отравляющими веществами, понимает и то, какая это сложная штука — восстановление до нормы, по сути, регенерация первозданной окружающей среды и уже пытается предпринимать кое-какие меры, чтобы ослабить угрозу острого экологического кризиса. Но, товарищи ученые и товарищи писатели, работники прессы, — я так понимаю: без нашей поддержки, инициативы, без нашего творческого разворота, гражданского и публицистического запала-напала

поменять что-нибудь в этом деле, пожалуй, сам Господь Бог не взялся бы, если бы он был, конечно!

А еще вот о чем. По всем документам, по всем законам и установлениям союзной державы, Беларусь — также суверенная социалистическая держава, а отношение к ней центральных хозяйственных органов, министерств и отдельных руководителей — как к автономной области, порою и того хуже. Так повелось с тридцатых годов, но эта тенденция должна преодолеваться, ведь не случайно расширяются права союзных республик, советов и трудовых коллективов. Демократизацией предусматривается власть на местах. Без этого не раскроется полно и всесторонне творческий потенциал общества.

Постоит ли кто-нибудь из командиров-технологов за нас, за народ? Постоим ли мы сами за свои права и законные интересы распоряжаться своей землей и на деле улучшать ее, облагораживать или, в конце концов, будем удушены, растоптаны разом со своей природой, культурой? И пусть вам не покажется легковесным или преждевременным этот вопрос.

Если и есть у нас спасение в экологической нише, то путь к нему — через новое мышление, за которое так страстно ратует М. С. Горбачев, Генеральный секретарь ЦК КПСС. Спасение в нашей гражданской активности, в объединении усилий. И ничто больше не поможет нам, как объективизация, гласность — не на словах, а на деле, и взаимная критика, уважение к ней. Но, прошу прощения, я уже ушел далековато от Припяти. Она ждет. Ждет нас Полесье. Ждут нас проблемы. Ну — что же? Кали ласка. У добры час! И пусть в этом нашем споре мужает и набирается силы коллективный разум! Пусть верх берут наилучшие, ну — прямо скажем — благородные побуждения!

11 марта 1988 г.

**СТЕНОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ
ПИСАТЕЛЕЙ, УЧЕНЫХ, СПЕЦИАЛИСТОВ
БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ НА ТЕМУ:
«ПРОБЛЕМА ПРИПЯТИ — ПРОБЛЕМА
ПОЛЕСЬЯ»**

11 марта 1980 года, гор. Минск

Открыл совещание первый секретарь Союза писателей БССР Нил ГИЛЕВИЧ:

Дорогие товарищи, коллеги, гости! Руководство Союза писателей БССР поручило мне сказать несколько слов. В совещании сегодняшнем принимают участие писатели, ученые, министры и другие ответственные работники государственных учреждений нашей республики, Украины, Литвы, гости из Москвы. Разговор, ради которого мы собрались, посвящен очень и очень важной теме — судьбе Полесья, судьбе Припяти. Это судьба большого региона территории на западе нашей страны. То, что разговор происходит в Доме литератора — это естественно. Конечно, могут некоторые товарищи возразить: пусть, мол, писатели занимаются своими вопросами — вопросами литературы, языка, культуры, истории. Но дело ведь в том, и, думаю, что каждому из присутствующих здесь это понятно, что если мы не спасем природу, землю, на которой живем, — все остальное теряет смысл и все остальные вопросы языка, литературы, культуры, истории — тоже.

Полесье всегда было чем-то вроде легких, которыми дышала не только Беларусь, но и большая территория нашей страны на ее западе, поэтому, каким

будет Полесье через несколько лет, — не может не волновать, не тревожить каждого здравомыслящего человека. А состояние Полесья зависит от того, какой будет Припять, какова ее судьба будет. Вот почему представляется, что разговор, ради которого мы здесь собрались, заслуживает внимания вот такой аудитории, в высшей степени заинтересованной в том, чтобы сообща прийти к единому мнению, как же дальше нам жить и действовать, работать, чтобы наилучшим образом, с пользой для человека, для народа решить эту экологическую проблему. Если мы объединим интуицию писателей, понимание писателями человека и забот о человеке и знания ученых, чувство ответственности хозяйственных коллективов — если мы всё это объединим, то, наверное, нам легче будет решать те большие проблемы, которые являются не какими-нибудь частными проблемами, а лишь частью большой проблемы сохранения жизни на земле.

Позвольте мне сердечно приветствовать вас от имени СП БССР, пожелать трезвого и заинтересованного разговора, умения слушать друг друга и тогда, наверное, мы останемся довольны этой встречей и придем к единому позитивному мнению.

(Доклад председателя секции очерка и публицистики, писателя В. Яковенко не стенографировался.)

САВИЦКИЙ Б. П., зав. кафедрой зоологии и охраны природы Гомельского университета, доктор биологических наук, профессор:

Уважаемые товарищи, коллеги! Я здесь представляю именно ту часть, которая должна дать характеристику, каким способом проводить систему. Но, к сожалению, должен признать, что мы, экологи, не выполнили своих обязательств по созданию необходимых рекомендаций. Таких рекомендаций до сих пор нет, и это, считаю, позорное явление для всех экологов нашей республики.

Один из главных вопросов, которые мы сегодня обсуждаем, — это вопрос о судьбе Припяти, о ее обваловании. Этот вопрос под разными соусами подается вот уже несколько лет. Наверное, некоторые из нас помнят, когда, будучи студентами, мы читали о том, что хозяйственное освоение пойменных земель Беларуси неприемлемо. Это было записано в учебниках.

Что мы сейчас видим по части обваловыния Припяти? Вот прямо подо мной висит проект обваловыния Ясельды. Все проекты состоят из того, чтобы создать техногенные системы. Но ведь мы заранее обрекаем себя на огромные энергозатраты, которые будут связаны с перекачкой вод. И это при том недостатке электроэнергии, который мы и так имеем. Зачем строить дополнительные водохранилища? Вот я недавно вернулся из командировки. Насмотрелся тоже. Для чего, к примеру, построено Днепрохранилище — никто не знает. Таких, как оно, немало. Часто отвечают: водохранилища для того, чтобы повисить, увеличить количество рыбных хозяйств. Но ведь ни одно из построенных водохранилищ рыбы не дает и давать не будет. Потому что проектами не предусмотрено это, ведь дно ни одного из водохранилищ не трассируется. Тогда о какой рыбе мы говорим? О тех же самых 15 килограммах, которые мы имеем теперь?

Считаю, что проект обваловыния Припяти националистичен в принципе, или... вообще я затрудняюсь сказать, что это такое. Ведь основной водосбор Днепра приходится на Полесье. Постройка огромного количества водохранилищ увеличит затраты и снизит поступления воды в Днепр и, следовательно, испортив свои земли, мы загубим земли и братской республики, где уже сегодня проблема воды есть. В докладе затрагивались многие проблемы, однако, мне кажется, следует выделить одну: быть или не быть

генеральному плану обвалования Припяти? Нужен ли он? А если добавить, что в хозяйственном плане затраты не оправдают себя, то нам следовало бы обсудить вопрос: нужен ли проект или, может, следует его отложить? Потому что я считаю, что этот проект ничего, кроме вреда, не принесет.

ЛЕВКОВ Э. А., доктор геолого-минералогических наук:

Товарищи! Я работаю геологом. Мне приходится заниматься изучением тех процессов, которые происходят не только в наши дни, но и происходили многие миллионы лет. У припятского полесья своя геологическая история, многие миллионы лет тому назад там извергались вулканы, там было море, и эта впадина, которая осталась на месте его, продолжала существовать. Здесь начали происходить сложные геологические процессы, территория стала подниматься, и поднялась более чем на 100 метров за последние миллион лет — для горных территорий это может показаться и не много, но для Беларуси — это много. Сложилась такая обстановка, когда на юге и востоке поверхность поднялась: на Полесье для воды образовалась ловушка. Вода теперь может уйти из Припятской низины только через небольшой зазор в районе Лоева — это единственное место, через которое вода может уйти, за пределы низменности и Беларуси. Любое вмешательство может необратимо повлиять на все экологические процессы. Поднятие происходит не только регионально, но и локально. У нас в недрах Полесья сокрыта толща соляных пород — до одного-трех километров мощности. Эта соляная толща очень неравномерна, во многих местах наблюдаются вздутия, купола. На тех участках, где они растут, экологические процессы начинают развиваться иначе. Когда на эту сложно построенную динамическую систему накладываются наши каналы и канавы, коллекторы, они чаще

всего приходят в противоречие с подземной динамикой, мелиоративные системы не учитывают этого и только потому могут расстраиваться и выходить из строя.

Я хотел бы обратить внимание еще на одно. Мы каждое лето видим природу, и видим, как она прямо на глазах преобразуется: исчезают неповторимые краевиды, ландшафты. А ведь на Полесье они были настолько неповторимыми, что нужно сделать все возможное, чтобы сохранить то, что уцелело, в качестве эталонов, нужно завести «Красную книгу» и для ландшафтов. Ведь даже камни ледниковые исчезают. Думаю, что в ближайшее время с помощью писателей, ученых, общественности нужно создать заповедные уголки, чтобы они остались нетронутыми, чтобы никто не смог их погубить. Вот мы много лет писали о том, что не нужно строить АЭС в районе оз. Селявы, ведь это исторический уголок, заповедные места. Мне кажется, что для таких сооружений как АЭС нужно отводить бросовые испорченные земли, иначе «технари» постараются взять, как они это делали до сих пор, самый заповедный участок земли. Природа прямо на глазах разрушается.

ТАНОВИЦКИЙ И. Г., ведущий научный сотрудник института торфа АН БССР, кандидат техн. наук:

Уважаемые товарищи! Мы заслушали интересный доклад писателя В. Яковенко, который обострил все нехорошие проблемы, что имеются в мелиоративном строительстве. Кроме нас, вроде повинных нет. Как же при мелиоративном строительстве свести эти негативные стороны до минимума? Выступавшие товарищи тоже говорили, что проблемы есть. Но задача поставлена, а мы должны предложить, как же рационально использовать наши земли. Ведь если ты эколог, то нужно говорить, что ты сделал для Припяти, для Полесья. Я хотел бы, чтобы не только говорили, что плохо, а что хорошо, а предлагали,

что нужно делать. Ведь мы живем сегодня, хотим лучше жить.

В. Яковенко почти все негативные явления подчеркнул. Но вот одна деталь. Несправедливо расхождение — следует или не следует производить мелиорацию. В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР (декабрь 1978 года) «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» изложены основы рационального использования природных богатств страны. Суть основ рационального природопользования в области мелиоративного строительства образно можно выразить следующими словами: то, что нельзя преобразовывать, не мелиорировать, а то, что следует мелиорировать — необходимо мелиорировать. А нельзя преобразовывать те элементы ландшафта, которые на данной территории выполняют важные природоохранные функции.

Отсюда следует, что, оценивая регион в целом, к мелиоративному преобразованию необходимо выявить все природоохранные объекты, то есть, предусмотреть комплексные мероприятия на стадии разработки проекта мелиоративного улучшения территории региона. А это значит, что необходимо повсеместно перейти от пообъектного проектирования к региональному.

Откуда взять научные основы для разработки природоохранных мероприятий регионального уровня? На протяжении 10 лет академик АН БССР И. И. Лиштван, возглавляя научный совет АН БССР по проблемам Полесья, предлагает при мелиоративном освоении больших территорий стремиться создавать оптимальную структуру угодий на преобразованном ландшафте. Академики АН БССР Суцения и Парфенов обосновали необходимость организации миграционных коридоров и экологических ниш вдоль русел рек для сохранения растительных и животных

популяций. К сожалению, долгие годы эти идеи не находили своего претворения в жизнь. Очевидно, этот недостаток следует отнести на отсутствие в республике института экологического профиля.

В 1987 году по заданию научного совета АН БССР по проблемам Полесья по просьбе Главполесьеводства комплексная научная экспедиция произвела оценку экологической обстановки в пойме реки Ясельды в связи с ее мелиоративным освоением и разработала природоохранные мероприятия для этой экосистемы. Из мелиоративного фонда исключено 18 тысяч гектаров, это всего 5,2% от водосборной площади, но самые важные. Предусмотрены природоохранные зоны шириной от 200 до 500 метров, все наиболее интересные в экологическом плане территории взяты под охрану — эти критерии легли в основу разработки природоохранных мероприятий в пойме средних рек.

В 1988 году будут выполнены обследование и обоснование по двум биологическим заказам. Предусмотрена работа в пойме реки Припять по разработке единой экологической типизации поймы и выработке предложений по ее рациональному использованию. Необходимо вдоль всего русла реки установить охранную зону, создавать миграционные коридоры, ландшафтные экологические ниши глубиной до двух километров, необходимо выделить и сохранить озера и старицы, на этих территориях запрещается активная хозяйственная деятельность, сенокосение, сбор яблок и т. п. Вот на примере реки Ясельды можно посмотреть. Комплексная экспедиция исследовала 131 километр реки Ясельды. Нами взяты под охрану 18 тысяч гектаров. Здесь пришлось закрыть около пяти мелиоративных объектов. Там, где Ясельда впадает в реку Припять, предлагается создать биологический заказник. С одного объекта исключается 530 гектаров, идет промысловая зона, которая позволит нормально существовать и животному

миру, чтобы животные могли мигрировать, создается ландшафтно-экологическая ниша, миграционный коридор. А в наиболее интересном месте, где скопление животных наибольшее, создается заказник (в пойме реки Припяти), который соединится с лесами, расположенными в северной части этой территории. В комплексной экспедиции работали специалисты, которые попытались создать вот такую систему, которая позволила бы нам производить мелиорацию. Но не все удалось сделать, нам не удалось создать ландшафтно-экологическую нишу у села Моталь, потому что ее нужно было создавать 50 лет тому назад, но то, что осталось, мы сохраним.

Хочу высказать тревогу по малым рекам, ведь они больше всего у нас пострадали, и мне кажется, что вопрос с малыми реками, его решение обстоит неважно. Сейчас разрабатывается проект «Проблема малых рек». Я посмотрел его и понял, что такими работами мы малые реки не спасем. Положением по охране малых рек разрешается природоохранная зона в 500 метров и тогда, мол, реки будут сохранены до 90%. Но что такое 500 метров? Оказывается, на расстоянии 500 метров нельзя только строить животноводческие комплексы, вносить ядохимикаты — остальное все можно делать. А прибрежная полоса, которая составляет всего 20 метров? Ведь любой хороший дождь снесет все удобрения в эти реки. А сейчас ведь трактора пахут в десяти метрах от русел малых рек. Верховья малых рек, за счет которых они живут, не защищаются, необходимо срочное вмешательство в это дело. Думаю, что Комитет по охране природы сможет вмешаться и поправит дело.

ЯКУШКО О. Ф., доктор географических наук, профессор БГУ имени Ленина:

Вот я сегодня слушаю и сделала вывод, что мы сначала все делаем, а потом думаем. Ведь сколько

лет занимаемся мелиорированием, а только сейчас начинаем рассуждать, когда многое нельзя уже переделывать. А Беларусь знаменита не только Припятью, но и белорусским Поозерьем, которому тоже грозит тотальная мелиорация. Вопрос мелиорации Поозерья очень сильно отличается от выкладок, которые мы имеем по Полесью, потому что там и рельеф другой, и грунты другие. Если на Полесье мы имеем дело в основном с песками, то здесь — тяжелые породы. Некоторые колхозы имеют пахотные угодья на 200—300 кусочках и поэтому мелиорация в общем виде не годится, там требуются свои нормы мелиорации для каждого хозяйства. Красотой и богатством Беларуси являются озера. Озера — это те подпитки, которые питают малые реки, источники воды, это, наконец, источники получения рыбы. Образно говоря, озера — это тот колодец, в который преступно плюнуть, но до сих пор озера не имеют единого хозяина.

Мелиораторы очень сильно выросли как ученые, и они хорошо понимают, что мелиорацию нельзя проводить везде одинаково. Недавно я услышала от мелиоратора такие слова: как человек, я вас предупреждаю, что Браславским озерам грозит опасность, но как специалист я предупреждаю, что мелиорацию будем делать.

На Брасловщине, как известно, леса мало, пахотные земли подходят до самых озер. Пахотными участками занято буквально полгектара. Там нужно сделать национальный парк — сколько лет мы уже говорим о Браславском национальном парке. Ведь председатели сами чуть не плачут, зачем, говорят, нам увеличивают площади?

Мне хочется сказать об озере Долгом. Совсем недавно там построен животноводческий комплекс, который только делает вид, что не сбрасывает стоков, но за несколько лет озеро переродилось, его очень трудно восстановить.

У меня следующие предложения: необходимо общими усилиями, доверяя друг другу, добиться разработки общей схемы мелиорации на Витебщине и в других районах республики, добиться разработки для каждого хозяйства; необходимо дать возможность изучения и разработки охранных мероприятий определенному учреждению. Эту разработку можно поручить АН БССР, министерству мелиорации, БГУ. О средствах, думаю, говорить не приходится. Ведь если мы не жалеем затрат на строительство АЭС, то не должны жалеть и на это нужное дело. И третье, о чем хотелось сказать. Оказывается, у нас в республике, по сравнению с республиками Прибалтики, очень плохо обстоит дело с экологическим воспитанием. Это дело нужно поправить, добиться скорейшего создания института экологии АН БССР, введения курса экологии в институтах.

ПЕТРАШКЕВИЧ А. Л., писатель:

Читатели «Известий», наверное, знают о катастрофе на Стебниковском комбинате в Украине, когда из водохранилища вырвалось 4,5 миллиона кубометров соленой жижи, отравившей Днестр до самого Черного моря, и оказалась катастрофа для ряда городов и других населенных пунктов. Можно представить, что будет с равнинным Полесьем и его людьми, если из Солигорского водохранилища вырвется не 4,5, а 47 миллионов кубов. Такая же опасность существует и у нас со стороны солигорского комбината. У меня в руках «Технико-экономический доклад по проблемам Солигорского промрайона» от 1980 года, подписанный директором филиала союзного НИИ галургии, главным инженером и руководителем проекта. В этом докладе сказано, что особую опасность району представляет то обстоятельство, что ряд участков солеотвалов и шлакоохранилищ после оседания поверхности от подработки окажется ниже существующего уровня Солигорского водохранили-

ща. Такое положение вызывает необходимость весь сток реки Случь, сток притоков реки Сивелга, ручья Рутка и мелиоративной системы (площадь водосбора 1770 км²) перакачивать в водохранилище механическим путем с подъемом воды на 1,5—2 метра. Кроме огромных энергетических затрат, система принудительного водоподъема не может быть надежной, так как при аварийных ситуациях шламоохранилища и солеевалы будут затоплены с образованием огромных соляных озер, которые засолят эти реки.

Аварийная ситуация при принудительном водоотводе стока (при сохранении нормального постоянного уровня водохранилища в 147,0 метров) может сложиться и в весенний паводковый период, в течение которого идет сброс до 60% годового стока.

...Кроме этого, создается угроза частичного затопления хвостохранилища в аварийной ситуации (прорыв дамб при образовании трещины от деформации).

Сейчас директор института галургии, выступая по радио, обвиняет меня в неправильности моей позиции. Но ведь если 47 миллионов кубов воды вырвется из водохранилища и вытеснит Припять, будет промыта Чернобыльская зона. Сколько тысяч кюри интенсивность излучения? 50 тысяч на дне Припяти. Что думают товарищи в связи с обвалованием Припяти? Неужели не ясен этот вопрос? Хочется пожелать писателям больше знаний о предмете, а ученым больше мужества. Начальство нужно уважать, но не нужно смотреть ему в рот.

ЯВОРИВСКИЙ В. А., писатель из Украины:

Дорогие товарищи! Ко мне внезапно пришла такая мысль, что вот то понятие «дружба народов» вошло в новый виток: мы вам — Чернобыль, а вы нам — Солигорск. Всё по-братски. И все мы здесь — самые большие предатели, которые могли быть за всю историю человечества, потому что мы предали

самое святое — нашу землю, наш воздух, наши памятники исторические и наш язык. Это все самые большие ценности, которые были во все времена. И я понимаю, что наши оппоненты думают: опять, мол, писатели, со своими эмоциями, а что же нам делать? Вы опять нас будете обвинять в некомпетентности — это правильно. Но ваши знания не подкреплены духовным запасом. В нашей стране образовались и действуют две огромных империи — гидро-мелиораторы и атомщики. Результат их деятельности — налицо. Простите меня за эмоции, просто молчать дальше нельзя. Мы знаем теперь, что мы потеряли во времена застоя, но это все возвратимо, а вот то, что мы потеряли в экологии — невозвратимо. Нам все время говорили: а жрать вы хотите? Да, все хотят есть. Но где же выполнение тех обещаний? Ведь, несмотря на мелиорацию, у нас самая низкая урожайность. И вина в этом в первую очередь мелиораторов и атомщиков.

Никто из выступающих не ссылался на какие-либо постановления, кроме одного товарища. Но ведь мы же знаем, как эти постановления подписывались. Не нужно забывать, что все в природе взаимосвязано. Мне рассказывали, что после освоения белорусского Полесья в Донбассе ушла вода из криниц. Оказывается, это совсем рядом, все взаимосвязано. В тех регионах, где изменились земли, изменился не только климат, но и характеры людей. В тех районах теряются национальные черты, именно в таких регионах исчезает язык.

Нужно что-то делать, что-то предпринимать. Мы сегодня говорим, что работает общественное мнение. Это, конечно, хорошо, но ведь на стороне специалистов-мелиораторов, хозяйственников — поддержка министерств, главка и т. п. Но давайте, как говорят, не стягивать одеяло друг с друга, а думать и решать вместе, ведь это общее дело. Нужно призывать всех к совести, ведь дальше отступать некуда.

ЛИШТВАН И. И., вице-президент АН БССР:

Уважаемые товарищи! Очень знаменательно, что наш форум проходит как раз в те дни, когда наша страна и многие страны мира отмечают 125-летие со дня рождения В. И. Вернадского. И вот учение Вернадского, как его теперь называют, гражданина мира, как раз и было посвящено проблемам биосферы, проблемам экологии, ландшафта, биохимии. Как видим, вопрос экологии существовал давно.

Писатель Яковенко призывал нас к правде и совести. Должен сказать, что наши ученые и ученые АН БССР, вузов много вносили разных предложений, рекомендаций по проблемам, о которых мы сегодня говорим. Только, может, у нас не всегда хватало мужества отстаивать их. Думаю, что говоря о проблемах мелиорации, мы не можем сегодня сказать, что мы были удовлетворены тем, что было раньше. Наверное трудно найти и такого человека, который бы согласился, чтобы все вернулось и было, как прежде, до мелиорации. Много сделано, но есть и негативные явления. Дело в том, что рекомендации есть, но не всегда они выполняются. Я не вижу здесь сегодня ответственных работников Госплана республики, которым хотел бы адресовать еще одну проблему — проблему сапропелей. Здесь уже говорилось о наших озерах. Вот наши ученые посчитали, что 52% белорусских озер, в том числе и полесских, заилено, и если мы не примем никаких мер, то через несколько лет потеряем их. Из этого богатства пока что добывается только 300 тысяч тонн в год, а можно добывать миллионы тонн в год! Мы сегодня говорим о необходимости применения органических удобрений — опять проблема, но часто ведь ведомственный барьер принижает энтузиазм ученых. Вот, к примеру, задумали мы разработать АСУ питания растений. Как регулировать содержание тех нитратов, которые имеются в продуктах и в почвах? От-

работать систему, которая давала бы работникам сельского хозяйства возможность регулировать внесение минеральных удобрений. И сразу же реакция на наши рекомендации: у нас есть свои, ваших не нужно. Хорошо, есть у вас свои, но откуда же тогда нитраты в продуктах? Ведь если бы мы работали грамотно, то не было бы ни проблемы нитратов, ни проблемы органических удобрений. Один из руководителей мне сказал: мы затапливаем большие объемы торфа. Но ведь мы выступали и говорили, что этого делать нельзя, потому что это и трата природных ресурсов, и природа ухудшается. На все наши заявления был простой ответ: этим самым мы, мол, сохраним торфяники для будущих поколений.

И второй пример. Когда говорили о том, что неправильное использование мелиорированных земель приведет к потерям органических веществ, я предупреждал, что если мы будем возделывать пропашные культуры, то это приведет к тому, что исчезнет органическое вещество. Мне ответили: завезем из других мест. Вот такой подход.

Но давайте посмотрим, во всем ли, что здесь сказано, виноваты мелиораторы? Конечно, вина здесь и ученых, и проектных организаций, вносят свою лепту и строители. А где же эксплуатационщики, которые эксплуатируют мелиорированные земли с очень серьезными нарушениями? Кто виноват в том, что 14 объектов Беловежской пуши мелиорировано, многие насаждения гибнут? Мы подписали документ о том, чтобы Беловежскую пушу перевести в заповедное хозяйство, но пока что поддержки в этом вопросе не находим.

Недавно ко мне поступил один документ, в котором говорится, что с целью расширения сельхозугодий в Смолевичском районе необходимо освоить прилегающие к озеру Судобль земельные угодья и даже произвести свалку леса. Во имя чего? Во имя нара-

щивания сельхозугодий. А это же уникальный водоем, где большие запасы сапропелей, в нем лечебная грязь. Рядом построили автодорогу «Брест—Москва». Если мы вырубим этот лесной массив, мы нанесем большой непоправимый ущерб природе.

Сейчас в Академии наук ведутся большие работы по проблемам экологии, биосферной экологии, биотехнологии, экологически безопасной технологии в сельском хозяйстве. В соответствии с решениями пленума ЦК КПБ разрабатывается программа по биотехнологии, которая предусматривает и создание экологически чистых сред, создание специальных микроорганизмов, которые способны усваивать азот. Эта программа биотехнологии включает и инженерную технологию. Цели второй подпрограммы — это проблемы сохранения органического вещества, районирования нашей территории, азотного питания, разработка АСУ для сельскохозяйственных работ в пределах отдельных полей. Для того, чтобы эти работы велись грамотно, мы внесли предложение о создании института экологии. В Академии наук должны быть развиты работы и по водным ресурсам, по исследованию взаимосвязей между поверхностными и грунтовыми водами, влияния поверхностных вод на грунтовые. Так что институт экологии должен быть.

И еще один вопрос. Нужно восстановить историческую несправедливость, когда институты почвенного профиля были переданы в ВАСХНИЛ, а потом агропрому. Нужно это дело поправить.

В заключение позвольте выразить уверенность, что эта встреча, которая проходит сегодня на широком уровне, принесет свои положительные плоды, и нам такие встречи нужно проводить чаще. Ведь, смотрите, мы обсуждаем сегодня проблему Припяти, а разговор вылился в широкую проблему — проблему малых рек. Нужно бороться за охрану малых рек,

водоемов. 21 тысяча водостоков, из них 20 тысяч относятся к разряду малых рек в республике. Я говорил с т. Яковенко, хорошо было бы поднять и проблему озер нашей республики. И если мы найдем в этих вопросах взаимопонимание, то это принесет пользу большому делу.

СОЛОМОНОВ А. А., доктор технических наук Белорусского технологического института:

Я присоединяюсь к мысли о полезности таких совещаний. Меня, признаться, несколько удивила организация этого совещания. Мне казалось, что начнется совещание с выступлений специалистов, которые изложат суть проекта обвалования Припяти. Поэтому, хотя совещание и полезное, но оно не достигает своей цели. У меня сложилось впечатление, что не все правильно подходят к пониманию слова «мелиорация». Мелиорация — это комплекс работ, которые связаны с улучшением земель, она заложена еще в древнем Египте. Создать мелиорацию вынудила сама жизнь. Есть, конечно, в ней свои недостатки. Но говорить «искупите свои грехи», «хватит, похозяйничали», «жрать вам хочется» — согласитесь, как-то не совсем удобно на этой конференции.

Население земного шара удвоилось, к 2010 году оно составит 11 миллиардов человек. Земная поверхность не расширяется, пашня уменьшается. Вот эта проблема и вынуждает искать пути улучшения земель. Мелиораторы не хотели бы вреда, но все же задания даются правительством. Поэтому нужно смотреть глубже не только на вину мелиораторов, а на проблему в истоках ее возникновения. Если сейчас прекратим мелиорацию, то и страна и республика от этого не выиграют.

Я не слышал ни одного предложения, как улучшить проект. Думаю, что проблемы экологии и такие нападки на мелиораторов, да и не только на них,

известны не только в нашей республике. Вот в «Правде» писали, что мы построили химические заводы, но не задумывались, что же мы оставим детям? Конечно, нужно выступать, но выступать осторожно, чтобы не настраивать общественность против мелиораторов. И если бы будущие мелиораторы услышали, как говорил докладчик, что дети мелиораторов стыдятся своих отцов, то никто бы не пошел учиться на мелиоратора.

И еще об одном. Считаю, что позиция, изложенная в книге А. Козловича «На моей ладони линия реки», неправильная. Она направлена против академика Скоропанова. А человек этот очень многое сделал.

Вот мы говорим относительно охраны природы, а нужных специалистов-то нет. Нужно в сельскохозяйственных институтах готовить специалистов такого профиля, организовать курсы по подготовке таких специалистов. Поддерживаю предложение: нам очень необходим институт экологии.

МАХ П. П., гость из Украины, писатель:

На Украине, чтобы поднять урожайность, было принято очень много разных постановлений на разных уровнях. А нужного эффекта не было и нет. Итоги непродуманной мелиорации, неграмотного ее проведения отражаются не только на социальном, но и на духовном самочувствии народа. Я видел Припять. Просто очень больно смотреть на те места, где раньше были сосновые боры, а теперь их нет. А ведь она имеет ряд притоков, которые в свою очередь имеют ответвления. Так что проблема Припяти — это и проблема малых рек. И с этой проблемой нужно что-то решать. Вот мы создали Шацкий парк. Но озеро ведь мельчает неустанно — на 40 сантиметров ежегодно.

Мелиораторы даже если и понимают, что они делают вред, все равно будут молчать, потому что боятся, чтобы их не сняли с работы.

БАМБАЛОВ Н. Н., доктор сельскохозяйственных наук, председатель научного совета АН БССР по проблемам Полесья:

Я хотел бы начать с того, что мелиорированные земли — это наше богатство. Очень мало людей осознают, что все человечество сегодня существует на мелиорированных землях. Человек всегда приспособлял землю для себя, улучшал ее. Но сейчас вопросы мелиорации вызывают у людей беспокойство. И это правильно. Потому что мелиорацию нельзя рассматривать в отрыве от охраны природы. А здесь у нас не все в порядке. В негативных явлениях мелиорации виноваты и наука, и проектанты, строители, эксплуататоры, и пресса, которая подогревала и торопила мелиорацию. Если говорить о мелиорированных системах, то здесь проблема спрямления малых рек. Спрявление рек было проще, дешевле, и вопросы экономики заставили пригнать бдительность.

Но очень обидно, когда многие хорошие замыслы осуществляются далеко не по проекту. Когда они выносятся на натуру, то возникают недоразумения. Каждый дуб, каждый участок леса обозначен на проекте, а в натуре — нет. Вот и получается, что мелиораторы то не очистят ложе пруда от корчей, то вырубят красивую группу деревьев, объясняя это тем, что все согласовано с кем-то.

Существует и проблема водохранилищ. Ведь наука не давала никаких рекомендаций по затоплению торфа. И получилось так, что затоплены самые большие залежи торфа, но ведь есть же еще и малые, которым тоже грозит затопление. В Столинском районе мне председатель одного колхоза говорил, что именно по его инициативе, он сам просил строителей, чтобы сделали водохранилище, куда он собирался пустить рыбу. С этим самоуправством пора кончать.

Конечно, много еще недостатков и в использовании мелиорированных земель. Здесь тоже получился перекокс. Нужно отрегулировать пищевой режим, подобрать специальные сорта, целый ряд других мероприятий провести. Мелиорированные земли не полностью обеспечиваются минеральными удобрениями, существует дисбаланс их. И, конечно, не избежать того, чтобы продукция была без содержания нитратов. Мне кажется, что нужно сократить объем мелиорации так, чтобы было сбалансировано с возможностями других мероприятий. Когда это будет сделано, то высвободится часть средств, которые можно будет использовать. Тогда, может, будет идти более качественная продукция и будет время на раздумье.

На обвалование Припяти нам дали заказ: разработайте систему. Но ко всем пойменным рекам нужно относиться очень осторожно. И до тех пор, пока комплексная экспедиция не приедет и не сделает свои исследования по всем параметрам, до тех пор нельзя проводить мелиорацию поймы. По Ясельде система разработана, но для каждой реки нужно свое решение. Но мелиораторы должны идти после науки, а не наоборот. Раньше у нас мелиоративное строительство и проектирование производилось без должной гласности. Делалось само по себе. Коли проекты будут обсуждаться, тогда удастся избежать многих ошибок.

По озерам Полесья. Озеро Червоное мелеет быстро, из него отводит воду рыбохозяйство. Отводит и не возвращает. А почему бы эту воду не возвращать обратно в озеро? Нужно также всемерно развивать очистку озер от сапропелей. Типичный пример — маленькое озеро Найда, которое после очистки от сапропелей вернулось к жизни. Раньше же это был мертвый водоем. Проблему сапропелей нужно рассматривать прежде всего с позиций экологии, с позиций защиты природы, очистки водоемов.

Мелиорация, конечно же, нужна, но мелиорация разумная, которая будет учитывать такие факторы, как экономику и соцкультбыт, экологию, эстетику, красоту будущих ландшафтов. И вот здесь явная недоработка, ведь всему должен даваться одинаковый приоритет. Только тогда будет хорошо поставлена мелиорация, на пользу, а не в ущерб природе.

О заповеднике. У нас Припятский заповедник, там тоже много проблем. Проектанты, правда, предложили один вариант, но он не годится, так как предусматривает нарушение экологического режима. Научный совет по проблемам Полесья будет делать выездное совещание, будет решать все на месте.

Наш совет был создан давно. В нем 96 членов. Наш совет очень тесно сотрудничает с Институтом мелиорации. Если бы этого не было, то не было бы и тех достижений. Здесь была дана неправильная оценка, Институт мелиорации играет большую роль у нас в республике. И всю вину на него нельзя возлагать. Нам нужно тесно сотрудничать, мы можем все вместе правильно действовать.

КОЗЛОВИЧ А. Н., писатель, собственный корреспондент «Литературной газеты»:

Оказывается, у нас жив совет по проблемам Полесья. Но я убежден, что если он будет сотрудничать тесно с Институтом мелиорации, то он в скором времени прекратит свое существование. И. И. Лиштван сказал, что едва ли найдется такой человек, что скажет: лучше было до мелиорации.

Так вот, я тот полешук, человек, который говорит: «Лучше было бы без такой бездумной мелиорации». Я сейчас работаю над книгой, которая носит название «Около лица». Имеется в виду деревня Горск. Это очень самобытная деревня, там каждое болотце, дерево имеет свое название. Я попросил мать, чтобы она написала те названия, которые она знает. Она написала 140, я — 90, мой племянник —

15. Нужно ли объяснять, какая духовная потеря к нам пришла?

А если посмотреть сельхозугодья, которые расположены около моей деревни, то увидишь, что те, которые мелиорированы, уже приходят, а многие пришли, в негодность. Те угодья, которые служили людям много тысяч лет, потеряны. Спрашивается: что же мы будем есть, если старые угодья заброшены, а новые — бесполезны? Ландшафт вокруг моей деревни — пустыня. Впечатление, что с земли сняли скальп.

Печально, что сегодняшнее совещание проходит в Доме литератора. Это противоестественно, мы докатились до того, что в писательском доме вынуждены говорить, что такое осушение, мелиорация и т. д., то есть проводить ликбез. Нужна ли мелиорация? Конечно — да, потому что человек родился для того, чтобы улучшать землю. Но дело в том, что природа неделима, а человек двуличен. Вот главная причина тех недоразумений, преступлений, ошибок, которые случились у нас в Беларуси. Я занимался историей мелиорации. Мы давно знали, как проводить мелиорацию, мы знаем, как испортить и как улучшить земли. Знали это в свое время и четверка академиков и профессоров — Скоропанов, Зубец, Печкуров и Ивицкий. Я прочитал все их работы. Об охране природы говорится во вступлениях, а потом кривят душой. Недостаточное духовное чувство, урезанная совесть — вот что явилось причиной тех бед, о которых мы сегодня говорим.

Сегодня хотелось бы, чтобы мы обсуждали проект обвалования Припяти, все проблемы, связанные с этим. Но мы растеклись. Мы недавно слушали товарища Ковалёва, автора проекта обвалования Припяти, который оправдывался и сказал: мы не знаем, нужно или нет защищать леса в пойме Припяти. Говорил, что заявки на проект поступают. Но ведь

зачем же лгать? Хотя, человек при должности, желающий жить, получать зарплату, он защищает свою работу, иначе ведь нельзя, если навсегда предать совесть.

Печально, что сегодняшнее совещание проходит именно в писательском доме, и мне кажется, что оно пройдет впустую, как проходит в ваших конторах.

ГРИСЮК Н. Н., кандидат сельскохозяйственных наук (Украина):

В докладе и в выступлениях нарисована очень ясная картина экологического состояния вашей республики. У нас такое же положение. Недавно было совещание ученых шести институтов, на котором присутствовал и товарищ Яковенко. Затрачено столько средств, а польза какова? 8 миллиардов рублей выложили, но только не все колхозы и совхозы достигли намеченных урожаев. Причина? Экологические просчеты. Просчеты и при строительстве, и при эксплуатации мелиоративной системы, что вызвало и исчезновение болот, прекращение торфообразовательной системы, быструю сработку торфополя, значительное понижение уровня грунтовых вод, что вызывает переосушение торфяных грунтов, исчезновение воды в колодцах, истощение почв, снижение их плодородия.

У нас также очень много малых рек, и судьба их печальна. Тоже стоит проблема, как их спасти. Вот работа для мелиораторов — восстановить малые реки. Наряду с осушением сельскохозяйственных земель мы начали осушать и леса, хотя такой необходимости не было. И эта лесная мелиорация причинила очень большой ущерб природе. Осушение лесных земель привело к тому, что нарушился прирост сосновых и других деревьев.

Нужно сказать и о лесных болотах. Болота имеют большое экологическое значение. Это природное об-

разование, их роль — и сапропели, и торф, — все это имеет ресурсное значение, водоохранную роль играет. Ведь из болот вытекают малые реки, а мы их осушаем, превратили заболоченные земли в остепненные, а потом — в пустыни. Мы в республике осушили 500 тысяч болот — примерно 60%. Теперь принято постановление о сохранении 240 болот, но это мало для сохранения экологической системы. Почему мы такие недалекие в этих вопросах? В чем причина? В погоне за цифрами. Может быть, не нужно столько осушать, но сколько можно осушать оптимально — никто не может сказать. И зачастую получается, что вроде и хорошо осушили, а вот использовать как нужно не можем. Мы не можем признать получение экономических сиюминутных результатов оправданным. Нужно что-то делать. Мы считаем, что настала пора прекратить дальнейшее осушение новых земель, нужно навести порядок на осушенных землях. Нужно все силы направить на реконструкцию и ремонт этих систем, изменение основного направления сельскохозяйственного производства. Может быть, принять курс на животноводческое направление, а не на выращивание зерновых. Сегодня мы видим, что у наших республик одинаковые проблемы и нужно их безотлагательно решать.

САВЕНКО И. И., председатель колхоза «Заря коммунизма» Ивановского района:

Товарищи! Позвольте мне, практическому работнику, председателю колхоза, 33 года проработавшему в хозяйстве, на земле, высказать свое мнение. Мне вспомнился писатель Марк Твен, его рассказ о том, как он редактировал сельскохозяйственную газету, и хорошо, что наши писатели взялись за это дело. Мелиорация — дело весьма серьезное, ответственное, и за ней — будущее. У нас в колхозе она закончилась, а другим хозяйствам предстоит еще

работать. Но успех только там, где мелиорация ведется разумно. И я очень переживаю за то, что здесь были высказаны негативные мнения в адрес мелиораторов. Выходит, что сейчас мелиораторы и атомщики чуть ли не враги народа, но я от имени своих колхозников приношу мелиораторам благодарность, потому что жизнь наша стала несравненно лучше.

В прошлом году осенью я был на совещании специалистов европейских государств. Нашу Брестскую область площадью 31,3 тысячи кв. км населяет около 1,5 миллиона человек, Нидерланды же площадью 31,5 кв. км населяет 14 миллионов человек. 30% земель обеспечивает всё население страны. Вся страна на мелиорации, каждый клочок земли используется. И здесь я думаю, что не все беды на мелиорации и на науке, а дело в том, кто хозяин на этой земле, как он хозяйствует. Я пробовал у себя в хозяйстве создавать средства экологической защиты.

Сейчас в США многие фермеры выращивают урожай только на органических удобрениях. У нас же это будет сделать трудно, потому что очень много сорняков, нужно защищать растения от них. Как же хлеб выращивать? Но я хочу еще раз сказать о мелиорации. Ведь именно она принесла нашему колхозу успех, ведь раньше люди уезжали, многие семьи до сих пор переписываются с родственниками, которые уехали раньше в США и другие страны. И вот благодаря мелиорации наш колхоз уже 25 лет на самоокупаемости, у нас на счету 3 миллиона рублей. Мы производим 1,5 тысячи килограммов молока на 100 гектаров. Если бы все хозяйства работали на таком уровне, то наша страна далеко бы шагнула вперед.

Мелиорацию делать нужно, но проводить ее разумно, по-хозяйски.

САМУСЕНКО Э. Г., кандидат биологических наук
Института зоологии АН БССР:

Я не хочу говорить об охране животных, но за те 30 лет, когда началась мелиорация, настолько изменился животный мир Беларуси, что никакие дополнительные факты не нужны. В республике за это время в черный список занесены ряд птиц и рыб, необратимо изменились ландшафты, реки Лань, Морачь, верховья Ясельды, — только стали красивее квадратики полей. Я недавно вернулся с Украины. И напрашивается вопрос: где больше степь? Создается впечатление, что в Беларуси. Да, Донбасс нуждается в воде, и Украина будет перебрасывать воды Дуная, но этот проект под большим вопросом, потому что очень много возражений экологического порядка. Когда пролетаешь над Украиной, невольно любишься теми многочисленными лесными полосами, которые там есть. Удивляешься, когда узнаешь, что на Полтавщине сохраняют каждый кустик, каждое деревце. А в Беларуси видишь огромные безлесные пространства, часто одно дерево на весь совхоз. Вот и получается, что среди степи белорусской деревья-одиночки, и эта безлесость влияет на судьбу Полесья.

Но давайте разберемся, правильно ли проводится мелиорация? У нас в республике 33% лесистость, а в пойме Ясельды — 0%. Это большая недоработка, недосмотр мелиораторов. Да и обоснованно ли хозяйствуют на этих землях? Нет. А ведь роль лесов очень важна, а при неправильном ведении мелиорации они начинают вымокать, исчезают. Вот вам пример разрушительного процесса мелиорации. Природа не терпит нарушений, избыток влаги оказывается губительным для лесов. Но вместо того, чтобы насаждать новые леса, их начали вырубать.

В Столинском районе люди понимают, что такая мелиорация принесет им мало хорошего. Они говорят, что реку Горынь не нужно обваловывать. Они сами создали заказник. Считаю, что им нужно помочь в этом добром начинании.

И еще. Маленькая река Копынец. Даже ее не могли обойти, поставили ее под угрозу полного исчезновения. И если мы не вмешаемся, ей грозит исчезновение. Припять пока еще остается чистой рекой. Но она очень изменилась за последние 30 лет. Хватит дамбировать Припять, нужно использовать разумно мелиорированные земли. Нужно решать все вопросы на местах. Нужно оставить во всех местах мелиорацию в направлении средства на рекультивацию.

ЗУЕНОК В. В., председательствующий на совещании:

Нам нужно принять документ. Для его разработки предлагается избрать комиссию (избирается комиссия).

ТУРЕНКОВ Н. И., доктор биологических наук, сотрудник Института почвоведения:

Мне хотелось бы начать свое выступление с этих лозунгов, которые здесь висят, — «Лёс Прыпяці — лёс Палесся» и «Ці ёсць у нас канцэпцыя гаспадарання?». В природе все взаимосвязано и взаимообусловлено, следовательно, судьба Припяти — судьба Полесья. Мы, белорусы, вмешательством в природу своей республики оказываем влияние и на всю Украину. И это нужно иметь в виду в дальнейшей своей практической деятельности.

Второй лозунг — какое у нас хозяйствование. От этого зависит многое. Если бы делалось все в разумных пределах, то мы бы сегодня не говорили о многих негативных явлениях. Я был в командировке в комиссии по проверке мелиоративных систем, и один председатель колхоза сказал, что сгорело много леса — не было чем тушить, так как в колодцах не было воды. А там было освоено 300 гектаров земли, но что из этого за польза?

У нас в институте ратуют за то, чтобы ликвидировать мелкоконтурность. Мы должны ликвидировать кустарники и т. п. Но ведь сама природа зас-

твляет все равно проводить дифференцированную работу. А где выше почва и мы вырубаем кустарники, то этим самым мы способствуем эрозии почв. Почва является фильтром для грунтовых вод, и как мы обращаемся с ней — зависит многое. Вся беда на нашей планете в том, что нет на ней выхлопной трубы.

В нашем институте была создана лаборатория, которая проделала большую работу. А. Петрашкевич опубликовал статью в «Литературной газете». Мне она очень импонирует. Еще тогда в 60-е годы нами было установлено, что в Солигорске идет засоление почв. Это тяжелое последствие неправильной добычи. Очень правильно поднят вопрос, что этот фактор может превратиться в глобальный, на него нужно обратить внимание всех ученых.

Мы проводили исследования в зоне Новополоцка, Могилева, изучили состояние почв и имеем разрозненные материалы. Я поставил такую цель: используя свои материалы и статистические материалы, составить карту загрязнения Беларуси. Но нынешнее руководство института не понимает и не хочет понимать этого, поэтому планируют вообще закрыть лабораторию. Мне вообще не понятно, как можно закрывать лабораторию, которая должна быть. Вот вам гласность и объективность. Я поддерживаю выступление Ивана Ивановича и скажу, что хорошо бы было, если бы в системе АН БССР был создан институт почвоведения, который бы занимался вопросами почвоведения.

КУДЕЛЬСКИЙ А. В., доктор геолого-минерал. наук:

Река, как таковая, еще не река, она живет долиной, берегами, грунтовыми водами. Если мы отсечем от реки долину, обвалуем ее, то реки не будет, она исчезнет за неделю. Этот проект обвалования —

это проект умерщвления реки. Печально, что проектанты не видят этого.

Мое мнение одно: проект нужно отклонить и проследить, чтобы работы по обвалованию Припяти не велись. Это чревато другой катастрофой, кроме чернобыльской. Для меня этот вопрос ясен. Считаю, что проект обвалования Припяти в самой сути своей вреден для республики, для народа.

О мелиорации. Один из выступающих сказал, что благодаря мелиорации вырос Шумер, Египет. Но он не добавил, что Шумер благодаря этому и погиб. Нил не погиб потому, что никто из древних не позволил к нему прикоснуться. А если мы выходим на долину, мы убиваем реку, цивилизацию. Усилия мелиораторов благородны до тех пор, пока они не идут в противоречие с природой, с человечеством. Но они вошли в противоречие, и теперь мы ставим вопрос, чтобы эти министерства ликвидировать, а часть средств передать агропрому. Наверное, именно так ведется разговор в кулуарах, мне кажется, что сегодняшнее совещание — это совещание по нравственности. Спасибо писателям. Я понимаю, чего стоят такие выступления писателям. Если мы будем рассматривать эти проблемы с позиций нашего сердца, то тогда мы спасем нашу природу и обеспечим будущее нашим детям и внукам. Может быть, нам и не по себе, но мы виноваты, и это нужно признать. Но писатели скоро устанут, ведь в охране природы, в нашей республике столько проблем. Это и Солигорск, отходы фосфорных руд в Гомеле. Да мы и не знаем, что готовят нам проектанты институтов. Наверное, мы должны менять вопрос в другую сторону. Наверное, нужно говорить о безусловном увеличении прав нашего института охраны природы. Иван Иванович выступал и говорил о необходимости создания института экологии. Мы — за это. Но пусть это будет создание вневедомственного органа. Мне кажется,

что тогда дело сдвинется, — если будут созданы институты экологического профиля. Тогда ученые смогут сделать что-то в Беларуси, в которой очень неблагоприятное состояние с землей. Нужно создать отделение наук о Земле, институт почвоведения, институт гидрогеологии обязательно, потому что это наша жизнь, мы же в своей практической деятельности на земле зашли очень глубоко — мы загрязнили воды до 20 метров нитратами. Вот вам вся экономика.

КАРАИЧЕВ Л. С., писатель:

Трудно уже выступать, устали все, и сказано было много. Вначале о том, дело ли писателей заниматься этим вопросом? Я согласен с Козловичем: не дело. Наверное, не дело и писателей Распутина, Залыгина заниматься этими проблемами. Ведь по роду своей деятельности писатели далеки от этих вопросов. Я и А. Петрашкевич — драматурги. Но в конце прошлого года нас избрали в бюро секции публицистики. Ездили на озеро Нарочь. Здесь говорилось о том, что нужно создать и такой институт, и такой... Но, простите, какой же нужен институт, чтобы технически грамотно и качественно провести вдоль Нарочи канализацию? А — нет...

И еще вот о чем. Все наши дипломы, любой дипломный проект защищается, а производственный проект почему-то не защищается подобным же образом, а согласовывается. Мы все знаем, как сдаются строящиеся дома. Но существует ведь авторский надзор. Любой мелиоратор не имеет права строить любое сооружение без проекта. А здесь получается, что мы проехали десятки километров и не увидели ни одного дерева. Непривычно то, что жаворонки исчезли, а зайцы и куропатки жмутся к фермам.

Здесь говорили, что все мы хотим есть. Это бесспорно. Но давайте посмотрим. Средняя урожайность

по стране — 18 центнеров. Есть колхозы, которые берут 40—45 центнеров. Так не лучше ли туда бросить всю технику и т. д. Почему до сих пор мы вывозим нефть, а покупаем зерно? Так не лучше ли крестьянам дать нефть, а торф на поля?

СКОРОПАНОВ С. Г., академик ВАСХНИЛ и АН БССР:

Я присоединяюсь к тем товарищам, которые положительно отзывались о мелиорации, но о мелиорации разумной. И докладчик, и некоторые товарищи говорили о нашем Полесье, как о легких. Я хочу сказать не только о Полесье, а и вообще о зеленой зоне. Что с ней происходит сегодня? Как емкость наших легких сужается или растет? Она растет, так растет по расширению нашей почвы, как растет урожай. Наши легкие давнего времени, теперь они большой емкости. Человеку дышится легче. Но довольны ли мы этим или нет? Не довольны, потому что мы могли бы иметь и лучшие результаты.

Есть ли концепция хозяйствования? И есть и нет. Есть что-то недостаточное, и оно ведет нас к дурным последствиям. Я вам скажу, чего не хватает. Существует график по мелиорированной системе торфоземель. Там указано все: продуктивность общественного массива, уровень продуктивности, когда осушенный гектар и сколько должен получать фосфора и калия. Именно тогда при таких условиях повышается продуктивность нашей земли в 15—20 раз. А на практике получается совсем не так, как планировалось. Система нуждается в совершенствовании. С этим недоиспользованием наших ресурсов имеются и экологические последствия, ведь земля — живой организм. Когда мы используем землю, заботясь, чтобы урожай был хорошим, тогда и будут плюсы, мы же далеко не рационально используем ресурс, который нам оставили предки.

Что же делать, как дальше быть? Главный аспект я вижу в расширении фонда растительного и животного мира. Заповедная площадь у нас очень велика. У нас самый высокий уровень заповедности. Но как эта зона заповедности действует? Очень плохо. По существу, это зона далеко не заповедная.

В прошлом году в ГДР состоялся симпозиум по мелиорированным землям, обобщен весь опыт. Там, где должен быть заповедный гектар — действительно это заповедный и есть. Наш опыт — всего 20—30 лет, в странах же западной Европы — двухсотлетний, поэтому нужно нам многому учиться у них. У них торфяников нет, они там называются оземленными торфяниками. Они используют все данные науки, которые еще не задействованы. Ведь эта почва при всех издержках имеет 15—20% органических веществ. И это не временный показатель, а постоянный.

Выступление же А. Козловича оставляю на его совести.

Здесь был вопрос по графикам: почему ученые не разработали графики по качеству продукции? Я не специалист по этому вопросу. Но 7—8 апреля этого года состоится совещание проблемного совета. Оно посвящено одной проблеме — интенсификации основных отраслей АПК республики, там будет обсуждена и эта проблема.

САЗОНОВ В. А., председатель колхоза из Мозырского района:

Я также очень давно работаю на земле. Действительно, Полесье очень изменилось. Колхоз, в котором я работаю, — это край, который называли люди, проклятый богом и людьми. Народ этой местности не имел понятия о другом виде обуви, кроме сапог, стоял на учете по туберкулезу. Это место, где не было здорового ни одного животного. Это место, где люди хлеба никогда не имели. Мелиорация началась с 1975 года, я ее пропустил через самого себя.

А сейчас на территории хозяйства живут журавли, аисты, тетерева, зайцы, куропатки. Хозяйство получает 52 центнера зерновых с каждого гектара, 380 центнеров картофеля, а выход кормовых единиц с гектара мелиорированных земель составляет в среднем не ниже 80 и не выше 120 центнеров. Колхоз с 1978 года живет на самофинансировании, рассчитались со всеми долгами. Сейчас мелиорация продолжается.

Так зачем обвинять мелиораторов? А что же им предлагали кроме того, что они делали? И кто должен был им предложить? Виноваты ли мелиораторы в том, что нормы нитратов в продуктах выросли? Ведь если бы не было мелиораторов, то эти нормы вообще во много раз увеличились бы. Но вести мелиорацию по-старому нельзя — это очевидно. Снизить темпы переустройства земли тоже нельзя. Вот в нашем хозяйстве до мелиорации производилось на каждого работающего 67 рублей в год, сейчас — 37 тысяч рублей в год. А чем пользовались мелиораторы, и чем пользуемся мы? Ведь многие проекты писались за деньги хозяйств. Да и техники у них высокопроизводительной нет.

А потом пришли на эту землю хозяйственники, которые хозяйствуют по-разному. Мы в своем хозяйстве, чтобы получить хорошую отдачу от земли, вносим 80 тонн органических удобрений, на каждый гектар, в том числе 65 тонн навоза. Так виноваты ли мелиораторы, что так не делают повсеместно?

А где нам взять приборы, чтобы агрономы определили, сколько нужно на каждое поле азота, фосфора, других веществ? Их нет. Так вести хозяйство дальше нельзя, по такой технологии, как раньше.

В. ЯКОВЕНКО:

Не нужно нас убеждать, что мелиорация нужна. Мы это знаем сами и не против мелиорации разум-

ной. А нужно сказать, что нам делать дальше, сколько таких хозяйств можно создать?

КОВАЛЕВ М. П., автор проекта:

Как бы мы ни ругали сегодня науку, но мы опираемся только на достижения науки. Пойма Припяти затапливалась ежегодно, а это от 100 до 350 тысяч гектаров земли. Кроме земель затапливалось до 180 населенных пунктов. Ущерб народному хозяйству исчисляется ежегодно от 15 до 120 миллионов рублей. Это только в пойме Припяти. Поэтому правительством страны и республики были приняты постановления об изучении и разработке противопаводковых мероприятий. Были привлечены к этой работе многие организации. ТЭО является генеральной схемой проектных работ. Реализация проекта планировалась до 2000-го года. Основополагающими явились вопросы охраны природы, защиты от затопления, мелиорации. Вопросы охраны природы рассматривались комплексно. Но изменить положение, которое было раньше, не изменяя природы, невозможно. Само собой, мы предвидели и некоторые негативные явления. Плохо получается, что без детального знакомства с проектом допускаются неточности, да и вопросы развития науки не соответствуют сегодняшним требованиям. Мы должны дать оценку развития общества и истории.

Десять лет назад практики-мелиораторы предложили в пойме Припяти построить систему. На основании исследований гидрологов, топографов и т. п. были рассмотрены многие варианты. И в результате была предложена генеральная схема польдерная.

В нашей работе по ТЭО предусматривается защитная полоса в 1 км в одну и в другую стороны. Река Припять на территории Беларуси имеет 530 км, из них подвергается воздействию 140 км, где проживает 100 тысяч населения. Вот этот вариант, предложенный десять лет назад, позволил сохранить пой-

му, создать охранную зону от 2 до 60 км. Где-то 10 тысяч гектаров — это площадь заповедная.

О планах можно говорить. Будет организовано несколько выездов на Припять научного представительства и на следующий год дадим выводы. Выполнять какие-то дополнительные решения пока нет необходимости. Все идет, как того хочет общественность.

В. ЯКОВЕНКО:

Почему работы на месте ведутся несмотря на то, что проект не окончен? На каких территориях проведено обвалование?

КОВАЛЕВ:

Примерно 45—50% обваловано за 10 лет. Но, понимаете, есть заявки местных хозяйственных организаций, которые подаются без нашего ведома, поэтому и ведется обваловка...

КАЛПАШНИКОВ Г. А., кандидат геолого-минералогических наук **БЕЛНИГРИ:**

Есть в Беларуси три наиболее горячие точки, где нам нужно много работать: мелиорация, Солигорский район и Припять. В отношении обвалования реки Припять, я думаю, что могу высказаться как специалист. Дело в том, что я защищал кандидатскую диссертацию по реке Припять. Река Припять относится к тем рекам, у которых русловые процессы очень интенсивные. И этот русловой поток может приблизиться к дамбам, а он ведь не течет строго по прямой, а отбрасывается с одного берега на другой, то мы можем ожидать интенсивного обмыва и всевозможного размыва. Эти классические положения заложены в научных трудах, а не взяты с потолка. Я предлагаю обвалование провести только на части Припяти, создать здесь обоснованную режимную сеть и посмотреть, что произойдет в этой части. Я могу привести пример с Днепро-Бугским каналом. Эти процессы имеют место и здесь.

В отношении мелиорации земли. Здесь нет оснований говорить о том, что проводить ее нужно. Но нужно подходить с региональных, а может быть, и с глобальных позиций, потому что мы не знаем, сколько нужно мелиорировать. Ведь мы имеем и ветровую эрозию, быструю сработку земель. Но ведь там, где развито луговое хозяйство, там потерь не имеем, если обратимся к процессам минерализации почв, то на таких землях потери небольшие. А если пересчитать потери органического вещества, то торфяник глубиной полтора-два метра перестанет существовать через 200 лет. Следовательно, нужно разработать научно-обоснованную программу по рациональному использованию земель.

Сегодня был затронут и Солигорский район. Я хотел бы подчеркнуть ту роль, которую сыграл академик Г. Богомолов. Именно он осуществил меры по охране окружающей среды, был выполнен ряд разработок по предотвращению возможных негативных явлений. Но после его смерти этой проблемой никто не занимался, что и привело к тем губительным последствиям, которые мы сегодня имеем. Это тоже очень важная проблема, и ее нужно решать.

ПАРХУТО Я. С., писатель:

Здесь было очень много выступлений, много вопросов затронуто, но все-таки ответить на эти два вопроса, которые поставлены нашим собранием, мы не смогли. Судьба Припяти — это судьба нашего народа. А есть ли хозяин на нашей земле, — тоже не услышал. В прошлом году в составе экспедиции мне довелось пройти наше Полесье от Пинска до Чернобыля. Много чего увидел, до сих пор сердце болит. Посмотришь, сколько лекарственных растений растет на кусочке земли, которую обошла мелиорация. А на мелиорированной земле растет лишь осока, аир, лютик, драсён. Это те растения, из которых сена не приготовишь. Кроме того, на тех землях кое-где сеют

еще и рожь. А там уже видны залысины песка, так что там и десятой доли урожая, семян не соберут, а все равно сеют.

А какое там шлюзовое хозяйство? Мужики плюются: ну кто же так делает? И нужно ли было вести это все на Полесье? Портить все, что создавалось веками, ведь даже наши праправнуки не получат того, что мы хотели.

А лес, который сохнет, уничтожается? Мало этого, так еще и в лесах, расположенных около самого Пинска, вырубают деревья и сразу на деревообрабатывающий комбинат. Это проблема всего нашего народа. И мне просто удивительно, что обсуждается только узкий круг вопросов.

Об экологическом воспитании. В технологическом институте была создана экологическая суполка «Світанак». Я думал, это, наверное, что-то интересное, ведь принимают в ней участие, наверное, не только студенты, но и ученые, преподаватели. Пошел послушать. Студенты говорили горячо, заинтересованно. Спрашивали старших товарищей: объясните, как спасти Полесье, белорусские земли? Вы думаете, кто-нибудь объяснил? Нет. Да еще врагами посчитали этих молодых. Товарищ Романов, бывший, ректор, так и сказал: а мне не понравилось, что вы выступаете на белорусском языке. А ему ответили: а мы дома, а не в Африке.

ДУБРОВСКИЙ И., писатель:

Я очень люблю Полесье. Это край, полный романтики. Мелиорация принесла очень много, в значительной мере изменив лицо этого края. На Полесье есть хозяйства, которые можно назвать отличными. Но дело в том, что не только торфяники и осушенные земли позволяют поднять хозяйство. Вот эти хозяйства-маяки, у них ведь средств производства в 2,5 раза больше, чем в рядовых хозяйствах. И все они пользуются самостоятельностью. Вмешиваться в их дела никто не осмеливался.

Мелиорация полезна, если она проводится грамотно. Ведь в Месопотамии также была мелиорация, воды проникли в почву, потом было засоление и погиб Вавилон. Процесс засоления длился 800 лет.

Все знают, что органические вещества разлагаются. Как быть с мелиорацией? Таким методом дальше вести мелиорацию не разумно. Есть такой способ трансформации торфяников. В Беларуси им занимается Белковский. У нас это только начали делать, а в западных странах делается это многие годы. При внесении органических удобрений почвы могут существовать еще очень долго. Отношение же к этому методу со стороны ведомств очень пассивное. Нужен двухъярусный плуг.

По Припяти. Когда обсуждалась генеральная схема мелиорации, то Припять не была включена в мелиоративную систему, потому что она очень сложна. Если осушение Полесья стоило около 6 миллиардов рублей, то здесь сумма удваивалась. Но речь все-таки шла о спрямлении, углублении ее. Теперь же этот вопрос обвалования Припяти нужно очень хорошо продумать, взвесить все «за» и «против», нужно думать не только о себе, но и о наших друзьях на Украине.

КАРЛОВСКИЙ В. Ф. директор Института мелиорации и водного хозяйства:

У меня такое впечатление, что раньше ничего не могли объяснить кагэбистам, а теперь — журналистам. Бесполезно. Ведь один и тот же факт можно изложить по-разному.

Институт наш — один из старейших, создан он в 1911 году на базе станции, а в 1930 создан официально. Есть разные системы — сегодняшнего и завтрашнего дня, есть отрицательные и положительные. Посмотрите наши проблемы, посмотрите, как мы сражаемся за каждую каплю воды, за каждый килограмм зерна, посетите наше объединение, подска-

жите нам, что не так. Мы у вас поучимся, а вы — у нас. И тогда сможем говорить более объективно.

Нужна мелиорация или нет? В каком мы сегодня состоянии находимся? У меня есть данные за 1981 год. В США осушено 60 миллионов гектаров, у нас — 17 миллионов. Это 5% мелиоративного фонда. По Продовольственной программе, которая нам запланирована, мы будем иметь к двухтысячному году половину того, что сделано в Америке на 1981 год. Подумаем над этим.

В нашей родной Беларуси до войны было 6 миллионов пашни и мы только полтора года назад достигли этого уровня. А сколько промелиорировали? 3 миллиона гектаров. А где же земля? Это ведь и дороги, и города.

Здесь возникает и проблема населенности сельских пунктов. Вот если взять Пыталовский район, он ведь уничтожен без оружия. До войны в районе было 120—130 тысяч человек, после войны 90 тысяч. А сегодня — 11 тысяч. Что же делать? Ведь проводить мелиорацию нужно — от этого никуда не денешься. Рецепт есть. Это полесская станция, прошло вот уже девять месяцев, как она создана, но ни один журналист ее не посетил, не рассказал о ее положительном опыте. Мы должны бороться за каждый гектар, за каждую каплю воды и за то, чтобы наша земля была еще краше.

Относительно мелиорации. Сейчас этап идет такой: не только осушать и увлажнять почву, но и сохранять природу. В наших реках увеличилось в 3—4,5 раза содержание химических веществ. Мы считаем, что самая хорошая система — водооборотная. Она должна быть заложена в систему.

Теперь задают вопросы относительно Беловежской пуши. Никогда институт мелиорации в заповедники не лез и не лезет. Точку зрения Института обсуждали, и — недавно. Два района — Лунинецкий

и Калининковский осушать нельзя, нужно реконструировать земли.

Вопрос: ТЭО по Припяти согласовывали с вами?

В. КАРЛОВСКИЙ: Мы его не рассматривали, но наши сотрудники участвовали. У нас разработки хорошие, даже финны и нидерландцы просят нас сотрудничать с ними.

РОМАНОВА Т. А., доктор биологических наук:

Уважаемые товарищи! Нам приходится признать, что почти все доступные места изменены. Поэтому наша задача — не допускать в дальнейшем ошибок. Следует признать критику писателей правильной. Потому что это очень сложное дело — менять природу в определенном направлении. В Беларуси наиболее благоприятные условия для мелиорации, у нас равнинный рельеф, у нас большой опыт, в дореволюционное время еще начатый, но вместе с тем, мы не можем не признать, что, конечно, сделано много ошибок, и мы имеем типичный случай, когда практика идет впереди теории. Теории было разработано недостаточно, чтобы надежно и смело действовать практически.

Полесье — 13-миллионный по площади в га бассейн, но у нас нет представления о целостности его и как локальное вмешательство отразится на всей системе. Мы не знаем, как влияют на климат болота, как само Полесье влияет на климат, а это мы должны знать. Я не буду отвлекать ваше внимание на то, что на Полесье есть исторические памятники, — это все должны знать и понимать, но я хочу сказать, что не во всем мы правы перед природой. И как так получилось, что мы позволили практике опередить науку? Можно ли обвинить проектировщика? Нет. Я знаю этих людей, среди них нет небрежных, но у главного инженера проекта 15 проектов за год. Я знаю, сколько труда, ума и сердца затрачивают руководители, но тем не менее ошибки

есть. Я не согласна с товарищем Козловичем, который во всем обвинил четырех человек. Они ничего сделать не могли. Сейчас у нас много хороших, новых разработок, но внедряются они скверно. Когда приносишь новые разработки, говорят нам, что пока не могут ими воспользоваться. Что виновато в этой ситуации? Это большие капиталы и деньги, которыми владеет министерство мелиорации, вышедшее из-под контроля.

Здесь очень хорошо говорили два председателя, но они не чувствуют, что играют маленькую роль, а основная роль — в том, что их площади включены в большие планы, и мы оказываемся маленькими виновниками в большом колесе. И это для нашей страны типично. И деньги дают своим весом и заставляют делать то, что нужно ведомствам. Кто же может противостоять этому? Это все-таки наука. Самое сильное оружие — знание. И если мы все-таки будем очень убедительно доказывать нашу правоту, то ее можно доказать.

В 1970 году составлялся прогноз по Полесью, и я участвовала в комиссии, но прогноза не получилось, потому что нет центра, который мог бы объединить все. Наиболее значительной силой должны быть сами землепользователи. С одной стороны мне понравилась искренность выступающих хозяйственников, но с другой стороны это говорили арендаторы. Не было в их словах любви к земле. Мы уже знакомы с тем, что эксперты по охране природы не требуют выполнения природоохранных мероприятий, а хозяева не хотят этого делать. Нам нужен новый тип сельского хозяина. Нет социального заказа, какого человека растить, — говорилось на пленуме. Растить для сельского хозяйства? Но это хозяин без чувства собственности. Как несочетаемое сочетать? Новый хозяин должен быть очень культурный во всех отношениях.

По Припяти. Здесь раздавались голоса, чтобы закрыть проект. Нет. Этот проект первый в своем роде, потому что здесь мобилизовано очень много сил ученых, научных сотрудников. Перед нами поставили задачу своеобразно: скажите, оцените обстановку, ситуацию там, где уже сделано обвалование и где еще нет. Вот после того, как будет сделано это заключение, тогда и будем решать, обваловывать дальше Припять или нет. И решение, которое будет принято, должно быть экологически целесообразным. Антропогенезация неизбежна. Нужно, действуя локально, мыслить глобально.

ВОПРОС: Скажите, есть ли экономическая выгода проекта?

ОТВЕТ: Это еще не проект, а предпроект, это территория, разделенная на 20 вариантов, для каждого варианта будет определена своя целесообразность. Вся система поймы разделена на подсистемы, и для каждой будет определена невозможность обвалования или нецелесообразность.

ТИТОВ И. В., начальник Главполесьеводства:

Сегодня у нас происходит исключительное по содержанию и форме совещание — все, как должно соответствовать духу времени и перестройки. Мы сегодня получили большой информационный материал.

Мы сегодня не можем говорить, что взялись вслепую за Полесье. Если бы это был хороший социально-экономический край, не возникло бы вопроса о том, что полесская зона республики потребовала крупных мер — об этом говорили выступавшие. Сегодня мы можем сказать, что те работы, которые проведены по мелиорации Белорусского Полесья, убедительно подтверждают высокую экономическую деятельность — Брестская область получает 40% урожая на мелиорированных землях.

Того же можно ожидать при реализации противопаводкового проекта. Если бы там не велась хозяйственная деятельность, не было населенных пунктов, то зачем он был нужен? А мерой всему является человек с его утилитарными и духовными потребностями. Локально проводить мелиоративные работы невозможно в Полесской низменности. Это взаимосвязанный крупный регион. Понимая это, руководство республики с 1966 года постоянно держит под контролем ход проведения работ. Трижды рассматривали этот вопрос в ЦК и Совете Министров.

Каждый год главк запрашивает капиталовложения. Что заставляет? Решение Продовольственной программы. Деньги так просто не выделяются, они выделяются под сельхозпродукцию. Особенно это четко определено в 1982 году. В настоящее время стало настолько сложно, что на 1986 год нам выделили на 25 миллионов денег меньше. Никто нам не навязывает из Москвы мелиорацию работ в Беларуси. Что сегодня представляет собой Полесская низменность? Это территория площадью 3 миллиона 350 тысяч гектаров увлажненных земель. 44—45% земель осушено. Вот здесь говорят: может, остановиться? Действительно, по освоению новых земель темпы пошли на убыль. Здесь уже приводились данные о том, как в других развитых странах Европы, в Америке освоен мелиоративный фонд — значительно выше, чем у нас. Сегодня нельзя сказать, что к 2000 году будет освоен 1% мелиоративного фонда, потому что нет плана на 14 пятилетку.

Полесье — единственный в своем роде регион, где мелиорация проводится комплексно. Там, где мелиорируются крупные массивы, там строятся совхозы, первоначально схемой предусмотрено строительство 72 совхозов. Но оценки изменились в пользу сохранения лесных массивов и других, имеющих ценность в водоохранном и ландшафтном отноше-

нии. В настоящее время построены искусственные водоемы общей емкостью 90 миллионов кубометров.

Что касается инженерных мероприятий, то в инженерном отношении проект выполнен на высоком уровне с учетом тех знаний, которые имелись на время создания проекта.

Конечно, очевидно, мы, инженеры, недостаточно занимались пропагандой, поэтому общественность не информирована. Но когда я смотрел, как система прорабатывалась на модели, то было видно, что это глубоко научная работа. Что касается экологической оценки, ее надежности, то она ниже. Но вот мы говорим об экологической надежности проектов, но если бы проекты не осуществлялись бы, смогли бы мы сделать расчеты или нет? По пойме Ясельды пришли к оптимальному решению, что при экологической доработке проект осуществим. Но ведь технико-экономические обоснования — это не проект, а оценка. А каждый объект, на который создается проект, проходит экспертизу.

Здесь говорили, что, мол, что хотят, то и творят мелиораторы. Но с этого года принято постановление Совмина СССР о том, что и выделение средств на мелиорацию, и утверждение, и экспертиза — все происходит только совместно с органами госагропрома.

Теперь, почему инженерные решения идут впереди науки? Хорошо бы наоборот! Теперь в связи с переводом научных учреждений на полный хозрасчет создаются исключительные условия для этого.

ПОЛАМАРЧУК И. К., кандидат сельскохозяйственных наук (УССР):

Обследуем Полесье пять лет. Мы обследовали старые системы. До 1978 года там были пропашные культуры, сработка торфа на 90% территории, осталось только два хозяйства, население уезжает на работу в город. В пойме сеют многолетние травы,

низкорослый травостой. На остальных — это торф, перемешанный с пылью, остатки торфа. Впечатление удручающее. Была на Трубецкой системе. Мне говорит председатель: где вы стоите? Я говорю, что это луг. Нет, — отвечает он мне, — эта земля у меня считается пашней. А потом провел меня на сенокос, на котором стояла вода. Он объяснил мне, что берет урожай с суходольных угодий, а потом списывает. У него уже было два инфаркта, поэтому он ничего не боится. Коровы, которые выпасываются на торфяниках, снижают удой молока на 30%, большой травматизм; мы подсчитали, сколько у нас площадей торфяников — их осталось 31%, минеральных — 69.

Второй экологический аспект — массовое появление существующих болот. Это началось после 1975 года. В районе Шацких озер было 10 хозяйств, они теперь заболочены и переувлажнены, даже пашня переведена не в низшую категорию, а в болота.

В 1965 году по пяти областям Полесья 1,5 миллиона гектаров составляли заболоченные земли, а в 1975 — 3,5 миллиона. Болота было 0,8 млн. гектаров, осушили 600, почвы нарастают. В чем же дело? Мы обратились к водному балансу. У нас доминируют почвы с разной степенью увлажнения. Осушили мы болота, а осушение идет глубоко, — исчезла вода в колодцах. Гидрологи должны были знать, что если мы один фактор изменим в природе, то вся цепочка водного баланса тоже изменится. Связь подземных вод с грунтовыми существует. А мелиоративный фонд все время увеличивается. Болото осушаем, а оно возникает в другом месте. Если раньше до осушения подземные воды подпитывали грунтовые, то после мелиорации подземные воды разгружаются в ослабленных местах земли. Пора остановиться, нельзя осушать там, где есть подземная подпитка, мы получаем очень большой ущерб от вновь заболоченных

земель. Зона гидрологического влияния в несколько раз больше. Мы предлагаем следующее: вторично заболоченные земли, которые появились, нельзя трогать, а для того, чтобы привести все к норме, мы предлагаем остальные земли перевести в гидроморфный режим. Испарение увеличится, и тогда мы выйдем из этого тупика.

ДУБРОВСКИЙ А., инженер-проектировщик из Пинска:

Что мы сегодня обсуждаем? Кто хозяин на земле полесской? Вот я показываю вам фото, на котором видны срубленные дубы. Это в пойме Случи. И с такой ситуацией встречаешься очень часто. На каком основании проекты изменяются на местах? Вот взять хоть бы совхоз «Гричиновичи», акт выбора подписали 22 человека. Но там нет даже упоминания о том, что он находится в Ленинском охотничьем заказнике. А ведь должно было быть. Как вести мелиорацию в этих условиях? Зам. министра лесного хозяйства пишет нам, чтобы создали условия для обитания животных, а изыскатели, приехав оттуда, говорят, что идет варварская официально разрешенная рубка лесов. Пройдет немного времени, и проектировщиков поставят перед фактом: что же вы вырубки не осваиваете? Как может лось жить без леса? Не сможет.

То же положение и в совхозе «Припять» Столинского района, который располагается в пойме Припяти. Так вот, из 1500 гектаров в пойме Припяти большая часть разнообразных водоохранных лесов уже вырублена. Мы же к составлению проекта еще не приступали.

Нет сомнений, что эта анархия на Полесье будет продолжаться и дальше, пока будет у нас разобщенность в действиях. А несколько сот гектаров леса вырублено. А потом нас поставят перед фактом и

придется создавать искусственные ландшафты там, где сегодня прекрасные дубовые и ореховые рощи.

Создается впечатление, что у нас на Полесье явился новый вид болота — бюрократическое болото. Вы посмотрите, что делается. В Мозыре строят огромный комплекс для свиней, в Каменецком районе на 108 тысяч свиней. Разработаны рекомендации по санитарно-защитным полосам. Через полтора года приезжаю посмотреть, что там делается, оказывается, строители посадили все санитарно-защитные полосы весной, а в сентябре — ни одного гектара не осталось, так как поступило указание уничтожить их. Я выступал на конференциях, писал статью в областную газету — ноль внимания. Мало того, перед самым отъездом сюда пришел протокол из Министерства мелиорации БССР, там есть рекомендации, над которыми работали 18 организаций. В этом протоколе меня поразил один пункт: лесополосы высаживать только по железным дорогам и нигде больше. Я не согласен с таким постановлением. Рекомендации проходят ревизию на местах. Все вы знаете комплекс «Мир». Так вот, на расстоянии трех километров количество аммиака превышает ПДК в 30 раз!

Что бы мы хотели от ученых? Если мы в этом и следующем году не получим от них помощи, то потеряем средние и крупные реки. Нам срочно нужны схемы рационального природопользования по рекам Случь, Березина, Сож, Припять, Днепр, Друть, Уборть, Горынь. Сейчас у нас в обработке материалы по объекту Быховского района в пойме Друти. Ширина поймы на объекте — 300—1000 метров, есть озера, — явно, что объект не нужно делать, но у заказчика первый вопрос: а где написано, что пойму эту нельзя осушать? Вопрос без ответа. По малым рекам хоть что-то есть, а здесь поймы отданы на откуп колхозам и подсобным хозяйствам пред-

приятый. Постоянно идет ревизия хороших постановлений, строительных норм в сторону упрощения, удешевления в ущерб себе и людям. Мы сами создаем ситуацию, а потом ломаем голову, как из нее выбраться. Нужно это бюрократическое болото всколыхнуть.

КЛАКОЦКИЙ В. П., ст. науч. сотр. Припятского ландшафтно-гидрологического заповедника:

Мне кажется, что проект создан как эталон мелиоративного необоснованного вмешательства в природу. Мне жаль товарища Ковалева как человека, ведь это не первое обсуждение ТЭО по проблемам Полесья. Но он все-таки сказал, что заповедник будет затронут, и влияние обвалования будет необратимым на третьей части, и вы можете сами судить, что останется от этого эталона.

Я поддерживаю ту мысль товарищей, где говорилось об уникальности района Припяти. Это действительно уникальный уголок, его можно сравнить с проблемой Байкала, и относиться к нему с бухты-баракты нельзя. У нас существуют работы по мелиорации. Влияние ее может быть от нескольких сот метров до нескольких километров. Если идет такое влияние, то какая же это охранный зона? Что она даст? Влияние мелиоративных работ на ландшафтно-экологическую нишу сведет всю работу на нет. В среднем можно содержать будет около 6—8 лосей. А дальше что? Мы их будем показывать в стеклянной банке?

Теперь о биологическом заказнике. Ни его, ни миграционного коридора не будет. Ведь миграционный коридор тогда миграционный, когда он связывает ряд нетронутых территорий, а если это тупик, то для чего он нужен? На водопой ходить?

Хочу вернуться к Припяти. Если она будет обвалована так же, как Ясельда, то Припяти не будет. Здесь зона уже в 2—5 километров. Никто не сказал,

что все мелиоративные объекты будут действовать в том случае, если будут дороги. Будет это сделано? Нет. Поставят водотоки. Сами дороги сыграют роль дамб и сведут на нет 30% защитных полос. Это будет каскад своеобразных плотин.

Один человек сказал, что история — учитель человечества. Нужно помнить об этом, о всех недостатках, которые были допущены, помнить о судьбе Байкала, Аральского моря. Нельзя жить одним днем. Здесь прозвучало выступление Б. П. Савицкого, и к нему нужно прислушаться.

ЧЕРНИК П. К., зам. директора БелНИИМ и ВХ, канд. техн. наук:

Я хотел бы остановиться на некоторых моментах. Судьба Припяти — судьба Полесья — вопрос, который был поставлен 100 лет тому назад. Именно такая же дискуссия развернулась при обсуждении проекта Жилинского. Тогда в эту дискуссию были включены и ученые и общественность. И когда я проанализировал ту дискуссию и сегодняшнюю, то та была более на высоком уровне. Мы сегодня обсуждаем чрезвычайно важный вопрос — взаимоотношение человека с природой, обсуждаем процесс, в который вмешиваемся, только в какой мере? Почему-то сегодня все свелось, как говорят в футболе, к игре в одни ворота. Представители науки выступают, они живут на этой земле, должны понимать эти вопросы, а вся их цель — покритиковать мелиорацию. А разве вы не имеете к этому отношения? Наука показала, что у нас нет консолидации сил, работают каждый сам по себе. Нужен системный подход, но единства не было и нет. А при таком подходе лет через 20 мы будем говорить еще хуже о мелиораторах.

КОЗЛОВ В. А., председатель Госкомитета БССР по охране природы:

Очень внимательно выслушал выступающих и получил удовлетворение от нашей дискуссии. Это очень полезный форум, дал многим хороший заряд в смысле поиска, новых подходов в решении экологических вопросов. В записках, которые поступали, был вопрос: как будет работать новый комитет, который возглавляю? Мы возлагаем большие надежды на него. Комитет станет комплексным, многие сферы будут соединены, легче будет решать вопросы, потому что даются права. Он пока еще на стадии формирования. Но какой бы не был комитет создан, без помощи общественности, без глаза народного он ничего не сделает. Мы благодарны Союзу писателей, что проявляют заботу о природе нашей республики. Но я должен сделать упрек и СП и редакторам газет. Ведь до сих пор мы мало, скудно освещаем вопросы экологии Беларуси. 7—8 лет назад мы добились того, что в каждой газете завели рубрики типа «Наш родной край», где раз в месяц освещаем вопросы экологии. А что, разве нельзя давать материалы чаще? Нужно пересмотреть эту позицию. Мы проводим каждый год конкурс на лучшее освещение проблем экологии. Не все газеты в нем участвуют, и это плохо. В апреле мы подводим итоги конкурса. Меня огорчило, как БЕЛТА дало освещение этого — всего несколько слов. Давайте будем перестраиваться.

Мы закрыли за нарушения много предприятий, но ни одна газета не осветила этого вопроса. Мы часто даем штрафы руководителям. Если бы районная газета, к примеру, написала, что такой-то руководитель оштрафован на 100 рублей, — это было бы, как взрывы бомб.

Мы сегодня много говорим, что это не сделали, то не успели и т. д. Да, мы сильны в постфактах. А где же наши экологические прогнозы? Вот создаем проект, а где прогноз экологических последствий? Мы

не знаем по любому предприятию в республике, что будет через несколько лет. Научного экологического прогноза нет. Академия наук должна восполнить этот пробел.

О мелиорации. Думаю, что для каждой республики, где каждый гектар требует улучшения — вопрос нужный. Но его нужно грамотно и качественно решать. Но у нас нет комплексной экспертизы проектов, нет гласности проекта. Каждый проект нужно обсуждать там, где будет вестись работа, обсуждать его с людьми, чтобы проектанты учли все их замечания. Беда очень большая, когда проект еще не утвержден, а строители, мелиораторы уже начинают строить. Нужно это дело прекратить. А в решении нашем нужно записать, что до утверждения проекта никаких работ нельзя проводить. Нужно, чтобы Главполесьеводстрой следил за качеством работы.

Многие наши беды получаются из-за экологической безграмотности, из-за отсутствия данной работы среди населения. Мы решили таким образом сделать: выслать нашу просьбу всем институтам, НИИ, министерствам, Союзу журналистов, Союзу писателей с тем, чтобы получить предложения, как нам улучшить экологическое образование в нашей республике. Думали получить их 1 марта. Но до сегодняшнего дня ни одного предложения нет.

А. Петрашкевич зачитал проект постановления совещания. Проект принят единогласно.

На этом совещание завершило работу.

**СУЖДЕНИЯ, ВЫВОДЫ И ПОЖЕЛАНИЯ,
ПРИНЯТЫЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ
ПИСАТЕЛЕЙ, УЧЕНЫХ, СПЕЦИАЛИСТОВ
БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ ПО ПРОБЛЕМАМ
ПОЛЕСЬЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЛИОРИРОВАННЫХ
ЗЕМЕЛЬ**

Присутствовало 200 человек.

Доклад В. Т. Яковенко, председателя секции писателей-публицистов, на тему: «Есть ли у нас концепция хозяйствования?»

В прениях по докладу выступили И. И. Лиштва, вице-президент АН БССР, Б. П. Савицкий, доктор биологических наук, Э. А. Левков, доктор геолого-минералогических наук, И. Г. Тановицкий, канд. технических наук, О. Ф. Якушко, доктор географических наук, А. Л. Петрашкевич, писатель, В. А. Яворивский, писатель, А. А. Соломонов, доктор технических наук, П. П. Мах, писатель, Н. Н. Бамбалов, доктор сельскохозяйственных наук, А. Н. Козлович, писатель, Н. М. Грисюк, канд. сельскохозяйственных наук, И. И. Савенко, председатель колхоза «Заря коммунизма», Э. Г. Самусенко, канд. биологических наук, Н. И. Туренков, доктор биологических наук, А. В. Кудельский, доктор геолого-минералогических наук, Л. С. Караичев, писатель, С. Г. Скоропанов, академик АН БССР и ВАСХНИЛ, В. А. Сазонов, председатель колхоза «Прамень Кастрычніка», М. К. Ковалев, главный инженер проекта, Г. А. Колпашников, доктор геолого-минералогических наук, Я. С. Пархута, писатель, И. Т. Дубров-

ский, писатель, В. Ф. Карловский, доктор технических наук, Т. А. Романова, доктор биологических наук, И. В. Титов, начальник «Главполесьеводстроя», И. К. Поламарчук, канд. сельскохозяйственных наук, А. Н. Дубровский, инженер «Союзмелиоводхоза», В. П. Клакоцкий, ст. научный сотрудник Припятского ландшафтно-гидрологического заповедника, П. К. Черник, зам. директора БелНИИМ и ВХ, В. А. Козлов, председатель Госкомитета БССР по охране природы.

Всесторонне обсудив проблемы, конференция выработала общие выводы и предложения, которые заключаются в следующем:

1. В порядке констатации факта, признать технико-экономическое обоснование института «Белгипроводхоз» по обвалованию и мелиорации поймы реки Припять экологически и экономически недостаточно обоснованным и не отвечающим современным требованиям в охране природы и рациональном использовании природных комплексов.

2. Считать необходимым до пересмотра и утверждения ТЭО по Припяти прекратить разработку новых проектов, а на объектах, находящихся в стадии строительства, дополнительно рассмотреть на основе имеющихся научных разработок с привлечением общественности вопросы экологии (особенно по части сохранения Припятского заповедника) и внести изменения в проектно-сметную документацию. В плане дальнейших работ усилия мелиораторов направить на реконструкцию физически изношенных и морально устаревших мелиоративных систем.

3. Конференция осуждает факты производства каких бы то ни было мелиоративных и иных строительных работ, связанных с вторжением в природу, без проектов, а также, по незавершенным и неутвержденным проектам, что делается, как правило, по инициативе местных органов власти. Признана порочной практика спрямления русел рек Управле-

нием речного флота без согласования с республиканскими органами охраны природы.

4. С учетом накопленного научными организациями республики и страны опыта, Госплану БССР, опираясь на отраслевые научно-исследовательские институты и ведомства, уточнить, а по ряду пунктов разработать новые концепции мелиорации и развития водного хозяйства в Беларуси при освоении природных ресурсов, учитывая при этом социальные и экологические последствия.

5. Одна из причин несовершенства в прогнозировании экологической ситуации на территории Полесья — недостаточный уровень фундаментальных исследований трансформации природных комплексов и отсутствие институтов экологического профиля в Академиях наук Украины и Беларуси. Представляется целесообразным создать соответствующие институты в системе АН УССР и АН БССР и, возможно, отделения наук о Земле.

6. Совету АН БССР по проблеме Полесья выработать меры, обеспечивающие рациональное использование мелиорированных земель в колхозах и совхозах Госагропрома БССР с учетом особенностей природных регионов, в частности, Полесья и Поозерья. Расширить с этой целью правовые и хозяйственные полномочия землепользователей, колхозов, совхозов, хозрасчетных бригад, а также природоохранных органов.

7. Госпланам БССР и УССР в возможно короткие сроки уточнить площади охраняемых территорий, при необходимости создать новые заповедники, заказники, национальные парки и памятники природы на территории Украины и Беларуси, привести их в соответствие статусу названных объектов, обеспечить режим их сохранения. Пересмотреть границы запретной полосы вдоль реки Припять, включив в ее состав пойменные леса. Обратит внимание органов лесного хозяйства на необходимость строгого

соблюдения режима лесопользования в пойме Припяти и ее притоков.

8. Считать крайне необходимым глубокое, квалифицированное инспектирование экологической обстановки в Солигорском районе, а также тщательную проверку угрозы просадки дамб и иных сооружений Солигорского водохранилища, что чревато само по себе непредсказуемыми последствиями.

9. Положительно оценивая опыт состоявшейся конференции, признать целесообразным проводить их систематически с участием творческих секций Союзов писателей Беларуси и Украины, Литвы, специалистов и ученых по экологическим проблемам. Силами белорусских ученых, писателей-публицистов и работников Госкомитета по охране природы обсудить, с целью возможного улучшения, экологическую обстановку в тех точках республики, где она наиболее напряженная (Минск, Могилев, Гомель, Гродно, Новополоцк, Мозырь, Солигорск, Светлогорск).

10. Конференция считает пока еще недостаточной работу белорусских и украинских писателей и журналистов в области экологического воспитания народа через печать, радио и телевидение. В этом направлении необходимо прилагать значительно больше усилий.

Примечание. Принятый конференцией документ подготовлен комиссией в составе: Н. М. Грисюк, канд. сельскохозяйственных наук, В. А. Козлов, председатель Госкомитета БССР по охране природы, В. Ф. Карамазов, писатель, А. В. Кудельский, доктор геолого-минералогических наук, А. Л. Петрашкевич, писатель, Э. Г. Самусенко, канд. биологических наук, П. К. Черник, зам. директора БелНИИМ и ВХ, В. А. Яворивский и В. Т. Яковенко, писатели.

Председательствующий
секретарь Правления СП БССР *В. Зуёнок* В. В. Зуёнок

11 марта 1988 г.

СУЖДЕНИЯ, ВЫВОДЫ И ПОЖЕЛАНИЯ

совещания писателей-публицистов, ученых, специалистов Белоруссии и Украины рекомендуются для изучения и реализации всем научным, проектным и хозяйственным учреждениям, занимающимся мелиорацией, охраной и использованием земельных и водных ресурсов Полесья, а также других регионов Белоруссии.

Вице-президент АН БССР *Литван* И.И. Литван

Академик ВАСХНИЛ и АН БССР *Скоропанов* С.Г. Скоропанов

Председатель научного совета
АН БССР по проблеме Полесья,
доктор сельскохозяйственных наук *Бамбалов* Н.Н. Бамбалов

Председатель научного совета
АН БССР по проблеме гидро-
геологии, доктор геолого-минералогических наук *Кудельский* А.В. Кудельский

Министр мелиорации и водного
хозяйства БССР *Шахнович* А.А. Шахнович

Министр лесного хозяйства БССР *Марковский* Г.А. Марковский

Директор БелНИИ мелиорации и
водного хозяйства, доктор тех-
нических наук *Карловский* В.Ф. Карловский

Ведущий научный сотрудник
института почвоведения и агро-
химии, доктор биологических наук *Романова* Т.А. Романова

Председатель Госкомитета
по охране природы БССР *Козлов* В.А. Козлов

ЭПІЛОГ

Паўтара дзесятка гадоў прайшло, і я, прыгадваючы тыя падзеі і наш дыялог, гарачыя спрэчкі, дэбаты па Прыпяці і іншых абшарах нашай зямлі ў сувязі з іх асушэннем заўзятым, не перастаю здзіўляцца: як удалося нам перавярнуць розум і душы людзей за якіх-небудзь дзесяць-дванаццаць гадзін і дабіцца згоды вучоных рознай арыентацыі, а таксама міністраў падпісаць дакумент у падтрымку сумесна выпрацаванай рэзалюцыі канферэнцыі, якая чамусьці названа ў тых дакументах нарадай (не помню, чыёй рукою было напісана гэта слова).

Ужо не ўсе ўдзельнікі і сведкі бурапеннага Прыпяцкага веча засталіся ў жывых. Неўзабаве пакінуў абшары роднай зямлі, якія амаль усе абышоў пехатой, нястомны іх абаронца, пісьменнік Яраслаў Пархута. Не стала Льва Караічава, ён нядаўна пайшоў ад нас, а перад ім скончыў свой зямны шлях Іван Новікаў, таксама годны і палкі ваяр з нашай экалагічнай каманды.

Шчасліва доўжыць доўгі век ветэран вясковай сацыяльна-экалагічнай публіцыстыкі Ігнат Дуброўскі.

Праўда, не ўсім нам тады адразу адкрылася значэнне пісьменніцкай акцыі, увенчанай Прыпяцкім вечам. А падзеі разгортваліся так. На другі ці трэці дзень ад гэтага дня, па атрыманні выніковага дакумента канферэнцыі, першы намеснік старшыні Савета Міністраў БССР Ю. Хусаінаў спыніў фінансаванне праекта абвалавання Прыпяці і асушэння шырокіх абсягаў у Палескай нізіне.

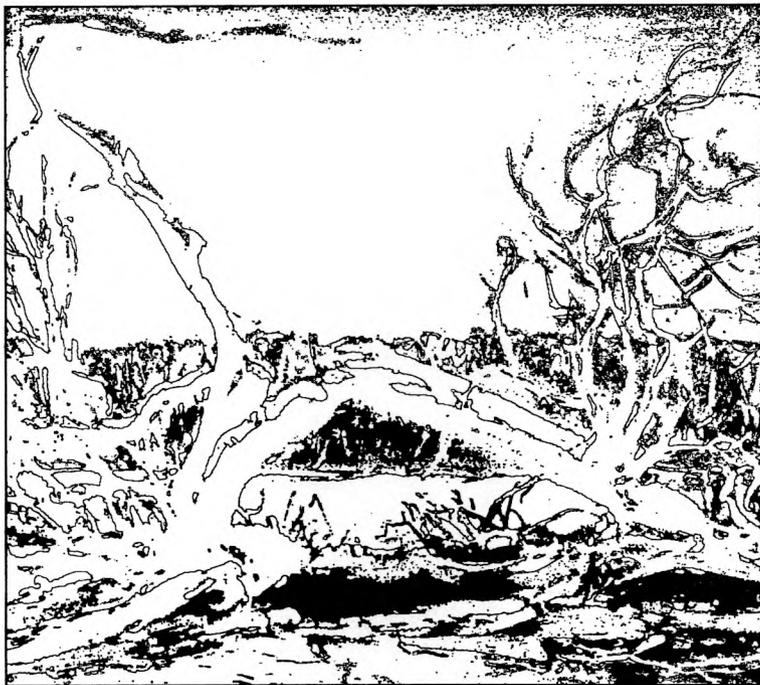
Такім чынам мы вырвалі з механізаваных рук меліярацыйнага молаха больш за трыццаць «аб'ектаў», гэта значыць абшараў у пойме, якія прызначаліся для асушэння і не дазволілі далей спрамляць рэчышча ракі Прыпяць.

Пераацаніць значэнне такога выніку цяжка, асабліва калі ўлічыць больш аддаленыя наступствы, якія, несумненна, мелі б месца пры завяршэнні аблуднага праекта меліяратараў.

Але ж гэта не ўсё. Як засведчыў у адным з пазнейшых дакументаў акадэмік Уладзімір Логінаў, канферэнцыя па Прыпяці дала адчувальны штуршок для перагляду нацыянальнай палітыкі ў меліярацыі вучонымі Акадэміі навук Беларусі і дзяржаўнымі дзеячамі. А ці не гэтага дабіваўся пакойны Аляксей Пысін, пішучы свае лісты да Машэрава?

Нарэшце, вопыт, набыты пісьменнікамі ў змаганні за належны парадак у сваім доме, дазволіў ім (нам) праз некалькі год заснаваць Сацыяльна-экалагічны саюз «Чарнобыль», адкрыць газету «Набат» і прыўмножыць дасягненні на гэтым нікім не працярэбленым для нас шляху.

У ЗЯМНОЙ СМУЗЕ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПОДЛУННОМ МИРЕ

Белорусский феномен

Стадион шумел, как на матче в острейшей борьбе конкурентов за лидерство. А страсти-то были отнюдь не спортивные: волглое, подернутое изморозью февральское поле стало ареной борьбы за симпатии публики в более или менее радикальных и остроумных высказываниях, посылах, пасах к воротам перестройки. Публика, как и положено на стадионе, порой срывалась на свист, который ведущие всячески пытались сдерживать, порой дружно скандировала: «Мо-ло-дец!».

В молодцах чаще всего оказывались представители самодеятельных молодежных объединений и оргкомитета формирующегося движения за перестройку «Адраджэнне». Они выступали перед 35-тысячной публикой единым фронтом, чего, впрочем, и следовало ожидать противникам подобных гражданских акций в городе, где спокойствие и лояльность к властям порядком исчерпали себя именно в эти новые, «перестроечные» годы. Минчане потом откажут в избрании народным депутатом СССР первому секретарю горкома партии В. Галко. И это с их стороны будет неслыханной дерзостью.

Сознать неудачу досадно всегда. Вдвойне досадно отцам города и партийной верхушке республики наблюдать непочтение и неблагодарность к себе со стороны некоей части граждан, пытающихся митинговать. А с чего бы это?.. Ведь если рассматривать работу властей по валу поставляемой в союзный фонд

продукции, а иначе успех там и не рассматривается, — сними шляпу да поклонись! Республику хвалят на различных совещаниях в центре, в пример ставят, а пример «белорусским феноменом» называют. Стало быть, в молодцах должны ходить не те горлопаны на стадионе... Нет-нет!

И правы отцы-радетели наши: на фоне общей хозяйственности мы действительно держим показатель, мы держимся. Но было бы, по-моему, грубой ошибкой относить хоть какую-то долю успеха в нынешнем производстве к перестройке хозяйственного механизма, которой попросту нет. И не будет! Корреспонденты «Известий» Н. Матуковский и Э. Гонзалез, выступая явно по заказу «двора» с крупнейшими статьями «В Доме правительства: письма из Совета Министров Беларуси», попытались еще больше восславить «белорусский феномен» и показать, что перестройка — блажь, что она здесь и не нужна вовсе. Так не потому ли рост заработной платы у нас по-прежнему в полтора раза опережает рост производительности труда и ухудшается снабжение населения товарами?

Истоки нашего благоденствия сегодня надо искать в чем-то ином. Может быть, в некоем потенциале — да, хозяйственном и духовно-нравственном потенциале народа. Возможно, мы не растрясли еще свой хозяйственный воз, не успели растерять золотой запас своего трудолюбия, веры в труд, в судьбоносные идеалы, сохранили неприкосновенным дедовский запас нравственности. Возможно...

Белорусские писатели на третьем году перестройки открыто и прямо заговорили о консолидации консервативных сил, о фактах и явлениях тормозящего свойства, о возросшем контроле над пытающейся перестроиться прессой и молодежным патриотическим движением, о попытках ввести общественную жизнь в прежнее прокрустово ложе. Достаточно

вспомнить запрещенный и, несмотря на запрет, состоявшийся митинг в Куропатах, штрафы, наложенные на его организаторов, противоправные действия, в частности, вторжение милиции в квартиры, арест молодых людей, подозреваемых в желании митинговать, разгон митинга-реквиема у городского кладбища с применением средств насилия.

Заявляя свое неодобрение и протест в резолюциях, принятых на партийных и общих собраниях, в публикуемых статьях, писатели, а вслед за ними и театральные деятели, кинематографисты, художники, отдельные ученые, естественно, не могли не вступить в противоречие с консервативной, более того, реакционно настроенной администрацией да и не накликать на себя грозы.

Вот образец «принципиальной» партийной оценки происходящего.

Секретарю ЦК КПБ Е. Соколову

Информация отдела организационно-партийной и кадровой работы и идеологического отдела ЦК КПБ от 27.04.1989 г.

О ходе реализации постановления Бюро ЦК Компартии Беларуси от 8 февраля 1989 года «О мероприятиях по выполнению постановления ЦК КПСС от 30 января 1989 года «О мерах по противодействию попыткам антисоциалистических элементов создать оппозиционные КПСС политические структуры».

Для анализа и прогнозирования общественно-политической обстановки во всех обкомах, горкомах и райкомах партии созданы рабочие группы. Партийными комитетами и организациями уточнены списки членов неформальных формирований. Ведется поиск путей усиления влияния на характер их деятельности.

...Принимаются меры к расширению воздействия на существующие самостоятельные объединения че-

рез участвующих в них коммунистов и комсомольцев. Так, на партийном собрании СШ № 15 г. Гомеля в марте с. г. был заслушан отчет члена КПСС учителя Митьковца А. И. Коммунисты указали на его неправильную позицию по отношению к деятельности объединения «Талака». Митьковец А. И. сделал правильные выводы из критики товарищей. А бывший сотрудник лепельской районной газеты «Ленінскі сцяг» Шушкевич В. К. парторганизацией редакции исключен из партии за то, что, являясь руководителем самодеятельной группы «Абуджэнне», пытался дискредитировать политику КПСС, распространял нелегально отпечатанные листовки антисоциалистического содержания.

За участие в несанкционированном митинге в г. Минске исключен из рядов КПСС инженер ПО «Коммунарка» Манько В. В.

Однако в ряде парторганизаций еще сохраняется обстановка благодушия и беспринципности в отношении коммунистов, допускающих отход от требований Устава КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции. Так, при обсуждении в парторганизациях Институты физики, философии и права АН БССР поведения членов КПСС Ходько Ю. В. и Седова В. В. не была дана должная оценка их активной деятельности в группах поддержки БНФ, не получили партийной оценки высказывания и действия члена КПСС, председателя секции публицистики Союза писателей БССР Яковенко В. Т.

Писателям уделялось самое пристальное внимание. Их политической активности не понимали, их относили к разряду свихнувшихся. Василя Быкова, например, в официальной устной и письменной пропаганде пытались представить как человека падшего, уронившего свой талант, потерянного для литературы. Тем не менее в планах мероприятий ЦК КПБ одним из пунктов значилось: «Разработать систе-

му общения с Быковым...» Такой чести, конечно, удостоивался не каждый.

— Сложность его фигуры в том, что он прожил трудную жизнь и занимал неоднозначную позицию в различные периоды своей жизни. Он никогда не думал и не пытался вступать в партию. Не проявляет активности в общественной жизни, за что его справедливо критиковала газета «Вечерний Минск». Свою позицию он проявил на сборище в Доме кино, где был создан так называемый «Мартиролог»...

Это из «откровения» В. Микулича, ответственного работника Минского горкома партии, выступившего с лекцией в Белорусском институте физической культуры. А пропагандист Центрального райкома партии О. Герасимов, выступая перед коммунистами аппарата Союза театральных деятелей БССР, пошел еще дальше, назвав известного всему миру писателя «типичным представителем брежневской застойной эпохи», якобы забросившим из-за политики свою литературную работу и теперь ни на что не способным.

Вот уж поистине детский прием, применяемый некоторыми взрослыми дядями: «Я не бяка. Ты сам бяка!..» И там, где нет аргументов, правду просто опрокидывают навзничь, ставят с ног на голову. «Политический собеседник» опубликовал в январском номере за восемьдесят девятый год статью журналистки Т. Бумажковой «Барьер политической слепоты», адресуя указанную слепоту тому же Быкову, Адамовичу и другим. Этой публикации, кстати, конулся на своем выездном заседании в Минске Совет по очерку и публицистике Союза писателей СССР, где в спокойной предметной дискуссии анализировалась социально-экономическая и политическая ситуация в стране и непосредственно в нашей республике в связи с перестройкой.

И вот, послушав писателей, за перо взялся заместитель главного редактора «ПС» (сокращение упот-

ребляется самим журналом) Е. Семашко. В четвертом номере журнала в статье «Такая вот консолидация» с подзаголовком: «Репортаж с одного заседания, или Рецензия на один сымпровизированный спектакль» в виде смешного водевиля был представлен весь разговор о перестройке, и не только о ней. В заседании участвовали известные публицисты Ю. Черниченко, А. Афиногенов, И. Дуэль, Г. Лисичкин, Ю. Калещук, а также А. Дмитренко, С. Алексиевич, В. Казаков, А. Козлович, Р. Ванас, А. Бродский и другие литераторы из Белоруссии и соседних республик. Публицисты с самого начала этого фельетона подаются читателю как отъявленные разбойники. Е. Семашко пишет: «Первый сюрприз поджидал уже у входа в конференц-зал. Лицом к лицу столкнулся с давним знакомым, и у того глаза от удивления округлились: «Как, и ты здесь?! Убегай, а то изобьют», — только и успел прошептать он, мгновенно испарившись при виде появившихся московских мэтров от публицистики». И далее в том же духе.

Неуважительное, обывательское отношение автора и в целом «ПС» к ведущим публицистам страны — истинным бойцам и борцам за перестройку — говорит уже не только и не столько об этом журнале, сколько о его попечителях. Ведь не Семашко и не «ПС» повинны в том, что о выездном заседании Совета по очерку и публицистике Союза писателей СССР, возглавляемого секретарем правления Ю. Черниченко, оперативные средства массовой информации Беларуси не обмолвились ни словом.

Но что же дальше?

Пропагандистам, обществоведам и некоторым журналистам, мобилизованным на борьбу с «нахлебниками», общими усилиями удалось-таки посеять рознь в обществе, частично расколоть его в столице и ее окрестностях. Трещины пошли в глубину, по

городам и весям. Трудовые коллективы клеймили позором творческую интеллигенцию республики. Но те, кто устроил нападки на творцов, выступивших за обновление жизни и возрождение нации, скоро спохватились: «Раскол?! Да... Но умолчим о расколе!» Ведь в Москву пошла телеграмма с партийного собрания Союза писателей БССР, в которой указывалось на «формирование в Белоруссии политической антиперестроечной ситуации».

Дошло!.. Партаппарат, как известно, труслив, коль скоро в дело втягиваются высшие инстанции. И в газетах — этих приводных ремнях партии — полусой пошли публикации, доказывающие, что у нас нет распрей, напротив, мы имеем монолитное общество, горой стоящее за перестройку. Только вот бунтующая интеллигенция обвинялась — опять! — уже в «измышлениях» о расколе.

Я неоднократно пытался мысленно поставить себя на место наших идеологов, мечущихся от общественного затмения к гласности, от поруки к порубке, от раскола к единению и — наоборот.

Я пытался понять их в их нелюбови к новым формам демократического устройства, к развитию самостоятельных объединений и клубов, к проявлению самостоятельности и инициативы творческими союзами... Ведь XIX Всесоюзная конференция КПСС потребовала «открыть максимальный простор самоуправлению общества, создать условия для полного развития инициативы граждан...» Так вот и создайте людям условия для самовыражения! Или вы в оппозиции к той конференции?

М-да... Я поступился бы правдой, если бы не сказал о том, что не все ответственные партийные работники были тупицами и ортодоксами. Мне сподобилось, например, иметь несколько встреч и откровенных бесед с первым секретарем Партизанского райкома партии Александром Герасименко, впослед-

ствии председателем Минского горсовета, и он недвусмысленно высказывался за поддержку Народного фронта, с пониманием относился к нашей программе. Единственное, в чем он пытался предостеречь нас: чтобы мы не скатывались на путь авантюризма и радикальных экстремистских выходов. На его взгляд, для нас это обернулось бы поражением. Он желал, и в этом мы целиком солидарны были, чтобы движение Народного фронта окрепло и стало, быть может, тем единственным инструментом в перестройке, которого не хватало.

Можно было предполагать, что А. Герасименко не единственный в партийной среде, кто гласно или негласно мог поддержать нас. Из этого факта нам следовало сделать выводы и не спешить с заявлениями о разрыве с коммунистами (всеми, без разбора, без исключения), о предании их анафеме, как того требовал З. Позняк.

Исподволь происходила консолидация оппозиционных сил. И в наших партийных комитетах тоже призывали к консолидации, но только не утруждали себя определением: кого с кем? И получалось, что аппаратчики за консолидацию всех слоев общества! Правомерно ли так ставить вопрос? В любом случае официальная сторона декларировала объединение перестроенных сил лишь вокруг официальных инициатив; всякой иной консолидации быть не должно! Не отсюда ли порочный круг, в котором мы оказались? Впрочем, первый секретарь ЦК КПБ Е. Соколов в одном из своих выступлений сказал: «Главное — платформа, на которой стоит объединение. Соответствует ли она духу, решениям XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной конференции?» Верные слова! Да — слова лишь... В подтексте — иное видение.

Секретно

Из проекта постановления Бюро ЦК КПБ (май 1989 г.) «О некоторых неотложных вопросах развития общественно-политической обстановки в республике».

...Бюро ЦК КПБ считает неприемлемой идею так называемого «белорусского народного фронта» и обязывает коммунистов разъяснять людям, что речь идет о попытке сформировать оппозиционные политические структуры, стоящие над органами советской власти.

Не ошибусь, если скажу, что именно дух XIX Всесоюзной партконференции и побудил творческую и научно-техническую интеллигенцию города Минска создать движение за перестройку. Одну треть оргкомитета БНФ «Адраджэнне» составили коммунисты. Вот уж, казалось бы, счастливый подарок партийным инстанциям — через коммунистов хоть как-то направить движение и вести его к консолидации всех созидательных и реформаторских сил общества, стремиться к прогрессу.

Партийные власти, однако, попытались расправиться с оргкомитетом и кинули крупные милицейские силы на митинг-реквием, где, по слухам, должна была якобы прозвучать агитация за Народный фронт. Инстанции прибегли к практике выкручивания рук членам оргкомитета и прежде всего писателям-коммунистам. Меня, возглавившего с самого начала оргкомитет БНФ «Адраджэнне», пока не трогали — верно, я слыл там за ослушника и не подавал идеологам партии надежд на успех в чинной разборке.

А вот наш первый секретарь Союза, он же профессор, не выдержал. Не секрет, в Союзе писателей он был номенклатурной личностью, и ему было трудно устоять против сильного ветра с замшелых идеологических высот.

Был вечер, и мы ждали его. Мы знали, что он в ЦК, и догадывались, по какому случаю его туда пригласили, потому в нашем ожидании был интерес и было нетерпение.

Жизнь изобилует контрастами. Поясню. На исходе 1988 год. Темно и сыро на улице, а в конференц-зале Дома литератора, где собирался и работал оргкомитет Народного фронта, яркий свет. У меня лично тогда было впечатление, что светом, не менее ярким, озарены и души каждого из нас. Ведь мы искали выход из тупика, мы торили дорогу вперед для всего общества.

Профессор пришел в восьмом часу. На нем лица не было. Он опустился в кресло вялый-вялый, как выжатый лимон, и сказал: «Надо кончать...» Из коротких слов и междометий стало ясно, что там была гроза, которую он перенес. И тут же заговорил о необходимости самороспуска оргкомитета, отказа от самой идеи Народного фронта в Беларуси, дескать, это не для нас — слишком сильная у нас партократия... Весь комизм, если не сказать трагикомедия ситуации, для меня были в том, что шеф до этого несколько раз намекал мне о своем желании возглавить Народный фронт. Это шло, пожалуй, от неудовлетворенности человека партийными властями, которые, в его представлении, недооценили его, не воздали ему по заслугам. С другой стороны, он разделял идеи Народного фронта и считал, что у руля движения должна бы стоять более колоритная личность, чем я, например. Эту миссию он не против был взять на себя...

Все, кто присутствовал, сочувственно и спокойно выслушали побитого профессора. Пожалуй, даже не столько спокойно, сколько снисходительно, считая такое его предложение несерьезным, и малодушным, и невозможным — чистой блажью. Потому-то оно и не обсуждалось. Я вел заседание дальше... Кстати,

протокол всех наших словопрений старательно, преданно и тихо вела писательница Светлана Климкович.

Сложнее было с Адамом Мальдисом, возглавлявшим комиссию по выработке программных документов движения. Он передал мне письмо: «Передо мной поставили дилемму: партия или БНФ «Адраджэне»? Я не могу выйти из партии, но не представляю себе и перестройки без массового движения за возрождение общества».

И это как нельзя лучше свидетельствовало о драме мыслящей личности в партии, о тенетах, в которых эта личность оказалась.

Так складывалась обстановка накануне массового митинга, с которого начинались эти заметки. Руководство города, боясь дальнейшего накала страстей, впервые пошло навстречу неформалам и разрешило митинг на стадионе. Предполагалось, что на митинге, наконец, состоится диалог двух сторон, потому на трибунах были видны лица партийных работников, идеологов. Но, если исключить двух райкомовских ораторов, никто из них к микрофону подойти не решился, а выступления тех носили отпечаток предвзятости и примитивизма. Они несли чушь.

Первый большой митинг по-разному оценен его участниками, и это естественно. Но, кажется, откуда начинался успех БНФ.

К сожалению, штаб Народного фронта не мог похвастаться тактическими приемами, гибкостью. Имея пока еще ничтожные силы, он вознамерился все вопросы движения решать через формы жесткого публичного давления на правящие круги. Не ослабевала конфронтация. Она, наоборот, усиливалась противоправными и безнравственными акциями милиции, действующей с благословения властей. Так, например, в ходе предвыборной кампании ми-

лиция города Барановичи учинила жестокое избие-ние художника С. Свистуновича за то, что он вместе в другими пикетчиками агитировал избирателей отказать в доверии кандидату в народные депутаты Ю. Хусаинову, который, работая председателем Гос-агропрома республики, далеко не все делал для улуч-шения качества продукции, производимой на за-грязненных землях.

Припоминается кое-что из личного опыта... Вы-ступая моим соперником в борьбе за мандат депута-та, генерал Виктор Пискарев, например, стянул в избирательный округ под Минском едва ли не весь корпус городской милиции. В ход шли как силовое (административное) давление на избирателей, так и посулы, подкуп, клевета, запугивание мной, соб-ственно, как экстремистом... Потому в день выбо-ров за Пискарева голосовали удивительно дружно, даже те, кто до этого дня прискорбно почил в бозе.

Еще пример... Ночью, безо всякого на то права, милиция взломала дверь кабинета референта Союза писателей БССР А. Емельянова и забрала принадле-жавший возрожденцам информационный бюллетень «Навіны».

Подвижки к диктату (под лозунгами за демокра-тию) наблюдались с обеих сторон. Вероятно, тут ска-зывалась одна советская школа воспитания граж-дан.

А в делах некоторых неформальных объединений, откровенно говоря, наблюдались моменты, в кото-рых давно пора было бы разобраться — без паники, крика и тривиальной сусловской демагогии.

Наши неформалы стали склоняться к составле-нию радикальных политических программ и митин-говым манифестациям, в которых нет-нет да и про-скальзывало их стремление дорваться до власти и сразу все переменить. Этот «грех» молодежи про-стителен — слабость юных извечная. Но в ней про-

является и слабость движения, схожесть его с большевизмом.

Возьмите пореформенный период в России прошлого века. Фабула романа Ф. Достоевского «Бесы» построена на авантюристских действиях лиц, предрасположенных к тому, чтобы вызвать в стране беспорядки, перессорить народ, разрушить сложившиеся отношения, показать неспособность существующего режима к управлению страной и в этом хаосе и неразберихе прийти к власти, погреть на том руки... Но мне не пристало укорять наших неформалов, как их тогда называли, ибо хорошо уже то, что они не были равнодушны к событиям в державе и среди них преобладали честные и преданные национальной идее парни и девчата. Давайте, однако, на миг представим, что произошло бы с обществом, окажись наши неформалы у власти. Мне кажется, в этом случае пришлось бы объявлять еще одну перестройку.

Приведу пример, чтобы мысль стала яснее. Начиналось лето, и мне сподобилось провести что-то вроде эксперимента. В микрорайоне Юго-Запад, где я живу, нормальный, чистый пока воздух, кроме того — огромный сад, от которого пригородный колхоз уже отказался, и за садом небольшая дубрава. Все бесхозное и все ломается, рубится; бурьяном позарастали газоны по улицам и дворам. Обратился я к местной группе поддержки БНФ «Адраджэнне»: «Возьмите, ребята, на себя труд и организуйте население на субботники, создайте вместе с народом орган экологического самоуправления — совет... Давайте наведем порядок в своих пенатах!» Воодушевились, вышли на первый субботник, а городские власти предоставили транспорт, пилы, лопаты... Поработали дружно. А потом прикинули, когда, в какой день провести следующий субботник, и — забыли о нем! Медвежью услугу, правда, оказала при этом газета

«Вечерний Минск». Информирова (с моей подачи) своих читателей о субботнике, она не пожелала назвать в числе его инициаторов опальную группу поддержки БНФ... Мне досадно было и совестно перед ребятами, но хуже другое: для организации важного дела не оказалось в группе настоящего лидера, а тот, кто ходил в лидерах, считал более важным для себя зажигать людей, ведя их на митинги; он как бы специализировался по митингам.

Тут опять же уместна параллель с большевиками. В рассказе В. Быкова «Перад канцом», где освещаются события дореволюционного времени, заключенные в камере ведут спор о свободе, ее необходимости... ее бесполезности для народа. И вот через сознание Поручика, основного трагического персонажа рассказа, проходят такие сентенции:

«Лёгка было грычаць аб свабодзе народа, калі гэта ні да чаго не абавязвала, трудней для яго было нешта рабіць. І нават не для народа, а для групы людзей, для некалькіх чалавек.

Як толькі з'яўляецца такая неабходнасць, тады ўся рэвалюцыйная пыха з гэтых людзей злітае, і яны рабіліся бы пухіры, з якіх выпусцілі паветра. Зрабіць што-небудзь для бліжніх яны не ўмелі. Лацвей было для народа».

Вопрос принципиальный: новой, плодотворной политики не сделать без активизации человека глубинки, без самоуправления, без труда, труда и труда граждан. Это гвоздь перестройки, поэтому никакие ветры вверху и митинговые бури на земле дела не поправят, пока сам народ не оживет в свободном труде и творчестве. Этот момент неформалы обходят, и в БНФ создалась ситуация, когда мотор работает, а колеса не крутятся.

Должен заметить, у нас очень низка и до гротеска убога культура политического мышления, причем проявляется это как у неформалов, так и у не-

которых представителей власти, у идеологов в том числе. В одном случае это мышление узкое, в другом — неглубокое, плоское! Контрастное мышление неформалов и многих сяброу Народного фронта берет в расчет лишь два цвета: белый и черный... Поэтому противостояние... Противоборство... Обе стороны сколько лет уже находятся в состоянии холодной войны, и никто не помышляет о цивилизованных методах разрешения конфликта.

Именно в силу этих причин, как мне кажется, движение за перестройку у нас развивается не по типу Народного фронта в истинном значении этого слова, а по типу большой тусовки, склонной к бойким, речистым митингам. По части тактики это, пожалуй, главное, в чем мы разошлись с Позняком.

И есть у возрожденцев сегодняшнего дня, прямо скажем, наиковарнейшая опасность: оторваться от земли, от народа и стать насаждать свою волю. Конечно же, исходя из благородных максималистских побуждений. Этому немало способствует культ вождя и отсутствие критики внутри движения. Досадно будет, если движение собьется на проторенную историей колею.

Меж двух огней

Инцидент, пожалуй, заслуживает того, чтобы его осветить, поскольку кое-кто из моих бывших приятелей и друзей по движению введены в заблуждение. Случаются и спекуляции на моем выходе из оргкомитета БНФ.

Положа руку на сердце, должен сказать, что летом 1988 года я испытывал чувство большого волнения, зависти и даже тоски по такой общественной организации (типа народного фронта), которая способна была бы хоть что-то практически сдвинуть в общественном обустройстве. В конце концов, что-то

должно было произойти под аккомпанемент тогдашних песнопений о перестройке и ее сквозного забалтывания. Но политический барометр в Беларуси не показывал никаких перемен. Не то что в республиках Прибалтики, в Армении, где, будучи созданными, народные фронты на удивление напористо разворачивали свою работу.

В августе мне удалось (в очередной раз) посетить Армению и — впервые — Нагорный Карабах. По литературным источникам, правда, я был уже знаком с проблемой НКАО. Там, в НКАО, впервые в жизни проникся энергией и духом протеста против насилия, порывом широкого, массового народного единения, которое отстаивало право на самоопределение и прочие национальные ценности, попранные тоталитарным режимом. Впечатление от уличных шествий, речей, от горячих споров в толпе было настолько сильным, что я, не колеблясь, дал согласие Максиму Оганесяну, главному редактору газеты «Советский Карабах», на интервью, чем немало удивил и порадовал его, потому как был первым из советских писателей, приехавших сюда, кто согласился на этот по сути безрассудный поступок. Интервью под заголовком «Процветания вам и единства!» было опубликовано 31 августа.

Помнится, сопоставляя и анализируя политику Баку по отношению к армянам Народного Карабаха и политику Москвы по отношению к коренным белорусам, я находил полное сходство. Открыто демонстрировалось удушение национального самосознания, культуры, волеизъявления народа. Этноцид — там, этноцид — здесь. И оттого-то было мое беспокойство, что белорусы в это лето пока еще дремали и неизвестно было, кто и что их разбудит.

Тщетными оказались наши попытки, а я говорю о коллегах — писателях Беларуси, раз за разом взывать к уму, совести и политической мудрости

М. Горбачева — «главного архитектора перестройки». Первое письмо из Минска в Кремль дерзнули послать в конце 1986 года наиболее известные у нас творческие личности, в числе коих писатели, историки, художники, артисты — всего 28 подписей. Они раскрывали и показывали положение с национальной культурой, особенно мовай — языком в БССР, а оно было таково, что титульная нация этой республики находилась на грани исчезновения.

Москва не поняла авторов челобитной, выдержанной в корректных тонах. Но ведь Москва не поняла, а вернее не приняла и ходатайства Совета Нагорно-Карабахской автономной области перед Верховным Советом СССР, Верховными Советами Армянской и Азербайджанской ССР рассмотреть в цивилизованных рамках вопрос о выходе НКАО из состава Азербайджана и присоединении области к Армении. Решение вопроса могло стать чисто конституционным и правовым. Но М. Горбачев отталчивался, тем самым подталкивая развитие событий к Сумгаиту, к национальной резне. Москва хранила молчание. Она будто оглохла. Впрочем, в случае с Беларусью сюда по поводу письма о мове, культуре приехали инспектора ЦК КПСС. И, поочередно вызывая авторов челобитной, беседовали, увещевая и стыдя их за подобное «аполитичное» обращение в Кремль. Нас не понимали.

В июне 1987-го в Москву пошло второе письмо, а несколько месяцев спустя — и третье. В этих письмах наш праведный вопль усиливался. Все более отточенной делалась аргументация, своим убийственным совершенством она не могла вызвать малейшего упрека. К этим письмам, в момент их подготовки, сподобилось приложить свою руку и мне.

Собирались мы в узком кругу на чердаке привокзального здания, в мастерской Алексея Марочкина. Обсуждали каждый пункт, каждую фразу обраще-

ния. Потом кто-то таинственный (не знаю кто) перепечатывал, кто-то корректировал текст — работа выполнялась полуподпольно. Под вторым письмом подписались уже 134 человека, в том числе и рабочие.

Обязанность доставить послание в Москву лежала на художнике Миколе Купаве, ибо к государственной почте доверия не было.

Примерно таким же образом, но только с другими автографами, была отправлена и третья челобитная. Эффект — нулевой. Из ЦК КПСС поступило в Минск предписание усилить интернациональное воспитание трудящихся и персонально лиц, которые засветили себя подписями. В ЦК КПБ они брались на прицел как неблагонадежные.

Тут, пожалуй, не лишним будет заметить, что я отдельно обращался в Москву. Разочаровавшись окончательно в посулах и планах на перестройку общества, не осязая ее ни нюхом, ни слухом, написал или — применительно к той ситуации — рискнул написать довольно язвительное, но не грубое письмо М. Горбачеву. Показывая в сочинении всю суетность «перестроечной политики», я сравнивал его дерзания с холостой работой танка в сыпучих песках пустыни и писал ему, что если он действительно хочет перестройки, то ее следует начинать с партии, взявшей на себя многие отнюдь не партийные функции, отнявшей власть у советов, землю у селян, узурпирующей право и совесть.

Спустя месяц пригласили меня в Минский горком партии и по поручению Михаила Сергеевича, так было сказано, сердечно поблагодарили за столь интересное, аргументированное и, ей-ей, умное письмо. Горе нам от ума! Тем не менее, похвала льстила. А в политике дело не менялось, и в обществе нарастало недовольство. Накапливалась взрывная энергия, которая способна была «пробить на корпус», как в Нагорном Карабахе.

К тому времени созрели, наконец, условия для формирования оппозиционных сил и у нас, в Беларуси. Определенный сдвиг в сознании столичной публики произошел, по крайней мере, после обнародования в газете «Літаратура і мастацтва» в июне 1988 года материалов о массовых захоронениях в Куропатах, где легли костями сотни тысяч ни в чем не повинных людей, жертв произвола и репрессий. Не исключено, что там, в сырой и побуревшей от крови земле, нашел свой последний приют и мой дед Василь, отец моей матери, селянин, арестованный как единоличник (не пожелавший вступить в колхоз) и пропавший без вести. Так эти раскопки, произведенные то ли историком, то ли археологом Зеноном Позняком, явились каплей, переполнившей чашу терпения и горечи.

19 октября в Доме кино, занимавшем Красный костел, что рядом с Домом правительства, собралась интеллигенция. Поводом для собрания, напоминающего скорее митинг, стала проволочка в работе комиссии, созданной властями с целью расследования фактов расстрела и захоронения людей в Куропатах.

В противовес официальным структурам собрание решило создать новую общественную организацию — Мартиролог Беларуси, которая, по словам Василя Быкова, должна была бы составить огромный реестр, перечень, сборник потерь народа вместе с их описанием. Этой организации вменялось содействовать развитию политического, правового и культурно-национального сознания граждан, в целом — способствовать развитию правового, демократического общества. Шел разговор также о мемориале — архитектурном сооружении в память всех безвинно убиенных и замученных.

Благие намерения по организации Мартиролога, к сожалению, остались на бумаге, хоть руководите-

лем Мартиролога Беларуси и был избран Зенон Позняк.

В тот день, однако, собрание не ограничилось созданием Мартиролога.

Пауза, всего лишь пауза, и Зеноном был зачитан список оргкомитета Народного фронта в составе 30 человек. Свое присутствие в списке я воспринял с ощущением, которое было знакомо мне по Нагорному Карабаху. Это прежде всего риск, чувство отваги и гордости. Это вызов судьбе.

Весь оргкомитет вначале никто не собирал. Собиралась только группа инициативных ребят из молодежного объединения «Талака». Они-то вскоре и стали вывешивать на домах листовки от имени Народного фронта. В моем представлении творчество толоковцев грешило случайным набором фраз, крикливостью. Кроме вреда движению, оно ничего не могло принести. Нам нужно было выработать программу Народного фронта, обосновать свои действия. Нужен был кто-то, кто возглавил бы оргкомитет.

Повстречавшись с Зеноном в Институте истории, где он работал, я как можно деликатнее объяснил ему ситуацию и спросил, нет ли у него желания стать во главе оргкомитета Народного фронта и начать организационную работу. Подумав, он сказал:

— Нет, я возглавляю Мартиролог Беларуси и мне совсем не обязательно быть председателем еще и Народного фронта. Да и нужен ли там председатель?..

Нужен ли?.. Ответ показался мне странным и озадачивал. Я пошел к Быкову. Василий Владимирович проникся моим беспокойством и на первом же представительном заседании оргкомитета предложил избрать меня его председателем. Позняк, к сожалению, на том заседании не присутствовал, но по нервной реакции Зенона потом я понял, что его сильно шокировало мое избрание на эту должность. Шокировало — не то слово. Он проявлял агрессив-

ность и каждый раз при решении того или иного вопроса становился в позу и всячески противодействовал достижению взаимопонимания, одобрению инициативы, если она исходила от меня. Такая канитель вносила нервность в работу оргкомитета, особенно при выработке и обсуждении программных документов. Самым правильным в этой ситуации было не обращать на выходки Позняка внимания, что я до поры до времени и делал.

А вскоре мы прошли и первое крещение. Это случилось как раз на «Дзяды» — праздник поминовения предков. На митинге возле Московского кладбища, стараясь не допустить публичных выступлений, милиция с помощью дубинок и слезоточивых газов теснила и разгоняла собравшихся. Меня в плотной толпе попотчевали «черемухой», от которой перехватило дыхание и посыпались слезы.

Враждебное отношение властей к волеизъявлению народа, свободе слова и гражданскому праву было очевидным. Народному фронту нужны были юридическая база и сила, чтобы противостоять произволу. Юридический статус — прежде всего. Ведь наше общественное формирование не прошло регистрацию в Министерстве юстиции. Нам отказывали в регистрации потому, что движение пока не имело устава, и еще потому, что оргкомитет был избран не делегатами, не уполномоченными представителями определенных коллективов, а «толпой».

У юристов Минюста были свои резоны, и нам следовало как можно скорее поправить положение. У нас была такая возможность.

Устав к концу года разработали, и на очередном заседании оргкомитета я поставил вопрос о проведении в течение ближайших двух месяцев учредительной конференции Народного фронта. В тот вечер, правда, опять отсутствовал Позняк, но были В. Быков, Р. Бородулин, Н. Гилевич, О. Трусов, А. Еме-

льянов и, если не ошибаюсь, А. Марочкин, М. Купава, В. Вечерка... Весь оргкомитет нам никогда не удавалось собрать.

Мое предложение о конференции прошло. Посоветовавшись, мы решили письменно обратиться к творческим союзам, а также в Институт культуры, в Театрально-художественный институт, в Академический театр им. Я. Купалы и некоторые заводские коллективы с предложением поддержать Народный фронт в момент его формирования и с этой целью провести в коллективах собрания, избрать делегатов на учредительную конференцию. В наш расчет, признаться, входило и то, что благодаря этим собраниям и благодаря дискуссии по уставу в Народный фронт вольются новые силы. Планы были вполне реальны. Для наращивания духовного и творческого потенциала фронта открывалась хорошая перспектива.

3 января 1989 года состоялось общее собрание Союза писателей БССР, на котором нам удалось поставить вопрос об избрании делегатов на учредительную конференцию движения за перестройку — БНФ «Адраджэне». Кстати, далеко не все писатели были готовы к пониманию миссии политического движения интеллигенции и народа, и, к моему ужасу, после того, как Алесь Емельянов проинформировал собрание о задаче, поставленной оргкомитетом Народного фронта, посыпались реплики похоронного свойства.

Для меня это были очень волнующие минуты. Настроение в зале заметно изменилось после проникновенных и ярких выступлений Артура Вольского и Василя Жуковича, писателей, входивших в группу поддержки движения. Для участия в учредительной конференции избрали 30 человек. Разумеется, это было хорошее начало при подготовке к легальной политической конференции.

Но только этому началу не суждено было получить дальнейшее развитие.

Через день на новое заседание оргкомитета пришел Зенон Позняк, суровый, решительный. Как никогда дружно собралась и та часть сяброў-талакоўцаў, которая поддерживала Позняка, зато теперь не было ни Быкова, ни Маслюка (режиссера Русского театра), ни Бородулина, ни других приветных голосов, рассудительных и мудрых. Они, вероятно, считали, что принципиальные вопросы ими уже решены.

Я проинформировал оргкомитет о состоявшемся писательском собрании и выборах делегатов на учредительную конференцию Народного фронта.

— На какую еще учредительную конференцию?! — не скрывая своего раздражения, подал голос Позняк.

Он, конечно, знал о решении предыдущего заседания оргкомитета, хоть и не присутствовал на нем, ведь было кому его информировать. Тем не менее, я еще раз изложил мотивы проведения конференции и ее задачи.

Заседание закипело. Реплики, восклицания, осуждающие идею конференции. Голоса, выражающие тревогу по поводу дальнейшей судьбы движения и его инициаторов, тех самых, которые заседали здесь, в стенах гостеприимного Дома литератора. Впрочем, было что-то неосмысленное и абсурдное в этом шуме из ничего. Возвысил свой голос Позняк:

— От учредительной конференции надо отказаться! Она будет бить по Мартирологу Беларуси. Этого нельзя допускать!

Происходящее в конференц-зале все больше напоминало театр абсурда, и я не знал, к чему, какому разуму мне апеллировать.

— Позвольте, а причем здесь Мартиролог Беларуси?

Тогда Позняк, не помня себя, крикнул:

— Вон из Мартиролога!

От волнения и жгучей обиды во рту у меня пересохло, и я боялся, что вместо слов произношу одни лишь шипящие звуки:

— Ах, простите! Я почему-то не догадывался, что нахожусь на заседании Мартиролога. Увы, я не вступал в Мартиролог и не имею к нему никакого отношения. Потому позвольте мне, простофиле, удалиться. Желаю успеха!

Ушел.

На том же заседании Позняк, не затрудняясь в поиске мотивировок, поставил вопрос об исключении меня из оргкомитета Народного фронта, что само по себе было неправомочным. Тем не менее проголосовали: 9 — за, 3 — против и 7 — воздержались. Решения не было.

Комитет под моим руководством работал успешно, разрабатывались устав и программа Народного фронта. Потому ждали моего возвращения. Напрасно. Я был унижен и оскорблен.

Невозможно было забыть и простить Зенону его интриги, его вероломство. Честолюбец, но все это не красило его.

Будучи в здравом рассудке, я искал и свои ошибки. Так случилось, что, не отдавая себе отчета в том, я перешел Позняку дорогу в Мартирологе (в Мартирологе ли?), потому, легализируя свою неприязнь ко мне, он пошел на подлог да стал городить околесицу. Жаль! Вполне осознанно и истинно (как часто повторяется в Библии), истинно, истинно я говорю: делая то, что необходимо было в тот конкретный момент, я не строил себе далеко идущих планов на лидерство. Мне просто нравилось искать выход из тупикового по сути положения, торить, пробивать дорогу, как и в случае выхода на проблему Припяти.

Но — довольно... Ушел... А теперь меня передергивало от одной мысли вернуться и оказаться еще раз в подобной ситуации.

Учредительный съезд Народного фронта толоковцы все же провели — полгода спустя, в Литве. Считаю ошибочным подобный исход, ибо изоляция, а в данном случае мне хочется думать о самоизоляции активистов движения, отнюдь не способствовала накоплению и развитию сил, укреплению престижа носителей национальной идеи в народе.

Ощупью, но уверенно, своим путем шел литовский народный фронт, дословно — литовское движение за перестройку «Саюдис». Организаторы литовского учредительного съезда не стали проводить его в Беларуси, к примеру. Нет, они предварительно выполнили ту работу, которую намерены были выполнить и мы, начав с легального выдвижения делегатов в творческих союзах.

Литовцы открыли свой съезд — большой и буропенный съезд «Саюдиса» — в Вильнюсе и пригласили на него представителей властных структур, в том числе и — прежде всего — А. Бразаускаса, первого секретаря ЦК Компартии Литвы, я видел его в зале. У нас же подобных фигур и диалога с ними — чурались.

Бразаускас выступил на съезде с приветственной речью. Каков момент! Он вынужден был признать позитивную, обновляющую и созидующую общественную роль «Саюдиса», в оценках которого литовский ЦК, сказал он, прежде допускал ошибки. Как и наш ЦК, кстати. Однако литовцев примирило то непоказное человеческое качество, которое собирает и стягивает и облагораживает общество и которого у нас начисто лишена пирамида власти. Это качество называется национальной самосознанием.

Легализация помыслов, планов, как и деятельности Народного фронта вообще, — наипервейшее ус-

ловие в мобилизации народа и наращивании успеха. Понимали ли это те, кому следовало, у нас?.. В Литве понимали.

Там, где прошел один, — следа не осталось.

Там, где десять прошли, — немного трава примялась.

Сотни прошли — осталась лишь малая тропка.

И, —

Столбовая дорога осталась в мире

Там, где прошел НАРОД.

М. Марцинкявичус

При том паническом изгнании меня из оргкомитета мне не пришлось долго грустить, потому как я не чувствовал себя отстраненным или, лучше сказать, демобилизованным из Народного фронта — движения, которое не могло принадлежать особо ни Позняку, ни кому-либо другому. Не одну статью опубликовал я в поддержку сил, направленных на перестройку и возрождение культуры народа. В те дни и годы, по правде сказать, я был очень активен. Причем, не только в оргкомитете БНФ. Если взять календарь за те месяцы — январь-февраль... Поразительно, хоть надо сознаться, что в своих расчетах на какой-либо успех, результат я был неоднократно обманут:

4 января в Президиуме АН БССР оргкомитет по подготовке республиканской конференции «Народ, культура, перестройка» — моя идея, без ложной скромности, и организация конференции — на мне тоже;

9—10 января. Дом литератора — выездное заседание Совета по очерку и публицистике Союза писателей СССР в Минске, тема разговора: перестроечные реминисценции и реакция на свежие политические веяния в Беларуси;

17—18 января. Москва, Центральный Дом литераторов — пленум Союза писателей СССР по эколо-

гии, мое выступление «Земля, экология, перестройка», в котором, без преувеличения опять-таки, впервые с высокой трибуны была раскрыта истинная ситуация в Беларуси и других регионах после чернобыльской катастрофы;

19 января. Госкомстрой — встреча и беседа с Б. Ельциным по вопросам перестроечного мышления;

27—29 января. Хойники, Стреличево — зона; дальнейшее изучение чернобыльской ситуации и условий жизни людей;

2 февраля. Минск, Дворец культуры профсоюзов — брифинг по проблемам Чернобыля, где я испытывал горечь обмана, ибо путем ловкого маневра правительственные чиновники свели к брифингу научно-практическую конференцию, которую готовили наши публицисты вместе с учеными, с участием тех же чиновников... Они лавировали, уходя от сотрудничества, уходя от ответственности;

3 февраля — встреча с В. Быковым у него на дому. Рассмотрели план проведения конференции «Народ, культура, перестройка». К слову, через несколько месяцев конференцию провели, но только С. Павлов, зав. отделом ЦК КПБ через И. Науменко, известного литератора, вице-президента АН БССР, предпринял усилия с целью ее дезавуирования, потому, собственно, результаты и были сведены к нулю*. В беседе с Быковым мы коснулись также положения в БНФ. Перед этим я беседовал с Н. Гилевичем. С одним и другим обкатывал идею легализации Народного фронта, внесения в движение гласности, что

* Для этого им достаточно было подменить в зале публику. Вместо работников культурной сферы и творческой интеллигенции на конференции преобладали представители партийного агитационно-пропагандистского корпуса. Количество докладов тоже было сокращено, и вместо трех дней с конференцией покончили в один день.

привлекало бы к нему больше людей. Иными словами, Народный фронт следовало открыть для народа. Последнее виделось мне довольно актуальным, поскольку, по инициативе Позняка, рабочих просто выставляли за дверь, когда они приходили на заседания оргкомитета, чтобы послушать наших ораторов и, быть может, проникнуться еще большим доверием к нам и нашим проектам.

Исподволь я укрепился в мысли о необходимости публичного анализа деятельности оргкомитета, но, как мне казалось, с этим анализом практически никто, кроме меня, не мог выступить.

Продолжу хронику, отталкиваясь от того же календаря:

13 февраля — встреча с Савелием Павловым, зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПБ. На деле он главный партийный душитель инакомыслия и свободолюбия в Беларуси. Но меня пока еще не оставляла надежда, что у него, у Павлова, есть мозги. Как-никак в свое время ему удавались отдельные рассказы и очерки... Перед ним, уже выйдя из оргкомитета, я отстаивал правомочность Народного фронта, уважение к нему. Разумеется, у нас шел спор, и мы дискутировали долго, более трех часов. Наконец он дал мне свое согласие опубликовать в газете «Советская Белоруссия» статью на тему перестройки и развития общественного движения, речь шла об изложении мной собственных взглядов.

15 февраля передал Ирине Гуринович, сотруднице редакции «Советской Белоруссии», рукопись статьи, точнее, беседы — ответы на ее вопросы. Прочитала и ахнула, призналась, что я ее просто убил: непривычно для газеты, слишком оголенно, открыто и смело. Отдала материал на перепечатку, не веря сама, что делает то, что нужно.

18 февраля — статья в «Советской Белоруссии» под заголовком «Перестройка — наша судьба». Я

перечитал ее и еще раз почувствовал себя обманутым. Как выяснилось потом, С. Павлов все же вынудил редактора газеты И. Середича сделать в материале купюры; они вырезали как раз те места, где я отмечал сильные стороны и удачи БНФ, лично З. Позняка; оставались критические замечания. Для меня, профессионала, это был перекосяк и удар ниже пояса. Тешило лишь то, что я открыто в официальной печати обосновал и упрочил в сознании читателей правомерность и жизненную необходимость оппозиционного властям Народного фронта. Из очевидных для меня недостатков указал на некоторые тактические просчеты, в том числе боязнь гласности, нетерпимость к критике, келейность, сектантство в духе и стиле работы.

И любопытной же была реакция на эту статью знакомых и близких мне людей:

О. Трусов, археолог, член оргкомитета Народного фронта: «Местами резковато написано про Позняка, но на семьдесят процентов — то, что надо».

А. Журавлев, доктор экономических наук, член оргкомитета: «Неоднозначно воспринимается, но больше плюсов, чем минусов».

А. Козлович, мой коллега, публицист: «Материал в «Советской Белоруссии» — шаг назад для тебя и для движения».

О. Егорова, корреспондент «Комсомольской правды»: «Поздравляю! Материал «Перестройка — наша судьба» мне очень понравился».

А. Сидоревич, литератор, критик, философ: «Для белорусов можно сделать многое, а с белорусами — ничего».

И. Гуринович: «Мы с вами договаривались продолжить тему этого разговора. Но, думаю, теперь вряд ли удастся. Почему?.. Судя по настрою, С. Павлов и З. Пригодич получили нахлобучку в ЦК за публикацию интервью с вами».

Вот уж действительно пестрая реакция! Ершистая реакция на более-менее объективное освещение явления — нового, можно сказать, незаконнорожденного плода общества. Дерзкого плода!

И, наконец, 19 февраля — стадион и митинг, тот самый, с которого и начато это повествование. З. Позняку теперь выгодно было назвать меня «предателем», хоть кто знает, кем преданы интересы народного движения и кто в самом деле наделен чертами и черточками известного библейского персонажа.

На митинге никак не ожидал: секретари райкомов и горкома партии встретили меня как своего. Признаюсь чистосердечно, от их приветливости мне становилось не по себе. Петр Кравченко стал кивать мне, показывая на микрофон. Я не подошел, но его жесты заметила Наталья Котвицкая, в то время — приближенная (и якобы казначей) З. Позняка. Она расценила эти жесты по-своему и шепнула Позняку. Тот поднялся с места и побежал к своим товарищам, расположившимся у микрофона, небось, предупреждая их о моем появлении. Котвицкая (а ей, никак, за принципиальность и рвение в службе Позняк вскоре тоже показал на дверь, ведущую вон из Народного фронта) стала меня блокировать, от чего мне было смешно и грустно, ибо так могла бы слона блокировать шавка.

На стадионе я испытывал гамму самых невероятных и противоречивых чувств, но все же взял микрофон в руки и четко, внятно, громко выразил мысль о необходимости терпеливого и бережного отношения к Народному фронту как институту дальнейшего развития демократии, а также о необходимости преодоления лидерами Народного фронта многих своих чисто амбициозных и просто узурпаторских замашек, что в дальнейшем могло затруднить превращение БНФ в массовое, истинно народное движение...

Наши души должны переродиться

Теперь-то мы уже знаем, что дал нашему обществу пореволюционный максимализм с его попыткой эпохального скачка, с его навязчивым желанием «железной рукой загнать человечество к счастью», как это было начертано на полотнище в Соловках. Знаем, во что обошлось обществу подобное «движение». Истинно оно оборачивалось драмами и трагедиями, красным террором...

Тяжелые думы приходят теперь при анализе открывающихся новых фактов истории. Что произошло? Что происходит?

Хотелось бы неким образом издали, из космоса, что ли, посмотреть на наше общество в его движении (если оно куда-либо движется).

Народ свершил революцию, сбросил угнетателей и должен был перейти к демократическому самоуправлению через советы и иные формы народовластия. Разве не эта цель преследовалась? Хочется думать, что социализм замышлялся теоретиками отнюдь не партийным и отнюдь не казарменным. Маркс и Энгельс полагали, что это должно быть самоуправление народа без какого-либо политического (читай партийного) давления сверху. Исходя из таких представлений и современных понятий, роль партии, вероятно, должна была ограничиваться ролью ракеты-носителя, выводящей космический корабль на орбиту.

Получалось иначе. Как писал В. Короленко в своих пространных и глубоких письмах к Луначарскому, в миллионах русских голов в каких-нибудь два-три года внезапно якобы повернулся какой-то логический винтик, и «от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике наш народ сразу перешел... к коммунизму, по крайней мере коммунистическому правительству. Нравы остались прежние, уклад жизни тоже».

Забегая вперед в изложении этих заметок, хочу возразить директору бывшего Института истории партии профессору Р. Платонову по части его очень вольного и тенденциозного истолкования роли Октября и размежеваний, по определенному характеру деятельности Ленина со Сталиным. В интервью журналу «Коммунист Белоруссии» (1990, № 7) он пишет, что упрочение народовластия и демократизация общества, дескать, задумывались Лениным, «как второй шаг после победы Октября, разрушившего старую государственную машину и создавшего принципиально новый тип государства...». Слова выделены жирным шрифтом. Читайте их как постулат или аксиому, правда, изрядно потертую за семьдесят лет. Осмелюсь на полях поставить вопросы: разрушил ли Великий Октябрь старую государственную машину или модернизировал ее, приспособив к партии? А потом: создал ли он такой принципиально новый строй, если государство заменило собой эксплуататоров?..

Мне кажется, надо признать, что после победы революции большевики вместе со своим испытанным вождем, всеми признанным гением, допустили свой главный и роковой по сути дела просчет: летом 1918 года не удержались от нового захвата власти, потеснив на этот раз уже не буржуазию, а народных депутатов в Советах. Да, без долгих раздумий они сконцентрировали в своих руках всю реальную власть, хоть, как-никак, оставили существовать и «народные» представительства — Советы — для формы, прикрытия и, добавим, небольшой, исполнительской да чисто лакейской работы.

Большевики с Лениным во главе жестоко расправились с моряками Балтики, кронштадтскими матросами, дерзнувшими требовать отмены диктатуры партии и возвращения власти Советам. Карательная акция вошла в школьные учебники как подав-

ление «контрреволюционного кронштадтского мятежа». Мятеж, кстати, был и в Слуцке... И на Украине на этой же почве произошли столкновения с армией атамана Махно.

В короткий срок расправились ленинцы с партнером — партией эсеров — единственной защитницей крестьян, заупрямившейся в момент принятия Брестского мира и по сути не принявшей его на кабальных условиях. А ведь с эсерами, как, впрочем, и с кронштадтскими матросами, большевики вместе делали революцию. Только ведь правду об исторической роли эсеров сегодня, поди, мало кто и знает.

Нельзя не вспомнить и не оценить по существу также и отмену Декрета о земле в 1919 году, что вело прямо к партийно-государственному монополизму в сельском хозяйстве, к произволу и раскрестьяниванию крестьянства, к жестокому угнетению его как класса, ну и к тому, что в любом случае у нас теперь связывают со сталинщиной.

В той же публикации журнала «Коммунист Белоруссии» его главный редактор спрашивает у Платонова: «Так что же сегодня терпит поражение? Ленинская идея социализма или ее коварный сталинский «двойник», паразитировавший на ленинизме?» На что Платонов ответил, мол, вывод напрашивается сам собой: «Поражение — у исчерпавшей свои ресурсы системы, построенной по сталинистским и неосталинистским образцам».

Но ведь Сталин был ленинцем больше чем кто-либо другой — по сути, они шли одним путем. При нем кипело, клокотало и осязалось в жизни разное: и энтузиазм и трудовые победы, были светлые дни. Шли, сражались и умирали с кличем: «За Сталина!» Верно... Да, но ведь не все, далеко не все, кто кричал так, были сталинистами, ибо Сталин в глазах многих людей олицетворял собой социалисти-

ческие идеалы и заветы Ленина. Потому кричали «За Сталина!», а умирали по сути за Ленина, который в семнадцатом обнародовал столь замечательные лозунги и манифесты.

Теперь мы видим, как в сложной политической обстановке заданный курс революционного переворота не выдерживался, как отступались и отступали вожди. Проявившееся в те годы политическое лицедейство, прикрывающееся классовыми интересами, становится заглавной государственной политикой.

Прочитав эти строки, мне кто-нибудь может сказать: «Хорошо быть умницей задним числом!»

Я и сам задавался мыслью о правомерности подобных сентенций, ставил вопрос: осознал ли кто-нибудь из политиков того времени крупные ошибки, изъяны в работе, допускаемые партией большевиков? Свое слово, полагаю, еще скажут историки, но кое-что уже проникает в печать. Стоит познакомиться с позицией эсеров — высказываниями лидеров оппозиционной партии на этот счет. Вот что, например, писала Мария Александровна Спиридонова, обращаясь к тем, кто был вместе с Лениным у власти: *«Должно придти время и, быть может, оно не за горами, когда в вашей партии поднимется протест против удушающей живой дух революции и вашей партии политики. Должны придти идейные массовики, в духе которых свежи заветы нашей социалистической революции: должна быть борьба внутри партии, как было у нас с эсерами правыми и центра, должен быть взрыв и свержение заправил, разложившихся, зарвавшихся в своей бесконтрольной власти, во властвовании; должно быть очищение, и пересмотр, и подъем. Должно быть возрождение партии большевиков, отказ от губительных теперешних форм и смысла царистско-буржуазной политики; должен быть возврат к власти Советов, к Октябрю. И я знаю, с такой парти-*

ей большевиков мы опять безоговорочно и беззаветно пойдём рядом рука об руку».

Изумляют трезвость ее благосклонного взгляда и видение, которое стало пророческим.

Безусловно, люди розовой революционной мечты и преклонного возраста могут возразить мне, что я, дескать, некорректно привожу здесь высказывание оппозиционерки — нельзя ведь принимать ее слова за чистую монету. Вся правда была на стороне большевиков...

Дабы развеять подобные сомнения, сошлюсь на известнейшего русского ученого и революционера П. А. Кропоткина. Побывав у Ленина в 1919—20 годах, он писал озабоченно, что республике нужно, положительно необходимо местное обустройство, местными силами, а его нет и нет ни в чем. *«Вместо этого, — констатирует он, — на каждом шагу людьми, никогда не знавшими действительной жизни, совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов.*

...Казалось бы, что именно такое строительство снизу должны были выполнить Советы. Но Россия уже стала советской республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей «партии»... уже уничтожили влияние и построительную силу этого много обещающего учреждения — Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты. И их строительство страдает недостатками чиновничьего строительства».

С возрождением гласности все больше открывается безыскусная правда о костоломном шествии революции, ну и, вследствие всего этого, волнует глупина, на которую может проникнуть сегодняшняя наша переориентация, перестройка, перетряска. Она должна все изменить до основания, до фундамента вконец изношенного иллюзорного «социалистического» здания.

Владимир Ильич Ленин одумался, когда уже болезнь и неотвратимо приближавшаяся кончина диктовали ему написать завещание.

Он все более отчетливо стал осознавать, что социалистическую революцию в России не удалось совершить и что вряд ли она будет осуществлена в принципе. Он уже был склонен к мысли, что революция буржуазно-демократическая как тип революции — последняя.

Тщательно взвесив то новое, что дала жизнь, и различные явления в обществе, он вынужден был признать совершенную необходимость «коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм». Другой на его месте, прежде чем произнести эти исполненные человеческой драмы и трагедии слова, застрелился бы. Но он не из таких. За ним лежала большая страна и стоял великий народ. Народы стояли. Стояло отчаяние. И он мужественно конкретизирует некоторые свои мысли на этот счет в статье «О кооперации». Однако его сил и самой жизни не хватило на осуществление коренных перемен, а тоталитарная система работала, он ее сам создал, и ломать было некому.

Сталин не внял тем сакраментальным и жутким по признанию своего поражения словам, не понял всей драмы и трагедии Ленина, а стало быть, и грядущей трагедии народа. Его больше устраивала прежняя ленинская точка зрения на социализм. Вот здесь они и разошлись.

И как итог, логично, закономерно воспринимаются высказывания академика Льва Ландау, старательно законспектированные в 50-е годы агентами КГБ:

«Я отвергаю, что наша система является социалистической, потому что средства производства принадлежат никак не народу, а бюрократии».

«Идея, которая лежит в основе коммунизма, — это иезуитская идея. Это идея послушания началь-

ству. Типичная, как и вся история Иезуитского ордена».

«...Наша система, как я ее знаю с 1937 года, совершенно определенно есть фашистская система, и она... так просто измениться не может».

Сокрушает слепота и политическое невежество нашей воинствующей партократии, ревностно оберегающей «устой социализма» и выбросившей из трудов Ленина (в последнем издании) его сомнения в социализме. Особенно крепки и наглухо вмонтированы в сознание консервативной бюрократии идеи социализма в нашей такой «рентабельной» и дюже «товарной» (по некоторым понятиям) республике, то бишь в Беларуси, превращенной центром в проходной хозяйственный двор.

Да и может ли быть иначе? Ведь у белорусов всегда «стабильная социально-экономическая ситуация». И — прирост там, где ничего не растет. Этим все сказано. Порядки у нас вечные. Порядки — самые лучшие. Буквально по Соколову: каждый из нас, дескать, назовет десятки стран, где ни рынок, ни частная собственность не избавили людей от нищеты и голода, потому — ну их к чертям, эти отступнические новации!

Идеологам ленинской партии, скажем, Суслову, Кузьмину, Антоновичу, Павлову, давно пора было бы разобраться во всем досконально и ударить в набат: не тем курсом идем, вместо цели — мираж! (Или что-то в этом роде...)

Но только кто сегодня в модернизированных компартиях может назвать себя идеологом? Идеологи перевелись, хотя, как ни странно, еще живет, виляя рыжим хвостом, коммунистическая идеология. Ее крах неминуем.

Горбачев первым из вождей ощутил беду и чисто-сердечно признал перед всем миром: нету перспектив по курсу! Тонем!..

Спасибо ему! Но инерция покоя и дремы оказалась настолько великой, что мы и сегодня еще не все осознали, что же в обществе произошло, а главное — что делать дальше? К сожалению, сам заперщик перестройки, скользя по проблемам влево-вправо, взад-вперед, не довел до конца решение ни одного глобального вопроса, за которые брался.

Идеологов в полном смысле этого слова нет. Скажем больше: партия, занявшись «социалистическим строительством», практически разошлась со своей марксистско-ленинской идеологией, каковой она была на момент революции, отсюда и постоянный отлет слова от дела, о котором, не вскрывая, правда, первопричин, поговаривал в докладах и речах своих М. А. Суслов. Помню, тогда это была смелая констатация факта.

Однако во многих бюрократических инстанциях делают вид, что в обществе ничего не изменилось, и руководящие должности как ни в чем не бывало занимают всякого рода номенклатурные личности.

Приверженцы «коммунизма» оживились и даже как будто воспрянули духом после публикации в «Советской России» известной статьи Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами». Тогда первым их побуждением в Беларуси было: статью растиражировать! И она мигом вышла в некоторых областных газетах. С республиканскими получилась заминка...

Эта статья была расценена партократией как чистое откровение святой Девы Марии, то бишь — Нины... Все остальное представлялось ренегатством и тленом.

Не чаяла Нина найти в Беларуси столь властного покровителя уже в наши дни.

А противостояние с дубинками вышло на новый виток, ужесточилось, приобрело угрожающие формы, обернулось репрессиями, тюрьмами в пору так называемого социализма с рыночной экономикой и

конституционно-монархическим правлением. Силы общественных организаций пока слабоваты, да и действуем мы как лебедь, рак да щука, от чего возрождение общества, ставшее уже притчей во языцех, затягивается; морально-нравственный уклад и экономика при этом несут большие потери. Наш хозяйственный воз садится все глубже в трясины.

Поражает, насколько принижено, извращено, порой просто вытравлено у наших людей чувство национального и человеческого достоинства! И, кажется, нет границ долготерпению белоруса.

«Души должны переродиться. А для этого нужно, чтобы сначала перерождались учреждения. А это, в свою очередь, требует свободы мысли и начинания для творчества новых форм жизни.»

Силой задерживать эту самодеятельность в обществе и народе — это преступление... Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата». О, как современен и мудр был Владимир Галактионович Короленко! Но только за 70 лет угнетения и репрессий многое в душах перегорело или деформировалось, чувство внутренней свободы замещено раблепием. И теперь эти души возродить заново надо. Бережно. Не ломая по-новому.

Мы взялись перестраивать высотное здание общества, и, на мой взгляд, все эти разноликие объединения, клубы, конференции, движения (если, конечно, их не блокировать, не травить и не толкать к экстремизму, не вызывать постоянно на конфронтацию) практически могут сыграть роль лесов в обустройстве и возрождении общества.

И что за абсурд, скажите: чтобы так хлопотать о благе народном и народа бояться?!

Постскрипtum

Читатель вправе спросить, а где же продолжение анализа политической хроники — события ведь пошли далеко вперед.

Да, отвечу я, пошли... Но ведь фундаментальных изменений в политике не произошло, по крайней мере, если речь вести о республике. Впрочем, фундаментально изменена Конституция... Мы имеем президента и при нем — прежнее замороченное, бесталанное, бедное общество. И поскольку эти качества за последние несколько лет усилились, достигая крайностей, то общество все более скатывается к деградации. Последняя охватывает мораль, культуру, экономику... Обложили всех производителей ценностей, всех предпринимателей, все институты общественной жизни данью, которой, поди, не было ни при князе Игоре в старину на Руси великой, ни при диктаторе Пилсудском за польским часам. Угнетаются не только созидательный труд народа — сами помыслы о нем. В кабале СМИ и общественные организации.

Так о чем же писать? Об этноциде и геноциде? О расцвете государственного и частного рэкета?..

Единственное событие, не получившее пока что достаточного анализа и рассмотрения в нашем больном обществе, а тем не менее оно достойно объективного анализа, — это поражение Народного фронта «Адраджэнне», его жестокий провал.

Читатель помнит успех довольно значительной парламентской оппозиции, образованной Народным фронтом в Верховном Совете 12-го созыва, помнит митинги и пикеты на площади Независимости. Лидерам фронта тогда казалось, небось, что они уже Бога держат за бороду.

Но вот окончился, благолепно истек депутатский срок, и в Верховный Совет 13-го созыва ни один

представитель Народного фронта уже не прошел. Увы! Впору было грому разразиться.

Что же случилось?

Газета «Свобода» и некоторые другие неофициальные средства массовой информации, смягчая удар, стали намекать и даже открыто писать о том, что, дескать, народ не созрел, не сумел подняться до уровня лидеров Народного фронта. У нас ведь — ни дать, ни взять — быдло, и отсюда для национальной элиты — позор! Да, но в таком случае есть ли резон этому движению носить имя «Народного»?..

Если читателю интересно знать, я изложу здесь свое мнение на предмет неудач и поражений этого института самодеятельности граждан — движения за перестройку и возрождение, как первоначально оно называлось.

Во-первых: руководство Народного фронта, преуспевая в теории, всегда недооценивало организационную работу в рабочей среде, на селе — особенно. Не имея прочных контактов, руководство не понимало и, возможно, не хотело понимать истоков души, уточним, психологии простых людей, живущих в сложную посткоммунистическую эпоху. Не имея широкой поддержки, оно свело основную работу сугубо к парламентской деятельности.

Далее, пренебрегая расстановкой политических сил и, вероятно, не имея никакого представления о дипломатии, лидер Народного фронта З. Позняк прямо заявил о своих претензиях на исконно белорусские земли, лежащие на восток, запад и северо-запад от нынешних границ Беларуси. А там ведь не только земли, но и народы конца XX столетия со своими взглядами на вещи и на Позняка.

С той же воинственностью и точно так же бравируя и пренебрегая настроениями, чувствами, чаяниями основной массы народа, Аника-воин стал угрожать на митинге физической расправой коммуни-

стам как таковым, дескать, мы будем их вешать. Спасибо, раскрылся соколик! Это сколько же их, исповедовавших коммунизм членов партии на белорусской земле?.. Едва ли не каждый второй, если взять вместе с семьями, свояками да близкими. Данность, с которой трезвым политикам следовало бы считаться, благо прокоммунистической давно стала среда, в которой люди жили и живут поныне.

Итак, за спиной Позняка грешным делом замаячили новые Куропаты. Или это мираж? Чушь собачья... Да, но угроза ощущалась подспудно для многих.

Во-вторых: парламентская оппозиция, по-видимому, не отдавая себе отчета в том, повязала в общих парламентских дрязгах, увлеклась суетным, батальями вокруг льгот, решением шкурных депутатских вопросов. Принимался закон, в соответствии с которым каждый депутат сразу становился на полное государственное довольствие, обеспечивался на всю оставшуюся жизнь по непостижимым для рассудка любого избирателя нормам. Каждый наделялся неприкосновенностью, подвигался к святости, не тут будь сказано, как индийская корова! И это в стране, где народ нищенствовал. Ни один депутат оппозиции и вообще ни один «народный» избранник не поднял руку против этого суть прихватизационного закона. Однако же особый спрос с оппозиции, которая прежде всего должна была поднять на щит интересы своих избирателей, а не собственное обогащение. Читатель, вероятно, помнит реакцию, волну возмущения людей: их предали!

В-третьих: парламентская оппозиция оказалась толстокожей и не учла, не учуяла, не распознала сразу опасности для общества в расцветшей красным маком коррупции чиновников, ответственных лиц, которые за счет несправедливых доходов строили дворцы, замки на дачных участках, что бросалось в

глаза и было притчей во языцех. Более того, пошли слухи (возможно, обосновательные), что и депутаты оппозиции увлеклись созиданием собственных хуторов.

Как бы там ни было, но парламентская оппозиция замешкалась и упустила шанс возвысить свой голос против воровства, коррупции, защитить интересы народа, о котором на словах так сильно пеклась, и тем самым набрать очки в деле престижа. Этот шанс использовал некто другой, более ловкий, велеречивый, обольщающий и самообольщающийся в своей «борьбе» с коррупцией. (Повернувшись лицом на восток, он клятвенно произнес, что в течение двух лет выведет из кризисного состояния экономику Беларуси, поднимет сельское хозяйство и т. д. и т. п. А если не сделает этого, то pošлет свою голову пеплом и уйдет, и уйдет... Ушли иные, а жизнь просела и проседает все глубже, затягиваясь тиной псевдосоциализма).

В-четвертых: депутаты оппозиции (кстати, не только оппозиции) изменили своим предвыборным заверениям, клятвенным обещаниям, прямому долгу разобраться в проблемах Чернобыля, обеспечить правовую и социальную защиту населению, потерпевшему от чернобыльской катастрофы. И здесь надежды избирателей тоже были обмануты.

В-пятых: руководство Народного фронта, накопец, переоценило собственные силы, достоинства, симпатии к себе электората и не пошло на организацию единого демократического блока на выборах Президента Республики Беларусь. А этот блок был возможен, безусловно, при поиске политического компромисса при выдвижении кандидатом в президенты личности менее одиозной в глазах народа, чем Позняк, и более компетентной в политике и экономике. Требовалась иная фигура... Но только, чтобы осознать необходимость этого шага и хоть как-то

скорректировать свою деятельность, вожакам Народного фронта потребовалось около пяти лет.

Наконец, что касается власти... Выступая летом 1989 года на I съезде БНФ в Вильнюсе, один авторитетный человек заявил: «Наш рух не дамагаецца ні багацця, ні ўлады. Але мы не хочам усенароднай галечы і прагнем справядлівасці».

Я вдумываюся в эти слова и не могу понять, чего в них больше: заскорузлой белорусской простоты, истинного пренебрежения властью или «святого» лукавства?.. В самом деле, политическое движение (а Народный фронт именно таковым и является) всегда стремится к власти. И Позняк бредил властью, постоянно возгорался болезненной мстительностью, а став лидером Народного фронта, уверовал в то, что только для него судьба и предопределила нимб президента, ореол властелина дум; с него хватило апломба врожденного диктатора. Но ведь амбиции не есть признак мудрости, и, слушая предвыборные речи Позняка с экрана телевизора, один наш гость из Америки, белорусский эмигрант, искушенный в политике, не выдержал и воскликнул:

— Дурак! Бовдило! Глянь, вместо того чтобы объединять людей вокруг своей платформы, он настраивает одних против других!

Вот и вся недолга. Конечно, эти пять пунктов — не полное освещение темы, тем более что я не претендую и на их объективность, отнюдь. Я допускаю, кстати, что в происшедшем не все мне открылось. Да, быть может, и не все подвластно рассудку.

Однако же ладья белорусской парламентской элиты, именующей себя оппозицией, удалившись от родного берега, кувыркнулась в притихшем таинственном море. Как знать, не было ли это знаком высшей справедливости? Неопытные в политике штурманы завели свой корабль, прямо скажем, в «бермудский треугольник». Как следствие — откат

общества к новой драконовской морали, в полосу деградации. И уж не рановато ли З. Позняк ретировался из республики?..

И последнее. В подобной горькой констатации факта нет укора рядовым членам движения. Многим из них присущи благородные помыслы и побуждения, у них есть воля и мужество, чтобы противостоять злему року.

Конгресс демократических сил, проходивший в Минске 29—30 января 1999 г., показал, кстати, возможность расширения Народного фронта, и это при том, что некоторые фанаты движения уже в самом финале форума, не сознавая того, внесли в него свою дестабилизирующую лепту. Но главное событие таки состоялось.

Да, но радости пока мало — час неровен, и в созвездии псов для нас готовятся еще большие испытания. Не исключено предательство коренных интересов граждан, в своем родстве и общности составляющих народ. Поэтому в упорной борьбе за стратегические цели, а борьба обостряется, обновленной оппозиции, возможно, повезет больше. Дай Бог!

Лишь за собранным, дружным, семижды согласованным и разветвленным движением патриотических сил — будущее народа и нации.

**ЗАКЛЯЦЦЕ,
або ЗАКЛІК: БРАТОВЕ, АДЫДЗЕМ
АД ТРУПА ТАТАЛІТАРНАЙ СІСТЭМЫ!**

Я калісьці таксама з высокім сэрцам спяваў:
«Широка страна моя родная...» Нас умелі выхоўваць
на песнях.

Але ці не здрадзіў нам розум, людцы? Пэўна ж, з
галавой быў чалавек, калі сказаў: двойчы нельга
ўвайсці ў адну і тую ж раку. І наогул, зазначыў
другі мудрэц, не бывае так, каб усё стала, як было.
Дык чаго ж мы прагнем «светлай» минуўшчыны?

Уявім сабе для прыкладу, што мы з Кебічам зноў
джгаем туды, куды душа кліча, гэта значыць у міну-
лы, настоены на ветлым сацыялістычным сонцы
дзень. Аднак прыгледзімся: па якім такім шляху і ў
якую такую краіну вядзе нас павадыр, прэтэндую-
чы на ролю бацькі? І трэба аддаць чалавеку належ-
нае, ён умела карыстаецца нашым цярпеннем і на-
шай тугой па рэальнаму і нерэальнаму сацыялізму,
пры якім начальнікі каўбасой дзверы завязвалі, але
пакуль не знайшоў небарака шляху, па якім нас
далей весці.

Зрэшты, наш павадыр апошнім часам ужо дас-
таткова раскрыў свае стратэгічныя планы, і ў тых
планах сакрэтаў няма. Засталіся пытанні. Ці пры-
муць, напрыклад, «старэйшы брат» Ельцын і ель-
цынская Расія пад свой дах жабракоў-фанатыкаў з
сацыялістычным кроем душы? Не, мусіць. У адносі-
нах з усходнім суседам наогул выспявае жыццёвая
драма. Той, хто кляўся рэформамі, здрадзіў ім, не
мяняючы ў грамадстве нічога, — не таварыш Ель-

цыну, не сваяк іншым... Той, хто пакінуў свой народ пакутваць на раздарожжы колькі гадоў, — не палітык наогул. Хітры альянс тут, бадай, немагчымы, і нам варта ведаць пра гэта.

Дык які ж разлік на думную Русь усё-ткі робіць наш павадыр?

Адказ прасты і недвухсэнсоўны: разлік яго на Расію Зюганова і Жырыноўскага, Руцкога і Хасбулатава — дзеячаў рознай масці і рэльефнага словаблудства, што сышліся зусім не на сацыялістычнай платформе, а на карычневым нацыянал-сацыялізме і шавінізме. Яны ж цягнуць грамадства ў вір нестабільнасці, да новых міжнацыянальных і сацыяльных катаклізмаў.

Бадай, толькі сляпому гэта не відаць.

Бог сведка: двурушніцтвам, хлуснёй мы адмыслова накармлены. А лёс нам рыхтуе яшчэ і яшчэ раз гэтую страву. Цяпер — на выбарах прэзідэнта.

Пара б ужо нам адрозніваць ману ад праўды, слова мудрае, прарочае ад пустазвонства, ад папулісцкага шарму, нарэшце. Той, хто прэтэндуе на роль бацькі, павадара нацыі, а словы і абяцанні ягоня не збываюцца, вельмі далёка стаіць ад прарока, нават калі вызнае і прапаведуе блізкія для народа ідэі сацыяльнай роўнасці, справядлівасці, калі карыстаецца зажуранасцю чалавека, сумама па звыклых абставінах.

Калі шчыра прызнацца, я таксама сумую па сацыялізму. Толькі ж я, чуеце, сумаваў па ім яшчэ больш — і пятнаццаць, і трыццаць гадоў назад, калі бачыў заганную сістэму ўладкавання жыцця і выяўляў шмат недахопаў у гэтай сістэме, пісаў пра іх у друку, за што меў тое, што меў.

Па маім глыбокім перакананні, сацыялізм, а заадно і звышдзяржаву СССР загубілі не Гарбачоў або Ельцын, не Шушкевіч разам з Краўчуком — загубіла сацыялізм камуністычная партыя-монстр.

Партыя, паклаўшая ў аснову свайго панавання бальшавізм, перамешаны з пустаслоўем, што дало разрыў паміж словам і справай і вырасла ў таталітарны рэжым.

У сучаснай сацыялістычнай ідэі, дарэчы, няма, на мой погляд, ні новых стратэгічных сродкаў, ні кадраў, нават цэльнай натуры, як і арыгінальнай партыйнай праграмы. Няма іх... Сёння сацыялістам займаюцца адстаўныя генералы, у якіх знаёмы мне сум гіпертрафіраваны да амбіцый. А невялічкая частка моладзі таксама клюе на ідэю, якая сама па сабе прыцягальная — аж да моманту яе ўвасаблення ў жыццё. Дык за кім жа ты ідзеш, змардаваны ўсім папярэднім жыццём чалавек? І — куды? Што кіруе табой у гэты дзіўны час, у час складаны, адказны?..

Шкада, але розумам тут усё не ахопіш. Таму давайце, братове, адыдзем, нарэшце, ад трупа таталітарнай сістэмы, адыдзем і падумаем, як спалучыць свае добрыя грамадзянскія і нацыянальныя традыцыі з традыцыямі цывілізаванага свету. А найперш прыкінем, паколькі наспела, каго абраць у павадыры нацыі, каб сапраўды захаваць сваю годнасць, сваю культуру і самавітасць народа.

Сярод прэтэндэнтаў часам няма там анёлаў — усё грэшныя людзі, хоць ты плач. А анёлаў мы яшчэ не зляпілі, хоць хто-кольвек і стараецца... Крытычны, цяжкі, як бачыце, момант.

Сумленне, аднак, не дазволіць мне пакінуць паза ўвагай прозвішчы Шушкевіча і Пазыняка ў бюлетэні для тайнага галасавання, хоць ёсць там і іншыя, як Лукашэнка...

Першы вядомы сваёй памяркоўнасцю, ён жа ўпарцісты часам і, несумненна, рашучы, калі прыпячэ, другі — больш катэгарычны і мае пераніцовачны характар, чаго не хавае і што ў пэўнай меры замянае яму ў прыцягненні людзей на свой бок. Не анёлы,

паўтараю, абодва; я гатовы выказаць кожнаму з іх свой дакор. Але ж у сітуацыі, калі краіну можа напаткаць новае, ужо палітычнага кшталту бедства, ім, небаракам, варта і дараваць што-нішто.

Асабіста буду выбіраць з гэтых. Але — каторага?.. Не думайце, не рытарычнае гэта пытанне!

Давайце ж, людцы мілыя, ратаваць сябе, свой спакой і свой гонар, чаго мы не пазычым ні ў якім банку свету.

1994 г.

КТО ПОВЕДЕТ ЧЕРЕЗ ИСПЫТАНИЯ?

От редакции. Продолжаем разговор, начатый в предыдущем номере.

«Что хорошего видите Вы в жизни последних лет? Какими Вам видятся пути к пристойной жизни?» — с этими вопросами корреспондент «ЭКИ» обратился к известному белорусскому писателю Василю Яковенко.

1. Белорусский народ пронес через годы-невзгоды свой менталитет, иначе говоря, характер, рисунок души и достаточно самобытен, чтобы народом зваться да жить своей суверенной республикой. Как вы знаете, суверенность Беларуси вполне обоснованно декларировалась и раньше, но существовала лишь на бумаге, а сейчас этот процесс пошел воплощаться в реальность, делается фактом нашей с вами действительности. Как-никак принята вполне пристойная для демократического общества конституция — гарант его дальнейшего стабильного развития.

Радуют подвижки в психологической перестройке депутатского корпуса, вышедшего из тоталитарных или, мягче сказать, номенклатурных тенет. Новая конституция для наших парламентариев — уже подвиг. Люди меняются.

Однако же процессы демократизации и стабилизации общества идут крайне медленно и противоречиво. Считаю, что причина этого явления в неумелом управлении экономикой, в отсутствии такого управления, как и структурной ее переориентации, и все усугубляющийся кризис. Но экономика — не моя сфера.

К хорошим явлениям я бы отнес также самую возможность появления и проявления нестандартных личностей, их способностей, а также терпимость к инакомыслию, предпринимательству вплоть до проституции. Но только ведь и здесь и везде у нас свои издержки, вытекающие из несовершенного законодательства и неумения и нежелания граждан отвечать за себя, свои дела, свои поступки. В хорошем обществе проституция, даже порнография не выставляются напоказ на каждом перекрестке, как с некоторых пор пошло в нашем европейском захолустье. И потому не случайно она, проституция, покупается уже на мораль и нравственность, становится нормой сношений с миром у некоторых политиков прокоммунистического толка.

Да, но я назову еще одно вполне нормальное явление, привнесенное в нашу жизнь перестройкой. Наведены мосты и якобы достигнуто примирение общества с белорусской эмиграцией, с нашими людьми за рубежом. Десятилетия вражды и холода, который искусственно нагнетался в души граждан «самого гуманного общества», сказались на их взаимоотношениях с теми, кто не воспринимал режим, прикрывающийся, как фиговым листком, коммунистическими лозунгами, и кто оказался по другую сторону баррикад. Но вот баррикады в значительной мере разобраны и проведен первый съезд белорусов всего мира, начались культурные и деловые контакты. Только же порог недоверия все еще не сломлен.

Я говорю лишь о том, что сердцу близко и дорого, во что мне как литератору тоже сподобилось внести свою лепту. Газета «Набат», которую я редактирую, например, три года назад первой подняла свой голос в защиту чести и достоинства людей, оказавшихся на том берегу.

2. Теперь у нас, белорусов, и жихарей других национальностей, поселившихся вместе с нами, одна общая забота: как преодолеть экономический кризис и начать более-менее пристойную жизнь? Или жизнь с человеческим образом... Это важно. Между нами в обществе, кстати, много зверья развелось, и я, честно говоря, не знаю, какие силы и средства следовало бы кинуть, чтобы подавить у отребья хищные хватательные и садистские рефлексy. Это бич нашего общества.

Подчас можно слышать странные, на мой взгляд, вопросы и даже развернутые дискуссии: вот ориентироваться нам на Запад или на Восток? Но друзей не выбирают. Компетентные люди должны изучить, кто из соседей и потенциальных партнеров наилучшим образом удовлетворит наши интересы в определенном отрезке времени и с чьими интересами наши интересы больше совпадают. Подсказать решение могут даже компьютеры. Но субъективизма здесь быть не должно и всесильный референдум не вправе решать подобные экономические ребусы. Лишь только оптимальный, научно выверенный вариант будет отвечать интересам народа.

Боюсь, что, идя путями неисповедимыми и преодолевая кризис экономики и социума на родной земле, нам еще и еще раз придется подтягивать брюхо, голодать. А голодание лучше делать по методике Войтовича или же Шумилова... Но я не на шутку обеспокоен затяжкой с решением российской версии выживания; нам надо решать: так или иначе? Промедление для нас губительно. Промедления больше нельзя допускать! Нет — так нет. Берем, судари, свои коммуникации в свои опаленные Чернобылем руки, учимся считать — раз, два, три — что ползет через нашу границу, кто нам и чем мы кому-либо обязаны. Считаем — это не трудное дело — и вычисляем новых партнеров, друзей. Тем временем вка-

льваем в конструкторских бюро, у заводских станков и за плугом. Одно не следует забывать: вкупе с экономическими проблемами следует решать и экологические, иначе нам вообще не выйти на путь выживания. Пропадем.

Итак, с перекрестка больших дорог, где мы замешкались, куда-то двинем-таки. Земля — мать родная, а Бог — батько. Он видит и люди видят: мы честны перед судьбиной, не хитрим и не лукавим, не искали и не ищем легкого хлеба — это одно; за суесловием на высоких трибунах не забыли, что был и что есть созидательный труд — второе; а кусаться, это значит кусать друг друга в политическом, эротическом, предпринимательском запале еще не стало нашим тотальным обычаем — третье. Короче, братцы, мы не настолько поиздержались духовно и не так деградировали, чтобы, вняв рассудку, не взяться за организованный труд, производительность которого — одна производительность! — только и будет поставлена нам в зачет. Уверен: при этом пройдем испытания!

Но кто поведет через испытания наш народ?

1994 г.

ДВА ПОЛЮСЫ АДНОЙ З'ЯВЫ

Калі паспрабаваць асэнсаваць палітычнае жыццё з таго самага часу, як селянін і ваяр парламенцкай нівы Аляксандр Лукашэнка стаў Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь, нельга не заўважыць, што атмасфера ў грамадстве ўсё больш і больш наэлектрызоўваецца. Прычынай таму, мне здаецца, — два бакі адной з'явы, якая, пры пэўных падставах, можа разглядацца як БАЛЬШАВІЗМ.

Гэта праяўляецца ў таварыша (так, па савецкай традыцыі, ён, пэўна, хоча, каб звалі яго) Лукашэнка ў неадольным жаданні замяніць усе кіруючыя кадры на «свае», правераныя ў барацьбе за вяршэнства прэзідэнта. І тут часам, відаць, не мае значэння, ці дастаткова кампетэнтны той чалавек, каб быць кіраўніком...

У адрозненне ад некаторых яго апанентаў я вельмі цаню пракаветную сялянскую мудрасць, кемнасць, шчырасць у працы. Чым Бог не абдзяліў і большасць кіраўнікоў гаспадарак... Сустракаючыся са старшынямі калгасаў раней, нярэдка дзівіўся іх розуму — акадэмія ў галаве! Тым не менш у гэтым выпадку не магу зразумець чыста бальшавісцкай ментальнасці прэзідэнта, які колькі часу ўжо ігнаруе нацыянальную творчую інтэлігенцыю і наогул знатакоў сваёй справы. Ці не баіцца ён трымаць іх у сваёй вотчыне, дзяржаве?

Яркі прыклад нам падае Прыбалтыка. У Латвіі, напрыклад, як яна стала суверэннай дзяржавай, старшыня Саюза пісьменнікаў Янас Петарс быў прызначаны паслом ў Маскве, а пісьменнік Артур Сніпс стаў паслом Латвіі ў Беларусі. Яны робяць

палітыку. Дзяржаўнымі дзеячамі там сталі кампазітары, мастакі...

Тое ж было на Беларусі ў дваццатыя гады, акурат у перыяд яе нацыянальнага і культурнага адраджэння, які закончыўся, праўда, трагічна, не па іх віне. Цяпер палітыка больш туманная і адносiны да iнтэлекту нацыi — адваротнага кшталту, што нiяк не стасуецца з заявамі прэзіданта аб неабходнасцi ўмацоўваць дзяржаўнасць.

Зразумела, такая акалічнасць не можа не выклікаць адмоўных эмоцый у грамадстве, у тых самых выбаршчыкаў, якія галасавалі за Лукашэнку і якіх ён на словах так цэніць, шануе.

Другі полюс — апазіцыя прэзідэнта, якая не з'яўляецца пакуль што нечым адзіным і цэльным і якую з першых дзён ягонай улады апякае, стымулюе і намагнічвае БНФ. Калі ўважліва прыгледзецца да тактыкі гэтай групоўкі, да яе ўчынкаў і дзеянняў — зноў жа прыходзіш да сумнай высновы: БАЛЬШАВІЗМ. Так, зноў ён, прычым у горшым гатунку. Тут ні культуры дэмакратычнага рэю, ні адзінай платформы, ні праграмы па выхаду з крызісу, ні клопату пра народ, наадварот, для так званых нашых дэмакратаў чым горш для народа — тым лепш, тым больш для іх шансаў захапіць уладу, і ўсё робіцца насуперак прэзідэнту і ягонай камандзе, каб збэсціць, аблаяць, падсекчы яе, каб прывесці да ўлады «цэнявы кабiнeт мiнстраў», бо ў грамадстве яшчэ мала ценю. Безумоўна, гэтай мэце прысвечаны і скандальны даклад народнага дэпутата Сяргея Антончыка, многія пункты якога сапраўды заслугоўваюць пiльнай увагі і вывучэння, ацэнкі праваахоўных органаў. Каб пазбегнуць тэндэнцыйнасцi, Антончыку варта было б пашукаць падобныя факты і ў блiжэйшым да сябе асяроддзi. Шкада, але факт: карупцыя ў нашым расхiстаным за Кебiчам грамадстве, калi заахвочвалiся хватальныя рэфлексy, стала эпiдэми́яй.

Хіба не ў гэтай дэградуючай маральна-палітычнай сітуацыі стала магчымым тое, што дэпутаты парламента адзінадушна прагаласавалі за прыняцце закона аб сваёй арыстакратычнай (матэрыяльнай і прававой) незалежнасці ад народа. І, наогул, за ператварэнне сябе ў свяшчэнных індыйскіх кароў. Гэтая з’ява мае назву: прыхватызацыя. Прыхватызацыя правоў і прывілей. Дайшло!

Дык трэба прывесці да ўлады «ценявы кабінет», у якім вызначана месца і для Антончыка, а пасля ўжо пойдучь па-новаму і ператасоўка кадраў, і кадравая карупцыя, і пародыя на дакляраваную дэмакратыю. Будзьце пэўны! Так мы выхаваны.

Не маю маральнага права што-небудзь раіць спадару Зянону Пазьняку, а вось таварышу прэзідэнту, выбранаму культурным народам, параіў бы шчыра: пачаць з невялікага — адкрыць курсы культуры і такту для сваёй каманды, для усіх «новых» кадраў, бо некаторыя з іх не ўмеюць нават вітацца ў прыёмным пакоі са сваімі наведвальнікамі. Між іншым, высакароднасці бракавала і раней.

А яшчэ, бадай, дарэчы будзе нагадаць проста гістарычны факт, калі напрыканцы 80-х у грамадстве пачалі выспяваць ідэі дзяржаўнага і нацыянальнага адраджэння, то нават пры збуцвелых таталітарных парадках і схільнасцях Пятро Краўчанка арганізаваў у Мінскім гаркаме партыі курсы па вывучэнню беларускай мовы і выдатна ёю валодаў на пасадзе міністра замежных спраў. Ён глядзеў наперад.

А куды глядзяць сённяшнія вашы міністры, шаноўны таварыш і пан прэзідэнт? І ці не страчваеце вы дараваныя вам лёсам магчымасці аб’яднаць вакол сябе не толькі пэўную колькасць выбаршчыкаў, але і прыгноблены няшчасным лёсам народ і ўсю спакутаную нацыю?

ГЭЙ, ПАНОВЕ, ПАДТРЫМАЕМ... КАГО?

Як ні дзіўна, вестка, якая два-тры месяцы назад трапіла мне на слых і насіла на сабе адзнаку няпэўнасці, пацвердзілася: робіцца спроба раскалоць Саюз беларускіх пісьменнікаў і стварыць новае творчае аб'яднанне, новы саюз. Навошта?

Вядома, думалася мне, далёка не ўсіх літаратараў задавальняе дзейнасць кіраўніцтва саюза, дый сама грамадская і палітычная актыўнасць пісьменнікаў катастрафічна ўпала, заглухла, як, зрэшты, і творчая рупнасць багата ў каго, чаго граху таіць. Многія з іх рэдка бываюць у сядзібе СП і нават не ведаюць, што там робіцца. У такіх умовах і пры такіх акалічнасцях паспрабуй зрабіць для ўсіх што-небудзь вартаснае.

У думках маіх сціху наплываў, ішоў, цягнуўся паласой нейкі апраўдальны матыў для цяперашняга кіраўніцтва саюза.

Да гаротнага і заняпалага стану пісьменніцкая арганізацыя ішла ячшэ пры папярэднім складзе сакратарыяту, які ўзначальваў Васіль Зуёнак, выдатны паэт, старанны і шчыры чалавек, — арганізатар для роўнага часу.

Адно ўжо пры ім Саюз пісьменнікаў адназначна сеў, садзіўся на мель, ды мала таго — здаў свой адзіны храм — Дом літаратара. І зноў жа тут ёсць апраўдальны матыў. Па маіх назіраннях, «экспрапрыяцыя» будынка стала помстай пісьменнікам: як што яны асмеліліся сімпатызаваць дэмакратам і жыць, як жылі, захоўваючы свой духоўны і грамадзянскі статус. І таму разбіваліся ў мокрыя пырскі і белы

туман адна за адной спробы Зуёнка і адваката Веры Страмкоўскай абараніць праз органы правасуддзя права Саюза пісьменнікаў на свой Дом і сваю паліклініку.

Пры ўсёй шчырай павазе да творчых людзей, якія кіравалі і кіруюць саюзам, я мушу адзначыць іх хібы або, скажам так, няўдачы ў працы. Паэт Уладзімір Някляеў, як, можа, ніхто з яго папярэднікаў, любіў сябе ў становішчы кіраўніка саюза. Але гонар падказваў, што ён павінен выправіць справы, зрабіць тое, чаго не зрабілі яго папярэднікі, вярнуць страчанае, а менавіта Дом літаратара, і абараніць святая святых для пісьменнікаў — родную мову. Эвой! Гэта ўжо звышзадачы, скажа мне нехта, — манілаўшчына... Каб тое пры нашай новай і навейшай рэчаіснасці? Ці ж не пры ім забралі ў саюза часопіс «Першацвет»? Так. Але ж Някляеў выкарыстоўваў свой дар паэта і палітыка, заводзіў і ўмацоўваў знаёмства ў вярхах, шукаў там сяброўства ў разліку, што пераканае, каго трэба, і вырашыць стратэгічныя і тактычныя задачы для Саюза пісьменнікаў. Не атрымалася. А тут яшчэ непярэліўкі з фінансавымі справаздачамі па «Крыніцы», па часопісе, якому ён быў рэдактарам. І паэта Някляева ўзарвала.

Знешне эмацыянальны творчы выбух Уладзіміра Пракопавіча праявіўся ў палкіх публікацыях «Антиподы и эфиопы» і «Я быў і застаюся грамадзянінам сваёй краіны» («Народная воля» за 8.06.1999 і за 21.07.1999). Сюды ж адносіцца і палымяны верш «Народу можна засціць зрок...»

Цяпер можна ўявіць сабе, у якім шоку аказалася кіраўніцтва саюза пасля палітычнага катапультавання за межы рэспублікі У. Някляева. Ён самахоць аказаўся на абочыне грамадзянскага жыцця і палітыкі.

Я не схільны, аднак, вініць у бяздзейнасці сённяшняе кіраўніцтва саюза. А хто не разумее гэтага,

таму нічога больш не дакажаш — не ва ўсіх нашых літаратараў выпрацаваны орган, каб гэтакія рэчы ўспрымаць.

Значыцца, нам патрэбен новы саюз?.. Ага. Я пакуль не ведаю, што нам патрэбна. Я не ўцяміў гэтага і з артыкула Э. Скобелева «Вехи литературного процесса в Беларуси XX века и позиция писателя» («Народная газета» за 30 лістапада — 2 снежня 2000). Таму пачынаю распытваць у прыхільнікаў новага саюза, якімі матывамі яны кіруюцца, што імі рухае. Мушу зазначыць, адны з іх самі мне патэлефанавалі, другіх я знайшоў. Дык вось я слухаю:

ГОЛАС I (зварот да мяне). Васіль, наколькі мне помніцца, ты заўсёды выступаў за справядлівасць. А тут справа такая... Ствараецца новы саюз. У Саюзе пісьменнікаў кіраўніцтва нічога не вартае, не праводзіць ні пленумаў, ні з'езда, нават пасля таго, як Някляеў выкінуў гэты нумар... У саюзе даўно ўсім запраўляюць Бураўкін ды Гілевіч, што яны скажуць, тое і робіцца. А яшчэ там Быкаў за ідала, якому пакланяюцца!

— Няхай... А што ты маеш супраць Быкава? Ён зрабіў сваю справу, якую я назваў бы вялікай.

— Усе робяць, ды не з усімі лічацца. А Быкаў, чуеш, супраць саюза з Расіяй выступае!

— Шэльма, Быкаў, няйначай!.. А ты, калі шчыра, на што пакрыўджаны?.. Цяжка жыць? Не стае грошай на хлеб?

— На хлеб-то хапае больш-менш. У гэтым годзе ў «Школьнай бібліятэцы» выйшла мая кніга, а ў часопісе «Полымя» — аповесць.

— Віншую!.. Што ж ты мне прапануеш?

— Падумай наконт...

— Чакай, а якая арыентацыя ў твайго саюза? Ён будзе падтрымліваць палітыку далучэння?..

— Мяркуецца, што ён увальецца ў Саюз пісьменнікаў Расіі.

— Уга! І хто ж яго стварае?

— Скобелеў, Пашкоў... Нам абяцаюць падтрымку, прынамсі, — новы часопіс.

— Разумею... І Навуменка, мой знаны зямляк, напэўна, у новы саюз запісаўся? Ён і — Шамякін?..

— Не-е, і Навуменка, і Шамякін адмовіліся. Яны за адзіны Саюз пісьменнікаў.

— Тады якія ж яшчэ творчыя сілы выступаюць за адасабленне ад нацыянальнага Саюза пісьменнікаў?

— Сульянаў, Спрынчан, Спрынчан-малодшы... Усяго каля трыццаці чалавек.

Цікава, думаю, хто ж, апроч улад, можа фінансаваць у Беларусі новы часопіс. А калі так... Калі ўлады?.. Скажам, падтрымку ім дакляруе вертыкаль. І, калі на тое, яна робіць гэта не без карысці; яна зацікаўлена ў новым саюзе. Але, калі глыбей капнуць, дзе тыя сродкі ў вертыкалі? Таму, калі яна і стане фінансаваць новы часопіс, які будзе выходзіць, напэўна, на рускай мове, то забярэ іх ад часопіса «Полымя», высахшага ўжо і так у пергамент ад галоднай пайкі, а там, як-ніяк, мой вялікі радзецель за новы творчы саюз таксама друкуецца. Сапраўды... Не пакідае ніякіх сумненняў на гэты конт і аўтар «Вех» Э. Скобелеў.

«В этом случае, — піша ён, — произойдет определенное перераспределение материальных средств, ныне целиком используемых СБП, ставшего в основном орудием контрпродуктивных сил».

— Не разумею, — кажу свайму прыяцелю, — як можна адцурацца ад свайго роднага берага і стаць літаратурным падданым заімглёнай і рызыкаўнай краіны?

— Ды я ж не супраць роднага. Адно ў савецкія часы ў Маскве друкаваліся толькі нашы літаратурныя свяцілы.

— Гэта не так, — прыэчу. — Я, напрыклад, не быў ні геніем, ні свяцілам, а выдаў у Маскве некалькі кніг.

— Тады і ты меў перавагу...

— А ты цяпер хочаш яе займець? І зробіш гэта, плюнуўшы ў твар тым, хто меў і мае падставы лічыцца нацыянальным сцягам, нацыянальным гонарам?..

— Ды не-е...

— Слухай, мілы чалавек, — я пачаў ускіпаць, — мне хочацца паслаць цябе туды, куды Макара цялят не ганяў! Прабач... У новы саюз я разам з табой не пайду! І, калі ты, чалавеча, безнадзейна сляпы і не бачыш, што сёння робіцца, я не доктар і відушчым цябе не зраблю. На жаль!

Трывога і цікаўнасць да ходу падзей вакол пісьменніцкага саюза ўвесь дзень не пакідалі мяне. Я быў ужо зусім перакананы, што ўтвараецца не што іншае, як прыдворны саюз пісьменнікаў без усялякай нацыянальнай адметнасці, запалітызаваны і зацыклены на зрашчэнні з вялікай Расіяй.

ГОЛАС 2 (адказвае мне). А ведаеш, Васіль, я, уласна, ніякай арганізуючай ролі ў фарміраванні гэтай новай асацыяцыі або саюза не адыгрываю. А ў прынцыпе... Ну стварылі ж нашы пісьменнікі элітны Пэн-клуб! То чаму б не стварыць і новае творчае аб'яднанне. Тым больш, што няма ўжо ні Някляева, ні саюза, які ён узначальваў. Не працуе саюз. Хіба ты не ведаеш, што туды ніхто з пісьменнікаў не ходзіць?

— Прабач, — кажу, — сустракаю я там пісьменнікаў. А ты перакананы, што ў новы саюз усе пісьменнікі пойдучь?

— Паглядзім... Запісваюцца ж... Змітрок Марозаў, напрыклад.

— Адно цябе называюць закапёршчыкам...

— Не-е, я так заняты, што мне не да гэтага! Там, калі шчыра, Бондар разгортвае дзейнасць.

— А хто ж будзе кіраваць новым саюзам?

— Магчыма, не адзін чалавек, а некалькі сустаршынь.

Я дзякую чалавеку за гутарку і адчуваю яшчэ большы непакой ад таго, што чагосьці не разумею. Я не разумею, як нацыянальна адметнай асобе — паэту можна ўдзельнічаць у нейкім аб'яднанні, скіраваным, мякка кажучы, на занябанне нацыянальнай літаратуры? А калі глыбей — на ліквідаванне нацыянальных каштоўнасцей. Уцяміць варта ход думкі Э. Скобелева, калі ён даводзіць, што «белорусская литература, вобрав в себя всю мощь русской классической литературы и весь размах советской, сразу же поднялась к самым сложнейшим стилям и высшим духовным переживаниям», калі сцвярджае, што «ее социологичность и историзм ожидает широкое признание».

То добра, пане! Тут Э. Скобелеў удакладняе, што, уласна, для такога прызнання патрэбна... Лічыце, «только одно: чтобы действующая власть, проявляющая столько забот о нашей культуре, не поспешила бы на мудрый проект **по развитию белорусского литературоведения и белорусской литературной критики** (выделено автором), застывших на пролеткультовских позициях и лелеющих свое невежество как своеобразие».

Пытанне: ці не азначае гэта, што пры такім «адрыве» тэорыі ад практыкі літаратуры трэба мяняць не толькі творчы саюз і ягонае кіраўніцтва, мяняць трэба крытыкаў і аналітыкаў у тэрміновым парадку?! Магчыма-магчыма... Адно застанецца зьяць у вяках, як нятленны скарб, думка Э. Скобелева, ён сам у гэтым перакананы, і адсюль: «...я повторяю, что в идеологических наставниках не нуждаюсь и **национального диктата не принимаю, от кого бы они исходил**» (выделено автором). Дзіўна, якія ж дыктатары ў краіне «народнай дэмакратыі», дзе ён

жыве сёння, і чым яны ягоную мосць так палохаюць?

ГОЛАС 3 (адказвае мне). На жаль, я не чула аб перспектыве ўваходжання новага творчага саюза ў склад расійскага Саюза пісьменнікаў. Напэўна, гэта нейкая прыхаваная плынь, намаганне асобных запалітызаваных літаратараў. Шчыра, я не стаю ўбакі ад працэсу ўтварэння новага саюза, але думаю, што не варта з гэтым спяшацца. Не ўсе пісьменнікі разумеюць, навошта патрэбны новы саюз, і багата хто, як Іван Чарота, напрыклад, даводзіць, што трэба, маўляў, там, у існуючым Саюзе беларускіх пісьменнікаў пашукаць ладу, абнавіць кіраўніцтва, паспрабаваць актывізаваць ягоную дзейнасць. А я бачу, што там кіраўніцтва не зменіш, бо моцны ўплыў тых, хто ўплываў і на Васіля Зуёнка і хто фарміраваў новы склад праўлення. Мы з ім доўга дыскутавалі, і Чароту я, бадай, пераканала ў неабходнасці новай творчай структуры.

— Так-так... Мяне, — кажу, — радуе твой абнаўленчы імпэт. Але ці не чакае вас, нас, дапусцім, — усіх, хто ўтвораць новы саюз, наперадзе новае расчараванне?.. Нехта ж з ініцыятараў, пэўна, мае свае адмысловыя амбіцыйныя разлікі і, трапіўшы ў кіраўніцтва саюза, пры падтрымцы ўлад зробіць усё, што яму і ўладам пажаданым будзе. Хто плаціць... Такая прымаўка ёсць.

— Вось таму я і кажу, што праект яшчэ раз трэба абдумаць. Не варта спяшацца.

— Ты гэта даводзіш мне з дыпламатычных меркаванняў?

— Не, у душы яшчэ не страціла непакою за лёс дзіцяці, якое пры нашых клопатах можа нарадзіцца.

— А ведаеш, саюз, прычым любы творчы саюз мае шанцы на жыццё ў поўным сэнсе слова толькі

пры статусе сваёй незалежнасці! Аднак хто яе сёння мае?.. З творчых аб'яднанняў, бадай, адно БАЖ*.

— Падобна на тое...

— Новы Саюз пісьменнікаў, — працягваў я свае дэфініцыі, — калі ён не стане або перастане быць прыдворным — распадзецца. Хіба не? Ён распадзецца хутчэй за наш традыцыйны, даўні, усім знаёмы Саюз беларускіх пісьменнікаў, які, вядома ж, кульгае сёння, як і ўсе, хто дбае пра ўласны гонар і годнасць. Лягчэй за ўсё ад такога «калекі» адмовіцца. Ці не так?

— Што галава — то розум!

— Які б там ні быў кіраўнік сёння, саюз будзе кульгаць. Таму ці мае рацыю той, хто дакарае кіраўніцтва?

— Пэўна... Нешта муляе і мне. Як бачыш: я за тое, каб добра падумаць.

Цікаўнасць цягнула мяне пагутарыць яшчэ з некаторымі прыхільнікамі новага творчага аб'яднання, але я адчуваў сябе стомленым і ад тых гутарак, што меў, і баяўся, што патану ў шырокім радводдзі і стракатасці думак, пачуццяў, уяўленняў пра новае фарміраванне. Да таго ж, перада мной на пісьмовым стале ляжаў артыкул пісьменніка Э. Скобелева.

Уяўляю, які рэй усчаўся б, каб мы сабраліся на сход!

Але толькі ж на сходзе перш-наперш была б справаздача. Напрыклад, за два з паловай гады... Што зроблена?

І мне чуецца голас Вольгі Іпатавай, на якую, пасля ад'езду Някляева лёг асноўны цяжар у кіраўніцтве Саюзам пісьменнікаў.

Так здарылася, што новаму складу праўлення ў спадчыну перайшла запазычанасць па ўтрыманні

* Беларускае аб'яднанне журналістаў.

Дома творчасці на Іслачы, і яна, запазычанасць, складала ладную суму. За яе фінорганы пагражалі забраць катэдж на тэрыторыі Дома творчасці.

Ці справілася новае пісьменніцкае начальстаа з тым, каб адвесці пагрозу?

Так. Хоць гэта было — о-ё-ёй! — найцяжэйшым выпрабаваннем.

Далей... Праўленне памяншла фінансавыя мінусы на плюсы і ўжо за кошт сродкаў Літфонду ў 2000 годзе пачало выдаваць пісьменнікам пуцёўкі ў Дом творчасці, што пасля доўгай, глухой, даўкай паласы ўспрымалася як цуд. Ці ж гэта не добры знак і не поспех у дзейнасці творчага саюза?

Тым часам апантаныя шалам чыноўнікі, якія раней было спакусіліся на Дом літаратара і забралі яго, зрабілі чарговы накат на саюз, каб забраць кабінет у Іпатавай, пакінуты раней за пісьменнікамі. Чаго варты адны іх лісты, у якіх пісьменнікі разглядаюцца як утрыманцы і прышчы ў грамадстве.

Ну і зноў жа: ці адвяло кіраўніцтва саюза ад сваёй сядзібы гэту навалу? Так. Хоць тут і спатрэбілася праявіць нямала вытрымкі, прысутнасці духу, адданасці справе — на справе прэстыжнага творчага аб'яднання, што б пра яго Скобелеў і некаторыя чыноўнікі ні казалі.

Цяпер пяройдзем да іншых пытанняў. Праўленнем саюза праведзена два семінары маладых літаратараў на Іслачы, па 60 чалавек кожны.

У Саюзе пісьменнікаў працуюць творчыя секцыі і працуе Камісія па прыёме новых сяброў у саюз. Як ніколі, актыўна і плённа пачало працаваць літаратурнае аб'яднанне. На яго пасяджэнні, якім кіруе А. Масарэнка, часам збіраецца да сотні маладых аматараў прыгожага пісьменства.

А штогадовая падтрымка моладзі — хіба не прыклад? 10 перспектыўных і маючых вострую патрэбу

студэнтаў вылучаюцца на стыпендыі Міністэрства культуры.

...Пашыраюцца кантакты з замежнымі літаратурамі. Праведзены семінар перакладчыкаў, і як вынік, у Балгарыі выдадзены тоўсты том «Анталогіі беларускай паэзіі». У Іспаніі рыхтуецца да выдання зборнік «Беларускія апавяданні». Дасягнута дамоўленасць з расійскімі літаратурамі аб выданні зборніка беларускай паэзіі ў Маскве.

...Ладзяцца вечарыны і сустрэчы пісьменнікаў з чытачамі, упохапкі чыняцца прыёмы замежных гасцей, і ўсё гэта пры адсутнасці пэўных фінансаў або пры тым, што крыніцай іх з'яўляюцца ўласныя кішэні. Тут нават пахаванне нябожчыка вырастае ў праблему.

...Стратэгічнай, урэшце, назавём праграму развіцця далейшай рупнасці Літфонду. Пры Літфондзе створана выдавецтва і выдадзена некалькі кніг, у тым ліку зборнік «Беларускія апавяданні» на нямецкай мове.

У палітычным плане, сказала б на сходзе Іпатава, саюз умеркаваны і цвёрда стаіць на сваёй спадчынай нацыянальнай глебе. Таму, пры належнай увазе і цяргімасці да яго творчага духу і да грамадзянскіх памкненняў, пры спагадзе дзяржавы, ён, былы пакутнік, ён, былы цяжкахворы, ужо сёння можа адкінуць прэч мыліцы і актыўна працаваць на духоўнае адраджэнне і ўзбагачэнне грамадства. Саюз творцаў жыве. Саюз будзе жыць!

Прыкладна так, сказала б Вольга Іпатава. А я думаю пра галасы некаторых асоб, якія гучалі і гучаць дысанансам і спрабуюць стварыць бог ведае што.

«Боже, как все это смешно и наивно! Как все злое и пагубно — ради своей побитой молью шкуры играть интересами нации!» — так палымяна, імпагна, утрапёна сказаў у сваім артыкуле Э. Скобелеў і, напэўна, не ўцяміў, што сказаў пра сябе.

Калі б я не быў беларусам, то, магчыма, гукнуў бы: «Гэй, панове, падтрымаем пачын патрыётаў Расіі». Але ж я такі гонар маю і свае добрыя пачуцці да суседніх народаў і іх літаратараў стрымліваю спадчыннай бацькоўскай вуздэчкай: «Суседа паважай, а перадусім будзь патрыётам сваёй зямлі, сваёй Айчыны!»

2000 г.

САГА ПРА СВАІХ І ЧУЖЫХ

Адкрыты ліст І. Капыловічу з нагоды яго артыкула «З кім вы, інжынеры чалавечых душ?» у «Народнай газеце» за 27.01.2001 г.

Іван, а Іван, ці шмат яшчэ на свеце такіх дзівакоў, як ты? Уяві сабе вялікую сям'ю, у якой цябе прымаюць за сына. У цябе багата братоў, і нехта з іх бачыць жыццё іначай, чым ты. Во гэты — ідэаліст, той — прагматык... Адзін моліцца на Бога, другі — на дойную карову. Маці аднолькава ставіцца да ўсіх сыноў, дарма што погляды ў іх розныя. Маці ганарыцца іх працай і ўдзячна ім за добрыя адносіны, за пашаноту і любоў да сябе. Сям'я як сям'я. А толькі табе не падабаецца, што браты глядзяць на свет інакш, чым ты, а калі інакш — значыць, памыляюцца. І ты, не пажадаўшы нават разабрацца ў тым, чым абумоўлены іх погляды, заяўляеш: «Я выходжу з гэтай сям'і!». Затым, азірнуўшыся, кідаеш рашучы і знакавы вокліч: «З кім вы, «інжынеры чалавечых душ?»» Словы, узятыя ў дзвукоссе, выяўляюць іронію і пагарду да братоў — калег-пісьменнікаў.

Носячы ў душы Божы дар мастака, пісьменніка, ты выглядаеш настолькі дэпалітызаваным чалавекам, што мне шчыра шкада цябе. Павер, я не вораг, а хутчэй твой прыхільнік і блізкі па зямлі, якую мы разам топчам, чалавек.

Твая зацягасць у праклёнах іншадумцаў, на жаль, не пакідае мне ніякага шанцу паразумецца з табой. Таму, можа, і лепей было б не траціць пораху, не ўвязвацца ў спрэчку з табою. Але ж, калі ты апелю-

еш у сваіх меркаваннях да чытача, ды, папікаючы мяне ў неаб'ектыўнасці, спрабуеш сфарміраваць у дачыненні да пэўных з'яў і асоб грамадскую думку, то дазволь і мне, браце, лічыць за свой абавязак прадставіць табе і, вядома ж, чытачу свае думкі, свой погляд на рэчы.

Ты, напрыклад, клянеш перабудову, і Гарбачова, і Ельцына, што яны вінаватыя ў развале Саюза! І без каліва сумнення прыпісваеш ім зламыснасць. Цытую: «Вось жа цяпер Гарбачоў ды Ельцын не-не ды і прызнаюцца, прагаворваюцца, што змалку не-навідзелі камунізм, сацыялізм, і таму і паставілі сабе за мэту знішчыць народны лад жыцця». І тут жа перакідваешся на вядомых пісьменнікаў: «Чаго ім не ставала, чаму яны, як толькі стала цяжка дзяржаве, народу, здрадзілі, не задумваючыся, і сваім чытачам? Хіба ж не здрада тое, што Васіль Быкаў разам з Алесем Адамовічам некалі ўвайшлі ў склад міжрэгіянальнай дэпутацкай групы, і разам з міжрэгіяналамі грамілі Савецкі Саюз, Савецкую Армію, Савецкую ўладу?»

Авохці мне! Як эфектна ўсё гэта гучыць! І далей з тым жа выкрывальным імпэтам:

...міжрэгіяналы былі дужа з'яднаны, дзейнічалі арганізавана, у іх была своя тактыка і стратэгія, у іх былі свае органы друку, іх аб'ядноўвала жорсткая дысцыпліна, яны мелі відавочную маральную і матэрыяльную падпітку з-за мяжы... яны цвёрда ведалі, чаго хацелі і чаго дамагаліся». Адкуль гэта?.. Ні даць, ні ўзяць, клішэ да дзейнасці бальшавікоў іскраўскага перыяду, а можа, і пазнейшых гадоў, калі штаб германскай арміі, напрыклад, пераводзіў на рахункі Леніна, Троцкага і іншых сваіх агентаў грошы для падрыўной дзейнасці ў Расіі, на ажыццяўленне там сацыяльнага перавароту.

Мяркую, рыторыка аб падпольнай дзейнасці, выцягнутая табой з трывалазавучанага ў школьныя

гады, не надта стасуецца з дзейнасцю Быкава і Адамовіча ў міжрэгіянальнай дэпутацкай групе і па-за яе межамі. У твая гады якраз я часцей, чым калі, сустракаўся з Васілём і Алесем, таму ведаю трохі больш за цябе пра іхнюю, скіраваную на абярог дэмакратыі рупнасць.

Здзіўляе твая апантанасць і смеласць заяў пры іх абсалютнай бяздоказнасці. Калі не прыводзіцца ніводнага аргумента, факта, хоць якога-небудзь задрыпанага дакумента. О, каб гэтак пісаць пра людзей!

Давай, шаноўны Іване, цяпер падызем бліжэй да жыцця і бліжэй да гісторыі.

У 70-я гады я напісаў і выдаў публіцыстычную аповесць «Пакуль сонца ў зеніце» — пра докшыцкіх хлебаробаў, затым узяўся за вывучэнне жыцця ў калгасе «Аснежыцкі», з пэўным творчым разлікам нават працаваў там на збожжаўборачным камбайне. На пачатку 80-х мы з Іванам Васільевым, расійскім пісьменнікам, публіцыстам, найвыдатным знаўцам вёскі, каля двух тыдняў падарожнічалі па Беларусі. І што б, ты думаў, нас, аграрнікаў, цікавіла? Дзе выйсе, у чым паратунак для збыднелых вясковых жыхароў? Калгасы, карыстаючыся іх вымаглай працай, рана ці позна развальваліся. І расійскае Нечарназем'е ўжо ляжала на баку. У Беларусі мы назіралі, па сутнасці, той жа дэградацыйны працэс. Толькі праходзіў ён больш запаволена. Нас, як магнітам, цягнула туды, дзе вёска жыла паўнацэнным жыццём. Але не прыгадаю цяпер, дзе мы такое нават бачылі. Арганізацыя працы была больш перспектыўнай, як мы пераконваліся, у тых гаспадарках, дзе звяно ці брыгада стаяла бліжэй да зямлі і атрымлівала грошы за канчатковы прадукт, іншымі словамі, дзе быў нейкі, няхай сабе і аддалены, напамін аб прыватнай уласнасці на зямлю або ферму, аб прыватнай (асабістай) адказнасці за ўраджай, надоі,

прывагу на адкорме (калгас «40 год Кастрычніка» Іванаўскага раёна, калгас «Рассвет» імя К. Арлоўскага і некаторыя іншыя). Мы разумелі, што селянін як творца знішчаны падчас калектывізацыі, а калгаснік па творчым імпульсе не ідзе ні ў якое парананне з ім. Ведалі, што лепшыя, прадпрымальныя, заможныя сяляне ў значнай меры знішчаны фізічна. У Беларусі, напрыклад, у 30-я гады арыштавана і вывезена ў Сібір, казахскія стэпы або расстраляна каля 1,5 млн. сялян. Дарэчы, прапаў і мой дзед Васіль, бо меў у сядзібе трох кароў, цёлку і каня... Астатнія сяляне скрозь былі ператвораны ў пралетарыяў, дакладней — парабкаў. Парабкамі яны з'яўляюцца і па сённяшні дзень, нягледзячы на большыя ці меншыя заробкі.

Я адмовіўся ад свайго ранейшага намеру пісаць кнігу пра двойчы Героя Сацыялістычнай Працы Уладзіміра Ралько і ягоную гаспадарку ў Аснежыцах. Я пераканаўся, што ў знакамітым калгасе няма калектыву і большасць мясцовага насельніцтва ў ім не працуе, а працуюць людзі, што сюды навалакліся з іншых, зусім збяднелых гаспадарак; і яны тут парабкі, і мясцовыя — парабкі. Усе парабкі, нават спецыялісты... Уладзімір Антонавіч — гаспадар, мужны і моцны характарам чалавек, шчыры з людзьмі, у тым ліку і са мной. Калі я сказаў яму пра сваё «адкрыццё», ён сцішана сказаў:

— Так, гэта праўда. Няма калектыву...

А вось іншы выпадак, сумны і смешны. Васіль Старавойтаў, старшыня калгаса «Рассвет», моцна азадачыў нас, пісьменнікаў, асабліва Васільева, сваім паведамленнем, што распачаў будаваць у Мышкавічах дзіцячы сад закрытага тыпу, каб сабраць у ім калгасных дзяцей і выхоўваць іх без уплыву бацькоў. Ідэя насіла цалкам камуністычны характар. Але чым яна абумоўлівалася? А тым, што калгаснікі, будучы на справе парабкамі, пралетарыямі, люмпе-

намі, пазбаўленыя творчага занятку на сваёй зямлі, співаліся ды нават ад дзяцей адварочваліся, таму малалеткі адно маглі пераняць ад іх — мацюкі...

Увогуле, здаецца, усё і скрозь было пастаўлена з ног на галаву і ў вёсцы, і ў горадзе. Сродкі вытворчасці і ўладу трымалі ў сваіх руках чыноўнікі, наплоджаныя камуністычным рэжымам.

І ці не з гэтых варункаў зыходзілі вучоныя, у Мінску — Гамарнік, у Кіеве — Болатаў, якія яшчэ задоўга да так званай перабудовы і ўкаранення Гарбачовым «новага мыслення» пачалі сцвярджаць, што грамадскае ўладкаванне ў СССР не адпавядае законам біялагічных і сацыяльных сістэм, па якіх яны развіваюцца, што гэта штучна ўтворанае грамадства супярэчыць прыродным структурам і хутка разваліцца.

Можа, ты не ведаеш, дык вось факты. Каб трымаць у пакоры сялян, якія бачылі гвалт над сабой і паўставалі, як у Слуцкім павеце (а ВЧК налічыла 245 буйных сялянскіх паўстанняў), супраць іх былі выкарыстаны армейскія сілы з прыцягненнем бронемашын, бронецягнікоў, артылерыі, самалётаў і нават атрутных рэчываў — на чале з М. Тухачэўскім і іншымі чырвонымі камандзірамі. Цэлыя вёскі ў расійскай глыбінцы знішчаліся разам з насельніцтвам.

Каб скарыць сялян і ўсіх працоўных у СССР, якія не атрымалі ні абяцанай зямлі, ні фабрык і заводаў, а тым больш чалавечых правоў, побач з куляй выкарыстоўвалася і іншая, не менш дзейная сіла — камуністычная прапаганда, што заўжды абяцала калі не гэтаму, то наступным пакаленням рай, дабро, шчасце. «Ніколі яшчэ не чыніўся настолькі аграмадны і настолькі паспяховы эксперымент над душой цэлага народа, — пісаў у свой час акадэмік Уладзімір Вярнадскі, — ніколі ні адзін гіпноз не ставіўся ў такім маштабе». І вынік гэтага эксперы-

менту цяпер нам вядомы: замбіраваны на камуністычнай перспектыве народ, саўковая псіхалогія, паслужліваець, чынапачытанне... А тыя, хто не падаваўся гіпнозу, траплялі ў асобую катэгорыю грамадзян-іншадумцаў.

Аналітыкі часам сцвярджаюць, што сталінскі сацыялізм з яго гвалтоўнай калектывізацыяй, адвольнай фінансавай і эканамічнай сістэмай супярэчыў навуковаму камунізму, духу марксізму-ленінізму. Але ж сялянскія паўстанні падаўляліся па ўказанні Леніна і Троцкага. Таму, калі ты не паверыш мне, павер славутаму акадэміку Льву Ландау, яго вопыту і розуму, а ён сцвярджаў, што ідэя, якая ляжыць у аснове камунізму, — гэта езуіцкая ідэя. Потым яшчэ раз пра тое ж: «Я адмаўляю, што наша сістэма з’яўляецца сацыялістычнай, таму што сродкі вытворчасці належаць зусім не народу, а бюракратыі».

Аднак ці не занадта далёка я адышоў ад тэмы размовы з табой? Ды не, думаецца.

Тэндэнцыя да распаду ўсяго таго, што пры дапамозе бізуна і перніка было створана бальшавікамі, на крыві і касцях, канешне, — гэтая тэндэнцыя набыла асаблівую сілу падчас так звананага застою пры Брэжневе. Краіна, маючы палавіну сусветнага запаса чарназёмаў, штогод недабірала 60-70, а то і ўсё 100 мільёнаў тон збожжа і купляла яго за мяжой. У той час як да рэвалюцыі Расія экспартавала яго і папаўняла казну сваю золатам. Дзяржава купляла таксама мясныя прадукты і масла. А Беларусь тым часам шчыравала. У нас пакуль што гэта атрымлівалася дзякуючы тым жа камуністычным гімнам і лозунгам, энтузіязму мас, што працавалі ўжо на канчатковы знос. Але й гэта не рабіла пагоды ў краіне Саветаў, дзе і хлебная ніва не радзіла, і прамысловае абсталяванне даношвалася, і маральна і фізічна старэлі тэхналогіі...

Карабель дзяржавы, нягледзячы на адтэрміноўку, што даваў ёй экспарт золата і нафты за мяжу, вась-вось мог пайсці на дно. Час было развязаць рукі камандзе, рэфармаваць эканоміку, шукаць свежыя сілы ў перабудове грамадства. З гэтага і пачаў Гарбачоў. А ты клянеш яго за перабудову. Дарэмна. Не віна, а бяда Гарбачова, што перабудова не пайшла яму ў руку, што ён пачаў яе не з партыі, якая, здзяйсняючы лозунг рэвалюцыі, павінна была б перадаць уладу ў рукі Саветаў, і што не напоўніў рэальнасцю суверэнітэт рэспублік згодна з Канстытуцыяй СССР, і яны пачалі рваць па жывому саюзныя сувязі, што вяло да ўсебаковага крызісу.

Рэфармаванню эканомікі, палітычнага і грамадскага жыцця ўсяляк супраціўлялася саўковае чынавенства, і Міхаіл Гарбачоў, выяўляючы ў сабе шмат неардынарнай энергіі, стаў падобны на танк у сыпучых пясках пустыні. Буксую! Распачаўшы вялікую справу, ён па другім ці трэцім годзе ўжо не ведаў, куды краіну павесці.

Як бачыш, пане-браце, я раней за цябе расчараваўся ў Гарбачове. Але розніца ў тым, што я дакараю Гарбачова толькі і толькі за тое, што ён не вывёў краіну на перабудову, якой вымагала гісторыя, а ты — за «перабудову», нібыта тая перабудова была. І яшчэ, я не лічыў і не лічу яго ворагам сацыялізму і амерыканскім стаўленікам або, тым больш, агентам ЦРУ. У тваім, братка, бачанні Гарбачова, Ельцына і іншых палітыкаў таго часу ёсць штось аблуднае. Гэта сталіншчына ў нас сядзіць, калі мы ў кожным бачым ворага. А што да Гарбачова, то, па маіх меркаваннях, сацыялізм яго і загубіў.

Ну няхай, скажам, у нас, з сацыялізмам і камунізмам — нават хрушчоўскім — няўдача. То назаві ж мне, апанент мой шаноўны, дзе ў іншым месцы, у якой іншай краіне, на якім такім кантыненте ён выйграў эканамічнае і сацыяльна-палітычнае спа-

борніцтва з капіталізмам і сябе апраўдаў. Можа, на Кубе ці ў Карэі, у Кітаі ці Польшчы? Агітаваць за вяртанне туды, дзе больш нічога няма, і распавядаць у друку пра сваю настальгію аб тым, што мінула, — проста злачынна...

Я нешта не памятаю, ці быў ты ў партыі. А я быў і, калі адзін камуністычнага крапу рэдактар, у якога я быў падначаленым, нізашто аблаяў мяне і наважыўся было з’есці, справай мусілі заняцца ў ЦК КПБ. Вядомы сакратар кампартыі Аляксандр Кузьмін спытаў у вядомага загадчыка ў справах агітацыі і прапаганды камунізму С. Паўлава:

— Хто такі Якавенка?

— А гэта адзін з маладых літаратараў і, бадай, адзіны, хто піша пра камуністаў. Заб’яце Якавенку — ніхто пісаць не будзе!

Вядома, пасля такой заявы мяне рэабілітавалі.

А я сапраўды пісаў пра камуністаў, але заўжды ставіўся да іх дзейнасці крытычна. Пра гэта можа засведчыць мая першая дакументальна-публіцыстычная аповесць «Дарога цераз гаць».

Набіўшы аскаміну на ўпраўленым і гаспадарчым негатывізме, якім было запруджана мясцовае жыццё, я пачаў шукаць людзей, якія маюць у жыцці найважны клопат пра грамадскую супольнасць і штосьці-такі вырашаюць. Таму, лічу, невыпадкава героямі маіх твораў сталі Ульяна Крышталевіч, Павел Васілеўскі, Кім Сінічкін, Анатоль Бычак... Іменна яны, карыстаючыся дзяржаўнымі фондамі і партыйным, а галоўнае людскім даверам, рабілі тое, што і павінен рабіць чалавек, камуніст ён або беспартыйны, тым больш — пры ўладзе, пры сродках, — клапаціцца пра іншых чалавекаў. Яны так і рабілі і мелі плён і ўдзячнасць людскую. Яны гэта рабілі як носьбіты сацыялістычнай і камуністычнай найгучнай ідэі і зведалі гонар у сваёй бальшавіцкай душы.

Але, як ні дзіўна, усё тое ж рабіў для людзей у сваім маёнтку ў вёсцы Парэчча па-над Ясельдай непадалёку ад Пінска і буйны прадпрымальнік ды капіталіст у самым яскравым выяўленні Аляксандр Скірмунт. А было ж тое паўтара стагоддзя назад!

От гэты нашчадак, або атожылак роду, што сягае ўглыб Вялікага Княства Літоўскага, у маладыя гады вывучыўся на інжынера, спасціг у Германіі навейшыя тэхналогіі. І як толькі вярнуўся дадому, заснаваў у Парэччы фабрыку па вырабу сукна, і тое сукно неўзабаве пачало набываць славу не толькі ў Расіі, але і ў Еўропе. Ён жа адкрыў і цукровы завод, ды сказ не пра гэта.

Фабрыкант Скірмунт не стаў запрашаць на працу спецыялістаў з Германіі, а на свой кошт вывучыў там на інжынераў, тэхнікаў, тэхнолагаў мясцовых сялян, нават намеснікам упраўляючага па вытворчасці працаваў былы селянін. Скірмунт ператварыў фабрыку ў акцыянернае таварыства, удзельнікамі якога сталі рабочыя. Таму імпэт у працы там быў зайздросны і ва ўсіх працоўных — добрыя заробкі.

Забягаючы наперад, зазначу, што яшчэ да нараджэння Леніна, Аляксандр Скірмунт не на словах, а на справе ўкараніў у жыццё яго бальшавіцкі лозунг: «Фабрыкі і заводы — рабочым».

Наступны крок. Скірмунт адкрыў у Парэччы бясплатную школу для фабрычных і сялянскіх дзяцей і бясплатную бальніцу, дапамагаў багата каму ў цяжкіх і няшчасных выпадках. Яго грамадская дзейнасць выходзіла далёка за межы Парэчча, ён браў чынны ўдзел у скасаванні прыгону ў Расіі, які за Сталіным зноў вярнуўся да нас. Разам з абдзіралаўкай. Разам з бяспраўем і жорсткай эксплуатацыяй сялянства.

У Парэччы, упершыню на беларускай зямлі, мы мелі ўзор свайго нацыянальнага, талерантнага, нязмушанага сацыялізму, пры захаванні прыватнай

уласнасці і ініцыятывы. Варта было б нам хоць бы сёння зразумець, што гэта быў за ўзор, і паставіць помнік грамадскаму і гаспадарчаму дзеячу Скірмунту як першапраходцу на сацыяльных абшарах, запушчаных, вымаглых. Бо да гэтакага скірмунтаўскага сацыялізму значна пазней пачалі церабіць сабе шлях у Швецыі і іншых краінах, а цяпер і ў Кітаі.

Нехта з фанатыкаў-камунякаў, калі не ты, Іване, можа запырэчыць мне, маўляў, з такім сацыялізмам лучыцца няроўнасць і эксплуатацыя чалавека чалавекам. Ды хіба ў нас штодня і штогод не назіралася няроўнасць, не чынілася і не чыніцца нават цяпер самая жорсткая і бессаромная эксплуатацыя рабочых, інтэлігенцыі і сялян, асабліва сялян, з боку дзяржавы праз партыйна-дзяржаўнае чынавенства?

Я, можа, і прыняў бы думку вядомага навуковага публіцыста Генадзя Лісічкіна з Масквы, які ў сваім опусе «Міфы і рэальнасць» сцвярджае, што сталінскі сацыялізм нічога агульнага з марксізмам і нават ленінізмам не мае, калі б не адна дробязь. Ліхвярамі-марксістамі, і не толькі сталінскага крою, над галавой узняты лозунг: «Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!» А дзеля чаго?

Ну аб'ядналіся пралетарыі, скінулі ўладу буржуяў, перарэзалі ўласнікаў. А далей што?.. А тое, што і ў Расіі было; яны прывядуць да ўлады чынавенства, якое ніколі і ні за што па-сапраўднаму не адказвала і якому і на пралетарыят напляваць.

Іншы даследчык, беларус Валерый Арцішэўскі ў сваёй манаграфіі «Нацыя: шлях да сацыяльнай гармоніі» даводзіць, што найбольшы клопат пра інтарэсы народа маюць уласнікі і ўлада ўласнікаў, а не чынавенства.

Нарэшце, некалькі слоў пра другую частку твайго артыкула «З кім вы?..» Гэта амбіцёзна-фанатычны заклік да пісьменнікаў выйсці з таго саюза, у якім быў Алесь Адамовіч і ў якім застаюцца Васіль

Быкаў, Ніл Гілевіч, Генадзь Бураўкін, Рыгор Барадулін, Іван Навуменка, Іван Шамякін ды і усе, хто складае лічбу 500.

Чаму б табе не дапусціць, што ў адным саюзе, а творчы саюз — пакуль не казарма, могуць ужывацца, дружыць творцы розных поглядаў як на Маскву, на Югаславію, так і на іншыя краіны. Балазе, ад нашых поглядаў там мала чаго залежыць! А вось што нас павінна яднаць і штодня азадачваць, дык гэтыя праблемы сваёй роднай зямлі, свайго народа, яго гаспадаркі, мовы, культуры.

Ты папікаеш Г. Бураўкіна тым, што ён як тады, калі быў міністрам або ўзначальваў тэлерадыёкамітэт, так і цяпер навідавоку, хоць фактычна адышоў, адваліўся ад кіруючай чынавенскай мосці, — глядзі што перафарбаваўся! Ну і няхай сабе! Нагадаю прыклад, Альгірдас Бразаўскас быў першым сакратаром ЦК КП Літвы, а потым, у самастойнай краіне, што ачомалася ад камунізму, ўзначаліў свой, нацыянальны ўрад. У Літве свае нацыянальныя клопаты аб'ядноўваюць людзей розных палітычных накірункаў, тым больш накірункаў, якія былі ў мінулым. А ты, па-мойму, каторы год працуеш не на аб'яднанне нацыянальных сіл, а на іх раскол. Свядома!

Бачыш, як розна мы глядзім на нашу сілу. Варта толькі спытаць: з якім расійскім саюзам пісьменнікаў ты маеш намер аб'яднацца? Бо іх ужо некалькі. І маёмасць былога Саюза пісьменнікаў СССР даўно пайшла з малатка, у тым ліку і дамы творчасці.

У тваім артыкуле, які бачыцца мне ў пэўнай меры супярэчлівым і сумбурным, выказана нямала горычы з нагоды розных хібаў у рабоце праўлення саюза, былога і цяперашняга. Я веру ў тваю шчырасць, але, як бачыш, не з усім магу пагадзіцца. Па маіх назіраннях, саюз цяпер акурат выходзіць са стану крызісу, толькі, бачыш, гэты не ўсіх радуе.

**НА ПОКЛІЧ — ГІЛЬДЫЯ МАЙСТРОЎ,
або ШТО-КОЛЕЧЫ З УЛАСНЫХ
МЕРКАВАННЯЎ ДА МАЮЧАГА АДБЫЦЦА
З'ЕЗДА САЮЗА БЕЛАРУСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ**

Прапаную ўявіць сабе плынь, у якой адлюстроўваюцца берагі жыцця і купаюцца зоры. Гэта плынь недзе мае свае вытокі; ды мы, ведаючы тое, пераключылі сваю ўвагу на літаратуру. І параўнаем нацыянальную літаратуру з больш ці менш паўнаводнай ракой, якая ўчора цякла, цячэ сёння і, магчыма, будзе бясконца цячы, разліваючыся шырока ў грамадстве, калі на тое, канешне, будуць умовы.

Я тут не маю намеру даводзіць, што адукаваным людзям і так добра вядома, — аб ролі і значэнні мастацтва, уласна літаратуры, дзе розумам і сэрцам спасцігаецца і асэнсоўваецца само жыццё, яго адметныя праявы. Зазначу толькі, што асаблівасці творчага літаратурнага працэсу даюць даследчыкам падставы лічыць: літаратура — гэта матэрыялізацыя самасвядомасці народа, яна як памяць неўтаймоўнага духу пра самога сябе.

Творы літаратуры зазвычай вабяць эстэтычнай дасканаласцю і нясуць пазнавальна-інфармацыйны зарад.

Але, каб выканаць сваю высакародную місію, пісьменнік, кажучы словамі Ч. Айтматава, павінен спазнаць народнае жыццё так, «каб ведаць за ўсіх, адчуваць за ўсіх, хварэць за ўсіх, думаць за ўсіх».

Адсюль і значэнне пісьменніка ў грамадстве, і значэнне той нашай падзеі — пісьменніцкага з'езда, які склікаецца ў Мінску напрыканцы мая.

Не сакрэт, што дзейнасць саюза не задавальняе пэўную частку сяброў, а з іншага боку — не ўсе і мы дбаем пра тое, каб жыццё ў літаратурным калаўроце (без якога ўсё адно не абыдзешся) было цікавым.

Аднак гэта — уступ, і ён вымагае далейшай размовы, аналізу, роздуму аб даволі драматычным, але не безнадзейным стане, у якім апынуўся саюз.

Прыгадваецца папярэдні састаў кіраўніцтва, якое ўзначальваў В. Зуёнак, выдатны паэт, шчыры, старанны і спахвацісты чалавек. Але тыя здольнасці чамусьці не дазволілі яму знайсці сваю ніву або поле дзейнасці для пісьменніцкай арганізацыі ў цікавых, хаця і складаных і зменлівых, умовах жыцця рэспублікі пасля распаду СССР. Чын сакратарыята зводзіўся ў асноўным да пахавання нябожчыкаў.

Дацягнуўшы да з'езда, В. Зуёнак перадаў кіраўніцтва саюзам У. Някляеву, таксама слыннаму паэту, які на той час узначальваў яшчэ і часопіс «Крыніца». Дасціпны, парывісты, амбіцыйны Уладзімір Пракопавіч тым часам перайначыў і падагнаў кіруючую структуру СП пад сваё «Эга», скасаваў сакратарыят і пачаў «правіць», пераважна самім сабой, паколькі іншыя пісьменнікі яму не далягалі. Мяркую, ён мала на каго зважаў, мала з кім раіўся — свайго розуму дзяваць было некуды. Праўда, паэт ставіў перад сабой высакародныя і ўвогуле нармальныя мэты: вярнуць саюзу страчаны Дом літаратара, а краіне — родную беларускую мову, спрабаваў дасягнуць поспеху праз асабістыя кантакты і знаёмствы ў вярхах, разлічваў на свой высокі імідж і сваю абаяльнасць. У ўсё ж яму давлялося расчаравацца ва ўладах, а тут яшчэ непярэліўкі і ў бухгалтэрыі «Крыніцы», крызіс у душы — і старшыня саюза палічыў за самае разумнае з'ехаць за мяжу на няпэўны час. Не выключана, што гэты ўчынак у нейкай меры быў апраўданы, і, дрэйфуючы па Еўропе пры падтрым-

цы Пэн-клуба, ён расстараўся валюты, вярнуўся было і пакрыў запазычанасць знябытай сваёй «Крыніцы».

Мне не хацелася б распавядаць аб прыгодах Някляева. Як-ніяк я люблю і паважаю ў ім паэта, але ж без тых прыгод нам не зразумець і пакут кіруючага апарату СП і рэдакцыі «Крыніцы».

Два гады сталіца жыла без Някляева. І амаль два гады намаганняў у адраджэнні часопіса, два гады барацьбы за ўтрыманне дзеяздольным саюза.

Дзякуй Богу, ужо колькі месяцаў як часопіс «Крыніца» выходзіць! І ў СП справы пайшлі куды лепш, чым тое было пры В. Зуёнку і У. Някляеве. Я неяк ужо распавядаў пра гэта ў газеце «Літаратура і мастацтва». А поспеху тут дабіліся дзякуючы пранікнёнаму розуму, самаахвярнай працы і дабраслаўнасці дзвюх жанчын — В. Іпатавай, пачаўшай выконваць абавязкі старшыні СП, і А. Канапелькі, новага рэдактара «Крыніцы».

Што я маю засведчыць? У саюзе праведзена шмат вечарын і сустрэч пісьменнікаў з чытачамі, прычым не толькі ў Мінску. Большасць з іх арганізоўваў намеснік старшыні СП Н. Гальпяровіч. Рэгулярна праводзіліся семінары з маладымі, чаго раней не было, выдаваліся пераклады твораў беларускіх пісьменнікаў на іншыя мовы, адноўлена дзейнасць Дома творчасці «Іслач».

Саюз не выпусціў са сваіх рук (а ў некага ж была спакуса адняць) часопісы «Полымя», «Неман», «Маладосць», «Беларусь», «Бязрозка»; то яны, хоць і маюць фінансавыя цяжкасці, не знізілі свайго ранейшага мастацкага ўзроўню, наадварот, набылі нешта новае, што радуе чытачоў. Публікацыі ў часопісе «Маладосць» і ягонай бібліятэчцы маладых, выданне пачаткоўцаў у тоўстым зборніку «Анталогія маладой паэзіі» пры ўдзеле саюза, нястомная праца старшыні літаб'яднання А. Масарэнкі з мала-

дымі ў СП, асобныя іхнія кніжкі — усё гэта сведчыць, што ў прыганоблены ад веку пісьменніцкі саюз ідзе дружная і добрая змена.

Я аўтар штотыднёвіка «ЛіМ», і таму мне не выпадае даваць яму нейкія ацэнкі. Але вось наш старэйшы пісьменнік У. Юрэвіч пастаянны чытач «ЛіМа». Ён усцешаны, бо там друкецца шмат цікавых пісьменніцкіх твораў і матэрыялаў гістарычнага плана, якія запаўняюць белыя плямы ў нашай памяці і нашай свядомасці, іх варта чытаць.

Да выдатнай пісьменніцкай ініцыятывы, за якой стаіць К. Цвірка, адносіцца выдавецкая дзейнасць пад шыльдай «Беларускага кнігазбору» і ў выдавецтве «Беллітфонда».

Зрэшты, у маю задачу не ўваходзіць пераказ станоўчых момантаў або творчых здабыткаў і ўдач на абшарах СП. Перад з'ездам лепей зазначыць, што за цэлых дзесяць гадоў у сценах саюза не праведзена ніводнай важнай, лёсавызначальнай і шырокай размовы, каб яна пакінула след у грамадстве. Я не памятаю штосьці ні такіх канферэнцый, ні сходаў, ні «круглых сталаў» або нейкіх іншых там акцый. А ці ж не можна было б правесці канферэнцыі на такія хвалюючыя тэмы:

а) бытаванне і лёс беларускай мовы;

б) роля і стан гістарычнага асветніцтва як дамінанты ў выхаванні самасвядомасці і годнасці нацыі (амаль паводле У. Сыракомлі);

в) аб катастрафічнай забруджанасці інфармацыйнай прасторы Рэспублікі Беларусь і атрутным уздзеянні яе на мараль і здароўе насельніцтва.

Тэм ды праблем шмат, і каб чытачы, у тым ліку пісьменнікі, зразумелі, куды я хіну, прывяду, так бы мовіць, узор выніковай і ўражлівай канферэнцыі ў Доме літаратара ажно ў 1988 годзе.

Хто пажыў, памятае, як хвалявала ў Беларусі ў ранейшыя гады заўзятая праца меліяратараў, якія,

бадай, толькі тое і ўмелі, што спускаць ваду з абшараў і патрашыць, спрамляючы, рэчышчы.

У нашай міжрэспубліканскай канферэнцыі, а мы праводзілі яе разам з украінскімі пісьменнікамі і вучонымі, прынялі ўдзел спецыялісты, Інстытута меліярацыі, міністры, прадстаўнік ЦК КПБ. Як шчыра мы адзін аднаго пераконвалі ў вартасцях і заганых, ды проста ў злачыннасці меліярацыі на Палессі. І што вы думаеце? Нашы вучоныя, акадэмікі АН БССР, а за імі і міністры меліярацыі, лясной гаспадаркі капітулявалі; старшыня Дзяржжампрыроды В. Казлоў кінуўся памагаць нам у састаўленні заключнага дакумента канферэнцыі, дзе цалкам перакрэсліваўся праект абвалавання Прыпяці і ўсё іншае — абсурднае, непамыснае. Пісьменнікі В. Кармазаў і А. Петрашкевіч, дзякуй ім, таксама прыклалі сваю руку да зместу рэзалюцыі.

Канферэнцыя паслужыла добрым урокам вучоным, і яны з таго дня пачалі пераасэнсоўваць і мяняць нацыянальную палітыку ў меліярацыі. Гэта была найвялікшая перамога грамадскасці пры абароне прыроды, ракі, і таму я з гонарам назаву астатніх калег пісьменнікаў, якія прынялі актыўны ўдзел у той гістарычнай, як бачыце, бітве. Гэта А. Казловіч, Я. Пархута, І. Дуброўскі, Л. Караічаў, з Украіны — У. Яварыўскі і П. Мах.

Цяпер, прыгадваючы былыя баталіі, я думаю, чаму б саюзу пісьменнікаў не вызначыць нейкія стратэгічныя напрамкі работы, не ўзварушыць сяброў і час ад часу не выкарыстоўваць дыспуты як форму барацьбы за розумы пры дасягненні сваіх гуманых і высакародных мэтаў? Напрыклад, ніяк нельга адкладваць барацьбы, бескампраміснай, упартай, няроўнай, — дарма — за пашану да беларускай культуры і мовы. Бо пройдзе пэўны час, зусім небагата яго засталася, калі ў Беларусі сярод шматлікіх літа-

ратур — расійскай, украінскай, яўрэйскай, польскай, напрыклад, беларусы не знойдуць сваю.

На нядаўнім семінары маладых у СП выступіў А. Савіцкі. Ён прывёў красамоўныя прыклады. У адной кнігарні налічыў 29 розных кніг Ф. Нязнанскага, але затое ніводнай — беларускіх аўтараў. У Цэнтральнай кнігарні на прылаўках на 32 крокі ўздоўж размясцілася рускамоўная літаратура, і толькі на 2 крокі ў куточку — літаратура тутэйшых. Ці ж не дыскрымінацыя гэта па факту?..

Вядома, сёння пісьменнікам выжыць, пражыць і застацца ў рабочай форме вельмі і вельмі цяжка, паколькі многія з іх насілу зводзяць канцы з канцамі. Таму ж У. Юрэвічу не хапае сродкаў падпісацца на «ЛіМ», і ён карыстаецца падпіскай суседзяў. Мне думаецца, што ў сакратарыяце саюза павінен быць чалавек, які б вывучаў умовы жыцця пісьменнікаў і дакладваў сакратарыяту пра цяжкія выпадкі.

На думку многіх пісьменнікаў, дарэчы, ранейшая структура кіраўніцтва — старшыня, першы сакратар, сакратары — была больш прыдатная, паколькі прадугледжвала для кожнага больш самастойнасці ў працы, адказнасці, ініцыятывы.

Усё павінна стымуляваць нармальную статутную дзейнасць Саюза пісьменнікаў, работу творчых секцый, камісій. Пісьменнікі ўжо наслухаліся пра сябе нямала абразлівых слоў, часцей за ўсё незаслужаных, легкадумных, гарачлівых. Час, мне здаецца, паказаць сваю годнасць не толькі ў творах, але і ў арганізацыі па-грамадзянску сталай працы, у выяўленні свайго інтэлекту, у падтрымцы адзін аднаго. Наш саюз — апірышча грамадства ў ягоных духоўных клопатах, і ў арграбце сакратарыята заўжды павінны прысутнічаць адданасць справе, няўрымслівасць, мужнасць і мудрасць.

Мне, напрыклад, імпануе колішняя думка наша-

га знанага земляка, доктара, мысліцеля М. Судзілоўскага, выказаная з нагоды тых ці іншых уяўленняў чалавека пра сваё бяссмерце. Ён ужывае слова Цэлае ў сэнсе «этнічная ці нейкая іншая супольнасць»: «Вы баіцеся смерці, прагнеце бяссмерця?.. Жывіце жыццём Цэлага. Калі вас даўно не будзе, — яно застанеца. Знішчэнне палохае толькі пакуль вы адчуваеце сябе асобна».

Нам цяжэй пра Цэлае думаць, паколькі яго ў нечым канкрэтным яшчэ трэба ствараць. То і пачнём, можа, з невялікага, з Саюза пісьменнікаў, дзе не стае калектыўнага розуму і энергетыкі шчырай павагі, калі не лагоды.

Да гэтых разважанняў блізка стаяў і былы сакратар СП І. Мележ. Праўда, ён ішоў да іх з другога канца, але таксама ж ад Цэлага. Ён казаў, што па сіле прыкладу саюзам кіруюць не толькі тыя, каго пісьменнікі выбіраюць сёння, а і папярэднікі, увогуле нашы вядучыя літаратары і нават тыя, каго ўжо даўно няма — К. Чорны, М. Багдановіч, Я. Купала. А цяпер вось ужо і М. Танк, дый сам ён, І. Мележ.

Я ўсё ж думаю, што новаму кіраўніцтву пісьменніцкай арганізацыі варта яшчэ раз прыкласці намаганні, каб вярнуць у саюз Дом літаратара і паставіць перад Літфондам СП задачу — для ўмацавання здароўя пісьменнікаў — аднавіць у ягоных сценах сваю паліклініку.

Ёсць у гільдыі майстроў перавага ў доказах.

Толькі ж наперадзе — з'езд!

2001 г.

ЧЫЕ ВЫ, ХЛОПЦЫ, БУДЗЕЦЕ?..

Наш з'езд адвіраваў, бы чарговая вясновая паводка. Ён бурліў, часам пеніўся, але нікога не накрыў, не ўтапіў у сваёй каламуці, хоць у перадз'ездаўскіх навальніцах, уласна, было шмат пагражальнага. Няйначай, мудрасць пісьменніцкая ўзяла-такі верх над пачуццямі, часам зманлівымі, нават збродлівымі, што належыць аднесці на неспакойную і трывожную, зажураную і пакуль што непраглядную паласу гісторыі для нашай беларускай супольнасці.

На з'ездзе цешыў сябе думкай: магчыма і я як літаратурны грамадзянін СР унёс сваю пэўную лепту ў тое, каб да гэтай вехі ў жыцці літаратараў асадзіць грамадскую каламуць, як што мае ўтрапёныя артыкулы ў друку, прысвечаныя саюзу, праблемам ягоным, мелі спаважнае і раскацістае водгулле.

Па ліку гэта быў 13-ы з'езд Саюза беларускіх пісьменнікаў, і, выступаючы ў спрэчках на ім, былы старшыня У. Някляеў нагадаў пра нядобры знак лічбы і сказаў, што, каб тое было ў волі ягонай, ён яшчэ добра падумаў бы, перш чым рыхтаваць і праводзіць яго, тым больш — датэрмінова. Але ж крок, бадай, быў змушаны. Знамянальна іншае: Э. Скобелеў, прадстаўляючы як не самае агрэсіўнае крыло пісьменнікаў, якія яшчэ нядаўна ў штыхі прымалі пранякляеўска-іпатаўскае кіраўніцтва, тут, на з'ездзе перасталі станавіцца ў рожкі і нават заявілі, што з'езд, ягоны ход, яго дух, ім падабаецца, магчыма, за выняткам некаторых дробных момантаў.

Такім чынам ход дыскусіі нібыта спрыяў паразуменню і кансалідацыі шматлікай літаратурнай грамады, што дае падставы для новых спадзяванняў на пастаноўку і рашэнне ўдаўнелых надзённых задач нацыянальнай культуры і чалавечага духу. Аднак філасофскі камень, аб які саюз спатыкнуўся і яшчэ можа спатыкнуцца не раз, якраз у тым, як да гэтых задач падысці.

На душы як-ніяк задавальненне: у цяжкіх сацыяльна-эканамічных умовах, якія склаліся, ды ў псіхалагічным дыскамфорце, створаным для нас, бадай, штучна, пісьменнікі не адцураліся свайго прафесійнага занятку. Многія пішуць, выяўляючы свае добрыя здольнасці і дараваны Богам талент. Асабліва ж радуе супольны, так бы мовіць, плён у гістарычна-патрыятычнай тэматыцы, хоць некаторыя знаўцы і сцвярджаюць, што там не ўсё роўна, не ўсё дастаткова глыбока ўзнята. І, тым не менш, у нашага брата ёсць чуццё тэмы, яе актуальнасці, важнасці для сённяшніх варункаў жыцця і для прышласці.

СП, як мне ўяўляецца, ніколі не меў значнага ўплыву на творчы працэс, дармо што партыйныя функцыянеры ў свой час і праглі таго. Аўтара кліча ў нязведаную далеч або ў вір сучасных праблем сама рэчаіснасць і ненатоленасць духу.

Але калі так, то ў чым жа тады, скажыце, асноўная роля саюза, нашай у прынцыпе высокай саборнасці, асабліва ў сённяшніх умовах? І яшчэ: саюз — гэта што: сівое возера духаў або рака імклівага самаачышчэння, маральнага і духоўнага ўзбагачэння грамадства?

У мяне ж на душы непакой акурат за грамадзянскі напал, за саборнасць ды іх нахіл і рух у часе. За стан агульных клопатаў, за сарыентаванасць і лад, які бывае ў магнітным полі, або дэструктыўную раз-

бэрсанасць і адсюль — зніжэнне моцы духу Саюза пісьменнікаў. Крызіс, я сказаў бы, даволі глыбокі. Нягледзячы на пэўную карысную працу, якая выконвалася ўсе гады і само сабой прагучала ў дакладзе.

Таму па нейкай дзіўнай аналогіі прыгадваецца мне сітуацыя, у якую незнарок патрапілі случакі ў 20-м годзе, выступіўшы ў падтрымку Беларускай Народнай Рэспублікі — супраць рабунку і тэrorу бальшавікоў, пра што даволі ўдала расказаў у сваёй аповесці «Нічыё» Андрэй Федарэнка.

Брыгада ўзброеных сялян спынілася ў вёсцы Себежава, у нейтральнай паласе, падчас замірэння палякаў з чырвонымі, — між дзвюх варожых груповак. Бадзёры настрой, высокі дух, выкліканы ў байцоў усведамленнем барацьбы за інтарэсы — ні левых, ні правых, а за свае крэўныя інтарэсы — адраджэнне Бацькаўшчыны — гэты дух неўзабаве пачаў ападаць па прычыне бяздзейнасці камандзіраў і чакання, чакання імі падтрымкі з розных бакоў, што не спраўджвалася. І пайшлі ў ізаляванай такім чынам брыгадзе хістанні, змовы. Пайшлі правакацыі з варажага боку... Вынік вядомы.

Мне сёння ўяўляецца сімвалічнай як тая палоска нічыёй зямлі, на якой мы, літаратары, падобна случакам, мацуемся, так і грамадскі статус прэстыжнай брыгады — нічыё!

На самай справе, хто сёння возьмецца ўсур'ёз сцвярджаць, што беларускія пісьменнікі як выказнікі гістарычнага і сучаснага духу народа працуюць разам з народамі? Хто возьмецца сцвярджаць і адваротнае: што народ, які, паводле слоў В. Быкава, ад нас даўно ўкралі і ад якога да гэтага часу нас метадычна і спрактыкавана адсякаюць усімі сродкамі інфармацыі, такі народ калі-небудзь спажыве ад свайго інтэлекту што-колечы?..

У нашай сітуацыі духоўныя плады і карані культуры не маюць свайго арганічнага спалучэння, і таму з усёй жорсткасцю і бязлітаснасцю для нас паўстала пытанне: чые мы? Якога аблуднага роду-племені дзеці?

Заціснута і амаль пахавана пад напластаваннямі рускамоўных выданняў беларуская літаратура, катастрафічна звужаецца арэал бытавання мовы. У выніку мы страчваем сувязь са сховамі тых матэрыялаў, якія завуцца мовай і служаць нам для стварэння эпічных карцін, паўнацэнных твораў і вобразаў. Крыніцы няўхільна мялеюць, і мы, як рыба, хаўкаем на «нічыёй», на нейтральнай паласе зямлі...

Напрыканцы мінулага года я выступіў у «Настаўніцкай газеце» з адкрытым артыкулам да педагогаў «Чаго выракліся?». У Хамічах, пад Азарычамі, дзе вучылася мая маці, святкавалі 90-годдзе мясцовай вучэльні. І трэба ж было мне туды завінуць!

У беларускамоўнай, як лічыцца, школе ні на вуліцы, ні з трыбуны, ні ў вучнёўскім канцэрце не ўдалося пачуць ніводнага беларускага слова! Сядзеў я там як выкляты ў камеры без паветра. На мой крык душы «Чаго выракліся?» у газеце пайшлі водгукі. Нехта падтрымліваў, а больш ужо ганьбавалі мяне: чуеце, маўляў, як я пасмеў зняславіць школу падчас ейнага бліскучага юбілею? Школу-перараджэнку, якой тым больш асабіста колькі разоў аказваў пэўную дапамогу.

Хто ведае, чым скончыўся б наш дыспут у лістах па пошце, але толькі старшыня Калінкавіцкага райвыканкама У. Піліпчук рашуча яго абарваў. Выступаючы на нейкай там нарадзе, ён расцаніў мой зямляцкі ўчынак як непрыстойны і пад пагрозай спагананняў забараніў педагогам раёна пісаць мне лісты. Чым не пазіцыя, не пастава ў моўным і культурным пытаннях прадстаўніка ўлады?

Адсюль — мараль. Нястомна працуе і робіць ня-мала ў прапагандзе адраджэнскіх ідэй у друку, напрыклад, пісьменнік Ніл Гілевіч. Кожнаму з нас варта гэта рабіць, хаця і перабольшаць прыватных высылкаў пры фельдфебельскім стаўленні да нас не варта.

Пытанне, аднак: а дзе ж яна, дзе роля, дзе тактыка, дзе, урэшце, стратэгія нашай пісьменніцкай арганізацыі на гэтым лёсавызначальным кірунку? Бо, калі саюз — не выпадковая зборня, а адзіны і жывы арганізм, ён павінен рэагаваць па-жывому на ўсё, асабліва на небяспеку — згодна з сацыяльна-біялагічнымі законамі і праявамі неўтаймоўнага духу.

На вузкай, нічыйнай палосцы, пакуль нас не спіхнулі, нам варта над гэтым моцна падумаць.

І ўжо зусім не выпадае нам зводзіць звадкі аднаго з адным, утвараць змовы, варожа групувацца, калі яшчэ ў нашых душах тлее цікаўнасць і гараць вугельчыкі любові да Бацькаўшчыны.

Час спыніць усялякую мышыную валтузню між сабой і піск нашых ціхамірных аўтарытэтаў саюза, пераважна дам, аб тым, што не варта саюзу займацца палітыкай. Гэта ж раўналежна таму, калі б у Семежаве дачасна прагучалі заклікі: скласці зброю!

І чаму, спытаю ў вас, шаноўныя, грамадскае аб'яднанне ТБМ, стоячы побач з нашым Семежавам, дзейнічае, рупіцца, змагаецца за адраджэнне мовы, пашырае сваю геаграфію, набывае новых сяброў, дамагаецца заснавання нацыянальнага універсітэта і г. д., а СП адно раўнадушна назірае за магчымым партнёрам і ратавальнікам? Ці на добрае гэта? Уважайце... Дрэнна, калі нам нехта здраджвае. І яшчэ горш, калі мы здраджваем самі сабе. Вусцішна робіцца!

На з'ездзе новым старшынёй Беларускага саюза пісьменнікаў абрана Вольга Іпатава, якая раней

выконвала абавязкі старшыні. Выбар лагічны і, будзем спадзявацца, апраўданы. Асоба добра вядомая літаратурнай грамадскасці. Не ведаю толькі, чаго болей насіла яна ў сваёй душы — чалавечай стомленасці, бо называла старшынёўства ў СП галгофай, ці няпэўнасці, што яе працу на з'ездзе прызнаюць, — тое і другое, мяркую, падточвала яе бадзёры настрой, прыгнечвала яе самалюбства, і зусім не адразу, а ў пакутлівых муках яна вырашала для сябе пытанне: ці варта пагаджацца з вылучэннем яе кандыдатуры на пасаду старшыні?

Нешта ж з месяц ці болей Вольга Міхайлаўна вывучала магчымых прэтэндэнтаў, якія самахоць наплывалі, і, не задавальняючыся імі, сама прапанавала двум-тром пісьменнікам даць згоду на вылучэнне. Па нейкім збегу абставін у ліку апошніх аказаўся і я, публіцыст, бадай, з порахам і запалам, ды самы неканкурэнтаздольны ў асяродку саюза, дзе даўно склаліся свае традыцыі і стэрэатыпы...

Вядома, справа цяпер не ўва мне або іншым. Справа — за еднасцю і жыццяздольнасцю, саборнай чынасцю нашай суполкі, якую ачоліла Вольга Міхайлаўна. Калі абвясцілі вынікі выбару, на яе твары раз-пораз успыхвала шчаслівая ўсмішка. Чакала? Жадала? Але ж, збылося!

Чаго ж нам цяпер ад спадарыні Вольгі чакаць?

На думку аднаго з сяброў рады, які ведае Іпатаву бліжэй, чым я, не варта ўпадаць у эйфарыю. Вольга, казаў, па-ранейшаму будзе старацца нікога не пакрыўдзіць і балансаваць у апісанай Федарэнкам, нейтральнай прасторы.

Такі каментар калегі, чалавека аднаго, бадай, веку са мной, мне не да сэрца прышоўся.

В. Іпатава на нядаўняй афіцыйнай нарадзе работнікаў культуры між іншым засведчыла, што можа смела, востра, адкрыта, адчайна ставіць пытанні.

Адно ставіць і вырашаць іх у грамадстве, згодна яўрэйскаму выслоўю, — дзве вялікія розніцы! У маёй публікацыі «На покліч — гільдыя майстроў!» у «Звяздзе» за 26 мая паказаны спосаб, скажам, адзін з іх, як, абапіраючыся на Саюз пісьменнікаў і ягоную саборную сілу ды службовых асоб, можна ставіць і вырашаць хвалюючыя грамадства пытанні і праблемы.

Нам адно застаецца спадзявацца, што арганізатарскія здольнасці, творчы вопыт, імпэт у Вольгі Міхайлаўны напоўніцу пакуль не раскрыты, а жыццёвы падмурак для працы ў яе гошы і цікавы і ён шмат да чаго абавязвае.

Вольга Іпатава ва ўсіх навідавоку і, каб не давлялося даваць у рукі яе нядобразычліўцаў потым матэрыял для папроку, варта, лічу, адразу зазначыць: тытулаваны крытык і літаратуразнаўца І. Саверчанка зрабіў ёй нядобрую паслугу — сваёй рэцэнзіяй на аповесць «Вяшчун Гедзіміна» («ЛіМ» за 25 мая). Не чым іншым, як аўтарытэтам сваім, доктар Саверчанка даводзіць, што гэта — «якасна новая ступень у беларускай гістарычнай літаратуры, па-сапраўднаму наватарская мастацкая спроба» і г. д. Заінтрыгаваў, што называецца!.. Шукаю ў артыкуле крытычнага разгляду, параўнанняў твора з іншымі апавесцямі, эпічнымі палотнамі іншых аўтараў. Але аналізу, хоць павярхоўнага, — ні ў зуб нагою. Эй-ей! А я ж таго І. Саверчанку не аспрэчваю, я хачу верыць яму, толькі калі ты, браце, даводзіш пра наватарства і эпохальнасць твора, то пакажы і дакажы ў чым яны... Інакш пісаць непрафесійна.

Аповесцю «Вяшчун Гедзіміна» В. Іпатава лішні раз засведчыла пра сваю глыбокую гістарычную памяць і пашаноту да продкаў, як і вернасць матэрыяльна-духоўнай спадчыне ды адданасць той чалавечай сукупнасці, якой назва беларускі народ. Палымяны твор! Палымяная асоба...

І каму, як не ёй, скрануць саюз і павесці, карыстаючыся прафесійным іміджам, арцельнымі клопатамі і саборнасцю духу, на рашучую барацьбу за тое, што яму, саюзу, і статутам прадпісана, і на сумленні, няйначай, ляжыць, — за нацыянальную палітыку ў сферы культуры. Далібог, без гэтага нам і нашай літаратуры свеціць шлях толькі ў нябыт.

Дадам, што для падобнага патрыятычнага чыну ў нас, інтэлігентаў, ёсць і належная зброя. Гэта наша слова, наша перакананне, нашы спрадвечныя аргументы і доказы ды наш боль. Мы павінны дзейнічаць спаважна, тактоўна і перацягваць на свой бок людзей, спакушаных д'яблам. Іншага шляху ў нас няма! І тут не ўсё проста. Патрэбны канкрэтныя пільныя захады і, паўтаруся, доўгатэрміновая стратэгія і тактыка духу.

Прафесійнаму грамадскаму аб'яднанню, апроч індывідуальнага творчага занятку кожнага, патрэбна зварушлівая справа, яна, канешне, ёсць, і яшчэ патрэбна жаданне вартай, важнай справай заняцца; толькі на тым, што захопіць пісьменнікаў, адбудзецца іх збліжэнне, знаёмства і нітаванне таварыскасцю. А калі ж пісьменніца з вёскі піша ў Мінск, што саюзу добра было б збіраць і знаёміць між сабой літаратараў, як у клубе «Каму за 30», напрыклад, то гэта варта аднесці да шчырай, але недакладнай і таму памылковай пастаноўкі пытання. Нам усім, я думаю, патрэбны клубы, сустрэчы і дыспуты, але толькі азораныя пэўнай мэтай, праграмай і марай.

Калісьці, падчас грамадзянскай вайны, спявалася песня:

Чьи вы, хлопцы, будете,
Кто вас в бой ведет...

Для нас, пісьменнікаў, сёння актуальнасць гэтых радкоў проста гучыць лейтматывам да любой твор-

чай задумы і працы, да ўсяго, што кранае сумленне...

Час збіраць камяні і шукаць супрацоўніцтва з людзьмі чыннымі, добрымі. Час паразумецца багата з кім і не рабіць, да прыкладу, пугала для вераб'ёў з Беларускага Пэн-цэнтра, з якім таксама льга супрацоўнічаць у імя дасягнення нацыянальных мэтаў. Прынамсі, з намі гатовы супрацоўнічаць. І не адзін Пэн-цэнтр.

Дай Божа поспеху!

2001 г.

ПАЛЯВАННЕ НА ВОЛАТАЎ ДУХУ

Пра гэта ў беларускім друку прайшла пагалоска, але перадумовы і абставіны інцыдэнту не высветлены, не раскрыты як след і сам эпізод.

Мяркую сваімі нататкамі запоўніць прагалы ў гісторыі.

Адразу ж пасля з'езда беларускіх літаратараў — яго дэлегаты яшчэ не разышліся — да пісьменніка А., які ўзначальвае адну з літаратурных рэдакцый (не будзем раскрываць яго прозвішча), падышоў прыяцель, ён раней працаваў у органах унутраных спраў.

— Будзьце пільнымі, — папярэдзіў, — за вамі будучы сачыць!

— Хто?

— Можаш здагадвацца...

— З якою мэтай?

— Вядома, каб падлавіць на нейкім промаху і скампраметаваць саюз. Так што май на ўвазе.

Пісьменнік А. падзякаваў прыяцелю за падказку і па нейкай справе пайшоў з Дома літаратара, дзе праходзіў з'езд, у будынак, у якім мясціліся рэдакцыі часопісаў «Полымя», «Беларусь», штотыднёвіка «Літаратура і Мастацтва». На процілеглым баку ад будынка стаяла міліцэйская машына.

«Ага, — падумаў, — з якой нагоды вы тут?».

Неўзабаве ж да яго зайшоў калега-пісьменнік Д., які працаваў у рэдакцыі часопіса «Нёман», што непадалёк, на праспекце Ф. Скарыны. А. паведаміў Д. пра міліцэйскі дазор насупраць уваходу ў будынак і пра перасцярогу прыяцея. Уражаны Д. сказаў таварышу А., што і каля «Нёмана» дзяжурыць такая ж міліцэйская машына. Уга! Як сцвярджаюць зна-

ныя сышчыкі, калі побач ідуць дзве ці больш выпадковасцей, то гэта ўжо не выпадковасці. На іх варта звяртаць увагу...

А толькі ніякіх «тусовак» у рэдакцыях пісьменніцкіх перыядычных выданняў не мелася быць.

Тым часам невялікая група літаратараў, абменьваючыся ўражаннямі ад чарговага з'езда, які прайшоў дынамічна і роўна і засведчыў сваю згуртаванасць, выйшла з Дома літаратараў і скіравала ў зялёны масіў парку імя М. Горкага. Натрапілі на кавярню, узялі па кубку піва, прыселі за столік і працягвалі гаману. Паліглот Л. Баршчэўскі распавядаў сябрам пра свае новыя пераклады на беларускую мову твораў з іншых моў. З ім былі Л. Неўдах, С. Валодзька, М. Скобла, А. Хатэнка, В. Шніп, а неўзабаве падышлі Б. Пятровіч, А. Пашкевіч, Э. Акулін і іншыя — усяго дзевяць асоб. Неўтаймаваная джазавая музыка, яе роў з боку ад купкі ўзброеных электронікай «меламанаў» замінала ім слухаць адзін аднаго. Але ж тут выразна і патрабавальна прагучаў голас: «Вашы дакументы!» — перад імі стаялі трое ў міліцэйскай форме. Патрабаванне адрасавалася першым чынам А. Пашкевічу, які сядзеў бліжэй да міліцэйскіх мундзіраў. Дакументаў Пашкевіч не меў, у выніку чаго, бесцырымонна лапаючы па кішэнях, яго абшукалі. Нехта паказаў пісьменніцкае пасведчанне і патлумачыў, што тут не мітынг левых ці прыхіла, а сяброўская сустрэча...

— А-а, пісьменнікі-і! — як бы разжаваўшы кіслае, працадзіў скрозь зубы, гатовы выплюнуць, страж парадку, як потым высветлілася, участковы Уладзімір Пыж: — А чаму ж пад сталом пустая бутэлька стаіць?..

— То не наша...

— Чаму не гаворыце на нармальнай мове?

— Гаворым на мове, якую нам Бог даў!

— Пойдзем на апорны пункт, складзем пратакол на тое, што пілі...

— Шаноўны, вы нас абражаеце. Давайце зробім экспертызу. Мы не паспелі прысесці і піва выпіць, — казаў абурана Б. Пятровіч.

Аднак, выяўляючы добрае валоданне прыёмамі спецпадрыхтоўкі, яму тут жа заламалі руку і тычком паказалі, куды ісці.

Тады М. Скобла заўпарціўся: не пайду, не хачу вашага здзеку цярапець!..

І Скоблу таксама як хапілі ды ламанулі рукі — носам небарака асфальт дастаў. Павалілі, надзелі шыкоўнага бляску наручнікі, тугія і жорсткія, ад іх потым два дні будуць рукі балець.

Бурна рэагавала на затрымку пісьменнікаў А. Хатэнка. Ад абурэння яна ледзь не плакала. І — гучна пратэставала; ёй крыўдна было за адроджае пакаленне унтэр-прышыбеевых, за невядома чые і якія парадкі ў дзяржаве.

Л. Баршчэўскі нагадаў сябрам:

— А пра што я казаў на з'ездзе? — сапраўды, выступаючы там, ён казаў пра гэта: — За мову сёння можна ў турэмным ізалятары пасядзець! Пачуць — адразу прыскепаюцца!

У пастарунку, праверыўшы дакументы, першым адпусцілі С. Валодзьку, таму што ён аказаўся грамадзянінам Латвіі. На астатніх пачалі складаць пратаколы, марна дамагаючыся, каб яны гаварылі паруску. Моцна злаваліся, бо ні адзін з трох міліцэйскіх пыжоў, маючы службы дзяржаўную службу, не ведаў мовы, якая, здаецца, прызнана за дзяржаўную, не ведаў, як перакладаецца з гэтай мовы на рускую месяц лістапад, у якім, згодна з паказаннямі, нарадзіўся М. Скобла. Ды справа не ў ім...

І што гэта за трагікамедыя, што за тэатр абсурду, у якім усе вядучыя ролі выконваюць дзяржаўныя служачыя?

Як жыць далей?

ЯКОЕ ЦАРСТВА БЕЗ БАЯНА?

І легла на душу мне гэта рэміністэнцыя.

Адразу ўдакладню, які сэнс тут мае слова «баян». Не, тут на ўвазе ў нас не той вялікі гармонік са складанай сістэмай ладоў, а чалавек-баян — паэт, пясняр. Баянам у Грузіі, напрыклад, быў Шата Руставелі, а ў нас — Янка Купала. Увогуле гэта паэты ад Божай ласкі, якія твораць для ўсяго народа. Недалёка тут хадзіць і па новыя прыклады, але ж абыземся без іх.

Я прыгадаў гэтую катэгорыю носьбітаў і выказнікаў духу народа, чытаючы другі нумар «ЛіМа» за 2002 год. Мяне неяк калнула ў сэрца і ўразіла тое, чаму слаўных баянаў няма ў адмысловай газетнай інфармацыі, у тым пераліку асоб, уганараваных штогадовай прэміяй «За духоўнае адраджэнне», а таксама спецыяльнымі прэміямі фонду прэзідэнта па падтрымцы культуры і мастацтва.

Чаму іх там няма?.. Хіба іх наогул няма ў краіне? Пісьменнікаў, чуеце, шмат, пісаць багата каго навучылі, а баяна няма?.. У чым тады справа, дарогія мае суайчыннікі?

І, разумеючы, што часам цяжка бывае даказаць відавочнае, калі людзі схільны крыва-коса ўспрымаць рэчаіснасць, я дазволю сабе пайсці ў абход і ў падтрымку сваіх разважанняў выкарыстаць, так бы мовіць, ход канём.

Не думаю, што нехта возьмецца аспрэчваць карэктнасць майго параўнання, калі я назаву баянам, гэта значыць носьбітам духу, выказнікам парыванняў народа і рухавіком на абладах нацыянальнай

культуры калектыў, аб'яднанне, увесь наш Саюз пісьменнікаў.

А чаму б і не? У матэрыялах Вольгі Іпатавай «Нічыё?» і «Беззаконне» («ЛіМ» за 11 і 18 студзеня) — матэтыялах, ад зместу якіх маё сэрца таксама ўпала, даводзіцца слухнае. Іпатава, старшыня Саюза беларускіх пісьменнікаў, расказваючы пра адносіны ў нас да СБП, ужыла вельмі трапны, на мой погляд, выраз: *«У Эстоніі пазалетась удзельнікаў «Літаратурнага экспрэса-2000» вельмі цёпла прымаў прэзідэнт Ленарт Меры. І я бачыла, якой павагай атуляюць пісьменнікаў, справядліва лічаць, што яны — хрыбет ідэі, на якой пабудавана само існаванне краіны»*. Менавіта — хрыбет!

Іпатава прыводзіць шмат іншых прыкладаў дапамогі пісьменнікам і пісьменніцкім арганізацыям з боку дзяржавы. У Расіі, Швецыі, Балгарыі... Там разумеюць, што пісьменніцкія згуртаванні без матэрыяльнай падтрымкі дзяржавы не выжывуць. І на гэтым фоне вельмі дзіўным, братове, выгядас той факт, што апарату Саюза беларускіх пісьменнікаў ужо сем месяцаў дзяржава не выдае ні капейкі. Падобна на тое, што робіцца спроба з жывога (хоць і змардаванага па розных прычынах) арганізму беларускага выцягнуць хрыбет нацыянальнай ідэі і духоўнага адраджэння, у любым выпадку, не даць яму жыцця, і першы крок да гэтага быў зроблены, калі ў 1998 годзе ад СБП, з нейкіх палітычных меркаванняў, забралі Дом літаратара і паліклініку; цяпер — другі раўнд... Абрэзалі фінансаванне, і міністр фінансаў М. П. Корбут з нагоды пісьма кіраўніцтва СБП у Савет Міністраў даводзіць, маўляў, «в ближайшее время не представляется возможным решить положительно вопрос о дальнейшем перечислении денежных средств Союзу».

Непярэліўкі!.. Спляжым саюз. Але якое ж царства без песняра, без баяна?

Мне хочацца думаць, што гэтыя падзеі маюць месца па нейкім вялікім непаразуменні, і не выключана, што зламысны інцыдэнт — справа рук той амбітнай купкі пісьменнікаў, якія яшчэ да 13-га з'езда СБП імкнуліся раскалоць адзіную пісьменніцкую арганізацыю і стварыць сваю як нейкі «творчы» філіял Адміністрацыі прэзідэнта. Я тады асабіста выклікаў сваіх калег на вострую і зацятую палеміку ў друку, няйначай, таму на з'езд яны прыйшлі прыгнобленыя.

Падобна, што пасля з'езда нашы «бунтары» ўзялі рэванш, бо тэлефануюць часам у сакратарыят Саюза і цікавяцца:

— Ну як мы вас, гы-гы?..

Або:

— Вы яшчэ не сканалі?

Бы тыя гурганы, яны чакаюць дэструктыўных працэсаў у пісьменніцкай арганізацыі, ператварэння самавітага творцы, баяна ў труп, каб выкінуць яго з пракаветных пакояў і заняць сабе месца.

І калі гэта сапраўды так, што вельмі верагодна, то яны робяць вельмі дрэнную паслугу беларускай культуры, Адміністрацыі прэзідэнта, самому Аляксандру Рыгоравічу, які павінен быць гарантам грамадзянскай згоды і адраджэння краіны.

Якую ж самавітасць, якую культуру і, наогул, што цікавага можа ўнесці ў скарбонку сусветнай культуры ў далейшым такое абяслаўленае і ніцае духам грамадства?.. А гэта важна, бо цывілізацыя патрабуе не аднастайнасці, не псеўданацыянальных манкуртаў з іхняй выпетранай прагматычнай душой, а нацыянальна ідэнтыфікаваных грамадзян і такога ж грамадства. Толькі тады цывілізацыя будзе развівацца далей. І гэта добра разумеў яшчэ паўтара

стагоддзя таму наш думны зямляк Сігізмунд Серакоўскі, які яскрава даводзіў: *«Думка, што розныя нацыянальнасці граюць тую ж ролю ў развіцці чалавецтва, як розныя інструменты ў аркестры, — вялікая думка. Няўжо першая скрыпка надумаецца выключыць і заняволіць флейту, кларнет ці другую скрыпку, каб выключна самой разыгрываць усе п'есы?»*.

Пад канец мінулага года Міжнародная арганізацыя па адукацыі, навуцы і культуры — ЮНЕСКА, азадачаная акурат тым, што хвалявала раней Серакоўскага і цяпер хвалюе багата каго, прыняла Дэкларацыю аб культурнай разнастайнасці, гэта значыць, у абарону яе.

І далей цікавы момант. Яшчэ да прыняцця гэтай дэкларацыі, у жніўні мінулага года, Саюз беларускіх пісьменнікаў пры падтрымцы ЮНЕСКА і нацыянальных інстытутаў і ўстаноў распачаў падрыхтоўку да правядзення ў Мінску Міжнароднага сімпозіума на тэму: *«Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі»*. У рамках сімпозіума мяркуецца таксама правесці Мінскую сустрэчу дзеячаў многіх краін па тэме: *«Вытокі фізічнага і маральнага тэрарызму ва ўмовах глабалізацыі»*. У цэлым на сімпозіум запрашаецца шмат гасцей, філосафаў, дзеячаў культуры, і, уважаючы на важнасць мінскага форуму, да нас меўся прыехаць сам Генеральны дырэктар ЮНЕСКА пан Кайчыра Мацууры. Дарэчы, ён прывязе з сабой сертыфікат помніка сусветнай культурнай спадчыны, каб уручыць яго Мірскаму замку.

На добры лад гэтыя падзеі культурнага жыцця маглі б выліцца ў нешта накшталт нацыянальнага свята. Аднак мяне, шчыра кажучы, бянтэжыць дысананс, які ўтвараецца ў настроі, спадзяваннях на годную дзяржаўную падтрымку пісьменнікаў і — насупор — настроі высокіх улад, выяўляючы заця-

та непрыхільныя адносінах да саюза творцаў, які мы з пэўнай доляй умоўнасці тут назвалі баянам.

У нас, праўда, ёсць яшчэ час памеркавацца, і тут многае будзе залежаць ад увагі да гэтай праблемы ды спазнання яе гістарычнай і філасофскай сутнасці названым вышэй гарантам культурнага развіцця і адраджэння ў краіне. Пачакаем.

Адно толькі: такія рэчы нельга адкладваць да святых нігды.

2002 г.

КАСА НА КАМЕНЬ, або КАНЦЭРТ З УДЗЕЛАМ НАШАЙ РАДЫ

Коні грызуцца, калі кармушка пустая. А што?!.
У жывата свой імпэт.

І, мусіць, невыпадкова, прычапілася да мяне гэтая прыказка, бо звадка ў апарце нашага творчага саюза якраз і пачаліся ў вялікі пост, калі сем-восем месяцаў супрацоўнікі СП не атрымлівалі зарплаты, і той-сёй пачаў абвінавачваць у гэтым Іпатаву. Некаторыя тэхнічныя адзінкі, а гэта — людзі, агорнутыя вялікім сумам, маркотай, адчаем, мусілі шукаць іншае месца працы. Намацаў сабе іншую пасаду непадалёку ад будынка Дома літаратара і адзін з сакратароў праўлення. Пралегла расколіна ў сакрытарыяце, і яшчэ больш узмацніліся агульны напал жарсцей і сумятня.

Я ніяк не мог уцяміць, што там адбываецца і быў моцна здзіўлены, калі даведаўся пра разлад. Я часта прыходзіў у гэты будынак, бо з сярэдзіны мінулага года разам са старшынёй Саюза Вольгай Іпатавай узяліся за стварэнне аргкамітэта і падрыхтоўку міжнароднага сімпозіума, які мае прайсці ў ліпені 2002 года пад эгідай ЮНЕСКА. У Мінску... На тэму: «Разнастайнасць моў і культур у канстэксце глабалізацыі». Дыскусія мае быць важная і нават знакавая для пісьменніцкай арганізацыі; гэта адчулі ўжо многія літаратары, падаўшыя заяўкі на свой удзел у «круглых сталах», што па розных пытаннях пачалі ладзіцца перад сімпозіумам, дый на ўдзел у самім сімпозіуме. Пры падтрымцы міністэрстваў культуры, адукацыі, інфармацыі, дзяржаўных уні-

версітэтаў і грамадскіх арганізацый разгортваецца шырокая падрыхтоўка да гэтай падзеі ў культурным жыцці. Адам Мальдзіс разам з папличнікамі з Асацыяцыі беларусістаў свету і Пэн-цэнтра ўзяўся за падрыхтоўку «круглага стала» па тэрарызму, ягоных вытоках, які пройдзе ў рамках сімпозіума. Іпатава, добра разумеючы значэнне справы для Саюза пісьменнікаў, пастаянна наводзіць кантакты ў вярхах і ўсяляк дапамагае вырашаць вузлавыя пытанні. Асаблівасць моманту ў тым, што ў падрыхтоўцы сімпозіума спалучаюцца намаганні дзяржаўных структур і грамадскіх аб'яднанняў пры вядучай ролі пісьменнікаў. Факт даволі яскравы; у ім праяўляюцца якасці пакуль недастаткова развітыя ў нас, а менавіта грамадзянская супольнасць, яе дабрачынныя сілы, і гэта варта сабе ўсвядоміць.

А што да апарата Саюза, то яму і асабіста Іпатавай, нягледзячы на неспрыяльныя ўмовы, удалося падрыхтаваць і правесці напрыканцы мінулага года семінар перакладчыкаў з удзелам калег з-за мяжы, падрыхтаваць кніжку паэзіі для выдання на літоўскай мове, правесці прэзентацыю кніг беларускай лірыкі на балгарскай мове... Зразумела, былі і іншыя справы. Ці ж бо дарэмна Вольга Міхайлаўна шмат часу праводзіла ў гуткарках са сваімі намеснікамі В. Праўдзіным, Н. Гальпяровічам, В. Мачульскім. Па маіх назіраннях, у працы апарата Саюза быў дух і стыль добраязычлівасці, згоды ажно да апошняга часу, пакуль не выбухнуў гэты канфлікт, нечаканы, неспасціжымы ва многім. Толькі цяпер думаецца, што тады я не разгледзеў ягоных першапрычын або камянёў падводных.

Уважаючы на катастрофічную для апарата Саюза сітуацыю (абрэзана фінансавая падтрымка), Іпатава разам са сваімі намеснікамі напісалі і паслалі ва ўсе высокія службы каля дзесятка лістоў, прычым, рассылалі звароты не па аднаму разу, і большасць іх падпісала сама Вольга Міхайлаўна, а некаторыя пісаў

і падпісваў першы намеснік Праўдзін — адказу ні адкуль не было; узнікалі размовы аб «выплаце зарплаты» тэхперсаналу Саюза маёмасцю, напрыклад, камп'ютэрамі... Жальбы бралі за сэрца. У лепшым, а дакладней, больш трывалым становішчы аказваліся намеснікі, як што Праўдзіну і Гальпяровічу, а таксама Каршукову, кансультанту, старшыня Саюза выстаралася на бліжэйшы год стыпендыі. Пра сябе, праўда, не ставіла пытання... І то сказаць: Праўдзін, юрыст, былы маёр міліцыі, і Мачульскі, юрыст, былы ваенны пракурор, атрымлівалі добрыя пенсіі.

Дзеля справядлівасці варта сказаць, што ў той татальна пагрозлівай эканамічнай сітуацыі — пры набліжэнні калапса вытворчасці, асабліва ў вёсцы, ва ўмовах, калі мужы дзяржаўныя дзіркай дзірку спрабавалі прыкрыць, — фінансавання з бюджэту быў пазбаўлены не адзін Саюз пісьменнікаў, але і такія аб'яднанні, як Чырвоны Крыж або Асацыяцыя інвалідаў... Іншая справа, што па духу і сваім прызначэнні гэта розныя згуртаванні.

Маўчанне зацягвалася, і Вольга Міхайлаўна ў стане трывогі пачала пісаць і друкаваць лісты ў «ЛіМе» — за 4 студзеня 2002 года і далей, тым самым адкрыта інфармуючы грамадскасць сваёй краіны і свету аб наўмысным ці ненаўмысным — хто ведае? — удушэнні Саюза беларускіх пісьменнікаў. І, можа, якраз таму ўжо 12 студзеня пайшла дакладная на імя прэзідэнта А. Лукашэнкі, якой ставілася за неабходнасць дзяржаўная фінансавая падтрымка асобных грамадскіх аб'яднанняў, у тым ліку і Саюза беларускіх пісьменнікаў. У дакладной запісцы, між іншым, тлустым шрыфтам былі вызначаны словы: *«Учитывая конструктивную позицию нынешнего руководства Союза белорусских писателей во взаимоотношениях с государством, — і далей, — полагаем выплатить этому творческому союзу задолженность за 2001 год по заработной плате и оказать финансовую поддержку в 2002 году в раз-*

мере 41,4 млн. рублей, предусмотрев сокращение численности штатных работников...» Гэты дакумент Вользе Міхайлаўне прыслалі толькі ў сакавіку і папрасілі яе тэрмінова скласці праект на фінансаванне Саюза, з чаго вынікала, што форма ўзаемаадносін з Мінфінам будзе мяняцца — фінансуюцца канкрэтныя справы.

Яе намеснікі Праўдзін і Мачульскі акурат святкавалі Дзень міліцыі, а Гальпяровіч ужо пакінуў працу ў Саюзе, таму Вольга Міхайлаўна прыцягнула да справы літкансультанта Ірыну Качаткову, і яны на скорую руку склалі і падалі праект. Намеснікі аказаліся як бы абыдзенымі ў гэтай справе. Увогуле намеснікі паймелі думку, што далей болей старшыня Саюза не калегіяльна, а індывідуальна вырашае справы, і, калі прыспеў гэты выпадак, былі ў рожках з Вольгай Міхайлаўнай ды ўжо склікалі на вайну з ёй сакратарыят.

Згодна з ідэяй праекта ёй, старшыні Саюза, Іпатавай належала скараціць усіх супрацоўнікаў апарата і далей набраць іх па кантракту пад гэты праект.

На наступны дзень саму форму загада аб скарачэнні надыктаваў ёй юрыст і намеснік В. Мачульскі. Скарачаліся ўвогуле ўсе пасады, усяго — 24,5 адзінкі...

Надрукавалі паперчыну і далі з ёй пазнаёміцца тым нямногім, хто яшчэ працаваў. Распісаліся... Усчынаўся фурор. Праўдзін, чынячы подпіс, пісьмова зазначыў, што пытанне па намесніках павінна вырашаць рада, і з ім у душы была згодна Іпатава, таму і не падпісвала трывожны загад.

Сфармавалася канчаткова групоўка супраціву Вользе Міхайлаўне — яе намеснікі і, у дадатак, — кансультант Каршукоў. Толькі нельга было вініць іх ва ўсім; варта было шукаць і сваю віну: чаго яны, аднак, арганічна не ўспрымалі ў ёй, дык гэта годнай паставы, нескаронасці перад уладамі, калі гэ-

так можна сказаць, адстойванне сваіх поглядаў, прынцыпаў, пазіцый, што атаясамлівалася ёй з адстойваннем інтарэсаў пісьменніцкай арганізацыі, за якімі ўжо палягалі інтарэсы народа. Яна, чуеце, далёка зайшла ў сваіх (ажно пяці!) публікацыях у «ЛіМе» і гэта напалохала Віктара Аляксандравіча. Праўда, не столькі напалохала, колькі парадавала: ішоў новы козыр яму ў рукі, якім можна будзе пабіць яе карту. Ён той чалавек, які праз усё жыццё прайшоў, нідзе не замуціўшы стаячай вады, які склаўся як падручны ўлад: ён, Праўдзін, маючы за прынецп дагаджаць начальству, увогуле — уладам, напэўна, быў моцна шакіраваны пазіцыяй процістаяння, якая выяўлялася ў публіцыстычных, крытычных, адважных артыкулах Іпатавай. Віктар Аляксандравіч на падобны апраметны крок ніколі не пайшоў бы, і яму здавалася, напэўна, што наогул ніхто з разумных людзей такое не ўчвэрыў бы, таму і лічыў, што Іпатава як старшыня Саюза ўжо спеклася. Як чалавек набожны, веруючы ён лічыў, няйначай, што прабіў яго час — сам Бог паклікаў яго выправіць становішча ў Саюзе пісьменнікаў, а дзеля гэтага яму належыць узвысіцца над старшынёй і дзейнічаць самастойна. Наважыўся падпісваць за старшыню дакументы. Натхняла ж яго меркаванне: дзейнічае Праўдзін так, як вышэйшым уладам патрэбна. (З нейкага часу ён амаль фізічна адчуў, як вызваліўся ад абрыдлых яму комплексаў Тулягі, гэтага пестунца К. Крапівы, і вольны цяпер заваёўваць сабе новую жыццёвую прастору; важнічаючы, ён пачаў гаварыць пра сябе ў трэцяй асобе.)

Мачульскі цягнуў за ім, бо Іпатава папікала яго падробкай дакументаў і пагражала наладзіць аўдытарскую праверку, каб высветліць стан гаспадарчых і фінансавых спраў у Доме творчасці пісьменнікаў «Іслач» — разабрацца самой ва ўсім ёй не ставала ўмення і часу; а Каршукоў па духу і ўзроўню мыслення — копія Праўдзіна. І вось яны тайна ад Іпа-

тавай збіраюць сакратарыят Саюза. Вольга Міхайлаўна, выпадкова даведаўшыся, прыйшла на пасяджэнне таксама. З расказаў пісьменнікаў спрабую ўявіць, што там адбывалася.

З боку Праўдзіна і Мачульскага сыплюцца абвінавачванні ў супрацоўніцтве яе з апазіцыяй, бо выходзіла, на іх думку, што яна і сама «апазіцыянерка», паколькі з уладамі спрэчкі вядзе, — абвінавачванні ў адміністраванні — маўляў, «усіх звольніла»...

І тут, адчуваючы няпэўнасць і фальш у гэтых заявах, сакратары звяртаюцца да Н. Гальпяровіча: «Якія ў вас адносіны са старшынёй?»

Той муляецца і адказвае: «Стала менш раіцца з намі». І далей распавядае пра індывідуалізм...

ПАТАВА: А чаму, калі ёсць такія заўвагі, нельга іх тут абмеркаваць? Навошта нам выносіць нашы разборкі на раду?

ГАЛЬПЯРОВІЧ: Непрыманне адзін аднаго ў нас далёка зайшло. Я за скліканне рады.

ЗУЁНАК: Што дарэмна бударажыць людзей? Можа, вы памірыцеся?..

ПРАЎДЗІН: Хай пытанне вырашыць з'езд!

ЗУЁНАК: Ого! Не?.. Тады хай рада рашае пытанне аб намесніках.

ПАТАВА: Усе выкладзеныя тут абвінавачванні — суцэльныя правакацыі і хлусня. З мужі слана робіце, шаноўныя! Напрыклад, калі я жартам звярнулася да Праўдзіна з просьбай, каб ён мяне шанаваў, бо, калі памру альбо збягу, як Някляеў, за мяжу, яму давядзецца валачы на сабе ўвесь гэты воз праблем...

ПРАЎДЗІН: Не, вы і па духу дысідэнтка. Вы як шаецеся з Пэн-цэнтрам, а яны там вядома, чые агенты.

НЕХТА: Правільна! Яна можа выказаць свае думкі скрозь, як захоча, і не параіўшыся з намі. Нам усім вялікая абраза, калі яна і намеснікаў

схільна перавесці на кантракт. Таму заслугоўвае адстаўкі! Старшынёй Саюза павінен быць нехта больш адухоўлены.

ЯШЧЭ НЕХТА: Яна не саромеецца выступаць і ў апазіцыйнай прэсе і ў «Советской Белоруссии»... За мяжу адна за ўсіх ездзіць. Тлумачыць, што за свой кошт. Але ці апраўдвае яе гэта?

ГАЛЬПІЯРОВІЧ: У нервовай альбо выбуховай сітуацыі да ладу не дойдзеш. (Ціха выходзіць з пакоя).

НАВУМОВІЧ: Да рады нам, шаноўныя, звяртацца не выпадае. Вольга Міхайлаўна чалавек мужны, на працягу гэтых скрушлівых месяцаў трымала Саюз, і, можа, такая баявая, нават дзёрзкая тактыка была правільная. Улады пайшлі насустрач, і вось бачыце, адкрываецца магчымасць фінансавання.

ПІСЬМЯНКОЎ (просячы): Лепей пашукаць міру ды злагады. Можа, не трэба рады, га?..

ПРАЎДЗІН (пачуваючы сябе на кані): Не! Толькі рада! І за ёй — толькі з'езд! Даўно пара змясціць Іпатаву. Праўдзін не збіраецца працаваць на Пэн-цэнтр. Бачыце, яны і тут ваду муцяць!

ІПАТАВА: Цалкам беспадстаўная заява!

ЗУЁНАК (мякка, унікліва): Ну, можа, не трэба так ужо пра Пэн-цэнтр... І пра з'езд...

ПРАЎДЗІН, МАЧУЛЬСКІ (у адзін голас): Трэба! Галасуйце!

БОЛЬШАСЦЬ: Ну, калі так... (Уздымаюць рукі. Кульмінацыя.)

ПРАЎДЗІН: Значыць, прагаласавалі за раду. Нездзе ў 20-х чыслах...

І вось на радзе 19 сакавіка, бадай, усё паўтараецца рэфрэнам.

ПРАЎДЗІН (намагаецца паказаць справу так, што старшыня саюза Іпатава ўжо ліквідавала саюз, што яна да яго абьякавая і працуе толькі на сябе або толькі на апазіцыйныя структуры). Даверу да яе ні ў кога няма. З ёй няма перспектывы. Яна палітызуе

саюз. Праўдзін зрабіў тое... Праўдзін схадзіў туды.. Праўдзін прыйшоў сюды...

ЗАКОННІКАЎ: Усё гэта пустое, і справы не тут вырашаюцца! Не падумайце, што я супраць саюза, не. Але не трэба забываць, што творчы саюз, як ён ёсць, быў створаны на патрэбу савецкай улады. Некаторыя, калі не многія з нас, яшчэ і сёння жывуць тымі звычкамі.

...Іпатава (трымаючыся знешне спакойна і годна): Можа, я і дапусціла нейкія памылкі... (Аднак спрабуе далей выкрыць ўвесь абсурд высунутых супраць яе абвінавачванняў).

Адухоўленая, энэргічная, у блакітным касцюме з біжутэрыяй, падабранай у тон, і карункавым шалем на плячах, яна ў атачэнні рады нічым не нагавала Золушку, над якой чыняць здзек мужыкі, называючыя сабе юрыстамі. Наадварот, яна мела нязломную сілу, ведала сабе кошт.

І далей, беручы слова, К. Цвірка, А. Мальдзіс, С. Панізнік, А. Лойка і іншыя, за выключэннем, бадай, М. Мятліцкага, падтрымалі яе, выказваючыся супраць з'езда і дапускаючы ў думках з'езд толькі па творчых пытаннях, але ж і гэтакі з'езд — што ён цяпер вырашыць?

І вось зноў той дзіўны, няўцямны фінал, што і на сакратарыяце.

ПРАЎДЗІН (апраметныя закіды якога толькі што выкрылі, — як ні ў чым не бывала): Цяпер прагаласуем: хто за правядзенне з'езда ў маі?

БОЛЬШАСЦЬ: Ну, калі так.. (Уздымаюць рукі...)

Затым абмяркоўваюць: хто зробіць даклад аб сучасным стане беларускай літаратуры і літаратурных выданняў.

Іпатава адмаўляецца, тлумачачы гэта тым, што занята падрыхтоўкай сімпозіума. Прафесійныя крытыкі адмаўляюцца таксама — яны не бачаць магчымасці ў такі кароткі тэрмін асэнсаваць творчы пра-

цэс ды зрабіць аналіз. Таму за даклад бярэцца Праўдзін, якога з пасады адказнага сакратара часопіса «Нёман» выцягнулі ў саюз, канешне, не дзеля звадак або прафанацыі справы ў саюзе. І тым не менш... Прэзэдэнт у наяўнасці.

Вядома, у Саюзе пісьменнікаў могуць быць і ёсць людзі рознага палітычнага і творчага малюнка, ухілу, і гэта нармальна. Адно, каб нацыянальны творчы саюз трымаўся, усе ягоныя прыхільнікі і сябры павінны мець агульны клопат і, найперш, клопат пра нацыянальную літаратуру, мову і культуру, пра духоўныя набыткі народа. Толькі так здарылася, што стрыжань гэтых праблем і мае быць абмеркаваны на Міжнародным сімпозіуме ў Мінску, у ліпені гэтага года.

Тады дзеля чаго, скажыце, у выбуховым парадку прызначаецца з'езд, на правядзенне якога нават грошай няма? Спадар В. Праўдзін, не жадаючы лічыцца з рашэннем рады, заявіў у друку, што зноў зоймецца пераніцоўкай кіраўніцтва Саюза: «Гэта пытанне буду ўзнямаць асабіста я, бо лічу, што яно самае актуальнае» («Звязда» за 21.03.2002). І вось такое аблудліва пляцецца пры папусціцельстве сакратарыята і рады ў той час, калі менавіта канструктыўна і плённа пачалі складвацца ўзаемаадносінны Саюза з дзяржаўнымі структурамі.

Толькі адкрасаваў красавік і ў маі ладнага дзей мінула.

Новае пасяджэнне сакратарыята, а дзеючыя асобы тыя ж.

Абмяркоўваецца пытанне падрыхтоўкі да з'езда, прызначанага радай Саюза беларускіх пісьменнікаў.

ІПАТАВА. (рашуча, бо шмат адпакутавала ў бессані начэй, багата магчымых варункаў і зломаў падзей пралічыла на пальцах — наважылася там выказаць усё, што душу гняце, і скінуць з сябе нявыносны гнёт разам з пасадай сваёй). Калі ласка, калегі...

Прыступім да вырашэння надзённага. Па-першае, сродкі... Я чула, Віктар Аляксандравіч, што для правядзення з'езда вам нехта абяцаў грошы. Ці так гэта?

ПРАЎДЗІН. (не адразу і як бы хістаючыся, як бы пераадольваючы ў сабе Праўдзіна-пярэваратня). Так, Вольга Міхайлаўна, грошы далі б, але...

ЧАРКАЗЯН. Дазвольце я скажу: грошы нам перавядуць на Літфонд. Пытанне аднак, ці патрэбен з'езд?.. Аналізуючы сітуацыю, мы бачым, што яна становіцца небяспечнай.

ПАТАВА (здзіўленая). Што я чую?

МЯТЛІЦКІ. Не трэба нікому той з'езд! Шмат што памянялася.

ПАТАВА. Пэўна! Быў Законнікаўз на «Полымі», а цяпер стаў Мятліцкі!

ЗАКОННІКАЎ. Справа не ў гэтым...

ПАТАВА. Так, сапраўды: мы ж павінны выканаць рашэнне рады. Я цяпер мушу настойваць на з'ездзе.

НЕХТА. Не варта!

ЯШЧЭ НЕХТА. Пытанне вычарпана.

ПАТАВА. Як?..

БОЛЬШАСЦЬ (пакідаючы месцы). Эх, Вольга Міхайлаўна!..

Застаюцца апусцелы і няўцяжнены кабінет і яна, старшыня Саюза пісьменнікаў, Іпатава.

АМЕРЫКАНСКАЯ ТРАГЕДЫЯ: ЯК ВЫРВАЦЬ КОРАНЬ ТЭРАРЫЗМУ?

Увесь свет узрушаны нечаканай, бы абвал Манбланы, трагедыяй у Злучаных Штатах Амерыкі. Вострым мячом яна дастала і параніла сэрцы амерыканцаў. У вавілонскія груды абломкаў ператварыліся небачосы. Тысячы ахвяр, і — стрэс, якога не ведалі ў ЗША нават падчас другой сусветнай вайны. Апроч таго, трывога ў Лондане, Парыжы, Бруселі... Вывад войск на зыходныя пазіцыі, павышаная баявая гатоўнасць на выпадак адбіцця чарговай атакі «праціўніка»...

Хто ж яны, людзі, названыя тэрарыстамі? Пра гэта пытаюцца цяпер усе адзін у аднаго. Тым часам арабы і палесцінцы радуюцца... То ці не свята гэта для народаў некаторых арабскіх краін, мяркуючы па вясёлых, шчаслівых, спатоленых тварах дарослых, жанчын і дзяцей (паказаных па тэлебачанні)?

Чаму яны радаваліся? Можа, самі па сабе арабы жорсткія, бессардэчныя людзі? Ці яны звар'яцелі? Наогул, ці тэрарызм гэта?.. Калі і тэрарызм, то на нейкім новым эпахальным узроўні. Джорж Буш назваў гэта ваеннай акцыяй.

Панове, паглядзіце ў твары людзей на арабскіх абшарах... Так весела льга скакаць толькі пасля адчаю, і калі з вас мала таго, што ёсць, што ўчынена, то яны падрыхтуюць і выпускаць у свет яшчэ сотні і тысячы тэрарыстаў. Бо людзі, якія зрабілі злачынства ў ЗША, — для іх не злачынцы, не бандыты з вялікай дарогі, а нацыянальныя змагары, і няма нічога такога, што б іх запалохала.

Што мяне стала непакоіць, калі я гадзінамі сядзеў каля тэлевізара, слухаючы хроніку, яе каментарыі. Усе кіраўнікі дзяржаў — Пуцін, Буш, Шырак, іншыя дзяржаўныя дзеячы, кангрэсмены клялі тэрарыстаў, рабілі заявы, маўляў, чаго б там ні каштавала, знойдуць іх, і ніхто не раскрыў, не агучыў прычыну тэрарыстычнай акцыі, а яна ж, здаецца, ляжыць на паверхні. Ляжала... Яе, нарэшце, вышалушыў у спрэчках і паказаў тэлегледачам Уладзімір Познер (праграма «Времена» за 16 верасня).

Гэтыя нататкі я напісаў адразу пасля падзеі, і цяпер у мяне ёсць нямала аднадумцаў: тое, што здарылася ў ЗША, выходзіць за рамкі нейкага аматарскага, так бы мовіць, тэрарызму і з'яўляецца масіраваным «агнявым» ударам у адказ на шматгадовую ізраільскую агрэсію супраць арабскіх краін ды іншыя недружалюбныя акцыі імперыялістаў. Зрэшты, здагадкі на гэты конт ужо выказваліся і тэлекаментатарамі: помста, маўляў... Натуральна! А чаго ж ад арабаў, якіх тэрарызуюе Ізраіль і перад якімі дэманструюць агнявую моц Злучаных Штаты Амерыкі, яшчэ чакаць? Толькі палітыкі пакуль не асмельваліся засведчыць гэта. Яны лічаць за лепшае пра тэрарызм разважаць наогул, без уліку гістарычных фактаў, абставін. Таму на пытанне каментатара аб прычынах амерыканскай трагедыі Міхаіл Гарбачоў адказвае: «Пакуль не ўцягвайце мяне ў гэта». А Джорж Буш, выступаючы з прамовай перад амерыканскім народам, сказаў так: «Гэтыя акты масавага забойства былі накіраваны на тое, каб запалохаць наш народ, каб выклікаць хаос і прымусіць нас адступіць». Кропка. Буш, на жаль, не тлумачыць, ад чаго «адступіць», ад якіх такіх высокіх мэтаў і прынцыпаў. Мэты амерыканскай палітыкі, як кажуць, застаюцца за кадрам. Але ж шаноўны

заморскі прэзідэнт ведае, пра што ўмоўчвае, як ведае гэта і М. Гарбачоў.

Ніхто чамусьці не згадвае заяву ценявога арабскага дзеяча, мультыбагача Усамы бен Ладэна, якога заслужана ці не пачалі называць тэрарыстам № 1. А ён жа, прэзентуючы ісламскі фундаменталізм, незадоўга да тэрарыстычнага нападу на Нью-Йорк і Вашынгтон, гаварыў: «Для нас цяпер злейшымі ворагамі з'яўляюцца ЗША, Расія, Ізраіль...»

Якім чынам гэтыя краіны зацінаюць карэнным інтэрэсам Бліжняга Усходу? Няхай у гэтым разбіраюцца спецыялісты. Аднак тут правамерным будзе паставіць пытанне: якая з разбуральных акцый можа быць ацэнена больш пагібельнай і больш жорсткай — руйнаванне чачэнскага, да прыкладу, горада Грознага або ўзрыў чачэнскімі мсціўцамі некалькіх жылых дамоў у Маскве? Прычым, удзел у тых узрывах чачэнцаў не даказаны... Але — дапусцім. І тады што чым абумоўлена? Каго цывілізаванаму свету належала б мачыць у сарціры?

Ужо больш за 30 гадоў пры патуранні і падтрымцы амерыканскіх таўстасумаў тлее і час ад часу разгараецца ваенны канфлікт Ізраіля супраць арабскай садружнасці народаў Бліжняга Усходу.

І яна, гэтая вайна, — як адна з праяў сусветнага імперыялізму, пра фарміраванне і экспансію якога яшчэ ў XIX стагоддзі папярэдзваў Вільгельм Мар, нямецкі пісьменнік і даследчык сацыяльных працэсаў і сіянізму. Удар «тэрарыстаў» па ЗША ёсць не што іншае, як удар па стратэгічным партнёры Ізраіля! Таму і ўспрынялі яго як свой трыумф арабы Іардана і іншых краін. Цікава, што абсалютная большасць арабскіх студэнтаў у Маскве таксама ўхвалілі дзеянні тэрарыстаў у гэтым выпадку.

Мяркуючы па ўсім, у арабаў дасягнула крытычнай масы пачуццё шчымлівай крыўды, знявагі іх годнасці і яны перайшлі да дзеянняў тымі сродкамі,

якія ім даступны. Таму, атрымаўшы такі жорсткі ўрок, разважлівым людзям варта было б у якасці прэвентыўных мер не армію на вушы ставіць і чыніць новую расправу над цэлымі народамі, а памяняць імперыялістычную захопніцкую палітыку на Бліжнім Усходзе, аддаць арабам тое, што ім належыць і што замацавана рашэннем ААН. Бо, як выказваўся ў свой час Авраам Лінкольн, можна дурачыць частку народа ўвесь час, можна дурачыць увесь народ пэўны час, але нельга дурачыць увесь час увесь народ. Думаю, гэта стасуецца як да свайго, так і да іншых паняволеных народаў. Прыспеў час якасна мяняць адносіны паміж краінамі, бо чым вышэй узровень навукі і тэхнікі, увогуле цывілізацыі, тым большыя страты могуць быць прычынены чалавецтву.

Вайна з-за тэрактаў — наогул вар'яцтва. Ад яе пацярпяць яшчэ больш і развітыя краіны, пацярпіць усё чалавецтва.

Свет павінен праявіць міласэрнасць і палагоднець да скрыўджаных чалавечых супольнасцей, толькі тады жыццё на планеце будзе гарнуцца да стану спакою і дасканаласці, да ўстойлівага развіцця.

Адно мне яшчэ раз застаецца — выказаць спачуванне грамадзянам Злучаных Штатаў Амерыкі.

2001 г.

ГЛАБАЛЬНЫ ВЫКЛІК, або МАРДАВАННЕ БУДУЧЫНІ

Ідзе другі месяц амерыканскай трагедыі — і з тых пор свет як бы абрынуўся ў варварства. Падзеі ў Афганістане і на Бліжнім Усходзе не даюць ніякіх шанцаў на жаданы зыход, якім ён бачыцца шырокай антытэрарыстычнай кааліцыі дзяржаў, кааліцыі, з якой кансалідуецца і Беларусь.

Між тым зразумець што-небудзь у крывавым віры амаль немагчыма, паколькі да кааліцыі дружна далучыліся або далучаюцца і тыя краіны, якія тэрарыстаў да апошніх часоў пакрывалі. Дый, чаго граху таіць, выгадавалі іх...

Многае бянтэжыць і, вядома, не аднаго мяне. Свет разгублены, і тут да месца будзе зазірнуць у Пасланне да рымлян святога апостала Паўла: «Усе збіліся з правільнага шляху, да адзінага нягодны: няма робячых дабро, няма ніводнага».

Нямала пытанняў ужо выклікае той факт, што Злучаныя Штаты Амерыкі, якія вызначылі, што за ўчынення тэракты варта ў першую чаргу караць Усаму бен Ладэна і талібаў, да гэтага часу не прадставілі свету важкіх доказаў ягонага непасрэднага ўдзелу ў арганізацыі атакі на ганарыстыя небачосы і Пентагон. Чамусьці пакуль не рассакрэчаны і тыя 19 ці 20 асоб арабаў-смяротнікаў, удзельнікаў маштабнага тэракту; не названы хоць бы краіны іхняга паходжання.

Тым часам пасля ўчыненай трагедыі ў друку з'явілася інфармацыя, што адказнасць за таракг узяла на сябе ісламская групоўка «Лашкар-э-Тайба» («Ар-

мія чыстых»), якая базіруецца ва ўсходніх раёнах Пакістана. У мінулым годзе гэта экстрэмісцкая групоўка абвясціла свяшчэнную вайну — джихад — Ізраілю з мэтай падтрымання «барацьбы палесцінскага народа і вызвалення Іерусаліма ад ізраільскай акупацыі». Па меркаваннях заходніх спецслужбаў, многія члены «Арміі чыстых» маюць кантакты з тэрарыстычнай арганізацыяй «Аль-Кайда» («Аснова») бен Ладэна і іншымі падобнымі групоўкамі. Аднак, не аспрэчваючы ўдзелу калег або адданных яму людзей у тэракце, Усама бен Ладэн, выступаючы па тэлебачанні, не назваў сябе арганізатарам тэрарыстычнага нападу на ЗША. Ён патлумачыў адно, што гэта акцыя ўчынена як помста за падтрымку Злучанымі Штатамі агрэсіі Ізраіля супраць арабаў.

А яшчэ выказаўся на гэты конт кіраўнік Талібана Мула Амар:

«Тыя, хто ўчыніў тэракты ў ЗША, не пакінулі слядоў. Калі ЗША мяркуюць, што ўгоншчыкі былі сапраўднымі злачынцамі, дык гэтыя людзі ўжо мёртвыя. Ніхто не будзе забіваць сябе па загадзе іншага або дзеля дасягнення чужых мэт. Калі гэта не так, то няхай Буш знойдзе ў Амерыцы чалавека, гатовага ўчыніць самагубства. Амерыцы відней, якія былі матывы ў тэрарыстаў-камікадзе».

Разам з тым у друку ўказвалася, што акцыя тэрору выканана групай ісламскіх смяротнікаў пад кіраўніцтвам нейкага Абу Самама, і не выключана, што гэта так...

Зрэшты, Абу Самам, бен Ладэн або яшчэ нехта трэці — істотнага значэння не мае. Свет няроўны, і ў ім вызначылася тендэнцыя нарастання тарору, насілля і гвалту, што выступаюць як састаўная і супярэчлівая частка навукова-тэхнічнага прагрэсу, глабалізацыі, эканамічнага росквіту шэрагу краін, пасеяўшых ілюзіі ўстойлівага развіцця.

Але ж пра якую ўстойлівасць можа ісці гаворка, калі ў свеце хранічна галадае каля 2-х мільярдаў чалавек, не ўсе маюць працу, не кожны ведае, які сэнс жыцця можа быць па-за працай, нават па-за дастаткам. Да таго ж і багатыя краіны не пазбаўлены немачы з-за перыядычных эканамічных крызісаў росту дый крызісу экалагічнага, які насоўваецца. Не што іншае, як гэтыя варункі, падштурхнулі майго маскоўскага калегу-эколага, даследчыка праблем устойлівага развіцця Святаслава Забеліна напісаць у сваёй кнізе «Время искать и время терять», якая выйшла ў 1998 годзе:

«Несупадзенне магчымасцей хуткай арганізацыі самадастатковай эканомікі павінна выклікаць усплеск узброеных міжнародных канфліктаў...». І там жа: «Змястоўным бокам канфлікту Ірак—ЗША, а таксама ракетны абстрэл сіламі ЗША тэрыторыі Афганістана і сталіцы Судана Хартума дазваляюць меркаваць, што найбольш верагодным ініцыятарам трэцяй сусветнай вайны... выступаць ЗША».

Час, праўда, унёс карэктывы, таму супердзяржава ЗША выступае цяпер не ў ролі агрэсара, а ўсяго толькі абаронцы (і бароніць свет!) ад тэрарыстаў. Таму, няйначай, і накрываюць англа-амерыканскія ракеты «Тамагаўк» і цяжкія бамбавозы знішчальным агнём Кабул, Кандагар, іншыя афганскія гарады і жыццёвыя абшары.

Ці будзе знішчаны пры гэтым Усама бен Ладэн? На гэты конт у прэзідэнта ЗША Джорджа Буша апошнім часам упэўненасці паменшала, а ўвогуле ён перакананы ў поспеху распачатай вайны з «сусветнай сеткай тэрарыстаў» (ці ж не высакародная гэта задача?!), якія, праўда, невядома дзе знаходзяцца, але мы ўсё роўна іх накроем. І невядома пакуль, ці дойдзе чарга да бомбавых удараў па абшарах некаторых удзельнікаў кааліцыі, у якіх такса-

ма тэрарысты мелі свае базы, а вось Ірак — на чарзе пасля Афганістана, пэўна, і не толькі Ірак...

Галоўнае, ёсць бомбавы пачатак, ёсць зачэпка за талібаў, а там пойдзе па ланцужку, бо, скажам так, «вайна — штука заразная» не менш, чым сібірская язва; узятыя ў двукоссе словы належаць не мне, а палітыку буйнога плана, прэзідэнту ЗША Франкліну Рузвельту, які, як вядома, не развязваў, а, наадварот, гасіў пажар другой сусветнай вайны. Пры гэтым ён патрабавальна дадаваў: «Ізалюйце агрэсараў!».

А як быць нам, небаракам, калі вайна ёсць, а агрэсараў няма? Нонсенс! Кожны бок бароніць свае інтарэсы, гэта засведчылі адначасова Мула Амар і Джордж Буш. Дый ці толькі яны? Тут помста з помстай сустрэліся, і праліваецца кроў — пакуль афганцаў, талібаў, мірных жыхароў, а тэрарысты... як бы адціснуты на другі план.

Толькі ў народаў мардуецца будучыня.

Ад вайны пакуль церпіць насельніцтва ўвогуле. Шмат ахвяр. Разам з ваеннымі базамі руйнуюцца прамысловыя, культурныя, жыццёва важныя цэнтры. Хто застанецца жывы, той пакарыстаецца гуманітарнай дапамогай. О'кей! Вось вам цукерка.

Вайна Амерыкай пакуль не адчуваецца на дотык, калі не лічыць ахвяраў ад тэрактаў. І якія б з таго боку ні былі страты, яны адно спатольваюць параненую душу амерыканцаў, душу, ахопленую помстай, эйфарыяй помсты.

Вайну яны адчуюць, калі войска высадзіць свае дэсанты ў Афгане і Пакістане, калі пачнуць адтуль прывозіць — як бясцэнны груз — дамавіны... Так было ўжо неаднойчы, і так, на жаль, будзе, хутчэй за ўсё, далей. Бо эйфарыя — рэч, далёкая ад развагі, абачлівасці, справядлівасці. «На свеце тварылася б вельмі мала зла, калі б нельга было тварыць зло пад маркай добра». От як трапна зазначыла ў

свой час аўстрыйская пісьменніца Марыя Эбнер-Эшанбах, захапіўшая краем свайго жыцця другую сусветную вайну.

Я не думаю, каб амерыканцы развучыліся адрозніваць дабро ад зла. Аднак жа нельга ў гэтым адмовіць і арабам, пуштунам, хазарэйцам, узбекам, таджыкам, як і іхняй рэлігіі — ісламу... Я, на жаль, не да канца ўсведамляю сабе, што такое ісламскі фундаменталізм (і сумняваюся, што на беларускай зямлі мне гэта хто-небудзь растлумачыць), але ж я перакананы: за ім стаяць людзі, якім Бог даў сэрца і розум, роўна як і нам.

Так, яны дрэнныя тым, што рабілі наркотыкі і, хаваючыся ад вачэй сусветнай супольнасці, кантрабандай распаўсюджвалі іх, нажываючы сабе капіталы. Ад гэтага зла свету варта пазбавіцца.

Толькі ж наркотыкі ў матывах вайны аказаліся на другім, калі ўвогуле не на трэцім плане. Выступаючы па тэлебачанні ў праграме «Времена», вядомы амерыканскі генерал Аляксандр Хейг казаў, што трэба глядзець у корань — распаўсюджванне ў свеце тэрарызму. Слухаючы шаноўнага генерала, які раней узначальваў ваенны альянс НАТА, затым у новым становішчы хадзіў блізка ад прэзідэнтаў краіны і цяпер праменіўся на экране паблажлівай і мудрай усмешкай, я шкадаваў яго, бо корань амерыканска-арабскіх канфліктаў, на маю думку, ляжыць значна глыбей — у сацыяльных і міжнацыянальных адносінах.

Генерал не бачыў альбо па нейкіх схільнасцях амерыканскай псіхалогіі недаацэньваў гэтага. А высновы ж у яго правільныя: «Нельга ў аднабаковым парадку дабівацца задавальнення ўласных інтарэсаў, як гэта рабілі мы ў мінулым, трэба будаваць адносіны, заглядваючы ў будучыню». Так, але толькі ж мінулае сёння і адгукваецца рэхам. Чаму кіраўнікі дзяржаў і палітыкі не хочуць заўважаць гэтага?

Уладзімір Пуцін даводзіць, што краіны свету на дзесяць гадоў адсталі ў пераацэнцы і карэктыроўцы сваіх адносін адпаведна часу (праявам тэрарызму), але ж і тут — погляд на вяршкі, а не ў карань праблемы.

У 1987 годзе нарвежцам панам Гро Харлемам Брунтландам, які ачольваў Міжнародную камісію па навакольным асяроддзі і развіцці пры ААН, быў зроблены даклад, дзе яскрава раскрываўся брутальны разрыў паміж багатымі і беднымі краінамі, прычым разрыў гэты, сцвярджалася, з кожным годам павялічваецца. У такіх умовах, аднак, чаго былі вартыя ваенныя канфлікты на Бліжнім Усходзе, у якіх багатыя краіны яшчэ больш прыніжалі годнасць скрыўджаных народаў?

І далей цікавы паварот дакладна: «...усе члены Камісіі адзначылі першаступеннае значэнне адной цэнтральнай тэмы: багата якія сучасныя тэндэнцыі развіцця з'яўляюцца прычынай росту беднай і безабароннай часткі насельніцтва і ў той жа час вядуць да пагаршэння стану навакольнага асяроддзя... Мы зразумелі, што неабходна знайсці новы шлях развіцця, які забяспечваў бы прагрэс чалавецтва не ў некалькіх месцах і на працягу некалькіх гадоў, а на ўсёй планеце ў доўгай перспектыве».

На жаль, новы шлях развіцця не быў знойдзены, і крыўды вялі да нарастання тэрактаў.

Я чую, як нашы сродкі масавай інфармацыі падаюць афіцыйную (але як бы няпэўную нясмелую) думку наконт канфлікту з арабамі. Маўляў, у нашых афіцыйных колах лічаць, што вайна ў Афгане не дасягне мэты, што больш эфектыўнымі сродкамі вырашэння праблем былі б палітычныя і эканамічныя сродкі. То пэўна!.. Пачутае радуе. Хоць Аляксандр Рыгоравіч, пацяшаючы народ, і прымяраў на сябе маршальскі мундзір, — куды больш прыстойнай для нашай нейтральнай (па статуце) Беларусі

з'яўляецца стрыманая, абачлівая, міралюбная палітыка, чаго раней бракавала.

Адзін мудры чалавек зазначыў, што пры згодзе ды злагадзе і малыя дзяржавы растуць, а пры разладах нават вялікія разбураюцца. Шкада, я не памятаю, ці называлася прозвішча амерыканскага сенатара, які адзін з усіх у сенаце прагаласаваў супраць развязвання Злучанымі Штатамі вайны з арабскім светам. Уяўляю, як цяжка яму было пайсці на падобны ўчынак, адчайны і мужны. Я не ведаю, што казаў ён у сваё «апраўданне», але, думаецца, словы ягоныя былі блізкімі да выказвання яго ж сўайчынніка Дэвіда Леліенталя, юрыста, публіцыста, які з нейкай нагоды сказаў: «Мы, нацыя, якая верыць у розум, але, калі мы згубім гэту веру, заменім яе верай у сілу зброі, мы загінем, нягледзячы на ўсё наша звышатамнае ўзбраенне».

2001 г.

СВЕТ БЕЛЫ НАМ НА РАДАСЦЬ АБО НА ПАКУТЫ?

Быццё ў часе — гэта
тварэнне і гібель.

Вільгельм фон Гумбальт

Міжнародная арганізацыя па пытаннях адукацыі, навукі і культуры — ЮНЕСКА — прыняла ў кастрычніку 2001 года Дэкларацыю аб культурнай разнастайнасці — дакумент, які мае набыць важнае значэнне, але намі, як і ўвогуле сусветнай супольнасцю, пакуль яшчэ мала вывучаны і не ацэнены належным чынам. Бадай, не ўсім ён будзе па душы, бо трактуе разнастайнасць культур, як і разнастайнасць біялагічных відаў, найважнейшай умовай *развіцця* — уласна, ягонай рухаючай сілай. Толькі ж апантанае сваёй тэхнічнай сілай чалавецтва ідзе сёння не па тым шляху, на жаль. Адно, у гэтым яшчэ трэба разабрацца.

Аkurat, маючы такую патрэбу і ставячы такую задачу, Саюз беларускіх пісьменнікаў летась, яшчэ да прыняцця Дэкларацыі ЮНЕСКА, распачаў падрыхтоўку міжнароднага сімпозіума аб функцыянаванні моў і нацыянальных культур у сучасным свеце. Наш непакой супаў з непакоем і клопатам дыпламатаў.

Праблематыка надзвычай актуальная для нас, беларусаў. Тут асаблівая паласа перажыванняў, няўдач, якімі выкліканы і ўсім вядомы скепсіс, нігілізм у адносінах да нацыянальных духоўных каштоўнасцяў, мовы, культуры. І справа тут нават не ў глаба-

лізацыі — не столькі ў ёй, колькі ў іншых прычынах. Усё пачалося раней. Даўней... На стагоддзі. І цяпер узмацняецца. Па нейкім вялікім непаразуме, неабсяжным, разлеглым, магчыма, касмічным...

Людзі страчваюць тое, што калісьці рабіла і робіць ім гонар. Яны пакідаюць мову — свой, так бы мовіць, храм духоўны, узведзены, выраблены і ахарашаны пакаленнямі продкаў. У выніку шматлікіх гістарычных акалічнасцей, умоў жыцця і палітычных абставін у гэтым храме пачалі гуляць скразнякі.

Неверагодна, але нашы людзі нібыта павернуты тварам ад сябе і глядзяць у нейкую няпэўную далеч. Пазбаўленыя ранейшых сваіх спадчынных якасцей і ператвораныя ў інертную масу, яны неўзабаве перастануць быць народам. Страціўшы ўнутраныя скрэпы, рассыплюцца ў пыл як нацыя.

Аднак адыдзем пакуль што ад дэкларацыі, дакумента ЮНЕСКА, і ўласна беларускай праблемы; з вышыняў філасофскай навукі кінем позірк у наш дзень. Перш-наперш, што ёсць *развіццё*, дзеля спрыяння якому, напрыклад, і створана ды працуе ЮНЕСКА.

Згодна з даследаваннем К. Лявонцьева, карыфея рускай філасофскай думкі, *развіццё* — гэта «*паступовае ўзыходжанне ад прасцейшага да больш складанага, паступовая індывідуалізацыя, адасабленне з аднаго боку ад навакольнага свету, а з другога — ад падобных і роднасных арганізмаў, ад усіх падобных і роднасных з'яў*». У той жа час гэта: паступовы ход ад бясколернасці і прастаты да арыгінальнасці і паступовае ўмацаванне адзінства.

Даследуючы *развіццё* арганічнага свету і чалавечага грамадства, асобных краін, цывілізацый, іх з'яўленне, росквіт, заняпад, гібель, К. Лявонцьеў знайшоў, што адно і тое ж уласціва, бадай, усяму, што існуе ў прасторы, часе і, безумоўна, стасуецца з

«жыццём плямёнаў, дзяржаўных арганізмаў і цэлых культурных сусветаў».

Дэманструючы дзейнасць закона на прыкладах, пранікнёны сацыяльны аналітык робіць высновы: «Усё спачатку проста, потым складана, затым па другому разу спрощваецца, *спярша ўраўноўваючыся і змешваючыся ўнутрана*, а потым яшчэ больш спрощваючыся адпазеннем частак і агульным разлажэннем, да перахода ў неарганічную «нірвану».

Ужо пры жыцці Канстанціна Лявонцьева ў канцы XIX веку выявілася тэндэнцыя фарміравання нейкага сярэдняга еўрапейца, распаўсюджванне ў шэрагу краін аднолькавых форм дзяржаўнага кіравання і ладу. Тым часам разнастайнасць і складанасць еўрапейскай цывілізацыі пачынае блякнуць, згладжваюцца марфалагічныя контуры, слабеюць рэлігійныя антытэзы, саслоўі знікаюць. З'яўляюцца агульныя рысы... І даследчык робіць высновы аб паступовым збліжэнні еўрапейскіх краін ды маючым быць утварэнні імі праз пэўны час аднаго нейкага аб'яднання ці то ў форме федэрацыі, ці нейкай груба-рабочай рэспублікі... Як мы бачым, гэта прадказанне сёння стала на парадак дня ў Еўрасаюзе для еўрапейскіх краін, але вядзе яно ўжо не столькі да росквіту, чуеце, колькі да дэградацыі цывілізацыі.

Нечаканы паварот справы ў схеме прадвызначанага, і нам цяпер будзе вельмі цікава, як паставяцца да падобнай перспектывы «развіцця» або «ўстойлівага развіцця» на сімпозіуме «Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі» вучоныя, прадстаўнікі краін Захаду. Прынамсі, пазіцыя Даніі тут выклікае павагу. Зразумелым з'яўляецца і надрукаванае ў «Таймс» выказванне Маргарэт Тэтчар, былога прэм'ер-міністра Вялікабрытаніі. На яе думку, Еўрапейскі Саюз з'яўляецца абсалютна коснай і шкоднай структурай, балазе аб'яднанне эканаміч-

ных сістэм у адзіны рынак прыводзіць да страты суверэнітэту дзяржаў Саюза. «Я пераканана, — гаворыць у сваёй заяве яна, — што ўвядзенне адзінай валюты абсалютна не апраўдана ні ў эканамічным, ні ў палітычным, ні ў сацыяльным планах».

Баранэса Тэтчар заклікае Вялікабрытанію не прымаць умоў, прапанаваных Еўрасаюзам, і пакінуць за сабой права фарміравання сельскагаспадарчай, знешняй і ўнутранай палітыкі і аднавіць нацыянальны кантроль над гандлем і прамысловасцю. Кантынентальная Еўропа на працягу ўсяго яе жыцця, зазначае Тэтчар, спараджала ўнутры сябе грандыёзныя праблемы, якія потым даводзілася вырашаць сумеснымі намаганнямі астатнім краінам свету.

Зусім не выключана, што палітыкі і парламенты некаторых еўрапейскіх краін вызначаюць палітычны курс у адным пэўным кірунку, а аб'ектыўная, непрадугаданая або праігнараваная ў грамадстве плынь выстройвае падзеі так, як Космасу, Богу, Лёсу патрэбна. У пацвярджэнне гэтых слоў сам сабой кладзецца гістарычны «эксперымент» з утварэннем савецкай камуністычнай імперыі.

А мне прыгадваецца час так званай перабудовы. Натхнёныя новымі дэмакратычнымі веяннямі з вышыняў улады, нашы інтэлігенты, пісьменнікі і я ў тым ліку столькі сіл патрацілі на лісты туды, наверх, да самога Гарбачова, у якіх шукалі заступніцтва за сваю мову, культуру. Не сакрэт, што ў гэтай вялікай краіне ўсё адметнае і арыгінальнае спакваля падганялася пад стандарт «савецкай культуры», адзінай для ўсіх, і нацыянальныя мовы і традыцыі проста сціраліся адна за адной, змешваліся, адмаўляліся, як непатрэбныя. А па К. Лявонцэву, пра якога мы тады мала ведалі, «самое змяшанне ёсць ужо свайго роду спрошчванне карціны, спрошчванне юрыдычнай тканіны і бытавой узорнасці. Змяшанне ўсіх колераў вядзе да шэрага або белага». І

яшчэ даводзіць К. Лявонцьеў, папярэджаючы ўмеркаваных людзей, што «*змяшанне больш за папярэдняе аднастайных складаючых частак замест вялікай салідарнасці вядзе да разбурэнняў і смерці (дзяржаў, культур)*». А хіба не гэта меў на ўвазе Сігізмунд Серакоўскі, паплечнік беларускага нацыянальнага дзеяча К. Каліноўскага, калі яшчэ ў 1857 годзе яскрава даводзіў: «Думка, што розныя нацыянальнасці граюць тую ж ролю ў развіцці чалавецтва, як розныя інструменты ў аркестры, — вялікая думка. Няўжо першая скрыпка надумаецца выключыць і заняволіць флейту, кларнет ці другую скрыпку, каб выключна самой разыгрываць усе п'есы?» Дзіўна, але ж гэта рабілася да нядаўніх часоў.

У той свежа-новы гарбачоўскі перыяд я няблага вывучыў гэту праблему. Абапіраючыся на іншага даследчыка гісторыі і культуры, тытана думкі Вільгельма фон Гумбальта, немца, які пакінуў нашчадкам на дзіва глыбокую працу «Мова і філасофія культуры», захапляючую як публіцыстычнай выразнасцю, так і культурай мыслення, я напісаў нарыс (эсэ) «Памяну і свечку пастаўлю» (надрукаваны ў кнізе «Другой зямлі не будзе», Мн., 1989). Там у вострай палеміцы мне давялося абвясціць дагмат савецкіх, з дазволу сказаць, тэарэтыкаў аб неабходнасці сцірання асаблівасцей нацыянальных культур у імя прагрэсу. У якасці антытэзы я рабіў спасылку на палітыку ЮНЕСКА, гэтай міжнароднай арганізацыі, якая, наадварот, падтрымлівала этнічную адметнасць ды праяўляла клопат аб ахове і развіцці нацыянальных культур... А сёння можна смела цытаваць К. Лявонцьева, які нібыта спецыяльна для далёкай ад яго савецкай рэчаіснасці па-свойму разгледзеў гіпатэтычны саюз Расіі з заходнімі славянамі-брацямі... «Што рыхтуюць яны нам?... *Новую разнастайнасць у адзінстве*, усеславянскі росквіт

з асобна ўзятай Расіяй на чале... Асобую арыгінальную форму саюзнага дзяржаўнага быту... Або якую-небудзь хуткую *аднастайнасць*: багата шуму, шмат мінутнай славы, многа крыку, шмат кубкаў і *здравіц*, а потым?.. Потым *зліццё*, змяшанне, аднастайнасць... а ў аднастайнасці *гібель!*»

У выпадку з Савецкім Саюзам да поўнага амярцвення дзяржаўнага арганізму не дайшло, бо верх узялі інстынкт самазахавання і нацыянальныя інтарэсы народаў, дакладней — нацый, «добраахвотна» аб'яднаных у вялікую і несакрушальную, здавалася, камуністычную імперыю.

Беларусь, як вядома, выйшла з саюза (дэнансавала яго), пра што частка насельніцтва ў нас моцна шкадуе. І я шкадую: шкадую, што ў тым саюзе брагіраваны цягнік ішоў у напрамку, адваротным *развіццю*, паколькі штораз парушаліся законы функцыянавання грамадскіх супольнасцей і мільёны ні ў чым не павінных, пераважна найлепшых людзей былі фізічна знішчаны. Вынішчаліся асобна культуры... Шкадую, што скрозь на нашай зямлі гэтак не па-людску было. І таму не крыўдуйце на мяне... Той жа К. Лявонцьеў у сваёй працы «Сярэдні еўрапейцак як ідэал...», разглядаючы фантастычны раман Э. Кабэ «Падарожжа ў Ікарыю», з вялікай перасцярогай паставіўся да ідэі будаўніцтва камуністычнага грамадства, як што ў Ікарыі бязбожным чынам парушаюцца прынцыпы *развіцця*, «і гэта ўвачавідкі вядзе да хуткай выпрацоўкі *нейкага агульнага сярэдняга тыпу*... Гэта значыць таксама да аднастайнасці. Звыш *папярэдніх* мер аднастайнага выхавання, аднастайных абставін, аднастайнага жыцця дзяржава ў Ікарыі ўжывае і строгія меры пакарання супраць усялякай *антыкамуністычнай думкі*. Да аднастайнасці, што навязваецца выхаваннем і падтрымліваецца ўсім ладам быту, яна яшчэ дадае пры-

мітыўны сродак *усеагульнага страху*». Выпадак, калі утопія французскага раманіста нейкім дзіўным чынам праз рэвалюцыйны пераварот ператварылася ў савецкую рэчаіснасць!

Расійская філасофская школа, між тым, абсалютна заслужана можа ганарыцца даследаваннем культурна-гістарычных тыпаў, спазнаннем законаў развіцця цывілізацыі, якія, на жаль, доўгі час ігнараваліся дый цяпер яшчэ не занялі свайго належнага месца ў галовах палітыкаў. Тут дарэчы прыгадаць імёны М. Данілеўскага, папярэдніка Лявонцьева, М. Бярдзьева, Л. Гумілеўскага. Іх працы, меркаванні шмат пра што гавораць культурнаму свету. Дадамо: як і імя Вільгельма фон Гумбальта. Гэта ён акрэсліў мэту чалавецтва як «развіццё разнастайнасці. Для гэтага, — пісаў ён, — неабходны: свабода і *разнастайнасць становішчаў*».

У кантэксте грамадскіх інтэрэсаў да развіцця цывілізацыі ляжаць таксама і працы Освальда Шпенглера «Згасанне Еўропы» і Энтамі Сміта «Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі».

Распавядаючы пра абуджэнне народаў і адстойванне імі нацыянальных каштоўнасцяў, сваёй гістарычнай і культурнай тоеснасці, Сміт яскрава даводзіць пра арганізацыйную стабільнасць нацыянальнай дзяржавы, пра моц і трываласць нацыянальнай ідэі. Між тым на працягу стагоддзя ліберальныя касмапаліты і ўтапісты марылі аб узаемазалежным свеце з адзінай шчыльнай цывілізацыяй і бесперашкодным перамяшчэнні па кантынентах. Марксісты таксама прадказвалі, што са шматлікіх культур капіталізм і сацыялізм створаць адзіную сусветную культуру і мову, адзіную літаратуру, якая знішчыць нацыянальную разнастайнасць і адкрые перспектыву далейшага развіцця цывілізацыі(?). У абодвух

выпадках, піша Э.Сміт, «аптымістычныя» прагнозы лібералаў паказалі сябе памылковымі. Ні урбанізацыя і індустрыялізацыя, ні масавая адукацыя не звялі нацыяналізм. Больш за тое, чытаючы кнігу англічаніна Сміта, я ўсё больш умацоўваюся ў думцы, што *нацыяналізм* як ідэалогія невынішчальны, а гэта ідэалогія самастойнасці, культурнай самавітасці, нітавання з каранямі, ідэалогія памкненняў, патрыятычных пачуццяў, самога духу народа. Сапраўды, нацыяналізм будзе невынішчальны, пакуль жывы і дбайны народ. І мне думаецца: нацыяналізм, пра які піша Сміт, — не што іншае як свайго рода імунітэт этнічнай супольнасці. А чаму б і не? Гэта здаровы і ахоўны дух народа і нацыі.

Таму, пакуль існуюць нацыянальныя дзяржавы, і не саступае сваё месца касмапалітызму нацыяналізм, процістаянне разбуральным тэндэнцыям глабалізацыі будзе забяспечана. Прынамсі, у гэта хоцацца верыць.

Пэўна, нашы спасылкі на аўтарытэтныя імёны, а на Захадзе іх, безумоўна, ёсць і больш, яскрава сведчаць пра адмысловую навуковую базу, на якой грунтуецца Дэкларацыя ЮНЕСКА аб культурнай разнастайнасці.

На адкрыццё сімпозіума выказаў згоду прыехаць Генеральны дырэктар ЮНЕСКА пан Кайчыра Мацууры.

У гэтай цікавай і своеасаблівай сітуацыі беларускаму боку, напэўна, зрабіла б гонар, каб нашы дзеячы падахвоціліся ды хоць трохі выправілі становішча з ужываннем, а перадусім вывучэннем тытульнай беларускай мовы, яе распаўсюджваннем у дзяржаве. Бо яна ў нас колькі год ужо на правах падчаркі, якую ўвогуле перасталі карміць. Варункі яе жыцця сёння ніколькі не лепшыя, чым у Рэчы Паспалітай, калі Вялікае Княства Літоўскае (Бела-

рускае) на правах суб'екта федэрацыі ўваходзіла ў гэту дзяржаву з 1569 года па канец XVIII стагоддзя і народ перажываў паланізацыю, або ў царскай Расіі з яе жорсткай палітыкай русіфікацыі насельніцтва і забароны роднай мовы (канец XVIII — пачатак XX стагоддзяў). Не шанцавала нашай мове і ў дзяржаве — СССР, куды Беларусь дэ-юрэ ўваходзіла як суверэнная краіна, а фактычна была часткай той самай Ікарыі і цярпела ад сцірання сваіх духоўных і культурных граняў, традыцый, руйнавання гістарычных помнікаў. У 60-я гады многія беларускамоўныя школы дырэктывай ураду пераводзіліся на рускую мову. Пры гэтым ніхто не смеў пярэчыць выключна валантарысцкай задуме.

І зусім дрэнъ справы з ужываннем беларускай мовы цяпер, калі палітыкі, жадаючы зрабіць як найлепей, прынялі закон аб дзвюх дзяржаўных мовах. Напэўна, па прычыне сваёй недасведчанасці, неабачлівасці, магчымай пракамуністычнай тэндэнцыйнасці. Яны практычна стварылі ўмовы для панавання ў дзяржаве адной мовы — рускай.

Нехта з іх думае, што мы нічога не страцім, калі памяняем мовы. Шчыра кажучы, аблудлівы погляд!.. Вялікі гуманіст і знаўца гэтага прадмета фон Гумбальт тым часам даводзіць: «Розныя мовы — гэта зусім не розныя абазначэнні адной і той жа рэчы, а рознае бачанне яе».

У мове, паводле Гумбальта, мы заўсёды знаходзім сплаў адвечнага моўнага характару з тым, што ўспрынята мовай ад характару яе носьбітаў, у цэлым — народа.

Для нашай беларускай сітуацыі, дзе адбываецца небывалае дагэтуль змешванне моўных стыхій, выцясненне беларускай мовы і культуры, насаджэнне сусветнай масавай культуры, здрабненне і спрошчанаць духоўнага жыцця пагражае стратай нацыя-

нальнага суверэнітэту і пагібелі дзяржавы чакаць застанеца не доўга. Як бы нас не суцяшалі бацькі зямлі беларускай, што ў нас створаны аднолькавыя ўмовы для функцыянавання роднай і суседняй вялікадзяржаўнай моў, а па беларушчыне на Беларусі гучыць памінальны звон, дарэчы, пры жывых яе носьбітах — 81 адсотку беларусаў у складзе ўсяго насельніцтва краіны. І, безумоўна, гэта наша ганьба.

Паводле таго ж фон Гумбальта, «не можа быць росквіту мовы, на якой гаворыць недастаткова вялікая колькасць людзей... Мова заўсёды прыпыняе сваё развіццё, як толькі нацыя ўвогуле перастае жыць дзейным унутраным жыццём у якасці масы, у якасці нацыі».

Слушна, і мы гэта на скуры сваёй адчуваем.

У святле ўсяго сказанага тут, папераджальна гучаць словы паэта, сучасніка К. Лявонцьева, выдатнага дзеяча беларускага адраджэння XIX стагоддзя Францішка Багушэвіча: «Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі».

І, сапраўды, небяспека навісла смяротная і не толькі для маёй, скажам, нацыі, але і для ўсёй чалавечай супольнасці, бо нясе за сабою збядненне, спрощанасць і ў канчатковым выніку спараджае прымітывізм душы, беспамятства, агрэсіўнасць, тэрарызм на пагібель сабе і іншым.

Дарэчы, тут бачыцца мне траякая псіхалагічная абумоўленасць тэрактаў, і на першае месца я паставіў бы адрыў чалавека і грамадства ад вытокаў культуры і спадчыны. Калі чалавек не стварыў і не цэніць свайго, ён не пашкадуе чужога. А з другога боку, калі хто зазнаў лучнасць са сваім блізкім, роднасным, жыве ім, а яго ў яго адымаюць, — з'яўляецца жаданне адпомсціць сваім крыўдзіцелям або ўсяму свету.

Нарэшце, усё больш дзейнай спружынай тэрарызму выступае сацыяльная няроўнасць і несправядлівасць, як што львіная доля нацыянальных багаццяў аказваецца ў руках кучкі лоўкіх і хіжых людзей — нуварышоў, мульці- і квазібагаццяў.

З уступленнем у новае палітычнае жыццё, пасля развалу СССР, бракуе шчырых паважлівых адносін да этнічных супольнасцей, іх тэрыторый, культур і ў шматнацыянальнай Расіі. Чачэнская вайна таму павінна разглядацца разам з прычынамі, якія яе спарадзілі. Паводле *закона развіцця* дзяржава стварае ўмовы для духоўнага і культурнага самавыяўлення нацыянальных меншасцей. А ліквідацыя этнічнай узорнасці, змяшанне і спрошчванасць, наркатызацыя і співанне, нарэшце, дэградацыя, паступовае выміранне, як і этнічнае замяшчэнне маргіналамі карэннага люду ў адзінай дзяржаўнай супольнасці, нічога добрага ёй не варожыць. Нездарма ж у Дзяржаўнай думе ўжо распрацоўваецца закон аб рускім народзе.

З нагоды глабалізацыі і інфармацыйнага выбуху ад сусветнай супольнасці патрабуюцца карэктныя, паважлівыя і прыхільныя адносіны да нацыянальных меншасцей, да малых і паняволеных народаў. Менавіта гэта прадугледжвае Дэкларацыя ЮНЕСКА аб разнастайнасці культур. Таму сёння, як і раней, суровым папярэджаннем для ўсіх дабраслаўных народаў і нацый павінны гучаць згаданыя вышэй словы беларуса Ф. Багушэвіча: «Не пакідайце ж мовы сваёй роднай, каб не ўмёрлі!»

Цывілізацыя застанеца на сваіх пазіцыях *развіцця* датуль, пакуль будзе жывая традыцыйная культура, якая ўздавала чалавецтва. Толькі ў такім разе дастане гонару кожнаму за сваіх продкаў, сваю культуру, зямлю, а дзеці нашы будуць расці грамадзянамі-патрыётамі сапраўднай, а не нейкай там прыдуманай Айчыны — Ікарыі. І тады, як слушна

зазначана ў Дэкларацыі ЮНЕСКА, стане магчымым «абмен паміж гэтымі самавітымі супольнасцямі і іх узаемнае абагачэнне». Прычым, ва ўмовах культурнай разнастайнасці «культурная своеасаблівасць кожнай з іх будзе мяняцца і рабіцца ўсё болей шматграннай».

Толькі пры такім гарманічным функцыянаванні культур *развіццё* будзе доўжыцца нават ва ўмовах новых інфармацыйных і тэхналагічных працэсаў.

Не выключаю, аднак, што нехта на гэты конт мае свае адрозныя думкі, і, каб паслухаць іх ды заняць дыскусію, мы і рыхтуем мінскі сімпозіум.

ЧАГО ВЫРАКЛІСЯ?

*Адкрыты ліст Ніне Пракапенка, намесніку
старшыні Калінкавіцкага райвыканкама*

Шаноўная Ніна Іосіфаўна!

Выдатная падзея ў жыцці Хаміцкай школы — дзевяностагоддзе з дня яе заснавання — дала магчымасць ва ўрачысты момант сустрэцца з Вамі і дырэктарамі школы, педагогамі... Так, мне гэта падалося цікавым: побач з цяперашнім дырэктарам Васілём Пятровічам Дайнекам былі яшчэ два былыя: Зінаіда Мікалаеўна Хлебавец і Зінаіда Іванаўна Бялько. Ці трэба казаць, што ўсё гэта выдатныя людзі? Выраз твару ў кожнага, як і ў Вас, Ніна Іосіфаўна, выяўляў інтэлект, сагрэты духоўнасцю. Мала чым адрозніваліся ад дырэктарскага корпуса і настаўнікі. На сходзе і пасля яго, у перапынак паміж урачыстымходам і канцэртамі школьнай мастацкай самадзейнасці, я з задавальненнем адзначыў цэплыню энергіі ў гэтых людзях, іх кемлівасць, жвавасць.

Канцэрт, па водгуках, якія я чуў, удаўся, як і ўся ўрачыстасць з падарункамі, граматамі, прэміямі педкалектыву і салодкім сталом для дзяцей.

Канцэрт выявіў уменне многіх вучняў валодаць сабой на сцэне, іх імкненне да самавыяўлення. Тут, дарэчы, нельга не адзначыць і іншую творчую чыннасць выхаванцаў школы, што дэманстравалася ўжо на выставе прыкладнога мастацтва. Вы таму сведка. Малайцы!

Як бачыце, усё ўсіх там задавальняла, усё радавала. Я і сам парадаваўся за такія чысценькі, акуратненькі, прыгожы дзіцячы куток, дакладней, сад — садок у сценах школы.

Усе абыходзілі толькі адно — хаўтуры, якія спраўляліся тут па беларускай мове, па спадчыне бацькоў, дзядоў, прадзедаў. Я ўсведамляў сабе гэта і выразна чуў хаўтурны звон, які плыў над роднай зямлёй падчас урачыстасці.

Мне, Ніна Іосіфаўна, ніякавата пра гэта пісаць, бо я ў школе быў гасцем, але ж і маўчаць няма як. Мы свае людзі, і ёсць у нас свае асабістыя, а ёсць і супольныя справы.

Мне казалі, што Вы таксама ў нядаўнім мінулым — дырэктар сярэдняй школы ў Калінкавічах. І менавіта Вы стварылі ў Калінкавіцкай сярэдняй школе № 6 музей «Літаратурная Гомельшчына». Бачыце, на што Вы асабіста і Вашы вучні здольны? То чаму ж у раёне, дзе Вы фарміруеце навучальны працэс, такая адчужаная ад нацыянальных вытокаў практыка?

Уся мастацкая самадзейнасць дзяцей, усе нумары, дэкламацыі, песні гучалі на рускай мове. Выключэннем стала хіба жменька дэкламатараў пяцігадовага ўзросту. Кропелька... І атрымлівалася так, Ніна Іосіфаўна, што з усіх прамоўцаў на сходзе я адзін гаварыў па-беларуску. Я прывёз у падарунак школе кнігі, свае і кнігі іншых беларускіх пісьменнікаў патрыятычна-гістарычнай тэматыкі. Я раскажаў пра гэтыя кнігі і, калі скончыў свой выступ і сеў побач з былым дырэктарам Зінаідай Іванаўнай у прэзідыуме, яна мне сказала:

— У нас доўгі час недаацэньвалася патрыятычная і краязнаўчая работа ў школе; цяпер таксама на яе не густа...

Бачыце, яна стаяла блізка да таго, каб пачуць звон хаўтур у гэтай зале. Але ці чула яго, не ведаю.

Цяпер уявіце сабе, як сумна, як мулка было мне сядзецц на адчужаным школьным канцэртце. Я слухаў школьных «артыстаў» і думаў: чаму ўвогуле іх прымушаюць іграць ролю дзяцей не свайго народа, а суседняга, рускага?.. З вялікай ласкі Вы гаварылі са мной на беларускай мове. Але з іншымі Вы і іншыя з Вамі ў гутарцы карысталіся мовай толькі суседняга народа. Чаму?

У выніку я быў сярод вас ужо белай варонай. Ці, можа, вы ўсе былі белымі, а я, наадварот, нейкага іншага колеру? Не ў тым сутнасць, аднак. Знешне ўсё было прыстойна. Тым не менш я трапіў у сітуацыю, калі рабіўся чужакаватым для Вас, пагадзіцеся з гэтым. Перадусім Вы разам з калектывам настаўнікаў у гістарычнай Хаміцкай школе выставілі сваіх мілых і прыгожых дзетак у чужой для іх ролі і чужымі мне. І бар'ер той рабіўся з'явай грамадскай, якая выходзіць за межы адной школы, раёна і нават вобласці. Спадзяюся, Вы не будзеце адмаўляць гэтага.

Мне вусцішна рабілася ад думкі, што гэтыя юныя душы выйдучь у жыццё без сваёй нацыянальнай асновы. Яны так нічога і не ўведаюць ні пра свой народ, ні пра яго культуру, ні пра страты, якія панеслі пры адмаўленні ад сваёй уласнай ролі ў грамадстве і ўжыванні ў чужую культуру; нельга ўсё гэта спазнаць, усвядоміць, ацаніць, не валодаючы каларытам мовы, якая выпрацавана на гэтай зямлі і адпавядае ёй, зямлі нашай, яе прыроднай прасторы, пракаветнаму духу народа.

Мяне дзівіць Ваша стаўленне да такой недарэчнай і ў пэўным сэнсе слова драматычнай з'явы, якая адбываецца ў нашым грамадстве.

Колькі спроб рабілі ў даўнім мінулым суседнія — (цяпер — дружалюбівыя) дзяржавы, каб знішчыць тут пракаветныя звычаі і культуру народа і ўсталяваць свае дзяржаўныя парадкі. Адным бачылася на

нашых землях пашыраная Польшча, другім — Расія. Былі і трэція, калі рабіліся захады, каб стварыць у нас тут Яўрэйска-Беларускую Рэспубліку. А дзе наш гонар, панове?

Вы ж, напэўна, ведаеце, што выжыць беларусам у чатырох драматычных мінулых стагоддзях дапамагла мова. І гэта пры тым, што ў свой час верхні слой грамадства — шляхта — апалячвалася і адасоблівалася ад народа. Тое ж і ў складзе СССР: нацыянальная эліта не магла сфарміравацца па вядомай нам прычыне, яе русіфіцыравалі, а ў 30-я гады знішчалі. Палітыка русіфікацыі нашага краю, распачатая Кацярынай II і Мураўёвым-Вешальнікам, цяпер пачала ўзводзіцца ў «квадрат», у «куб» — адным словам, пайшла на «ўра» ў геаметрычнай прагрэсіі. У грамадстве пачаўся працэс, як пры ракавай пухліне, калі ўласныя клеткі арганізма перарадзіліся і знішчаюць астатнія клеткі і сам арганізм. Мне расказвалі пра беларускіх настаўнікаў з нейкай іншай вёскі, якія хадзілі па хатах і ўгаворвалі бацькоў, каб напісалі заявы аб пераводзе іхніх дзяцей на рускую мову навучання.

Я ўспрымаю гэтую з'яву розумам, ды сэрцам прыняць не магу. Хачу спытаць у Вас асабіста і ў астатняй педагагічнай эліты ў Хамічах, Калінкавічах і шмат дзе яшчэ, што з Вамі здарылася? Ці ведаеце, чаго вы выракліся?

Вернемся ж да літаратуры. Калі Ф. Багушэвіч, В. Дунін-Марцінкевіч, М. Гарэцкі, Я. Купала, Я. Колас, І. Мележ, да прыкладу, сцвердзілі сябе на нацыянальнай ідэі і далі жыццё беларускай літаратуры, а вы самахоць цураецеся іх спадчыны, мовы, то вы, сейбіты разумнага, добрага, здраджваеце ім усім і кожнаму. Вы ператвараеце іх чынную духоўную глебу ў пустку. Або хіба не?

Пра якія ж тады нацыянальныя каштоўнасці і пра якое духоўнае жыццё, што заўжды развіваецца

на глебе продкаў, іх гісторыі, культуры, можна цяпер гаварыць, на што ўважаць, калі вы, настаўнікі, самі сталі і ставіце дзяцей сваіх на нулявы грунт, прымушаеце іх выступаць не толькі на сцэне, але і ў жыцці ў чужой ролі?

Што Вы, шаноўная Ніна Іосіфаўна, на гэта скажаце?

Зразумела, вы, педагогі, не толькі жыхары сваіх хат, вёсак, гарадоў, не толькі грамадзяне нашай недаравітай супольнасці, а вы ж яшчэ і дзяржаўныя людзі, паколькі атрымліваеце за працу бюджэтныя грошы: няхай сабе і мізэр, што жалю варта.

Возьмем цяпер пад увагу такі факт. Згодна з вялікім дзяржаўным законам, у Беларусі абвешчана двухмоўе. Закон абавязвае любога і кожнага, а тым больш дзяцей, вывучаць і дасканалы ведаць беларускую і рускую мовы. Тады чаму ж вы, дзяржаўныя людзі, настаўнікі, педагогі (а сярод вас на ўрачыстай імпрэзе ў Хамічах прысутнічаў і загадчык раённага аддзела адукацыі Віктар Іванавіч Петрушэнка), чаму вы ігнаруеце закон аб двухмоўі і змушаеце сваіх выхаванцаў карыстацца толькі адной мовай — рускай, выхоўваеце грамадзян не суверэннай Беларусі, а іншай краіны? Будзем шчырымі.

Глядзеў я на разумных, не пазбаўленых адухоўленасці вашы твары. І мне незразумелым рабілася, наколькі свядома Вы дапускаеце разбурэнне сваёй спадчыннай культуры, ментальнай тоеснасці яе, гэтай культуры, падростаючага пакалення. Чаму дапускаеце адмаўленне святая святых для любога народа і любой нацыі — роднай беларускай мовы?

І чаму запрашаеце на ўрачыстасці ў Хамічы, Палацк, Заслаўе, да прыкладу, беларускіх пісьменнікаў, іншых дзеячаў нацыянальнай культуры? Запрашаеце тых, ад каго з вашай маўклівай згоды і, пэўна, пры вашым прамым альбо ўскосным удзеле,

укралі народ. Пра гэта трапна сказаў Васіль Быкаў: «Нечуваны ў цывілізаваным свеце парадокс нашай трагедыі ў тым, што мы, беларуская творчая інтэлігенцыя, ствараем культуру для народа, які быў, але якога ўжо няма, ад нас яго ўкралі, толькі мы пра тое яшчэ не ведаем».

Думаю, для Вас, Ніна Іосіфаўна, стануць цяпер зразумелымі мой сум і мая трывога, падставай для якіх паслужыла наладжаная пры Вашым супольным удзеле ўрачыстасць у Хаміцкай сярэдняй школе, якая лічыцца беларускамоўнай.

Даруйце, што гэты свой зварот асабіста да Вас і Вашых калег я чыню адкрытым. Мне было б вельмі цікава пачуць або прачытаць, што Вы на гэты конт думаеце. Што скажаце?

Няхай Вам добра будзе!

Тым часам

2000 г.

БЕЛОРУСЫ — НАРОД — НЕ НАРОД?

В российской и советской историографии история белорусов как правило подается в искаженном виде, а то и вовсе замалчивается. Великое Княжество Литовское, образовавшееся в середине XIII века, нередко называется Литовско-Русским государством, безосновательно... А кое-кто, напротив, готов отнести его к современной Литве. В средневековье, что правда — то правда, оно прозывалось еще Литовской Русью, короче — Литвой. Однако история этой Литвы имеет совершенно иные корни.

Обратимся к исследованию архиепископа Афанасия Мартоса «Беларусь в исторической государственной и церковной жизни» (Буэнос-Айрес. 1966; Минск. Белорусский Экзархат. 1990).

Родина этого автора — Новогрудок. Наставником, как он пишет, у него был Несвиж. В прошлом — инок Почаевской лавры, магистр православного богословия Варшавского университета, епископ витебский и полоцкий.

Так вот он пишет о некоем удивительном славянском племени велетов-лютичей, основавших в глубокой древности крепость Вильда (Вильна) на Немане;

«Велеты принадлежали к Полабским (река Лаба по-немецки Эльба) славянам, продолжением которых были Привислинские (р. Висла) славяне. Первый древний писатель, упоминавший о велетах, был Птоломей. Обитая на большом отрезке Балтийского моря, которое называлось Славянским, они очень рано столкнулись с германскими племенами,

наступавшими на них. Имя велетов звучало в течение четырех столетий (798-1157) в области на запад от реки Одрь. По своим природным качествам велеты отличались мужеством и воинственностью, что было причиной их упорного сопротивления германизации и христианизации. Впоследствии германцы однако одолели их и уничтожили, а оставшиеся германизировались. Уцелели от уничтожения те племена велетов, которые жили в области рек Немана и Вилии. Здесь они смешались с полочанами и дреговичами, ставши белорусами.

Велеты, — продолжает Мартос, — известны в истории народов под двумя названиями: велеты и лютичи. Вопрос о них исследовал чешский ученый Павел Шафарик».

По мнению Шафарика, название «велеты» старше названия «лютичи». Оба эти названия образовались от старославянских слов «велек!» (по-белорусски «вялікі») и «люты» или «лют». Слово «велекі» иноземцы исказили в «*велеты*», не понимая его значения. Название «велекі» указывает на многочисленность этого племени и на большую территорию, какую оно заселяло.

П. Шафарик в своем исследовании о славянах приводит свидетельства древних латино-германских летописцев Гермольда и Адама Бремена (ум. около 1076), которые писали о велетах, называя их сильным народом и именуя их «*Wilzi*» или «*Lutici*». Слово «*вільці*» на польском языке означает волков. Это указывает на то, что древние ляхи или поляки называли велетов «*вільці*», т. е. волками. Возможно, что от поляков это слово приняли германцы. Слова «*вільці*» и «*люты*» дают точную характеристику волков, которые с древнейших времен известны своей лютойстью и хищничеством. Отсюда эти два названия стали синонимами по отношению к велетам или лютичам.

Архиепископ Мартос отдельно рассматривает происхождение названия «Литва»:

«Начиная с XII века, на кривичские и дреговичские земли нападали с запада грабительские банды велетов-лютичей. За их жестокость и свирепость кривичи и дреговичи прозвали их лютвой. Слово «лютва» в разговорной практике легко перешло в «литва». Чешские ученые П. Шафарик и Любор Нидерле утверждают, что слово «лютва» преобразовалось в «литва». Это мнение ученых заслуживает полного внимания. Для нас оно является весьма важным свидетельством по своей обоснованности.

В пользу этого мнения говорят исторические факты успешного продвижения литовских или лютовских князей с их дружинами на восток Белоруси в половине XII — XIII веков и их полная ассимиляция с покоренными ими славянскими белорусскими племенами. Литовские князья, занявшие белорусские земли, смешались с белорусами до такой степени, что усвоили их религию, обычаи и язык, который сделали своим государственным языком.

Что касается нынешних литовцев, — добавляет архиепископ Мартос, — то в давние времена они назывались жмудью. В латинских документах их область поселения известна под названием «Самогития». Жмудь была историческим названием современных литовцев, которым летописцы ошибочно присвоили это название, смешав с лютичами.

Прародиной предков литовцев-жмуди, по определению П. Шафарика, было Закарпатье. Оттуда они переселились на северо-запад в неизвестное ближе время и осели на севере от р. Немана. На новом месте они встретились с племенем чудь, которого не сумели изгнать, а смешались с ним».

Далее я предлагаю читателю сопоставить и проанализировать несколько известных исторических фактов.

Русский историк Сергей Соловьев указывает, что в начале XII столетия в течение 28 лет в летописях отмечено восемь литовских набегов на Полоцкое княжество.

С этим сообщением не расходятся легенды о завоевательной деятельности в родовых и племенных белорусских землях (Полоцк, Берестье, Гродно, Туров, Пинск, Мозырь, Сураж) литовских князей Кернуса (1048г.), Мингайло (1190г.). Рингольта (1234г.), Скирмунта (примерно в те же годы).

Допустим, что литовские князья были выходцами из Летувы (Жмуди, Жемайтии) и что именно они воевали белорусские земли и образовали здесь государственную силу, мощь — Великое Княжество Литовское (ВКЛ) с первопрестольной столицей в Новогрудке.

Тогда возникают вопросы. Почему столица этого государства оказалась не на территории Литвы (Жмуди, Жемайтии)?.. Почему государственный язык в Великом княжестве был белорусским?.. И почему Жемайтию (Летува, Литву) литовские князья не включили в состав ВКЛ? Факт — упрямая вещь. Жемайтия оказалась за бортом собственного государства? Какой абсурд! Жемайтия (Летува, Литва) была присоединена к давно состоявшемуся славянскому государству лишь в 1411 году после разгрома силами ВКЛ и Польши Тевтонского ордена.

Изыскания архиепископа Мартоса и чешских ученых позволяют нам более или менее достоверно судить о племенном фундаменте раннего белорусского государства.

Да, но Литва, которой приходилось не раз воевать с восточным соседом, никогда не подчинялась Московской Руси — предтечи России. Исключение составляет разве военный период 1654—67 годов, когда московский царь Алексей Михайлович поко-

рил наши земли и уничтожил вместе с городами, сжег, вырезал более половины населения страны.

Пограничные с Московией земли Великому Княжеству Литовскому (Придвинье, Приднепровье) с XIV века, если не раньше, кстати, назывались Белой Русью. Язык княжества, как тогда писалось, — «руски», и, что характерно, под оболочкой этого «русского» в ВКЛ формируются, достигая своего совершенства, родственные русскому — белорусский и украинский языки; а был еще и летувинский, которым пользовались жемайты и аукштайты...

Вот письменное свидетельство. (Цитируем по книге А.Кавко «Тут мой народ». — Мн., 1989).

Виленский прелат Эразм Вителлий еще в 1501 году обратил внимание папы римского на общественное значение и привлекательный характер языка белорусов: *«Летувины имеют собственный язык. Но по той причине, что русины населяют середину державы, все обычно пользуются их языком, ибо он изящный и более легкий».*

Русины — это белорусы и украинцы, восточнее от них — московиты. Истоки у них, возможно, едины — обширно разлитая Великая Русь. Но Великая Русь в данном случае — отнюдь не Россия. И к русинам в древности не относились народы Московского княжества. *«Народ русины звездному небу подобны, неисчислимы, не хотят признавать ни веры католической, ни веры православной»*, — так в 1130 году писал краковский епископ Бернарду Клевроскому. При определении своей этнической принадлежности белорусы, понятное дело, пользуются на равных энтонимом «литвины»; выдающийся белорусский гуманист, просветитель Франциск Скорина, например, называет себя в документах один раз литвином, другой раз — русином, а Библия на белорусском языке — «руска».

Чтобы окончательно развеять сомнения в истинном значении тех или иных топонимов, приведем высказывания известного польского ученого XIX столетия А. Брюкнера по поводу «*Rusko-Polski rekoris roku 1510*»: *«Всегда мы говорим «литовский», «литовец», но это только вместо «белорусский», «белорус», потому, что в 1510 году даже не снилось о собственной этнографической Литве; еще Рэй в 1562 году назвал белоруса литовцем, а в Москве и в XVII веке «литовский» означал то же самое, что и «белорусский».* (По книге архиепископа А. Мартоса).

Увы, при всем расцвете культуры, а расцвет едва ли уступал эпохе Возрождения в Италии и других странах, письменность белорусов вскоре пришла в страшный упадок. И случилось это после Люблинской унии, заключенной в 1569 году, когда с целью более успешной защиты от внешних врагов — Ливонского ордена, Московии, той же Польши, а также крымских татар — ВКЛ вошло в состав Речи Посполитой, сохранив при этом во многом свою государственность; только вот письмоводство стало вестись на польском, и польский язык вошел в обиход панов, шляхты, интеллектуальной элиты. По этой причине культурная часть общества как бы отслаивалась от остальной массы народа. И так продолжалось до конца XVIII столетия, когда закончила свое существование Речь Посполитая, а заодно — и ВКЛ. Земли этого княжества целиком отошли к России — под протекцию новых чиновников-шовинистов восточной окраски. Императрица Екатерина II благоволила отныне все приращенные земли литвинов назвать Беларусью. Однако, через несколько десятилетий они и вовсе стали именоваться безлично, бесцветно — Северо-Западным краем. Употреблять слова «Беларусь», «белорусы» было запрещено. Школ своих не было. И что же получалось? Коренное население здесь — белорусы, а официаль-

но пользоваться своим языком они не имели возможности, литература преобладала на польском, письмоводство — на русском.

Неподвластным запрету оставалось лишь устное народное творчество, и оно процветало, свидетельствуя о живом и неубиенном духе народа.

Вместе с тем жесточайшее национальное угнетение, смена господ, произвол чиновников поставили белорусов в довольно сложное положение при определении своей этнической принадлежности. Кто они?.. Литвины? Поляки? Русины? Белорусы?.. Без хоба не разберешься! Да и попы-то менялись. Тогда, исполненные горькой лаптюжной простоты и тихой мудрости, на вопрос, кто они, люди стали отвечать: «*Тутэйшыя*». *Тутэйшым*, к слову сказать, с гордостью называл себя в начале XX столетия и известный национальному самосознанию помещик Роман Скирмунт... Духовно белорусы как бы находились в подполье, не заявляя миру пока — кто они.

Франтишек Богусевич, известный поэт-демократ XIX столетия, начавший писать на доступном каждому селянину языке, немало сделал для пропаганды и закрепления в сознании своего народа этнонимов, слов, которыми определялась их совокупная историческая принадлежность, фортуна: *белорус, Беларусь, белорусский*... Его усилия поддержал писатель, драматург В.Дунин-Марцинкевич. Но им не под силу было изменить что-либо в условиях, когда царский режим ставил своей целью то ли переделывать белорусов на русских, то ли освободить от них этот край вообще.

Небезызвестна фраза виленского генерал-губернатора М. Муравьева: «*То, что не доделал здесь штык, доделает русская школа*». Этот лозунг, к сожалению, не снят и сегодня: над проведением его в жизнь работают российские генералы и полковники, пригретые властями в Беларуси.

Национальный политик Роман Скирмунт вполне осознавал агрессивный характер российских чиновников-русификаторов, как и лицемерие панов-полонизаторов, стремившихся с помощью костела подчинить «тутэйшых» своему влиянию.

Он искал средства противостояния их политике и откровенно смущал господ, когда в частных беседах и письменно подчеркивал свое происхождение: *«Я сам з Папесся, нашчадак літоўскай сям’і з найстаражытнейшых часоў, якая навек асела на гэтай зямлі, і мае продкі да XVII стагоддзя карысталіся беларускай мовай як хатняй. Я зайсёды быў і буду горача адданы свайму народу — ягонаму месцазнаходжанню не за Нёманам і Бугам і не на Волзе, а тут, на Беларусі»*.

Жаль, но только и ему, высокообразованному и состоятельному человеку, пришлось испытать горечь неудач и поражений на столь тернистой национальной стезе. Не только ему.

Современник Р.Скирмунта поэт Янка Купала раскрыл драму *тутэйшых* в одноименной пьесе. И теперь, после постановки спектакля *«Тутэйшыя»*, драма эта продолжает бурно разыгрываться как на сцене, так и в жизни одновременно.

Можно лишь удивляться тому, каким образом белорусы, в условиях более чем 200-летней полонизации в составе Речи Посполитой, затем 200-летней русификации в составе России и СССР, сохранили еще свою культуру, язык, «самавітасць», присущую и сейчас значительной части населения.

Значение этого подвига переоценить трудно, вследствие чего он заслуживает благодарной памяти и поддержки потомков.

Выдающийся российский педагог Константин Ушинский в XIX веке писал. *«Каждому народу суждено играть в истории свою собственную роль, и если он позабыл эту роль, он должен удалиться со*

сцены: он больше не нужен. Народ без народности — тело без души. которому остается только подвергнуться закону разложения и уничтожения в других телах, сохранивших свою самобытность. Так по ком же сегодня звонят колокола? Прислушайтесь, панове, господа, товарищи.

Нация — это не забывший своего родства с предками и не осиротевший духовно народ. Естественно, он оберегает собственный *«храм бытия»*, чтит свою историю, культуру и, в противовес маргиналам, уподобившимся перекасти-поле, не испытывает ностальгии по оставленным где-то пределам.

Национализм, в беспристрастном его понимании, — это обусловленная природой форма бытия, общественного сознания, а не прихоть отдельных людей. *«XX век по праву можно назвать веком национализма и национальных государств на нашей планете»*, — пишет знакомый мне молодой философ.

Но обратимся к другому... Недавно мне довелось познакомиться с монографией социолога, кандидата технических наук В.Артишевского *«Нация: путь к социальной гармонии»*, где по-своему оригинально, бескомпромиссно рассматривается социальный (классовый) и национальный состав общества, делаются интересные выводы. Некоторые из них я приведу. Но попервоначально замечу, что пролетарии здесь — это все, кто живет на зарплату и не имеет отношения к власти и распределению благ.

Итак, друзья — товарищи, граждане, — альтернативы национальной идее практически нет, ибо только национальные по своему уложению государства, как никакие иные, способны полно, экономно и эффективно употреблять, растрчивать и приумножать свои материальные и духовные ресурсы. Только лишь они, эти государства, способны удерживать цивилизацию от нравственного и духовного истощения, наркомании, терроризма, отрешеннос-

ти, хаоса, что в совокупности может привести ее к полной деградаци и гибели.

И далее. Общество развивается гармонично, по крайней мере, с наименьшей долей социальных конфликтов и потрясений, когда в нем бок о бок идут и тащат культурный и хозяйственный воз к прогрессу три — напрашивается слово — кита, уточним — когорты сограждан: пролетарии, чиновники, собственники.

Гармоничное развитие общества и цивилизации в целом возможно лишь при условии нахождения у власти собственников, но не чиновников, как у нас было прежде и теперь.

Благополучие нации попадает в прямую зависимость от доли и места социальной группы собственников в составе общества.

И, наконец, не менее важно, чтобы в обществе преобладали националисты, а не денационализированные элементы типа маргиналов, интернационалистов, которыми нередко являются коммунисты, сверх меры и сверх рассудка начиненные духом пролетарского братства без границ и этнических признаков.

Национализм и интернационализм в политическом плане противостоят друг другу, как освященное творческим гением созидание противостоит разрушению, иждивенчеству, тлену. Подобное утверждение теперь — не новость, оно логично вытекает из нашего собственного и мирового опыта.

Интерес к национальной идее и своей государственности у нас, пожалуй, не угасал никогда, чему свидетельством многие гражданские акции и потрясения. Это и восстание А.Костюшко в 1794 году, направленное против российских притязаний на белорусские и польские земли, и восстание 1830-31 годов, и восстание 1863 года под руководством К.Калиновского, и попытки создания Белорусской На-

родной Республики в 1918 году, с участием Р.Скирмунта, и массовые вооруженные выступления крестьян на Случчине против пророссийско-большевистских порядков (в поддержку БНР), и активнейшее национальное возрождение, лицемерно допущенное и вырубленное кремлевским сейбітам (сеятелем) смерти в период становления БССР в 20-х годах.

Далее еще один пример из истории.

Уже в послевоенное время как бы отголоском двадцатых годов в Беларуси начался было поворот к национальной политике. Инициатором его, как ни удивительно, выступил Михаил Васильевич Зимянин, секретарь ЦК КПБ, будущий главный редактор «Правды». Впрочем, инициатива исходила из Москвы, от товарища Берии... И опять планомерно расширялась сфера применения белорусского языка, на родной язык переводилось партийное и государственное делопроизводство. Что любопытно, к белорусизации вполне терпимо относился тогда и первый секретарь ЦК Н.С.Патоличев, уроженец России.

Вспоминая об этом историческом эпизоде в своей книге «Вожди, вожаки, вожачки» (Мн., 1999), известный журналист А.Симуров пишет:

«Что же касается М. В. Зимянина, то почти за тридцать лет до перестройки он сделал попытку освобождения республики от жестоких обручей унифицированного центра. Может, как раз это и были первые зерна по обретению национального суверенитета, только попали они в неподготовленную почву, и сеятель оказался непонятым...» Однако добавим: не понятым теми, от кого зависел, благо ситуация в верхах менялась.

Теперь впору задаться вопросом: а была ли подготовлена почва в начале девяностых, что на нашей памяти... Проросли ли, будучи высеянными, те национальные зерна?..

Трудно воссоздать и раскрыть перед читателями образ утыканной казенным частоколом и засоренной чертополохом нивы. Но ростки посеянного Народным фронтом все же были, жаль только, что за ними некому было ухаживать — подпитывать да лелеять. Сами же сеятели увлеклись (черт попутал!) решением своих, клановых (как виделось в парламенте), властных и суетных проблем. А увлекшись — наверное, забыли о ниве.

Ростки увяли. А сеятели... Где они теперь? Народ разучился их понимать. Претензии встречные...

Я рассказал об этой грустной истории в коллективном публицистическом сборнике «Письма к живым» (Мн., 1999).

Теперь с народом опять заковыка. Он стал недоступен национальной интеллигенции, просвещенной, культурной, гармонично воспитанной. И не потому недоступен, что горд, закопылист, что он по каким-то причинам чурается тех, кто, помня об историческом прошлом, о своих мудрых предках, старается предостеречь его от неверных извивов судьбы, злого рока.

Нет, тут картина иная.

И сам народ и его национальная интеллигенция исторически не раз переживали отчужденность. В прошлом колониальные режимы России и Польши не позволяли в полную меру развиваться национальной элите, а потом, в конце двадцатых — тридцатые годы, ее физически истребили. Народом, как правило, управляли чужие головы, интеллекты из центра, из НКВД.

В наши дни, несмотря на декларируемый суверенитет, никак не отрешиться от мысли, что Беларусь в своих волеизъявлениях опять несвободна, да так — будто здесь правит оккупационный режим! Признаки?.. Извольте: подавление патриотических сил,

затяжная война с проявлениями свободы слова и совести, аресты, тюрьмы...

Так этот молох то и дело блокирует национальную творческую и научную элиту и «защищает» народ от нее. Сейчас это легко чинить: с помощью средств массовой дезинформации, особенно если они, эти средства, в ловких руках. Точно так же действовали в пору создания Народного фронта в 88-90 годах и партийные власти республики, «защищая» трудящихся от их же национального и интеллектуального детища и натравливая людей на политически опальных писателей, художников, ученых.

Это драма, прежде всего для многомиллионного народа, который зомбируют на честный труд и долготерпение, а еще на поддержку политиков, разыгрывающих невиданный в истории государства спектакль. Положение элиты раскрыто В.Быковым в горькой-прегорькой фразе, смысл которой передам почти дословно: *«Неслыханный в цивилизованном мире парадокс нашей трагедии в том, что мы, белорусская творческая интеллигенция, создаем культуру для народа, который был, но которого уже нет, от нас его украли, только мы о том еще не знаем...»*

И не менее впечатляющим представляется мне также сетование другого моего коллеги — писателя Сократа Яновича: *«Духовно ограбленная нация белорусов сбежала в анонимную толпу разевак да, задрав головы, хохочет над теми, кто криком своим намеревается пробудить их совесть и душу. Чистое безумие!»*

Это, конечно же, отчаяние, и на этот счет я скажу: не вина, а беда народа, что он такой. Народ обманут. Точно также он был обманут в 1385 году великим князем Ягайло, позарившимся на польскую корону. Для удовлетворения личных амбиций он

переметнулся в другую веру и подписал Кревскую династическую унию.

«Кревское соглашение, — пишет в своей книге А. Мартос, — было весьма выгодным актом для поляков и Польши, но для Великого Княжества Литовского это было предательством».

Ягайло отдал свое государство Польше... И сегодня в политике разыгрывается та же партия. Разница лишь в небольшом: ориентация тогда была на польскую корону, а теперь — на Московский Кремль.

Мне остается верить в потенциальную мудрость и скорое прозрение своего народа.

2000 г.

**ЧАС ЦІХІХ І ЦЁМНЫХ ЛЮДЗЕЙ,
або ЦІ НЕ РУХНЕ АПОШНІ ФАРПОСТ
ДУХОЎНАЙ КУЛЬТУРЫ І ГРАМАДЗЯНСКАЙ
СУПОЛЬНАСЦІ У БЕЛАРУСІ —
САЮЗ ПІСЬМЕНнікаў?**

Пісьменніцкая арганізацыя была і ў значнай меры застаецца цытадэллю нацыянальнай духоўнай культуры, і гэта нягледзячы на вялікія матэрыяльныя і маральныя страты, нанесеныя ёй за апошнія колькі гадоў.

Безумоўна, пісьменнік — сам сабе творчая фабрыка, ён быў, ёсць і будзе, нават калі ягоны прафесійны саюз, які генерыруе флюіды духоўнасці, скасуюць, знішчаць па тых ці іншых палітычных прычынах. Але... так пытанне пакуль не стаіць.

Прыгадаем акалічнасці дыскусіі мінулага года, калі пэўнай часткай літаратараў прыкладваліся намаганні, каб раскалоць пісьменніцкую арганізацыю ды ўтварыць свой асобны саюз чыста прыдворнай арыентацыі. Тады мала хто пайшоў за літаратурнымі раскольнікамі, і задума іх была публічна развенчана, а 13-ы пісьменніцкі з'езд фармальна паяднаў неспатоленыя душы. Праўда, не надоўга. Напружанне на творчых абсягах засталася, і вось нехта ўжо бачыць новыя магчымасці для захопу кіруючых пасад і ператварэння СБП як не ў рамесніцкі філіял вертыкалі.

Назіраючы за ходам падзей у грамадстве, я пераконваўся (і не раз!), што да крызіснай сітуацыі ў нашым Саюзе маюць самае непасрэднае дачыненне ўлады, у якіх свае мэты і нават «стратэгія». Колькі

год яны біліся і, нарэшце, абраталі прафсаюзы, прычым зрабілі гэта, абапіраючыся на здраднікаў прафсаюзнай ідэі і штрэйкбрэхераў. Крыху раней улады «рэфармавалі» НАН Беларусі, затым бліскава выканалі аперацыю «Холдынг» па адчужэнні пісьменніцкіх выданняў. Як і там, так і тут, зроблена стаўка на падрыў адносін знутры, на дзейнасць абазначаных, скажам, у літаратурным асяроддзі людзей, прыкормленых і адданных вертыкалі.

Цяпер, на заключным этапе таталізацыі грамадства і, уласна, творчых праяў жыцця, задум і памкненняў, стаіць задача пасеяць яшчэ большы разлад у СБП і пад шум-галас выхапіць, прыбраць да рук сваіх гэты асяродак духоўнай культуры, што дагэтуль упарціцца аўтарытарнаму рэжыму.

У сваім артыкуле «Саюз пісьменнікаў ці зборышча абывацеляў?» («НВ» за 23 ліпеня) народны паэт Н. Гілевіч мае рацыю: большасць нашых калег сёння зрабіліся ціхімі, безгалосымі, няўцягнымі, цёмнымі, у іх адно ў галаве: прыстасавання да варушкаў нядобрага, часам сабачага жыцця, каб неяк выжыць.

Публічна гэтакую, з дазволу сказаць, чыннасць засведчыў адзін з аўтараў лімаўскай публікацыі: «Сённяшні час на Беларусі, — піша, — час чакання. Усе чакаем... учынкаў ад іншых...» Канец фразы. Тут нават і думкі няма пра свае ўласныя дзеянні і памкненні.

Толькі чаму дзівіцца? Калі паглядзець на з'яву ў гістарычным плане, прасачыць яе ў дынаміцы, — абывацелямі былі і багата якія паплечнікі Н. Гілевіча, яшчэ ў тыя часы, як ён працаваў першым сакратаром Саюза пісьменнікаў. Дый перадаў Ніл Сымонавіч кіраўніцтва Саюзам ужо тым літаратарам, якія ў складаны і па-свойму цікавы час — 90-я гады — не сталі ні ваярамі, ні асобамі ўвогуле. Значыць, карані наплоджанай плеймы ціхіх і цёмных людзей, або абывацеляў і прыстасаванцаў, сягаюць у савец-

кія часы, дзе таксама была аўтакратыя і быў таталітарызм, хоць і не такі жорсткі.

Адсюль — мы маем рэальнасць — легіён абывацеляў і іхняе асяроддзе — агульны фон, апеліруючы да якога і намагаюцца пацешыць свае амбіцыі тыя, хто дзейнічае жыва, нахрапіста, каб яшчэ больш уплішчыцца ва ўладарны рэжым і падпарадкаваць гэтаму рэжыму пісьменніцкую арганізацыю. Яны як песню песень пішуць і дэкларуюць цяпер ужо не адзіную з Расіяй геаграфічную і творчую прастору, а нацыянальныя, знаеце, каштоўнасці — суверэнітэт, жыццяздольнасць адзінай пісьменніцкай арганізацыі, пры ўмове, праўда, калі яны прыйдуць. Дэкларуюць свабоду... пісаць дыфірамбы начальству.

І ў чарговы раз пайшла ў наступ на існуючы, але не зламаны, не скораны Саюз і асабіста В.Іпатаву, старшыню СБП, тая ж холдынговая раць — М.Мятліцкі, Р.Баравікова, В.Праўдзін, В.Мачульскі, В.Коўтун, пры падтрымцы Г.Чарказяна (апошні ўзначальвае рэвізійную камісію, але па службе ўжо цяпер падпарадкоўваецца Мачульскаму, што супярэчыць статуту). Іх выступленні ў друку дзівяць беспадстаўнасцю, інсінуацыямі. У Саюзе, маўляў, няма ніякай арганізацыйнай і творчай работы, і гэта сцвярджаецца ў той час, як пісьменніцкая арганізацыя ў надзвычай неспрыяльных умовах, створаных дэструктыўнай дзейнасцю ўладаў і тых самых асоб, падрыхтавала і правяла разам з іншымі грамадскімі арганізацыямі шэраг значных мерапрыемстваў, да прыкладу, канферэнцыю «Купала і незалежнасць», творчыя вечары, ў тым ліку вечар, прысвечаны 100-годдзю Я.Пушчы, дзевяць «круглых сталоў» па пытаннях мовы, культуры, фізічнага і маральнага тэрарызму, затым міжнародны сімпозіум па культурнай разнастайнасці і спектру іншых надзённых праблем; рыхтуецца семінар маладых.

Такога развароту ў прафесійным аб'яднанні беларускіх літаратараў даўно не было. Толькі на гэта свя-

дома заплюшчваюць вочы тыя, каго ў артыкуле «Баль хлусаў і пустадомкаў» («НВ» ад 2.08.2002 г.) С.Законнікаў назваў гэкачэпістамі. Па-мойму, слухна.

Намагаючыся прынізіць і ачарніць працу кіраўніцтва Саюза і ўсёй творчай суполкі, М.Мятліцні без усялякіх на тое юрыдычных і маральных падстаў прысабечвае (слова Н.Гілевіча) сабе тытул «сакратара Саюза беларускіх пісьменнікаў», а В.Праўдзін, няйначай, уваскрос у іпастасі «першага намесніка старшыні...» (Звольнены ён па ўласным жаданні з 13 мая).

Фальсіфікацыя — гэты ўлюбёны *ход* некаторых нашых палітыкаў сёння — завяршае ЛіМ, друкуючы нататку пра тое, чаго не было: *24 ліпеня адбылося пашыранае пасяджэнне Рады Саюза беларускіх пісьменнікаў з удзелам 26-ці сяброў і рэвізійнай камісіі СБП*».

Патлумачу. Поўны склад Рады — 60 чалавек. А, тут не налічвалася і трэці яе складу, і таму не было не толькі пашыранага пасяджэння, але і пасяджэння наогул як такога, і яго рашэнні аб тэрмінах правядзення з'езда і ўтварэнні аргкамітэта не маюць юрыдычнай сілы, а газетная публікацыя, відавочна, ставіць на мэту ўвядзенне чытачоў у зман.

Шкада, толькі за адзін няпоўны год штотыднёвік творчай інтэлігенцыі «ЛіМ» страціў амаль палову сваіх падпісчыкаў, якіх і так было вобмаль, а цяпер, пасля ўдзелу ў холдынгавай змове, ён можа яшчэ больш змізарнець і паставіць на кон сваё існаванне.

Нам няма як падзяляць меркаванне гэтай групоўкі літаратараў, хоць некаторыя з іх маюць значны аўтарытэт, — што СБП нежыццяздольны, ды што *Саюз нежыццяздольны па віне бязмежна адданай нацыянальнай справе і працы ў Саюзе* Вольгі Іпатавай, хоць часам яна і дапускала пралікі.

Калі шчыра, цяжкая і крызісная да гэтага часу сітуацыя ў пісьменніцкай арганізацыі шматкроць

ускладнілася адсутнасцю пэўных пазітыўных рашэнняў і вяласцю Рады СБП, а з другога боку — праз меру бурапеннай і заўзятай дзейнасцю рэвізійнай камісіі. Напэўна, сёй-той з літрэвізораў імкнецца злавіць рыбку ва ўскаламучанай імі вадзе.

Унесці разрадку ў напружаную атмасферу Саюза магла б Рада, сабраўшыся і вылучыўшы ў кіраўніцтва СБП намеснікаў старшыні. А чаму і не?.. Хіба не слухна напісалі ў тым жа ЛіМе паэтэсы Г.Каржанеўская і Н.Галіноўская? На іх погляд, не трэба спадзявацца, што пазачарговы з’езд неяк дапаможа. «Выпусканне пары, — піша Каржанеўская, — рэч неканструктыўная ў тых умовах, што склаліся.» І яшчэ: «Радзе Саюза пісьменнікаў трэба даць ацэнку дзеянняў усіх тых, што муцяць ваду».

Залатыя словы! Арганізацыйны, пошумны і, бадай, самазнішчальны з’езд патрэбны не нацыянальнай літаратуры, не абсалютнай большасці нашых пісьменнікаў, а літаратурным авантурыстам і штрэйкбрэxерам. Няма для такога з’езда пытанняў, а тое, што ёсць, можа і павінна вырашыць Рада, сабраўшыся ў поўным складзе ўвосень.

Зрэшты, сама старшыня СБП В.Іпатава заявіла аб намеры правесці з’езд напрыканцы верасня. Толькі ж для гэтага патрэбна блаславенне Рады, і не столькі блаславенне, колькі абмеркаванне і зацвярджэнне парадку дня з’езда. На з’ездзе, лічыць яна, прыспеў час разгледзець тэму, вызначаную на папярэднім пасяджэнні Рады, — «Літаратура і стан яе выданняў», а таксама пытанні беларускамоўнай адукацыі і функцыянавання мовы тытульнай нацыі. Сама Вольга Міхайлаўна гатова выступіць са справаздачай аб арганізацыйна-творчай рабоце Саюза і барацьбе за яго перспектыву. Прызначаецца чарговае пасяджэнне Рады.

Чаканне, шаноўныя. І, як само гэтае чаканне, так і час да многага нас абавязваюць.

КАМЕНТАРЫ І ДА ТВОРАЎ

Чарнобыльскі сшытак

У роковай черты. Из выступления на пленуме правления Союза писателей СССР 17 января 1989 г. Пленум был посвящен проблемам экологии в стране. Напечатано в сокращенном виде в «Литературной газете» № 4 от 25 января 1989 г., затем — более полно — в сб. «Письма к живым», Мн., БелСоЭС «Чернобыль», 1999.

Бомба для потомков. Один из основополагающих материалов чернобыльской публицистики. Напечатан в газете «Советская культура», № 117 от 30 сентября 1989 г. Перепечатывался газетой «За передовую науку», №№ 39—40 от 20 октября 1989 г.; в сб. «В судьбе природы — наша судьба», М., «Художественная литература», 1990; в сб. «Земля тревоги нашей», Мн., «Ураджай», 1991.

Открытое письмо. Генеральному прокурору Союза ССР тов. Сухареву А. Я., то же: Прокурору Белорусской ССР тов. Тарнавскому Г. С. Подано 12 октября 1989 года. Опубликовано в еженедельнике «Литературная Россия», № 43 от 27 октября 1989 года, затем в сб. «Письма к живым», Мн., БелСоЭС «Чернобыль», 1999.

Роскошь безрассудства. Напечатано в академической газете «За передовую науку», №№ 9—10 от 2 и 9 марта 1990 года.

Чернобыль: тернистый путь к истине. Материал был озвучен в качестве основного доклада на Межреспубликанской научно-практической конфе-

ренции «Чернобыль: социально-экономические и нравственные аспекты», проходившей в Гомеле 5—6 апреля 1990 года по инициативе оргкомитета Белорусского социально-экологического союза «Чернобыль». Напечатан в газете «За передовую науку» № 17 от 27 апреля 1990 г.

На пепелище. Напечатано в газете «Комсомольская правда на Беларуси», № 2 от 24 ноября 1993 г.

Чернобыль: десять и более лет спустя. Очерк опубликован в сб. «Письма к живым», Мн., БелСоЭС «Чернобыль», 1999.

Калі адысці ад чарнобыльскай транзіі, або Згадкі пра пантэон. Артыкул змешчаны ў газеце «Рэспубліка», № 28 за 6 лютага 2001 г.

«Хвароба Шумілава» — ці не выклік багам? Гутарка. Надрукавана ў штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва», № 31 за 4 жніўня 2000 г.

Не шукайце за Чарнобылем Бога. Гутарка. Надрукавана ў штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва», № 17 за 27 красавіка 2001 г.

Непакой: а што, калі?.. Друкуецца поўны варыянт артыкула, змешчанага ў скарочаным выглядзе пад назвай «Чарнобыль ударыў па нагах» у газеце «Наша ніва» № 16 за 26 красавіка 2002 г.

Хады на выбар. Надрукавана ў «Настаўніцкай газеце», № 9 за 2 лютага 1994 г. З тых пор жыццё па-свойму распарадзілася фактамі, але праблематыка артыкула застаецца нязменнай.

Прыпяцкае веча

Есть ли у нас концепция хозяйствования? Доклад на межреспубликанской конференции «Проблема Припяти — проблема Полесья» 11 марта 1988 года. Под заголовком «Оглянись на землю свою» в сжатом виде напечатан в газете «Советская Белоруссия», № 143 от 21 июня 1989 г.

Проблема Припяти — проблема Полесья. Стенограмма конференции писателей, ученых, специалистов Беларуси и Украины 11 марта 1988 года. Публикуется впервые.

Суждения, выводы и пожелания, принятые на конференции по проблемам Полесья и дальнейшего использования мелиорированных земель, состоявшейся 11 марта 1988 года. Документ опубликован впервые в сб. «Письма к живым», Мн., БелСоЭС «Чернобыль», 1999.

У зямной смуже

Противостояние в подлунном мире. Очерк написан в 1989 году. В его основу легли свежие впечатления от работы в оргкомитете Белорусского Народного Фронта. Определенные правки и дополнения в текст внесены в 1996 году и потом — при подготовке материала к печати. Опубликован в сб. «Письма к живым», Мн., БелСоЭС «Чернобыль», 1999.

Закляцце, або Заклік: братове, адыдзем ад трупна таталітарнай сістэмы! Роздум з нагоды прэзідэнцкай перадвыбарнай кампаніі. Надрукавана ў «Народнай газеце», № 114 за 21 чэрвеня 1994 г.

Кто поведет через испытания? Ответы на вопросы газеты «Экспресс-контакт интернэшнл», № 13, апрель 1994 г.

Два полюсы адной з’явы. Артыкул надрукаваны ў газеце «Рэспубліка», № 43 за 23 лютага 1995 года з наступнай урэзкай ад рэдакцыі: «Васіль Якавенка, пісьменнік, лаўрэат міжнароднай літаратурнай прэміі імя Ф. Нансена, аўтар шэрагу кніг. Нарадзіўся ў 1936 годзе на Гомельшчыне, працаваў геалагам, рэдактарам аддзела часопіса «Полымя», узначальваў секцыю нарыса і публіцыстыкі Саюза пісьменнікаў Беларусі, распачаў рух за захаванне, аздаравленне навакольнага асяроддзя і выратаван-

не Прыпяці ад абвалавання і асушэння поймы. Дамогшыся поспеху як публіцыст напрыканцы 80-х, кінуў выклік высокапастаўленым асобам, вучоным і палітыкам, якія ўтойвалі праўду аб Чарнобылі і не рабілі належнага, чым ускладнялі драматычнае становішча насельніцтва на забруджаных тэрыторыях Беларусі, Расіі, Украіны. Заснаваў Беларускі сацыяльна-экалагічны саюз «Чарнобыль» і газету «Набат».

Гэй, панове, падтрымаем... Каго? Надрукавана ў штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва», № 51—52 за 22 снежня 2000 года.

Сага пра сваіх і чужых. Адкрыты ліст І. Капыловічу з нагоды яго артыкула «З кім вы, інжынеры чалавечых душ?», змешчаным у «Народнай газеце» за 27.01.2001 г. «Сага...» надрукавана ў штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва», № 10—11 за 16 сакавіка 2001 года (пасля таго, як «Народная газета» адмовілася друкаваць адказ апанента).

На покліч — гільдыя майстроў, або Што-колечы з уласных меркаванняў да маючага адбыцця 13-га з'езда Саюза беларускіх пісьменнікаў. Працяг размовы пра духоўны скарб і лёс Саюза пісьменнікаў. Надрукавана ў газеце «Звязда», № 105—106 за 26 мая 2001 г.

Чые вы, хлопцы, будзеце? Роздум пасля з'езда Саюза беларускіх пісьменнікаў. Надрукавана ў штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва», № 25 за 22 чэрвеня 2001 г.

Паляванне на волатаў духу. Пад назвай «Паляванне на пісьменнікаў» надрукавана ў газеце «Народная воля», № 110 за 19 чэрвеня 2001 г.

Каса на камень, або Канцэрт з удзелам нашай рады. Артыкул надрукаваны ў газеце «Наша слова», № 20 за 29 траўня 2002 г.

Якое царства без баяна? З падзагалоўкам «Беларускія пісьменнікі — нічыя» надрукавана ў газеце «Народная воля», № 13 за 23 студзеня 2002 г.

Амерыканская трагедыя: як вырваць карань тэрарызму? Надрукавана ў штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва», № 38 за 21 верасня 2001 г.

Глабальны выклік, або Мардаванне будучыні. Надрукавана ў газеце «Народная воля», № 196 за 18 кастрычніка 2001 года.

Свет белы нам на радасць або на пакуты? Артыкул напісаны як роздум, прымеркаваны да Міжнароднага сімпозіума «Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі». З некаторымі скарачэннямі надрукаваны пад назвай «Каб не апынуцца ў краіне Ікарыя...» у «Народнай газеце», № 68 за 27 сакавіка 2002 года.

Чаго выракліся? Адкрыты ліст Ніне Пракапенка, намесніку старшыні Калінкавіцкага райвыканкама. Будучы надрукаваным у «Настаўніцкай газеце», № 115 за 2 лістапада 2000 года, ён выклікаў хуткацечную дыскусію, у якой Н. Пракапенка ўхілілася ад адказу на шчыра пастаўленыя пытанні.

Белорусы, народ — не народ? Печатаецца как варыант историко-публицистического очерка «Сказ о белорусах», взятого из совместного сборника: Василь Яковенко, Лявон Эмилит «Сказ о белорусах», Мн., «Беларускі кнігазбор», 2000.

Час ціхіх і цёмных людзей, або Ці не рухне апошні фарпост духоўнай культуры і грамадзянскай супольнасці у Беларусі — Саюз пісьменнікаў? Артыкул надрукаваны ў газеце «Народная воля», № 162 за 16 жніўня 2002 г.

ЗМЕСТ

Чарнобыльскі сшытак

Ад аўтара	5
У роковой черты	7
Бомба для потомков	16
Открытое письмо	32
Роскошь безрассудства	52
Чернобыль: тернистый путь к истине	67
На пепелище	76
Чернобыль: десять и более лет спустя	81
Калі адысці ад чаронобыльскай траншэі, або Згадкі пра пантэон	109
Гутарка: «Хвароба Шумілава» — ці не выклік багам?	114
Гутарка: «Не шукайце за Чарнобылем Бога»	125
Непакой: а што, калі ?..	136
Хады на выбар	149

Прыпяцкае веча

Колькі слоў пра аркестр	157
Есть ли у нас концепция хозяйствования?	160
Стенограмма конференции писателей, ученых, специалистов Беларуси и Украины на тему: «Проблема Припяти — проблема Полесья»	178
Суждения, выводы и пожелания принятые на конференции писателей, ученых,	

специалистов Беларусі і Украіны па праблемам Полесся і далейшага існавання меліораваных зямель	228
Эпілог	233

У зямной смуге

Противостояние в подлунном мире	237
Закляцце, або Заклік: братове, адыдзем ад трупа таталітарнай сістэмы!	282
Кто поведет через испытания?	286
Два полюсы адной з'явы	290
Гэй, панове, падтрымаем... Каго?	293
Сага пра сваіх і чужых	304
На покліч — гільдыя майстроў, або Што-колечы з уласных меркаванняў да маючага адбыцця з'езда Саюза беларускіх пісьменнікаў	315
Чые вы, хлопцы, будзеце?.. ..	322
Паляванне на волатаў духу	331
Якое царства без баяна?	334
Каса на камень, або Канцэрт з удзелам нашай рады	339
Амерыканская трагедыя: як вырваць карань тэрарызму?	349
Глабальны выклік, або Мардаванне будучыні	353
Свет белы нам на радасць або на пакуты?	360
Чаго выракліся?	372
Белорусы — народ — не народ?	378
Міф пра тупік, або Павуцінне, якім зноў аблытваюць страшыню Саюза беларускіх пісьменнікаў Вольгу Іпатаву	392
Каментарыі да твораў	396

Літаратурна-мастацкае выданне

Якавенка Васіль Цімафеевіч

Крушэнне на ростані

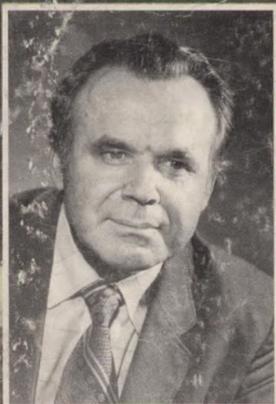
Эсэ, артыкулы, гутаркі

У аўтарскай рэдакцыі
Карэктары *А. Ткачова, Л. Якавенка*
Камп'ютэрны набор і вёрстка *Л. Ваўчок*
Адказы за выпуск *Г. Вінярскі*

Падпісана да друку 16.08.2002 г. Фармат 84x108 ¹/₃₂
Папера афсетная. Друк афсетны. Ум. друк. арк. 21,0. Ул.-выд. арк. 15,12.
Тыраж 1000 экз. Зак. 1462.

МГА «Беларускі кнігазбор».
220034, Мінск, вул. Фрунзе, 5.
Тэл./факс (017) 220-70-27.
Ліцэнзія ЛВ № 105 ад 31.12.97 г.

Надрукавана з дыяпазітываў заказчыка
ў друкарні УП «Ходр» БелТІЗ.
220004, г. Мінск, вул. Вызвалення, 9.
ЛП № 91 ад 15.08.2000 г.

Васіль Якавенка
адзін з самых яркіх публіцыстаў
Беларусі, грамадскі дзеяч,
заснавальнік і кіраўнік
грамадскага аб'яднання
«Беларускі сацыяльна-экалагічны
саюз «Чарнобыль»,
аўтар рамана «Надлом».

9 789856 638704 >

